

МАРТЫНОВ П.

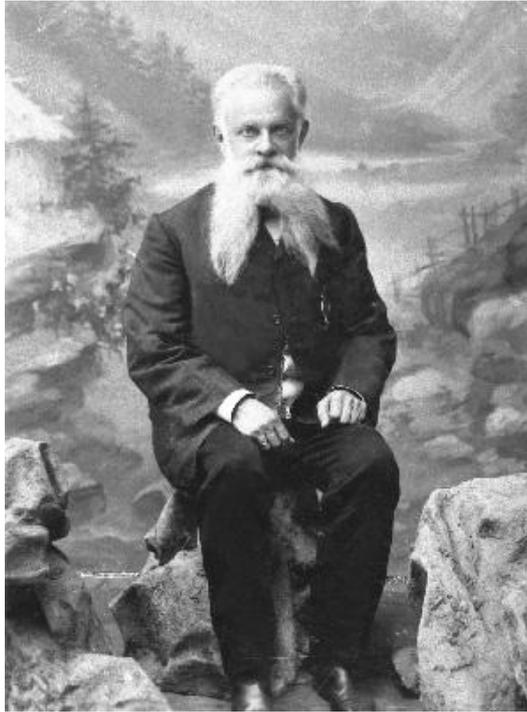
ГОРОД СИМБИРСК
ЗА 250 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ



Содержание

От автора	3
Вместо предисловия.....	4
Время построения города Симбирска	11
Название города.....	13
Поселения, бывшая на месте города Симбирска.....	16
Первоначальный вид города	18
Боярин Богдан Матвеевич Хитрово	22
Осада Симбирска Стенькой Разиным	25
Разбойничий есаул Федька Шелудяк под Симбирском.....	27
Симбирск в XVII и XVIII столетиях	28
Посещение города Симбирска Высочайшими Особами Императорского Дома ..	39
Внешний вид города Симбирска	50
Озеро Маришка и речка Симбирка	69
Памятник Российскому историографу Николаю Михайловичу Карамзину	72
Улицы	74
Казенные и общественные здания.....	79
Военные казармы	90
Губернская тюрьма.....	94
Симбирская железная дорога.....	103
Благотворительные общества и заведения	106
Торговые заведения.....	130
Городское хозяйство	156
Городской водопровод.....	173
Общественная жизнь в старину	177
Пожары в городе Симбирске	194
Духовное управление	199
Народное образование	236
Вспомогательные средства к народному образованию	267
А. Олеарий. 1636 г. Путешествие по Волге.....	287
Приложения	291

От автора



П. Л. Мартынов

Поводом к составлению настоящего издания послужил юбилей 250-летия основания города Симбирска и отсутствие истории нашего города. Приняв на себя труд представить прошлое и настоящее г. Симбирска, я не задавался никакими научными целями; желание мое заключалось единственно в том, чтобы собрать возможно более сведений о г. Симбирске и объединив их в одно целое, изложить эти сведения в известной системе. Большим препятствием к успешному приведению в исполнение задуманного, послужило уничтожение всех городских архивов пожаром 1864 года, истребившим почти весь г. Симбирск, вследствие чего сведения, заключающиеся в прежних изданиях, касавшихся исторического прошлого нашего города, пришлось искать и собирать у частных лиц; поиски эти не всегда были успешны, почему в результате получились сведения и отрывочные и недостаточные. При этом нельзя не заметить, что мне пришлось работать на месте, в г. Симбирске, так как по ограниченности времени и по служебными обязанностям, не представлялось возможности пользоваться столичными книгохранилищами или библиотеками университетских городов. Перечислять добытые мною источники я нахожу излишним, так как все они указаны в своем месте при ссылках на них.

В заключение считаю долгом выразить глубокую признательность Председателю Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии Владимиру Николаевичу Поливанову и Городскому Секретарю Павлу Владимировичу Левшину, за оказанное мне содействие при составлении настоящего труда и приношу искреннюю благодарность всем лицам, любезно исполнивши мои просьбы о сообщении необходимых сведений.

П. Мартынов, г. Симбирск.

Вместо предисловия

Местность, занимаемая ныне городом Симбирском и Симбирскою губерниею, с весьма древних времен была населена инородцами, но точных сведений об ея аборигенах сохранилось очень мало, так как они не оставили, после себя почти никаких памятников или сколько нибудь важных, в историческом отношении, народных преданий. Известий о них нельзя найти и в рассказах путешественников, потому что эта местность, в давно прошедшие времена покрытая густыми лесами и заселенная полудикими племенами, интересовала весьма немногих. По Геродоту (108 глава IV книги), в веке до Рождества Христова, все пространство между верхним Доном, Окою и Волгою занимали „многолюдный" народ „Будины", среди которых, по берегу Волги, в местности, приблизительно, между нынешними Саратовом и Симбирском, жили „Гелоны" — выходцы из греческих колоний, расположенных тогда на северном берегу Черного моря. Выше Симбирска, по Волге, жили „Фиссагеты" и „Ирки". Страбон, в своей „географии" все эти народы называет общим именем „Аорсы" и делит их на нижних - живших по северному берегу Каспия и верхних — занимавших те самые места, где, по Геродоту, жили Будины, Фиссагеты и Ирки. Позднее эти Аорсы стали известны под именем „Буртасы" и „Болгары". (Князь Голицин и Краснодубровский „Укек", стр. 18 — 31.)

Армянский историк Моисей Хоренский упоминает, что в среднем Поволжье, во втором столетии до Рождества Христова, жили Болгары. Из незначительных указаний древних арабских и византийских писателей, живших в X веке, можно вывести заключение, что в то время, в пределах нынешней Симбирской губернии, жили три народности: южная часть губернии, нынешний Сызранский уезд, составлял северную границу Хазарского царства — здесь жили: Буртасы, кочевой народ, входивший в состав Хазарского царства, населявший довольно обширные пространства по р. Волге (около 20 дней езды в длину) и занимавшийся преимущественно звероловством; меха чернобурых лисиц, высоко ценимые на востоке, и куньи меха шли из их земли. Вопрос о том, кто были древние Буртасы, решается нашими ориенталистами различно. Савельев („Мухам. Нумизм." стр. 65) полагает, что это была теперешняя Мокша, отдельная отрасль мордовского племени; Сбоев („Инородцы Казан. губ." стр. 183) и академик Дорн („Каспий" 1875 г., стр.9) признают нынешних чуваш потомками буртасов.

По известиям арабских писателей Ибн-Даста и Эль-Балхи, буртасы жили разсынно по берегам Волги, имели деревянные дома, но не было у них верховного главы, который управлял бы ими и власть которого признавалась бы законною; у них в каждом селении было по одному, или по два, старшины, к которым они обращались за судом в своих распрах. (Хвальсон. „Известия Ибн-Даста", стр. 20.) Из этого свидетельства видно, что Буртасы жили на нисшей ступени общественного развития, не достигли еще до государственного единства, даже не имели городов, в смысле центров общественного управления; - каждое селение представляло вполне самостоятельную общественную единицу. (Кн. Голицын и Краснодубровский „Укек", стр. 40.) Севернее Буртасов, по обеим сторонам Волги, начиналось Болгарское царство, населенное тоже различными народами, преимущественно тюркского племени. Наши летописцы упоминают о болгарях: черных, серебряных,

черемшанских, хвалынских и др. Населяя огромные плодородные пространства, покрытые толстым слоем чернозема, Болгары занимались, по преимуществу, земледелием, а также вели обширную торговлю с хазарами, азиатским востоком и поднимаясь вверх по Волге и Каме, с славянскими и финскими племенами. Болгары исповедывали магометанскую веру и управлялись ханами.

Название царства произошло, вероятно, от их столицы „Болгары“, развалины которой до сих пор еще сохранились в Спасском уезде, Казанской губернии. Сами себя народы болгарского царства никогда не называли болгарами, а стали называть их так древние арабские писатели, которые при этом, по всей вероятности, имели в виду жителей города Болгара, куда земляки их ездили по торговым делам. После разорения Батыем города Болгара, имя болгар исчезает на Волге навсегда, а на месте их являются, значительными массами, чуваша, о которых раньше этого древние писатели вовсе не упоминают. Наконец третья народность, населявшая в древности нынешнюю Симбирскую губернию, была — Мордва, жившая на запад от буртасов и болгар. Об этом народе упоминает наш летописец Нестор, указывая, что на пространстве между Окой и Волгой жили, кроме славянских народов, многие инородцы финского племени: мурома, черемиса, мещера и мордва; но где именно в этой местности жила мордва, Нестор не определяет. Из отрывочных сведений, сохранившихся об мордве, можно заключить, что этот народ находился в зависимости от болгар, платил им дань и действовал всегда с ними за одно против русских князей. О внутреннем быте их известно только, что это был дикий народ, занимавшийся преимущественно охотой на птиц, звериною ловлею и разведением пчел, так как жил среди глухих лесов.

Таким образом первоначальными обитателями Симбирского края были чуваша и мордва, составляющие и в настоящее время значительный процент населения нашей губернии.

В XIII столетии, после нашествия монголов, являются здесь татары, но так как они в то время вели кочевую жизнь, то их нашествие не имело большого влияния на население, по крайней мере, Симбирского края. Они ограничивались сбором дани, да требованием участия в грабежах и нападениях на русские области; до внутреннего быта и религии мордвы и чуваша, татары совершенно не касались, так что местное население осталось свободным от татарского элемента (северная часть нынешнего Буинского уезда была заселена татарами уже значительно позже — выходцами из Казани), почему на всем пространстве Симбирской губернии о бывшем владычестве татар напоминает только незначительное число татарских селений.

Первые признаки русской колонизации в Симбирском крае появляются ранее монгольского периода. Русские знали Болгар еще в первые времена существования русского государства; наши летописцы удостоверяют, что как мирные торговые сношения, так и враждебные столкновения между русскими и болгарами происходили в продолжении всего удельного периода. Ближайшие к мордве и болгарам князья — Муромские и Суздальские (Владимирские) очень часто грабили и жгли мордовские земли, хотя бывали случаи, что и мордва одолевала русских. В

конце концов перевес остался за русскими, почему границы их владений постепенно раздвигались. Особенно быстро развилось княжество

Суздальское, пределы которого в XII веке достигали реки Пьяны (протекающей ныне в пределах Курмышского уезда) и многие мордовские князья считали себя данниками Суздальского князя; в виду этого, русские нередко даже выселялись на мордовские земли.

Татарский погром только временно приостановил движение русских к среднему Поволжью. Когда Великий Князь Владимирский Юрий Всеволодович основал, в 1221 году, Нижний-Новгород, то этот город стал сборным пунктом союзных князей, при их походах на мордву, и твердым оплотом при дальнейшем распространении русских владений на восток по р. Волге, так что в XIV столетии, князь Суздальский Константин Васильевич перенес свой престол из Суздаля в Нижний-Новгород и чтобы упрочить свою власть во вновь завоеванной местности, повелел русским людям селиться по р. Оке, Волге и на мордовских жилищах, „где кто похочет" и благодаря разным льготам и милостям, сюда стремилось русское население не только из Суздальской области, но и из соседних княжеств. Таким образом русская колонизация подвинулась по р. Волге до впадения в нее р. Суры. Вследствие этого, в 1372 году князь Городецкий Борис Константинович уже строит в нижнем течении р. Суры, город Курмыш — первый русский укрепленный пункт в пределах нынешней Симбирской губернии. Между тем в это время влияние татарского ига было значительно поколеблено, так как в самой орде начались раздоры, чем удачно воспользовались Русские Князья, главным образом усилившиеся тогда Князья Московские, которые даже решились предпринять поход против Казани, в союзе с Нижегородским князем Борисом Константиновичем.

Этот поход окончился не только погромом Казани, но и последовавшим затем пленением Бориса Константиновича Московским Князем Василием и присоединением Нижегородского княжества к Московскому. Находясь в плену, князь Борис Константинович, в 1393 году пожаловал Спасо-Благовещенскому монастырю свои пахатные земли, рыбные ловли и бобровые гоны по р. Суре, от речки Курмышки до Волги. Благодаря влиянию монастыря, здесь стали появляться русские селения. Вместе с присоединением к Москве Нижегородского княжества, центром русской колонизации по Волге становится Москва. Так как Московские князья обладали более значительными средствами, то и колонизация правой, нагорной стороны Волги продолжалась безостановочно и почти исключительно на юг, так что р. Сура стала границей между Московским княжеством и Казанским царством. Весь теперешний Ардатовский уезд, засурские части Курмышского и Алатырского уездов и северо-западный угол Карсунского уезда, тогда уже входили в состав русского государства, а жившая там мордва, признавала себя данницею русского царя. В начале XV века уже является селение Лысково (ныне большое село Нижегородской губернии, недалеко от границы Симбирской губернии) с Московским наместником. Это последнее обстоятельство указывает, что окрестная местность на столько уже оправилась от татарских опустошений, и заселилась русскими людьми, что потребовалось учреждение особого наместничества.

В конце 17 столетия русские селения по правую сторону р. Суры еще не появляются. Большая часть нашей губернии между Сурой и Волгой (весь Буинский уезд, восточные части Алатырского и Курмышского уездов и северная часть Симбирского уезда) находилась тогда в пределах Казанского царства; здесь по р. Свияге и ее притокам, между чувашским населением, находилось много татарских деревень, основанных переселенцами из гор. Казани и его окрестностей. В то же время в южной части Симбирской губернии кочевали башкиры, киргизы, ногайцы и отчасти татары, грабившие друг друга, а также и мордву, жившую отдельными независимыми родами в лесной части нынешних Карсунского и Сенгилеевского уездов; сюда же иногда забирались и крымские татары. В XVI столетии не только весь правый берег р. Волги, но и заволжский край, постепенно переходит под власть русского Царя. После падения Казанского царства и затем, по завоевании Астрахани, Волга стала окончательно рекою русского государства; все Поволжье, от Твери до Астрахани, со всеми своими естественными богатствами для земледельческого и промыслового занятий, стало достоянием русских людей. Укрепив здесь свое могущество, русское правительство сильно подорвало господство и обезсилило своих соседей — нагайских татар — постройкою укрепленных городов по Волге и вглубь страны, облегчив сообщение между ними устройством черты.

С тех пор водворение русских в пределах Симбирской губернии становится заметнее. Еще во время похода царя Ивана Грозного на Казань (1552 году) построен был город Алатырь. От него правительство начало высылать наблюдательные разъезды на Суру и на Барыш и места обычных стоянок этих разъездов, мало по малу обратились в постоянные сторожки, под прикрытием которых проторилась дорога к Самаре, а оттуда на Яик и по сторонам этой дороги возникали русские селения. Равным образом, начавшееся в это же время царское пожалование „государевых порожних земель“ в собственность боярам и монастырям значительно способствовало заселению края. Так, например, село Собакино, Сенгилеевского уезда, основано было дядею третьей жены Царя Ивана Грозного, урожденной Собакиной, на пожалованных ему землях. Первоначально все эти сторожки выполняли свое назначение довольно удовлетворительно для тогдашнего времени, но с увеличением населения, они оказались недостаточными, почему правительство приступило к устройству целой системы городков и укрепленных линий, которые назывались „оборонительными чертами“.

Эта система укреплений состояла: 1) из укрепленных городков, составлявших главные пункты военного управления и склады военных припасов и 2) из укрепленной линии (состоявшей из вала и глубокого рва перед ним), служившей соединением городков между собою. Из городков посылали по временам в степь, за черту, „станцию“, т. е. несколько человек для разведывания о неприятеле; они останавливались обыкновенно в определенном месте, которое называлось „станом“. На самой линии устроены были наблюдательные пункты, называвшиеся „сторожки“ и состоявшие из высокой деревянной башни, окруженной частоколом; в них постоянно находились сторожа, наблюдавшие за всем, что происходило в степи. Эти сторожки были в недалеком расстоянии друг от друга и главным образом в местах, пересекавших дороги, по которым обыкновенно совершались набеги инородцев;

находясь в постоянных сношениях между собою, сторожа сообщали друг другу о своих наблюдениях, так что вести о приближающемся неприятеле очень скоро доходили до городского начальства. В XVII столетии в пределах нашей губернии устроено было несколько оборонительных линий, сохранившиеся остатки которых в настоящее время служат памятником постепенного заселения русскими приволжского края и подчинения его русскому владычеству. Первая оборонительная черта, прошедшая через нынешнюю Симбирскую губернию, шла от города Тетюш на город Алатырь, а затем на Арзамас и далее до Рыльска и Путивля (Курской губернии); в пределах нашей губернии она называлась „Карлинская черта“, потому что на протяжении 45 верст шла вдоль реки Карлы (ныне в Буинском уезде).

Позднее была построена линия от Волги на Промзино-Городище, остатки которой в настоящее время видны только между Волгой и Свиягой на расстоянии 9-ти верст; у Волги она начиналась близ деревни Городищи (Ундоровской волости, Симбирского уезда), а к Свияге подошла около деревни Ростоки (тоже Ундоровской волости). Как видно, оборонительные черты постепенно отодвигались на юг, по мере того, как укреплялась русская власть в пределах средняго поволжья. В половине XVII столетия существовавшая в нашем крае мера обеспечения признаны были недостаточными. Во внутренней России в то время уже было построено много новых городов. (Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы и др.) значительно южнее укрепленных линий, существовавших в приволжском крае, и вот Царь Алексей Михайлович, в 1648 году послал окольного своего, Богдана Матвевича Хитрово, строить новые города между Волгой и рекой Барышом, результатом чего было возникновение города Симбирска и постройка укрепленной Симбирской черты. «См.: Перетяткович „Поволжье в XV и XVI веках.») Одновременно с постройкою нашего города началось усиленное заселение русскими людьми прилегающих к городу местностей. Так, по Симбирской черте было основано много слобод, заселенных служилыми и ратными людьми, переведенными из других городов для постройки черты и станичной на ней службы; именно: Мостовая, Сельдинская и Карлинская слободы — близ гор. Симбирска, Тетюшская и Уржумская слободы — близ гор. Юшанска, Подлесная слобода — при гор. Тагае, Теньковская и Холмогорская слободы — близ г. Уренска.

Все эти слободы послужили основанием ныне существующих селений, сохранивших свое первоначальное название. Вместе с заселением Симбирской черты, многим боярским детям, записанным „на государеву службу по Синбирску“, роздана была в поместье почти сплошь вся северная часть нынешняго Симбирскаго уезда, причем некоторые из этих помещиков поселили здесь своих крестьян, чем положили начало селениям, существующим и по настоящее время. Например: боярский сын Матвей Полдомасов, на пожалованной земле основал село Полдомасово, причисленное ныне к Шумовской волости, Симбирскаго уезда; боярские дети Григорий и Федор Коровины основали деревню Коровино, ныне Ундоровской волости, Симбирскаго уезда.



<p>АЛЕКСИИ МИХАЙЛОВИЧЪ ЦАРЬ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕ руссийскій Владкъа марта 9 дня 1629 взошелъ на царскій престолъ въ 1616 закончалъ до 61 лѣтнемъ владѣнїемъ въ 1673 году февраля 8 дня.</p>	<p>ALEXE MICHAÏLOWITZ CZAAR und SELBSTHERSCHER von gantz Rußland, geboren d. 3. März 1629 folgt. Seinem Herrn Vater in der Regie- rung 1645; die Er auch Selbst nach 51 Jahren 1676 d. 5 February durch den Todt befehlet</p>
--	---

Царь Алексей Михайлович

Петр Семенов Арбузов — нынешнее село Арбузовку, Шумовской волости; Савин Комаров с сыновьями Никитою и Федотом — деревню Комаровку, ныне Ундоровской волости; Петр Григорьев Телешов — село Телешовку, Покровской волости, Симбирскаго уезда; Любим Петров и Ананий Федосев — село Старое Никулино, а Дмитрий Иванов Кологривов — деревню Кологривку, Ново-Никулинской волости и т. д. („Строельная книга гор. Симбирска“, стр. 36 — 57) Заселение русскими людьми южной части нынешней Симбирской губернии началось нсколько позднее и главным образом, в конце XVII столетия, когда в изобилии жаловались Симбирянам поместья „за долгое сидение в Синбирске; во время осады его Стенькой Разиным.



Степѣнъ Разинъ
(изъ коллекціи гравюръ П. Я. Дашкова).

Время построения города Симбирска

Город Симбирск существует 250 лет. Он основан по указанию Царя и Великого Князя Алексея Михайловича в 1648 году и существованием своим обязан тому стремлению русской колонизации, которое вообще проявлялось уже с давних пор в местностях, заселенных инородцами и которое быстро стало развиваться в Поволжье после падения Казанского царства. Из документов, современных основанию гор. Симбирска и относящихся к этому событию, сохранившихся в весьма незначительном, к сожалению, числе, представляется несомненным, что „строение" города Симбирска, и таким образом, официальное его существование, началось в 1648 году. Так, из актов Московского Государства, изданных Императорскою Академиею Наук (Акты Москов. Государ., изд. Император. Акад. Наук, под редакциею Н. А. Попова, т. II. №№ 308 и 330, (см. приложение № 1) видно, что 10 февраля 156 (1648) года „указал Государь и бояре приговорили" быть окольнічьему Богдану Матвеевичу Хитрову со дьяком Григорием Кунаковым „в понизовых городах для обереганья от приходу ногайских людей и для строенья новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги". Для государевой службы с окольнічьим Хитрову назначены были арзамасцы, нижегородцы и иных городов дворяне и дети боярские, а также князья, мурзы и татары. Приведением в исполнение Царского указа о построении новых городов от р. Барыша до р. Волги, очевидно торопились, потому что уже 18 того же февраля 1648 года, послана была Государева грамота Арзамасскому воеводе, о том, чтобы он выслал дворян и детей боярских, по списку, для государевой службы с окольнічьим Богданом Матвеевичем Хитрову, на Алатырь, так как в этом городе назначен был всем им сборный пункт (В. Латкин в соч. „Материалы для истории земских соборов XVII столетия" (стр. 55 — 57 и 63) перечисляя дворян и детей боярских, выбранных в городах и присланных к Москве „для государевых и земских дель", указывает кто из них был на государевой службе в Симбирске, с окольнічьим Богданом Матвеевичем Хитрову, именно:

из Свияжска: Иван Семенов сын Колоднич (1000 чети, 70 рублей), Улан Семенов сын Молоствов (600 чети, 25 рублей),

из Алатыря: Данило Михайлов сын Ахматов (550 чети, 21 рубль), Обида Григорьев сын Нестеров (500 чети, 17 рублей),

из Курмыша: Яков Иванов сын Арбузов (550 чети, 16 рублей), Осип Иванов сын Спешнев (400 чети, деньги с городом 14 рублей).

из Козьмодемьянска: Мирослав Васильев сын Топорнин (450 чети, 14 рублей),

из Яранска: Семен Яковлев сын Бибииков (150 чети, 5 рублей),

из Арзамаса: Федор Богданов сын Побединский, Матвей Иванов сын Щукин - денежных окладов им не писано.

Этот перечень дворян и детей боярских представляет тот несомненный интерес, что все они, будучи поверстаны поместьями за службу в Симбирск тем самым положили основание частному землевладению в пределах нынешней Симбирской губернии. Потомки некоторых из них (Ахматовы, Топорнины), владеют землею в пределах Симбирской губернии и до настоящего времени). Когда именно окольный Хитрово, со всеми прикомандированными к нему лицами („с товарищи“, как в подобных случаях выражались в то время) собрался в Алатыре и когда он пошел далее, на государеву службу, для постройки новых городов от р. Барыша до р. Волги — об этом точных сведений не сохранилось; но есть основание предполагать, что на практике встречалось не мало затруднений, замедливших приведение царского указа в исполнение. Так например: Арзамасский воевода Лев Травин, в отписке, полученной в Розряде 19 мая 1648 года, доносил, что „арзамасцы дворяне и дети боярские твоему государеву указу не слушают, чинятся сильны, вскоре на твою государеву службу не едут, пушкарей и затынщиков и стрельцов бьют, а иные отбывать твоей государевой службы избегают, дома не сказываются, а люди их и крестьяне пушкарями и затынщикам и стрельцам отказывают, будто пошли на твою государеву службу. (Акты Москов. Государ. № 335.).

Это обстоятельство приводит к заключению, что в мае месяце 1648 года, постройка города Симбирска еще не началась. Тем не менее из многих актов того времени (Перетяткович „Поволжье в XVII и начале XVIII века, стр. 74.) видно, что окольный Хитрово „с товарищи“ прибыл на место своего назначения в том же 1648 году и немедленно приступил к исполнению царского указа, положив прежде всего основание городу на крайнем пункте реки Волги — Симбирску, и от него повел черту, (т. е. вал со рвом и небольшими городками, на известном расстоянии) к им же отстроенному, за год перед тем (в 1647 году), на р. Барыш городу Карсуну. (А. К. Яхонтов в исторической заметке „Симбирск“ (Симбир. Епарх. Ведом. 1898 г. № 4, стр. 143) высказывает, что первой документально-ясной хронологической датой о теперешнем Симбирске следует считать 1647 (1647) год, потому что будто бы в этом году пожалованы были Симбирской соборной Троицкой церкви, на Чувичинском острове, санные покосы и рыбные ловли. Однако не видно, в чем именно г. Яхонтов находит подтверждение высказанного им положения: он говорит, что подлинная жалованная грамота сгорела во время осады гор. Симбирска Стенькой Разиным, что текст ее был воспроизведен в строельной книге гор. Симбирска, но эта часть строельной книги до нас не сохранилась, так что остается неизвестным, который год был указан в жалованной грамоте. Таким образом, положение, высказанное г. Яхонтовым, вовсе не подтверждается документами; если же на 1647 год и делается ссылка в указе Казанской консистории от 1767 года, то очевидно ошибочно, потому что такое указание вообще не может быть признаваемо документальной датой, и кроме того оно опровергается хранящимися в архиве Симбирска Кафедрального собора выписями (см. приложение № 2), данным собору в 1685, 1692 и 1695 годах на владение Чувичинским островом. В этих выписях значится, что „Симбирской соборной Троицкой церкви протопоп Захарий Дементьянов с братиею подали челобитную, а в челобитной их написано, что в прошлых 157 и 158 (1649 и 1650) годах пожалованы им и даны на собор Троицкой церкви, на Чувичинском острове одиннадцать озер неводных и приволочных“ и „санных покосов половина Чувичинскаго острова, со всеми угодыями“. Из этого

ясно, что Симбирский Троицкий собор получил царское „жалованье" не в 1647 году, как указывает г. Яхонтов, а годом или даже двумя позднее. Сам г. Яхонтов, повидимому, не вполне уверенно относится к высказанному им положению, потому что в историко-археологическом описании Смоленской церкви (Епарх. Вд. 1897 г. № 7, стр. 295) он называет 1648 год началом построения гор. Симбирска.)

Для постройки города Симбирска было собрано «посошных и подымовных» людей из разных городов: из русских — с пяти, а из ясашных (инородных) - с трех дворов по одному человеку. (Географический словарь Новикова, часть 7, стр. 967.) Долго ли строился Симбирск - неизвестно, но из сохранившейся до нашего времени «строельной» книги гор. Симбирска видно, что в 1652 году он был уже совершенно отстроенным городом.

Название города

Установив год основания города Симбирска, нас интересуют затем, прежде всего, следующие вопросы: почему окольный Хитрово для построения города на конечном пункте при р. Волге, избрал именно то место, где он и по ныне находится и почему этот город назван „Синбирском. На первый вопрос возможно ответить только предположениями. Приведенный выше Царский указ от 10 февраля 1648 года не указывает точно, где именно должны быть построены новые города; он, повидимому, предоставляет окольному Хитрово самому избрать конечные пункты новой засечной линии как на Волге, так и на Барыше. Следовательно Симбирск обязан исключительно окольному Хитрово своим существованием на таком прекрасном, живописном месте. По всей вероятности и основатель гор. Симбирска, избрал для его построения это место, главным образом, благодаря тому, что оно находится на высоком холме и в стратегическом отношении имеет много преимуществ, так как командует над местностью на далекое расстояние во все стороны; при построении же как вообще всей новой засечной линии, так, в частности, и города Симбирска, имелись в виду, прежде всего, военные цели — защита вновь заселяемого русскими края от набегов раззорения инородцев.

Относительно названия города Синбирска существует много различных предположений и разъяснений. Одни (*профессор Сбоев. Симбирский сборник 1868 г., стр. 30.*) производят его от чувашского языка, на котором слово „Синбирск означает будто-бы „белая гора". Другие находят тоже, что город назван чувашским именем, но название объясняют уже иначе, утверждая, что оно происходит от слов сии — «человек» и бурнас — „обитать, жить, почему название Синбирск означает „обиталище людей (*Мальхов „Симбирские чувашии", стр. 6.*). Третьи предполагают, что слово „Синбирск" скандинавского происхождения, от слов «Sinn» — путь, дорога и «Viarg» — гора, или «birg» — береза, так что по этому словопроизводству «Синбирск» означает или «придорожная береза» или «горный путь» (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 30.*) Есть филологи, производящие название Синбирска от мордовского языка, на котором слова,»сююн» и «бир» означают «зеленые горы»; эти филологи находят, что местность, на которой расположен Симбирск вполне оправдывает такое название (*Всеобщий русский календарь на 1898 г., стр. 21.*)

В последнее время г. Шорин (Михаил Матвеевич Шорин — археолог дилетант) не без основания, находит, что слово «Синбирск», имеет тюркское происхождение и объясняет это тем, что на общетюрском (турецком), языке слово „сын означает „гробницу „надгробный памятник, а бир значит „один (*Будахов „Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, изд. 1869 г. т. I, стр. 249 и 636.*) так что „Синбирск, в переводе с общетюрского языка на русский, означает „одиночная могила. Такое же точно значение имеет это слово и на уйгурском наречии, (особая отрасль тюркского языка) (*Там же.*) Как бы то ни было, но правильнее называть город „Синбирск, а не Симбирск. Во всех грамотах, актах и в печати до конца 18-го столетия, и в общем народном употреблении до половины 19-го столетия, сохранилось название „Синбирск. Впоследствии же, буква м получила права гражданства, как полагает Валуев „*Симбирский сборник изд. Валуева 1845 г., т. I, предисловие, стр. i*), или по тому же закону языка, по которому народ говорит „Миколай, вместо „Николай и „амбар, вместо „анбар, или что вероятнее, вследствие распространившегося в конце 18-го столетия, в высших классах, исключительного изучения французского языка, а по аналогии с французской грамматикой, наше новейшее правописание устанавливалось не народными произношением, а не редко полу-ученою грамотностью пишущаго сословия и потому последнее предположение, кажется, ближе к истине.

Какое бы значение и происхождение не имело слово „Синбирск, во всяком случае, во время построения нашего города, это слово было не новое. На левом берегу реки Волги, верст 18 ниже нынешняго города Симбирска, между селами Крестовым-Городищем и Кайбелы, Ставрополюскаго уезда, Самарской губернии, еще до сих пор заметны остатки стариннаго „Синбирскаго городища, построеннаго на несколько столетий ранее основания гор. Симбирска одним знаменитым в свое время Болгарским князем Синбиром, от котораго и получил свое название.

В древние времена этот город имел важное значение и считался главным городом Синбирской области обширнаго царства волжских Болгар, но был разрушен Тамерланом, когда он преследовал Тохтамыша (*Так объясняет происхождение Синбирскаго городища К. И. Новоструев (см. Симбирский сборник 1870 года, стр. 3).* Но если принять во внимание, что слово „Синбирск на тюркском наречии означает одиночную могилу, то с большою основательностью можно допустить иное происхождение этого городища. Весьма возможно, что на месте его (близ села Кайбелы) с древних пор находилась одиночная могила какого-либо знаменитаго в свое время болгарскаго князя. По обычаю древних Болгар, исповедывавших магометанскую веру, при могилах знаменитых людей строилась мечеть и возле нея небольшое поселение для жилья муллы и его причта, произносивших ежедневно молитвы за душу оберегаемаго ими знатнаго покойника; постройка мечети и содержание ея причта, производились обыкновенно на средства наследников покойнаго. Когда в конце XVI столетия, при царе Федоре Иоанновиче, была проведена заволжская оборонительная линия от р. Ика на Заинск и Тиинск, то не повели ли эту линию южнее, по берегу Волги, на Самару? Следы вала заметны в этой местности и в настоящее время. Очень может быть, что эта линия шла мимо указанной выше одиночной могилы, представлявшей тогда уже развалины прежней мечети и на ея месте был построен, на линии, городок, получивший от этого название «Симбирское городище»).

Ученый голштинiec Олеарий, путешествовавший по России и плывший р. Волгою в Персию, 1636 году, описывая свой путь, между прочим, говорит, что на правом берегу Волги он видел „Синбирскую гору, получившую название от прежде бывшего города, разоренного Тамерланом; между тем на карте Поволжья, приложенной к описанию Олеария, Синбирская гора показана не на правой, а на левой стороне Волги. Такое противоречие дало повод к сомнениям относительно места нахождения старинного Симбирскаго городища и к предположению — не было ли оно на месте нынешняго города Симбирска (*Перетяткович „Поволжье в XVII и начале XVIII века, стр. 74.*) Однако К. И. Невоструев, на основании писцовых книг и других документов, доказал (*Симбирский сборник 1870 года, стр. 1.*), что Синбирское городище было на левом берегу р. Волги, именно, как выше сказано, между селами Крестовым Городищем и Кайбелы. Вопрос о том, кем и по каким основаниям нашему городу дано название стариннаго городища, едва-ли может быть разрешен, за неимением точных данных, отсутствие которых дает полный простор предположениям, более или менее основательным.



Карта Поволжья

В Царском указе от 10 февраля 1648 года сказано вообще, чтоб окольный Хитрово ехал строить новые города между р.р. Барышом и Волгой и нет указания ему строить именно город Симбирск. Это обстоятельство дает основание предположить, что название нашему городу придумано самим Хитрово уже тогда, когда он прибыл на берег Волги и избрал место для постройки новаго города. Однако против такого предположения говорит то обстоятельство, что еще раньше, чем Хитрово успел прибыть к Волге, когда он еще не собрал в Алатыре всех своих „товарищей, уже известно было, что ему поручено строить новую „Синбирскую засеку — об этом упоминает Арзамасский воевода в отписке, полученной в Розряде 19 мая 1648 года (*См. приложение № 1.*)

Поселения, бывшие на месте города Симбирска

На основании приведенных выше соображений, представляется несомненным, что наш город хотя и получил название от старинного Синбирскаго городища, но построен не на его месте. По удостоверению того же Невоструева (*Симбирский сборник 1870 года, стр. 7.*), то место, где ныне существует Симбирск, до царствования Алексея Михайловича, было покрыто лесом и представляло мордовский „бортный ухожей“, „бобровые гоны“ (*«Бортныя ухожея» или промысел «бортничество» получил свое название от «бортей», т. е. деревьев, выдолбленных искусственно, или вследствие старости приобревших пустоту в стволе, где и водились дикия пчелы. Бортныя ухожья упоминаются на Руси еще во времена языческой древности, но в XIV веке бортничество постепенно исчезает и над ним начинает брать верх искусственное разведение пчелы — устройство „пасеки или пчельника». «Бобровыми гонами» назывались те урочища в реках, где водились бобры и где производилась ловля их. В XVII веке бобровыми гонами изобиловали очень многие реки России и ловля бобров составляла довольно выгодный промысел, занятие которым было обложено известным оброком в пользу правителества. (Описание документов и бумаг Московскаго Архива Министерства Юстиции; кн. IV, стр. 382) и рыбныя ловли, вотчину мордовской деревни Татаровы, Кирдяева тож (тогдашняго Карсунскаго уезда), а когда построен был город Симбирск и около него возникли слободы, та вотчина опустела, ея земли и рыбныя ловли розданы были городскими людьми. Мордва и другие рыбаки, имея на Волге, противу нынешняго Симбирска, весьма удачный рыбный лов, ставили на берегу шалаши, рыбные дворы и хижины и такими образом, по обоими берегами р. Волги, образовались рыбацьи слободы.*

Существование этих слобод было, по всей вероятности, одною из причин, побудивших окольного Хитрово избрать именно это место для построения, на горе, нового города. Доказательством того, что слободы были уже под горой, когда началась постройка г. Симбирска, служит еще то обстоятельство, что в то время уже существовал, на берегу р. Волги, Успенский монастырь, построенный, как надо полагать, ранее г. Симбирска, потому что иначе удобнее было бы устроить монастырь на горе, (как это и было сделано с женским Спасским монастырем), так как в то время спуски к Волге были крайне затруднительны по своему неустройству (*Липинский, т. II, стр. 704.*) В пользу того, что гора, на которой построена гор. Симбирск не представляла из себя глухой необитаемой местности, покрытой лесом, существуют различные указания и предположения, более или менее основательныя:

1) Наибольший интерес, в этом отношении, представляют антропологическия изследования, произведенныя в 1878 году, по поручению Казанскаго общества естествоиспытателей, студентом Чугуновым, при раскопке древних кладбищ в гор. Симбирске (*Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университета, т. VIII вып. 5, стр. 1 — 63.*) Произведя раскопку десяти старинных кладбищ и антропологическое изследование добытаго материала, Чугунов пришел к заключению, что самое древнее кладбище находилось на нынешней площади стараго Венца (часть Верхней Набережной и Большой Саратовской улице). Кладбище это, как оказалось, было довольно большим; наибольшия длина его шла вдоль венца, а ширина была 60 саж. При раскопках далее от Венца, в сторону Большой Саратовской улицы, найдены были, на глубине

аршина, слои перегнившего навоза, деревянные столбы, глина и кирпич; из вещей здесь найдены — железный кружок, железные гвозди и пряжка от сбруи. Такая картина раскопок указывает, что к кладбищу непосредственно примыкала деревня, обитатели которой, как показали антропологические исследования, принадлежали к мордовскому племени (по всей вероятности омагометанившиеся мордва — буртасы), а найденное сильное разрушение костяков, при благоприятных условиях для сохранения скелета, несомненно доказывает значительную древность кладбища на Венце. Приведенные исследования удостоверяют, что на месте нынешнего Симбирска, существовало, когда-то очень давно, мордовское селение. Подтверждением этого служат известия татарских летописцев о существовании Синбирска еще во время обладания здешним краем болгарами, почему некоторые ориенталисты прежде допускали возможность, что на месте Симбирска находился в X или XI веке город Сивар (*Симбирский сборник 1868 года, стр. 4.*) и только в последнее время найдены доказательства, что гор. Сивар был в пределах нынешней Казанской губернии.

2) В «строельной книге гор. Симбирска» (стр. 2) есть указание на то, что на северной окраине нынешнего Симбирска, за новыми казармами, в местности, называемой „колки“, близ берега р. Волги, еще во время построения города, существовало „старинное татарское городище“, от которого шел вал к речке Симбирке. Следы этого городища заметны и в настоящее время, но полное отсутствие исследований данной местности, не дает возможности прийти к какому-либо заключению как о времени построения городища, так и о бывших его обитателях.

3) В шестидесятых годах 18-го столетия был командирован Сенатом подполковник Свечин „для ревизования в некоторых губерниях дубовых рош и для свидетельства диких лесов“. Представляя в Сенат отчет о произведенной ревизии, Свечин в рапорте излагает (*Зерцалов „Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Каштира“, изд. Симб. Губерн. Уч. Арх. Комиссии, стр. 4 и 5.* „краткое гисторическое описание“ городов, которые он посетил и между прочим, о Симбирске говорит, что среди города протекает речка „Симбирская вершина“, (должно быть р. Симбирка) и „на сей речке прежде того-ж звания была черемисская деревня“. Откуда взял подполковник Свечин приведенные сведения о черемисской деревне — он не указывает, да едва-ли они могут быть признаны достоверными, если принять во внимание, что дальнейшее „гисторическое“ описание Симбирска доказывает очень плохое знакомство подполковника Свечина вообще с отечественною историею, потому что он пишет, например, что гор. Симбирск основан по повелению царя Иоанна Васильевича, что Стенька Разин много раз приступал к гор. Симбирску при царе Феодоре Иоанновиче, в 1610 году, а поэтому здесь в 1649 году боярином Хитрово сделано, «четвероугольное сосновое городовое укрепление» и т. д. (*Там-же, стр. 5.*) и наконец

4) И. Н. Юркин рассказывает, что среди чувашского населения села Каргина, Карсунского уезда, существует предание гласящее, что предкам их, Карабаю Кастрову с товарищами за верную службу, пожаловано было, в поместье, то место, где ныне расположен гор. Симбирск. По прибытии Карабая на пожалованную землю ему, три ночи сряду снились страшные сны. Предание не передает в чем заключались эти сны, но только после этого Карабай Кастров с товарищи пришли к единогласному заключению, что здесь им, со стороны русских людей, мирного

житья не иметь и что на этом месте, в недалеком будущем, должен быть выстроен город, а они будут выдвинуты на другое место. Под влиянием такого решения, Карабай с товарищи сами оставили пожалованную им землю и взамен ее приискали другое место, среди лесов и гор, на речке Белом Ключе, куда и переселились.

Первоначальный вид города

Город Симбирск строился по общему типу других городов того времени и состоял из двух частей: внутренней и наружной. Первая и главная часть его имела форму правильного четырехугольника и была обнесена бревенчатой стеною, по углам и сторонам которой возвышались башни, а кругом стены был глубокий ров. Эта часть города называлась „кремль, или „рубленный город, или „крепость *(Рисунок гор. Симбирска, изображенный на обложке настоящего издания, снят со старинной лубочной картины, изображающей Москву и около нея, в квадрате другие города, в том числе и Симбирск. Картина относится, по всей вероятности, к первым годам построения г. Петербурга, потому что на ней Петербург уже значится, но на месте его показаны одни только елки (Симбирский сборник Валуева, предисловие, стр. ?).*

Кремль находился на венце Симбирской горы; он начинался от того места, где ныне стоит городская водопроводная башня и шел по окраине венца, до нынешнего архиерейского дома, на протяжении 200 сажен; затем поворачивал, приблизительно, по нынешней Сенной улице, к церкви Св. Ильи Пророка; на месте ее, в городской стене были, по преданию, главные въездные ворота, на которых стоял образ Нерукотворенного Спаса, хранившийся долгое время в притворе Николаевского собора, а ныне украшенный богатою ризою, внесен в самый собор. По направлению Сенной улицы северная стена рубленного города тянулась на протяжении тоже двухсот сажен *(Масленицкий „Топографическое описание Симбирскаго наместничества.)*, так что прекращалась немного не доходя нынешней Большой Саратовской улицы; западная стена его шла, параллельно восточной, сзади Спасского девичьяго монастыря, приблизительно там, где теперь Полицейский переулок и до кадетскаго корпуса, а затем, где ныне Троицкий переулок, там шла южная кремлевская стена.

В рубленном городе находились все тогдашние присутственные места: воеводский двор, приказная изба, черная земляная изба, (заведывавшая работами по постройке города и земляного вала от Симбирска до гор. Карсуна), конская изба, таможня, кружечный двор (построенный в 1652 году) и др. По самой середине города стоял Троицкий собор; севернее его, где теперь губернаторский дом, были: таможня, гостинные ряды и хлебные амбары, и среди их монастырский двор, с часовнею от Успенскаго монастыря, бывшаго под горой, в Успенской слободе; к западной стене города примыкал Спасский женский монастырь, а на месте нынешняго большаго Троицкаго собора, был пороховой погреб.

В рубленном городе жили: воевода, дворяне, боярские дети и разнаго звания воинские служилые люди. Это был центр военной, административной и судебной частей целаго уезда. Вокруг кремля, непосредственно около него, был посад, *(Происхождение названия «посад», объясняют следующим образом: при сооружении укреплений на месте, где предполагено было основание нового города,*

*жители окрестных селений, или «переведенцы» из других мест, (как это было при основании города Симбирска) поселялись, „садились, вокруг нового заложенного города, вне укреплений, отчего околоток, на котором они водворялись, получал название „посада. В этих посадах жил, обыкновенно, промышленный и чернорабочий класс народа - „посадские люди (см. Плошинский „Городовое состояние русского народа“, стр. 7), тот класс городских жителей, из которых впоследствии образовались мещане.)*тоже обнесенный валом со стеною и рвом; в восточной части посада, в полугоре к р. Волге, находилась укрепленная его часть, так называемый „острог, т. е. местность, огороженная частоколом; а западная сторона посада шла полукругом около рубленного города.

В некотором разстоянии от кремля и от посада были построены „слободы,, (*Название „слобода произошло от того, что жители этих населенных мест проживали на свободе, т. е. на просторе, вне укрепленного города (Плошинский стр. 8)*) заселенные теми „переведенцами, из разных низовых городов, которые пришли сюда для постройки города и Симбирской черты и которые вместе, с тем, были первыми русскими колонизаторами нынешнего Симбирского уезда. Впоследствии, когда население Симбирска стало увеличиваться пришлыми торговыми и промышленными людьми, то они, не помещаясь в городе, селились в окрестности его, образуя новые слободы. Первою и ближайшею к городу Симбирску слободою была „Успенская под горой, на берегу р. Волги, вокруг Успенского монастыря, образовавшаяся, по всей вероятности, еще до построения на горе укрепленного города Симбирска. На берегу р. Свияги тоже было образовано несколько слобод, из которых ближайшая Свияжская, заселенная „переведенцами из гор. Свияжска, конными казаками, впоследствии слилась с городом и ныне на ее месте Богоявленский спуск и улицы: Большая и Малая Конная. Позднее, в начале 18 столетия, когда был основан Покровский монастырь, вокруг него образовались новые слободы. Солдатская и Сиротская, ныне составляющая городские улицы того-же названия (Липинский, т. I, стр. 35. Симбирский сборник: 1868 г. стр. 266; 1870 г. стр. 52. Календарь на 1878 г. стр. 36. Зерцалов «Приходо-расходная книга гор. Симбирска» стр. III. Симб. Губ. Вед. 1865 г. № 28; 1866 г. № 55.).

Первоначальное военное и административное значение гор. Симбирска

До половины 18-го столетия устройство новых городов имело тесную связь с военно-административными мерами правительства. Города представляли из себя укрепленные пункты, как для обороны от нападений татар, так и для обеспечения новых русских поселений, заводившихся на пограничных чертах и за чертою, частью по распоряжению правительства (как напр.: все слободы по Симбирской черте), частью добровольным переселением (наприм.: арбугинские слободы. Кременки, Панская, Криуши и Шиловка, Симбир. уезда). Города, равным образом, поддерживали порядок в окрестном крае и служили пунктами для сбора ясаков и податей. Посему все эти города имели первоначально вид крепостей. Такие крепости обезпечивались обыкновенно земляными валами и полисадом, а в более значительных городах строились деревянные стены и иногда даже каменные башни. Сообразно принятой в то время системе охранения границы государства и при незначительности военных осадных средств неприятеля, такие постройки достигали цели обезпечения и стоили недорого; но состоя из земляных насыпей и дерева, оне,

натурально, были подвержены скорому разрушению и потому-то, во всех почти городах, так скоро изгладились следы прежнего их военного устройства (*У Миллера (Ежемесячные сочинения, изд. 1780 г. и след.) при описании путешествий китайских посланников в 1714 году, по Волге, к Аюк — хану, упоминается, между прочим, что в Симбирске есть деревянная развалившаяся крепость и в ней 8 ворот, а живут в Симбирске 1000 семейств, имеются торговые ряды и 4 церкви. (Симб.Губ. Вед. 1868 г. № 22).*

Военное значение гор. Симбирска, как центра в системе общей государственной обороны, не было значительно, потому что главные неприятели Руси, в то время, были крымские татары, производившие свои вторжения в русские пределы со стороны степных городов: Курска, Путивля и др., в Симбирский - же край крымские татары почти не заходили; его беспокоили, исключительно из за Волги, калмыки, башкирцы и нагайские татары, но набеги последних были не значительны и в начале 18-го столетия вовсе прекратились. Из Симбирска и из городов по Симбирской черте несколько раз выступали ратные люди в степь, в поход на Яик, для наказания башкир за их набеги. Так в 1665 году, под командою Симбиренина Максима Арсеньева, ходили в поход 200 казаков и 200 стрельцов, вооруженные мушкетами и пиками, при двух пушка; (*Зерцалов „Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы стр. 15.)* а во время похода в 1667 году, тоже на Яик, под начальством стрелецкого и казачьяго головы Карпа Аникеева, Симбирские ратные люди имели при себе „знамя меткалинное, с красными кумачем, хвосты красные, на нем нашит крест. (*Там-же, стр. 237.)* После этого уже делаются распоряжения об образовании в гор. Симбирске отдельнаго, самостоятельнаго полка.

В 1699 и 1700 г.г. ближний стольник и Преображенскаго солдатскаго полка подполковник князь Никита Репнин, по указу царя Петра, производил, в гор. Симбирски его уезде, рекрутский набор вольных людей „сколько их найдется, из детей боярских, недорослей, казачьих стрелецких детей и иных всяких чинов и „из наемных работных людей, которые ходят на судах, опричь отставных Московских стрельцов, с тем, что кто из них пойдет в службу, тому будет дано жалованье, Как в Московских солдатских полках, - а именно: по 11 рублей в год на человека, и хлеба, как в Московских полках, „да каждому солдату на день вина по две чарки, пива по кружке, а которые посланы будут на ученье — в этот день им выдавать по кружке меду на человека. Из набранной вольницы велено было князю Репнину отделить 500 человек и образовать из них в г. Симбирске выборный полк, по образцу Московских выборных полков и обучить их солдатскому строю, а остальных рекрут, сколько их найдется, отправить в другие соседние города (*Из неизданных старинных документов.* ;Симбирск, как военный центр, совершенно утратил значение с 1708 года, когда, с учреждением губерний, упразднено было управление Симбирскою чертою, уже не имевшей в то время значения пограничной оборонительной линии, так как граница русских владений тогда отодвинулась значительно на юг. Одновременно с этим, бывшие на Симбирской черте города (Юшанск, Тагаев и Уренск) низведены на степень пригородов.

Как заключительный акт, указывающий на военное значение г. Симбирска, было, приведенное выше, начатое князем Репниным и оконченное лишь к 1 января 1708 года, сформирование Симбирскаго коннаго полка, поселеннаго близ города особою слободою, по левую сторону р. Свяги и тем положившаго начало нынешней

Конно-Подгородной слободе, находящейся против города Симбирска на противоположном берегу р. Свияги. Полк состоял из двух баталионов, по 360 человек рядовых в каждом (*Полн. собр. зак. т. 17, ст. 2319.*) и первым полковником этого полка был тогдашний Симбирский воевода, стольник Федор Есипов. О дальнейшей судьбе этого полка сведений не имеется. В 1797 году в Симбирск находился уже другой полк — гарнизонный, состоявший из одного баталиона; полковым командиром был тогда Гессен. 9 января 1797 года, Император Павел и издал указ о наименовании гарнизонных полков по фамилиям их командиров, так что квартировавший в Симбирск гарнизонный полк получил название „Симбирский — Гессена (*Полн. собр. зак. т. XXIV, ст. 17720.*)

Административное значение города Симбирска, с первого же времени его существования, было для того времени весьма значительное, потому что в нем сосредоточивалось управление не только городом, но и уездом, а тогда Симбирский уезд, по пространству своему, был гораздо обширнее настоящего; в него входили города, имевшие своих воевод, власть которых, впрочем, ограничивалась только городом и которые находились в зависимости от Симбирских воевод, подчиненных в свою очередь Приказу Казанского дворца (*Приказ Казанского Дворца ведал вотчинные и поместные дела городов от Нижнего-Новгорода до Астрахани и находился первоначально в Москве, но в 1701 году он сгорел; тогда погибла большая часть, (если не все) писцовых, даточных и отказных книг нынешней Симбирской губернии. После пожара, Приказ Казанского Дворца был переведен в Казань. (Описание Моск. Арх. Мин. Юстиции, кн. 5, стр. 208).* документов того времени видно, что Симбирской администрации подчинена была тогда вся южная и восточная половина нынешней Симбирской губернии, именно уезды: Симбирский, часть Буинского, Сенгилеевский, Карсунский, а также Ставропольский (Самарской губ.).

В гор. Симбирске, как и в других городах, главным начальником был воевода, в руках которого сосредоточивалась власть как военная, так и административная. Вторым лицом в городе был „губной староста (должность выборная), ведавший уголовные дела, а затем шли подьячие — сборщики казенных денег, разных сборов, пошлин и т. п. (*Липинский, т. I стр. 26; т. II, стр. 640 Симбирский сборник 1868 г., стр. 266*). Первым воеводой города Симбирска был стольник Иван Богданович Камынин, поставленный в эту должность в 1649 году и продолжавший начатую окольным Хитрово постройку города. Совершенно ошибочно некоторые считают первым Симбирским воеводою боярина Б. М. Хитрово; ему было поручено Царем Алексеем Михайловичем только найти удобное место для пограничной черты между Волгою и Барышем и на этой черте заложить новые города; исполнивши такое поручение, окольный Хитрово нисколько не оставался в Симбирске, а положив основание ему и дав руководящие указания относительно дальнейшей его постройки, отбыл в Москву, на другую государеву службу, а в Симбирск был назначен воеводою стольник Камынин. В число последующих Симбирских воевод встречаются лица весьма значительные и иногда даже бояре, что указывает на важность города Симбирска, как административного центра. (*Полный список Симбирских воевод, комендантов и наместников см. приложение №3.*)

Боярин Богдан Матвеевич Хитрово

Личность боярина Богдана Матвеевича Хитрово, основателя нашего города, несомненно должна представлять огромный интерес для каждого Симбирянина, а потому, описывая историю созданного им города, нельзя не коснуться, хотя бы в кратких чертах, биографических о нем сведений. Благодаря любезному содействию одного из потомков боярина Б. М. Хитрово (Тайного Советника Василия Николаевича Хитрово, секретаря Императорского православного палестинского общества) мы имеем возможность сообщить эти сведения. Богдан Матвеевич Хитрово (Его фамилия первоначально значится „Хитрой (см. Архив Калачева, II ч., 2 отд., 139 стр.), так как родоначальник этой фамилии, выходец из большой орды, Едуган, имел прозвание „Сильно Хитр. После уже, это прозвание переделали в фамилию „Хитров“, а впоследствии— в „Хитрово“.) принадлежит к выдающимся политическим деятелям дореформенной Руси, преимущественно времени Царя Алексея Михайловича. Он родился около 1615 года. Отец его, Матвей Елизаров, не играл никакой политической роли, был скромным Алексинским дворянином и умер, приблизительно, в 1654 году; мать его, Пелагея Алексеевна, под конец своей жизни, постриглась в монахини, приняв имя Параскевы и умерла в Ивановском монастыре, в 1657 году.

Первые сведения о служебной деятельности Б. М. Хитрово относятся к 1633 году, когда он, в должности стряпчего, пожалован был окладом в 500 четей и денег 18 рублей (Латкин „Материалы для истории земских соборов XVII столетия стр. 169.), а в 1636 году он упоминается в боярских книгах (кн. IV стр. 130) уже Царским комнатным стольником „у крюка. Столь быстрому возвышению и приближению ко двору, он обязан боярину Борису Ивановичу Морозову (бывшему тогда дядькою Царевича Алексея Михайловича), у котораго мать Б. М. Хитрово, была нянькою, и князю Алексею Никитичу Трубецкому, которые обратили внимание Царя Михаила Федоровича на него, как на молодого человека, отличавшагося большими умом. Находясь, более 10 лет, постоянно при дворе, Богдан Матвеевич сопровождал Царя Михаила Федоровича во всех его походах на богомолье и только при Алексее Михайловиче, 20 февраля 1646 года, был назначен полковым воеводою в Темников, где обвел земляным валом Керенск, а потому, в 1647 году, обстроил гор. Карсун, за что был пожалован в окольничьи (Бантыш-Каменский „Словарь достопамятных людей русской земли, часть V, стр. 235 — 239.)

По Царскому указу от 10 февраля 1648 года, Богдан Матвеевич послан был, как мы уже видели выше, в понизовые города, для строения новых городов от р. Барыша до р. Волги; в это время он положил основание городу Синбирску. За все эти службы Царь щедро наградил Б. М. Хитрово: поместный оклад его увеличен был на 300 четвертей и деньгами придано ему 80 руб. (Латкин, стр. 169.), а в Царево-Санчурске пожаловано, в вотчину, село Городище (Городня) в 500 дворов; кроме того, Царь пожаловал ему дорогую пищаль: ложе украшено драгоценными камнями, а надпись вся массивнаго, кованнаго, золота (Эта пищаль каким то образом попала к бывшему Симбирскому Губернскому Предводителю Дворянства П. И. Юрлову, который поднес ее в дар ныне в Бозе почивающему Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, в бытность Его Высочества в гор. Симбирске, в 1863 году. (Симб. Губ. Вед. 1866 г. № 100 и 1893 г. № 13). По возвращении из Синбирска в Москву, Богдан Матвеевич в том же 1648 году

присутствовал при сказывании боярства князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, а в следующем 1649 году, он уже ведал сначала Земский приказ и Новую Четверть, а потом Челобитный приказ (Попов „Акты Московского Государства, т. II № 400, стр. 251.) Когда в 1653 году было послано великое посольство к польскому королю Иоанну Казимиру, вторым послом был назначен Б. М. Хитрово, получивший при этом случае звание наместника Ржевского.

С 1654 года начинается боевая деятельность Богдана Матвеевича: 18 мая того года, он сопутствовал Царю Алексею Михайловичу в походе против Польши. Во время неудачного приступа, 15 и 16 августа 1654 года, к Смоленску, Богдан Матвеевич командовал отдельным отрядом, имея под своим начальством, между прочим, стрелецкого голову, впоследствии знаменитаго Артамона Матвеева. В 1655 году Б. М. Хитрово продолжал польский поход уже в качестве товарища воеводы большого полка, князя Якова Куденетовича Черкасского, был при взятии Минска, Вильны, Ковно и Гродно и по окончании польского похода, получил Царьскую награду, по положению: „кафтан атласный золотой на соболях, кубок золочен с кровлею и денежные придачи 80 рублей. В следующем 1656 году была объявлена война Швеции и Богдан Матвеевич, в той же должности товарища воеводы большого полка, участвовал при осаде Динабурга и Риги. После этого он упоминается уже „ближним окольным (Полн. собр, зак, т. и ст. 236.), а в 1657 году пожалован „оружейничим и велено ему ведать Оружейную Палату. В 1658 году он получил повеление ехать в малороссию, для исследования доноса полковника Пушкаря на гетмана Виговского и обманутой последним, утвердил его в достоинстве предводителя малороссиян, запретив Пушкарю, именем Государя, производить смуту в Украине и этим неумышленно погубил храброго и честного воина, намеревавшегося освободить отечество от предателя. Измена Виговского последовала в скором времени, но Б. М. Хитрово не только сохранил свои звания, но даже удостоился получить от Царя, в воспоминание бытности в Украине, серебрянную булаву, которая принадлежала павшему с честью на бранном поле верному малороссийскому полковнику. Пушкарю (Бантыш-Каменский „Словарь достопамятных людей" часть V, стр. 235 — 239)

Продолжая с успехом придворную службу, Б. М. Хитрово в 1664 году получил в свое „ведение приказ Большого Дворца, Золотую и Серебрянную палаты и наконец 1-го сентября 1667 года, в день новаго года, Царь пожаловал его честью — боярством. С тех пор и до самой смерти Царя Алексея Михайловича, Б. М. Хитрово был одним из самых ближних Царедворцев, не смотря на возростающее уже тогда значение Артамона Матвеева. Так, во время приемов иностранных послов, он занимал всегда первое место по левую сторону Царя; сопровождая Царя на богомолье, ездил с ним в одной „колымаге, лично докладывал Царю о делах и присутствовал в Царской Думе. Царь Феодор Алексеевич продолжал оказывать милости Богдану Матвеевичу и при своем венчании на Царство пожаловал его честью — „дворечеством с путем (До нас сохранилась грамота, жалованная Б. М. Хитрово на „дворечество с путем. См. приложение №4.) дав ему вотчины в Ярославском уезде и увеличив денежный оклад до 500 рублей.

Во время церемонии венчания на Царство Царя Федора Алексеевича, 18-го июня 1676 года, Б. М. Хитрово стоял „на чертожном месте, за Царем; такой высокой чести удостоились тогда, вместе с Богданом Матвеевичем, только двое ближних бояр: князь Никита Иванович Одоевский и князь Юрий Алексеевич Долгоруков (Полн.

собр. зак. т. II ст. 648.). В 1677 году, по уничтожению Монастырского приказа, дела его были переданы в приказ Большого Дворца, которым Б. М. Хитрово ведал до самой своей смерти, последовавшей 27 марта 1680 года. Он погребен под Смоленскою соборною церковью Московскаго Новодевичяго монастыря; в том соборе, с правой стороны, еще в конце прошлаго столетия, существовала надгробная надпись над могилой Б. М. Хитрово, но затем эта надпись куда-то исчезла, так что в настоящее время место его могилы неизвестно; Б. М. Хитрово не оставил после себя мужского потомства, хотя и был женат два раза. От первой жены (имя ее неизвестно), он имел дочь Василису, которая вышла замуж за князя Ивана Борисовича Троекурова; второй раз Богдан Матвеевич женился на вдове князя Буйносова — Ростовскаго, Марши (Марине) Ивановне, урожденной княжне Львовой и от нея имел дочь Ирину, умершую в малолетстве. Храбрый на ратном поле, искусный в хозяйственном управлении, ловкий Царедворец, но ошибавшийся в выборе любимцев, Б. М. Хитрово отличался благочестием, что свидетельствуют богатые пожертвования его в разныя церкви и возобновление им Лютикова-Троицкаго монастыря, близ города Калуги. (Современное видение жизни боярина Б. М. Хитрово).

Осада Симбирска Стенькой Разиным

Населению Симбирска, на первых порах существования города, пришлось выдержать тяжелое испытание — в течении месяца защищаться от мятежных полчищ знаменитого волжского разбойника Стеньки Разина. Хотя об осаде города Симбирска Стенькой Разиным, в 1670 году, имеется несколько весьма обстоятельных исторических монографий (Костомарова, Соловьева, Попова и друг.), тем не менее мы считаем долгом остановиться на этом несколько подробнее, так как это событие представляет собою одну из лучших страниц истории нашего города.

20 июля 1669 года, Стенька Разин отправился из Астрахани вверх по Волге, распуслав слух, что в его стане находятся Царевич Алексей Алексеевич (не задолго перед тем умерший) и бывший патриарх Никон и что он идет освобождать самого Царя, который будто томится в неволе у бояр — изменников. Лучшая часть его войска, до 3200 человек, была посажена на 200 струг, из которых одну он обшил Красным сукном, будто для Царевича, а другую черным — для Никона. Конница, в 2000 человек, шла следом, по берегу, и постоянно пополнялась возстававшими против своих господ крестьянами. Саратов и Самара сдались Разину без боя. Ограбив там казенное имущество и перебив воевод и всех начальствующих лиц, Стенька отправился далее, к Симбирску, где уже ожидал его воевода, окольничий Иван Богданович Милославский, да на помощь к нему шел из Казани, с двумя полками, окольничий же, князь Юрий Никитич Барятинский, успевший придти в Симбирск раньше Разина, 31 августа 1669 года, накануне нового года (До 1700 года, новый год начинался с 1-го сентября). Однако у Милославского оказалось налицо ратных людей немного, а с Барятинским пришло только 1300 человек, так что с таким небольшим отрядом невозможно было бороться против войска Разина, увеличившагося до 5000 человек.

Между тем 4-го сентября 1670 года, явился и Разин под Симбирском; ночью он обошел город, оставил свои струги за полверсты выше города и выйдя на берег, пошел к городу на приступ, но Барятинский загородил ему дорогу. Завязался ожесточенный бой, длившийся целые сутки; Барятинский, видя, что без пехоты невозможно одолеть Разина, отступил от Симбирска к Тетюшам, потребовав из Казани подкрепления; а Милославский тем временем заперся, с частью войска, в кремле; жители, бывшие под горой, в остроге, тотчас-же передались мятежникам, впустили их в острог и вместе с ними предались грабежу и убийству. Стенька Разин укрепил острог, окопал его высоким земляным валом, поставил пушки и начал вести правильную осаду кремля, так как иначе его нельзя было взять, потому, что он был хорошо вооружен и заключал в себе довольно значительный гарнизон, состоявший из четырех стрелецких приказов и большого числа дворян и детей боярских, прибывших заранее в город, из уезда и смежных городов, чтобы спастись от крестьян, возмущившихся еще при первых известиях об успехах Стеньки Разина и стекавшихся к нему толпами, когда он пришел к Симбирску.

Разин осаждал Симбирск целый месяц и за это время войско его увеличилось до 20000 человек, так что положение воеводы Ивана Богдановича Милославского, затворивша пушек, во многих местах сделаны были приступы, но безуспешно. Наконец хитрость, употребленная Барятинским, положила конец сражению и дала возможность храбрым защитникам города одержать победу: пользуясь темнотою

ночи, Бярятинский послал полковника Чубарова (Кроме полка Чубарова, прославился еще, во время осады города Симбирска Стенькой Разиным, полк Шепелева, расформированный указом от 31 марта 1801 года на два драгунских полка, существующих и по ныне: пять эскадронов составили „Владимирский" полк, другие пять эскадронов — „Таганрогский" полк (Полн. собр. зак. т. XX1, ст. 19809). О дальнейшей судьбе полка Чубарова сведений не имеется), с его полком, в обход со стороны Свияги и приказал ему делать там окрики, как будто пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполне: на Стеньку напал страх, и он, считая себя окруженным со всех сторон, созвал своих донских казаков на совет и тайно решил бежать, оставив остальных сообщников на произвол судьбы.

Чтобы скрыть свое намерение от собравшейся около него толпы, он выстроил ее в боевой порядок и приказал ожидать его приказаний, так как он сам с донцами идет будто-бы на приступ города; но вместо того, спустившись, в темноте к Волге, он сел с казаками на суда и бежал вниз, обратно в Астрахань. Наступило 4-е октября и мятежники, с разсветом, увидали, что атаман с казаками бежали от них. Весть об этом быстро разнеслась по стану и все мятежники бросились к Волге, надеясь захватить еще оставшиеся струги. О побеге Стеньки Разина узнали и осажденные. Бярятинский вышел в поле и преследовал бежавших мятежников; многие из них, не попавшие на струги, утонули в Волге, другие были убиты на берегу и даже попавшим на струги досталось от огня собравшихся на берегу войск. Милославский в то - же время вышел из крепости и напал на подгорную часть, где в остроге мятежники еще упорно оборонялись. После первого нападения, он приказал зажечь острог и тогда мятежники, поражаемые со всех сторон и особенно вытесняемые пламенем, бросились к Волге; при этом много их потонуло в реке и много было побито. Около 600 человек попались в плен и всех их без суда и следствия, казнили; весь берег Волги был уставлен виселицами. Победа под Симбирском имела громадное значение, как первая неудача Стеньки Разина, положившая конец постоянным до того успехам и поколебавшая доверие к нему народа; так что после Симбирскаго погрома, хотя усмирение всего возстания продолжалось еще более года, но скорый конец его был очевиден и в глазах народа дело Разина было проиграно. 15 ноября пришло в Москву известие о победнад Стенькой Разиным и 10 декабря 1670 года, Царь Алексей Михайлович отправил в Симбирск стольника Чирикова, с царским милостивым словом к воеводам и похвалою за их службу. (Липинский, т. I, стр. 35. Симбирский сборник 1868 г. стр. 265 Костомаров, „Историческая монография и исследование, т. II, „Бунт Стеньки Разина".)

Разбойничий есаул Федька Шелудяк под Симбирском

Когда Стенька Разин отправился из Астрахани, Волгою вверх, к Царицыну и Саратову, то в Астрахани оставил начальствовать своих есаулов: Ваську Уса и Федьку Шелудяка. Натешившись истязанием митрополита Иосифа и убийством воеводы князя Львова, Федька Шелудяк пошел под Симбирск, вместе с Астраханскими казаками, пополнив свой отряд в Самаре шайкою казака Ивашки Константинова, который потом, при осаде Симбирска, был убит. Это было летом 1671 года, когда, по всей вероятности, до Астрахани уже дошли слухи не только о погроме Стеньки Разина под Симбирском, но и о поимке, а может быть даже и о казни его, последовавшей в апреле 1671 года. Целью похода Федьки Шелудяка вряд-ли было намерение отомстить за бывшего своего атамана; вернее предположить, что Шелудяком руководила в этом случай страсть к грабежу, хотя впоследствии, при допросах „с пристрастием“,

Шелудяк говорил, что пошел под Симбирск с тем, чтобы „бить челом Великому Государю в винах своих“, слагая вину военных действий против Симбирска на бывших с ним астраханцев. Точно также казаки, во время осады Симбирска, писали к воеводе, что желают „бить челом Великому Государю“, но тут-же называют бояр изменниками. Вообще, ненавидя бояр, казаки проявляли особенную злобу против князя Юрия Алексеевича Долгорукаго (главного воеводы по усмирению разинского бунта) и оружейничаго Богдана Матвеевича Хитрово, как заведывавшаго тогда оружейным приказом. В то время в Симбирске воеводой был боярин Петр Василевич Шереметев, назначенный осенью 1670 года на место Милославскаго, отозваннаго в Москву (*Уезжая из Симбирска в Москву, воевода Милославский взял с собою, для охраны, отряд в 100 человек, но на пути, между Алатырем и Арзамасом на него напал сильный отряд мятежников, от котораго хотя Милославский и отбился, тем не менее был им ограблен.*) и получившаго затем Царский наказ ехать в понизовые города и Астрахань, для окончательнаго прекращения возмущения и уничтожения остатков разинских шаек.

Подступая к Симбирску, Шелудяк знал, что город еще не оправился после разинскаго разгрома, да и ратных людей было в нем немного, так что Шелудяк надеялся скоро взять его, для чего устроил вокруг города шанцы и начал осаду. Однако 23 июня 1671 года воевода сделал против него внезапную вылазку, послав для сего отряд с стрелецким головой Никифором Колобовым, который и разбил казаков; дальнейшие приступы их тоже были отражаемы и наконец Шереметев сам напал на их лагерь, взял пушки, оружие, запас пороха и весь лагерь. Разбитые казаки, в числе 3000 человек, вместе с атаманом, бежали назад в Астрахань. (*Липинский, т. I, стр. 40.*) Когда царь Алексей Михайлович узнал о вторичном разгроме разбойничих шаек под Симбирском, то повелел стольнику Федору Львовичу Волконскому объявить свою милость Симбирскому воеводе „с товарищи“ и всем служилым людям — „спросить о здоровье и службу их похвалить“. До нашего времени сохранился интересный Царский наказ стольнику Волконскому, коим ему поручается ехать в Симбирск, для вышеозначенной цели. (*См. приложение № 5.*)

Симбирск в XVII и XVIII столетиях

Прилагаемое к настоящей странице изображение прежнего города Симбирска составляет копию старинной гравюры, хранящейся в Архиве М-ства Иностр. Дел и относящейся, как надо полагать, к началу XVIII столетия, так как на ней показана вполне сохранившеюся стена рубленного города, а мы видели ранее (см. стр. 12), что уже в 1714 году Симбирская крепость была развалившаяся.— На этой гравюре г. Симбирск снят с северо-восточной стороны, с дороги из Сельдинской слободы в город. Выше мы видели, что гор. Симбирск, с первых-же дней своего существования, сделался крупным административным центром для дальнейших действий правительства по заселению средняго поволжья русскими людьми и приобрел значение, особенно со времени прекращения разинского бунта, как важный пункт для влияния на низовья и заволжския места. В виду этого, Симбирск стал быстро развиваться; сюда начали приходить и селиться многие из внутренних местностей России, чему не мало способствовала щедрая раздача правительством „порожней" земли около города, всем явившимся „на службу по городу Синбирску", благо свободной земли тогда было очень много. Из сохранившейся до нашего времени "строельной" книги" города Симбирска видно, что одновременно с построением города Синбирска и Синбирской черты, огромное пространство земли к северу от этой черты, было почти сплошь роздано боярскими детям, поселившимся в Симбирске и с тех пор получившими название „Синбирян".

Весьма естественно, что при таких благоприятных обстоятельствах, Симбирск вскоре - же сделался на столько значительным городом, по своим размерам и по количеству населения, что разинский погром не произвел на него большого влияния в этом отношении. Это доказывается результатами произведенной в 1678 году описи городу Симбирску и его уезду. Эта опись дает возможность ознакомиться как с количеством населения города Симбирска, так и с составом Симбирскаго общества, жившаго в то время на посаде, по следующим цифровым данным. (*Перетяткович „Поволжье в XVII и начале XVIII века", стр. 216.*

В городе Симбирске в 1678 году было: дворов: (*В 1676 году прислан был в Симбирск Царский указ, о том, что Симбирским подъячим „за их службы и за осадное сидение, велено быть на площади, а oprичь площадной службы служить не велено". (там же, стр. 216).*

		В них жило людей
посадских....	178	498 чел.
бобылевских..	326	836
площадн. подъячих	29	58
рыбных ловцов.	42	106
плотников	7	20
кузнецов	6	15
воротников	5	17
пороховаго дела		
мастеров	4	12
балакирников**	3	4
зверовщика	1	3
приказной избы		

сторожей	4	10
	Всего дворов	
Всего жителей	605	1579 чел.

***)* По всей вероятности в числе трех дворов балакирников числился и двор выходца из г. Тетюш, Павла Иванова, родоначальника старейшей Симбирский купеческой фамилии Балакирициковых. По преданию, сохранившемуся в семейных летописях нынешняго Симбирскаго городского головы, Павла Степановича Балакирицикова, их родоначальник Павел Иванов, еще в 1645 году поселился под горой и должно быть, занимался гончарным ремеслом, потому что с половины XVIII столетия его потомки приобрели фамилию „Балакирициковых“. Кроме того на Симбирском посаде находились еще дворы монастырей: Троице-Сергиева, Спасскаго и Богоявленскаго Костромскаго, но в каком количестве и как велико было их население — в описи не показано.

Между посадскими людьми, площадными подъячими, рыболовами и кузнецами встречаются прозвища: „тетюшенин“, „курмышенин“, „нижегородец“, „чебоксаренин“, „москвитин“ и др., указывающая на места, откуда явились первые поселенцы Симбирскаго посада. Такое значительное количество дворов в одном только посаде, не считая „рубленнаго города“, образовавшееся лишь за 30 лет существования города Симбирска, служит весьма веским подтверждением предположения о том, что еще до основания Симбирска, на его месте, под горой, на берегу р. Волги было уже порядочное поселение, которое затем и вошло в границы Симбирскаго посада. В пользу такого предположения служит и большое количество (42) дворов лиц, занимавшихся рыбной ловлею.

Нельзя сказать, чтобы первоначальные жители гор. Симбирска были богаты, — на это указывает значительное преобладание бобылевских дворов над посадскими; надо полагать, что, как новые, так, может быть и некоторые из прежних поселенцев, не успели еще, по крайней мере к данному времени, разжиться настолько, чтоб попасть в разряд посадских людей; этому способствовали не в малой степени как разинский погром, так и бывший осенью 1671 года большой пожар. Во всяком случае Симбирский посад с самага начала был в значительной степени многолюден и именно здесь положено начало Симбирский общественной жизни; в рубленном городе были одни только казенные учреждения и жили там одни только служилые люди; сообщение города, находившагося на горе, с посадом, расположенном под горой, было весьма затруднительно за неимением хороших спусков. Правда, в городе были гостинные ряды, но они, как видно, внесли собою мало оживления — более ста лет подгорная часть была самою оживленною и торговою частью города и только в 1780 году, когда Симбирск возвели на степень губернскаго города, когда базар и гостинный двор перевели с венца за р. Симбирку, подгорье начало пустеть; тем не менее многие купцы еще оставались там жить в своих домах (у некоторых были каменные дома под горой) и только с развитием сборной ярмарки, купцы оставили подгорье, которое с тех пор стало одною из самых бедных частей города.

Выше было сказано, что гор. Симбирск, со времени его основания, управлялся воеводами. В то время, когда по Волге разгуливал Стенька Разин, для защиты Симбирска, тогда еще новаго города, назначено было, одновременно, два воеводы: стольник Михаил Львович Плещеев, воевода-распорядитель, заведывавший гражданскою частью управления и окольный Иван Богданович Милославский,

осадный воевода, которому была вверена только военная защита города и его уезда (*Одновременное существование в городе двух воевод практиковалось не в одном только Симбирске. Так, в 1649 году в г. Туле были два воеводы: распорядитель — князь Василий Хилков и осадный — Лукьян Москотинев. Они ссорились из за местничества и Царь указал Москотиневу во всем слушать кн. Хилкова. (Попов. "Акты Московскаго Государства" стр. 252, № 401).* В 1708 году, когда Царь Петр разделил Россию на 8 губерний, (*Губернии эти следующие: 1) Московская, 2) Ингерманландская, 3) Киевская, 4) Смоленская, 5) Архангелогородская, 6) Казанская, 7) Азовская и 8) Сибирская. (Полн. собр. зак. т. IV, ст. 2218)* Симбирск был причислен, в качестве провинциального города, к Казанской губернии и в помощь к Симбирскому воеводе назначен обер-комендант, хотя вместе с этим было уничтожено существовавшее до того времени в Симбирске военное управление Симбирскою чертою. В 1716 году, вместо обер-коменданта, к Симбирскому воеводе были назначены в качестве „товарищей“ два ландрата и два комиссара, а в 1719 году они были заменены одним комендантом; однако в 1721 году число товарищей увеличили и назначили: обер - ландрихтера с пятью ассессорами, которых заменили, в следующем же 1722 году, двумя ассессорами и двумя секретарями. Каким образом были распределены права и обязанности между воеводою и столь многочисленным и разнообразным штатом его „товарищей“— об этом сведений не сохранилось. Во всяком случае такой штат свидетельствует, что Симбирск хотя и состоял провинциальным городом, тем не менее считался одним из важных административных центров; его провинция занимала территорию весьма значительных размеров: к Симбирску причислены были, в качестве пригородов, бывшие до того 14 городов: Белый Яр и Ярыклинск (оба за р. Волгой), Юшанск, Тагай, Уренск, Карсун, Малый Карсун, (ныне село Погорелово), Тальск, Аргаш и Сурский Острог (все по бывшей Симбирско - Карсунской черте), а также Алексеевск, Самара, Сызрань и Петровск. В 1717 году, указом от 22 ноября (*Полн. собр. зак., т. 7, стр. 3119.*) при новом распределении губерний, Симбирск, со всеми своими пригородами, вошел в состав вновь образованной Астраханской губернии и числился в ней до 1728 года, когда был возвращен в Казанскую губернию, а в конце 1780 года, открыто было согласно „учреждению для управления губерний “ изданному 7-го ноября 1775 года (*Полн. собр. зак.. т. XX. стр. 14392.*)

Симбирское Наместничество, каковое преобразование имело благотворное влияние не только на симбирскую общественную жизнь, но и на внешний вид города, так как незадолго перед тем (14 марта 1780 года), утвержден был новый план на город Симбирск. Указом Императрицы Екатерины II от 5 сентября 1780 года (*См. Приложение № 6 наместничества (В Симбирских Губернских Ведомостях (от 5-го ноября 1897 года № 78) неизвестный автор исторической заметки поместил интересное письмо Казанскаго Губернатора Платона Зубова к Оренбургскому губернатору Рейнсдорну, от 27 октября 1779 года. В письме приведен, между прочим, указ Императрицы Екатерины II, где высказываются некоторыя соображения о границах и пространства предполагающагося Симбирскаго Наместничества. Автор заметки почему-то находит, будто из содержания этого письма вытекает, что Высочайшее повеление об образовании Симбирскаго Наместничества последовало еще в 1779 году; между тем как в начале-же указа ясно и точно определяется, что Императрица „положила намерение“ учредить Симбирское Наместничество „в будущем“ (т. е. значит в*

1780) году, а прежде чем приступить к этому, признала нужными собрать от местных губернаторов предварительные сведения. Кроме того, неправильность приведенного вывода прямо опровергается указом, последовавшим 15 сентября 1870 года и напечатанными в полном собрании законов (т. XX. ст. 15060) повелено было генерал-поручику князю Мещерскому, генерал-губернатору Симбирскому и Казанскому, открыть, в декабре того-же года, Симбирское наместничество из 13 уездов: Симбирского, Сенгилеевского, Ставропольского, Самарского, Сызранского, Канадейского, Тагайского, Карсунского, Котьяковского, Алатырского, Ардатовского на Алатыре, Курмышского и Буинского и по соглашению с соседними генерал-губернаторами, установить границы и распределить по уездам население этого наместничества. (Подробная карта Симбирского Наместничества хранится в библиотеке Симбирской Губ. Ученой Архивной Комиссии. Новые города были образованы: Тагай и Карсун — из пригородов, лежавших по Симбирской черте и населенных пахотными солдатами, Сенгилей — из села пахотных солдат, Канадей — из сел экономических крестьян, Ардатов — из сел дворцовых крестьян, Котьяков и Буинск — из сел ясаиных крестьян; остальные города и раньше были уездными. Население прежних уездов Казанской губернии распределено, по новым уездам Симбирского Наместничества, таким образом: Симбирский уезд — 23,731 душ мужск. пола, Сенгилеевский уезд — 22,192 душ, Ставропольский уезд — 25,465 душ, Самарский уезд — 21,453 душ, Сызранский уезд — 21,964 душ, Канадейский уезд — 22,042 душ, Тагаевский уезд — 22,863 душ, Карсунский уезд — 23,211 душ, Котьяковский уезд — 23,577 душ, Алатырский уезд — 25,525 душ, Ардатовский уезд — 24,261 душ, Курмышский уезд — 25,908 душ и Буинский уезд — 23,743 душ; всего — 305,937 душ по третьей ревизии. (Масленников „Топографическое описание Симбирского Наместничества“).

Во исполнение этого указа, князь Платон Степанович Мещерский прибыл в Симбирск и закрыв предварительно воеводскую канцелярию, 27 декабря 1780 года, торжественно открыл Симбирское наместничество, в присутствии нарочно для сего приглашенного архиепископа Нижегородского и Алатырского Антония (*Чревычайно пространная речь, произнесенная по этому случаю преосвященным Антонием, напечатана в Симбирском сборнике в 1870 году, стр. 95.*). С тех пор в Симбирске начали действовать следующие присутственные места: Губернское Правление, Казенная Палата, Палата Уголовного Суда, Палата Гражданского Суда, Приказ общественного призрения, Совестьный Суд, Верхний Земский Суд, Верхняя Расправа, Губернский Магистрат, Уездный Суд, Дворянская Опекунство, Уездное Казначейство, Нижний Земский Суд, Нижняя Расправа, Городский Магистрат и при нем Сиротский Суд. Кокдню открытия Симбирского Наместничества, 22 декабря 1780 года, состоялось Высочайшее утверждение гербов для всех городов новаго наместничества. Из Сенатского доклада (См. приложение № 7.) по этому вопросу видно, что „правлящий должность“ герольдмейстера, действительный статский советник Волков, по приказанию Сената, сочинил новые гербы только для вновь учрежденных городов, остальным-же городам наместничества оставлены были старые гербы. Профессор Лохвицкий „Губерния, ея земския и правительственныя учреждения“ говорит, что для фантазии герольдмейстера Волкова открылось обильное поприще. Он сочинял гербы десятками за один раз, щиты делал очень богатые: золотые, серебрянные и лазуревые, а для герба избирал какой нибудь

остаток древности, или предмет местного произведения, часто просто какую-нибудь вещь, название которой было созвучно с названием города.

Для Симбирска оставлен был следующий прежний герб: на щиту, в синем поле, на белом четырехгранном пьедестале белая колонна, увенчанная золотою короною. Этот-же герб приказано было считать гербом всего наместничества 5-го июля 1878 года *Высочайше утвержден новый герб Симбирской губернии (Второе полное собр. зак., т. LIII, ст. 58684), представляющий из себя некоторые дополнения и незначительные изменения прежнего, именно: в лазуревом щите серебрянный столб, на котором золотая, украшенная двумя Андреевскими лентами, Императорская корона. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми ветвями, обвитыми Андреевскою лентою.)*

Таким образом представляется ошибочным господствующее и до настоящего времени предположение, что Императрица Екатерина II пожаловала городу Симбирску, в 1780 году, новый герб, желая этим оказать ему особое Монаршее благоволение за двукратную храбрую оборону от разбойников: Стеньки Разина и Феды Шелудяка и за верность присяге и верноподданническому долгу во время Пугачевского бунта. (*Масленицкий „Топографическое описание Симбирскаго Наместничества“. Симбирский сборник 1868 года, стр. 33. Симбирский календарь на 1879 г., стр. 43.*) Несостоятельность такого предположения становится очевидною, если принять во внимание, что 1) за храбрую оборону, как от Стеньки Разина, так и от Феды Шелудяка, Симбирские жители, оба раза, удостоились Царской милости: выше мы видели, что Царь Алексей Михайлович своевременно, каждый раз, посылал в Симбирск, к воеводе и всем служилым людям „спросить о здоровье и службу их похвалить“, так что едва-ли представлялась надобность повторять это, да еще спустя сто лет; а) во время Пугачевского бунта Симбирское население, как мы увидим далее, осталось верным присяге только потому, что Пугачев прошел мимо Симбирска, гарнизон-же его, вышедши для усмирения мятежников, не только изменил своему коменданту, но даже убил его — так что за это хвалить не приходится и 3) в 1767 году Императрица Екатерина посетила гор. Симбирск и наш город произвел на нее неприятное впечатление: она осталась им недовольна за его задолженность казне и назвала „скардным городом“.

Равным образом оказывается тоже неосновательным существующее предположение о том, что когда город Симбирск получил в герб белый столб с золотою короною, то Симбирские дворяне стали называться „столбовыми“. Правда, что это прозвище вошло в народную поговорку, когда кто либо хотел выразить про дворянина, что он происходит от древняго рода, но белый столб в гербе город Симбирска тут совершенно не причем, во первых потому, что герб дан не одним только дворянам, а городскому населению всех сословий, во вторых — столбовыми назывались не одни только Симбирские дворяне и в третьих — прозвище это появилось лишь в начале XIX столетия, по поводу совершенно другого обстоятельства, в котором действительно фигурирует столб, но только не из герба города Симбирска, а именно: в 1809 году вышел указ об устройстве грунтовых дорог; составлялись для них планы и профили и между прочим, приказано было обсаживать все большия и коммерческия дороги березками, в четыре ряда, сажая одно дерево от другого на две сажени; причем на губернаторов возлагался главный надзор за точным исполнением указа. Работы начались с западной стороны России и очередь до Симбирской губернии дошла в 181? году, когда указ был дополнен и

подтвержден; (*Полн. собр. зак. т. XXXIV, стр. 27180*), а в нашей губернии издавна было много помещиков, из которых большинство жило в своих вотчинах, многие из них ездили за границу, видели там шоссейные дороги и понимали, что грунтовые дороги, в нашем климате, всегда будут поглащать массу работы и все таки останутся скверными, сколько-бы раз ни переворачивали грязь лопатой с боку на бок.

Помещики знали, что без камня и щебня нельзя дороги укрепить так, чтобы они противустояли прогону гуртов, обозам, дождям и проч.; а так как все работы предстояло исполнить натуральною повинностею их крепостных крестьян, то понятно, что распоряжение о грунтовых дорогах приводило помещиков в беспокойство. Особенный же страх в устройстве дорог внушала необходимость обсаживать их березами в четыре ряда. Симбирская губерния, особенно по левую сторону Волги, в 1817 году уже не считалась богатою лесом; степи и поля часто далеко отстояли от воды; гурты и скотина гуляли повсюду, а зимнике бураны наносили такие сугробы снега, что валили плетни и заборы и ломали деревья. Прежде всего надо было купить в лесах высадки, выкопать их, перевезти на место, развесить линию, измерить дистанции и посадить; а затем надо их поливать привозной водой, часто за десять и более верст, возобновлять погибшие деревья, а также надо было оберегать молодые аллеи от гуртов, от скотины и от проезжих, зимой и летом. Для сбережения высадков от скотины, приходилось городить заборы, или плести плетни, вдоль всей дороги, как с наружной стороны, от полей, где паслась скотина, так и с внутренней стороны, где гонялись гурты. Приходилось каждому селу городить дорогу на протяжении 5 – 10 верст,— а наша губерния только в длину иметь 550 верст. Исправники и становые не смотрели ни на сев, ни на страду - расправа тогда была короткая и много горя причинили эти березы.

В Симбирске в то время был губернатором князь Алексей Алексеевич Долгорукий, богатый Симбирский помещик, у котораго несколько имений тянулось вдоль большой Московский дороги. Спасая себя и губернию от тяжелой березовой повинности, он поехал в Петербург ходатайствовать об избавлении Симбирской губернии от обязанности усаживать большие дороги березовыми аллеями. Благодаря связям, ловкости, а главным образом, заступничеству Великаго Князя Николая Павловича, князь Долгорукий получил разрешение не усаживать березами большую Московскую дорогу, в пределах Симбирской губернии, а вкопать, по обеим сторонам этой дороги, сосновые столбы, на 50 сажен один от другого; причем составлены были рисунки этих столбов, определен их размер и приказано окрасить их в серый цвет, для отличия от верстовых столбов. Относительно-же других больших почтовых дорог подтверждалось о неуклонном исполнении приказа о березах. О такой привилегии, дарованной Симбирским дворянам, губернатор немедленно дал знать в Симбирск. Губерния торжествовала и все дворянство постановило дать бал в честь князя. Долгорукова, когда он возвратится. И действительно был устроен на славу и стоил баснословных денег; гости приехали из Москвы, Нижняго, Пензы и Казани; Пензенский губернатора прислал для бала свой оркестр. О великолепии этого бала долго говорили по всему среднему Поволжью и прозвали его „столбовым балом". (*Симб. Губ. Вед. 1894 г. №№ 28 и 29*). С тех пор и Симбирские дворяне стали называться тоже „столбовыми", как пользующиеся особою привилегиею передо другими. *Высочайший Указ от 30 декабря 1822 года. (Полн. собр. зак., т. XI, прилож., к ст. 29250а)* Впоследствии эта привилегия распространена была и на некоторыя другия губернии, а указом от 31 января 1845

года, распоряжение о посадке деревьев по большим дорогами и вовсе было отменено (*Второе полн. собр. зак. т. XX. ст. 18688.*).

Возвращаясь к истории герба города Симбирска, надо заметить, что еще при основании нашего города, Симбирской приказной избе дана была печать, с изображением льва, с короной на голове, стоящего на задних лапах, обращенного в правую сторону и держащего меч в правой передней лапе; этот-же герб оставлен был в печати Симбирской Провинциальной Канцелярии, учрежденной в 1708 году и сохранялся, по всей вероятности, до тех пор, когда, при Императрице Анне Иоанновне, были сочинены Герольдмейстерским товарищем, графом Сантием, гербы для всех Российских городов и на полковые знамена; (*Полн. собр. зак., т. X. ст. 7442.*) тогда-то должно быть Симбирск и получил новый герб, подтвержденный затем в 1780 году, при открытии наместничества.

Вновь открытое Симбирское наместничество, получив значение самостоятельной губернии, тем не менее, не имело своего отдельного губернатора или наместника, а оставалось некоторое время в ведении Казанского генерал-губернатора, а затем, по указу 13-го июня 1781 года, (*Полн. собр. зак., т. XXI, ст. 15171*) состоялось новое распределение губерний между генерал-губернаторами, по которому Симбирское наместничество, вместе с Уфимским, было подчинено одному генерал-губернатору, генерал-поручику Ивану Варфоломеевичу Якоби.

В 1783 году надворный советник Масленицкий, по поручению академии наук (*Еще ранее, по указу 5 марта 1781 года, вследствие доклада директора академии наук Домашнева, отправлены были, от той академии, три экспедиции, в разные города, для снятия „астрономическими наблюдениями“ их широты и долготы; для второй экспедиции был намечен, между другими городами, и наш Симбирск (Полн. собр. зак., т. XXI, ст. 15128). Неизвестно, состоял-ли Масленицкий в числе членов этой „астрономической“ экспедиции, или он был послан отдельно специально для „топографического“ описания нового наместничества.*) составил, согласно вопросам пунктам от кабинета Ея Величества, топографическое описание Симбирского наместничества (*Тимофей Григорьевич Масленицкий был первым директором Симбирского главного народного училища, преобразованного потом в гимназию. Его замечательный труд „Топографическое описание Симбирского наместничества“ долгое время был единственным источником для знакомства с Симбирскою губерниею. От него Новиков и Щекатов заимствовали сведения о Симбирске и Симбирский губернии для своих „географических словарей“. Нам неизвестно - печаталось-ли это „описание“ отдельным изданием, но извлечения из него были приведены в Симбирских Губернских Ведомостях за 1853 год. Так как сами Губернския Ведомости за означенные года составляют библиографическую редкость, то и труд Масленицкого в настоящее время счень трудно достать. У весьма немногих лиц он сохранился в рукописном виде, благодаря совершенной случайности, Симб. Губерн. Архивная комиссия, получила возможность списать его, для хранения в своей библиотеке.*) В то время от прежнего „рубленного города“ сохранились только остатки пяти деревянных, с таковыми же стенами, башен и кой где следы рва; укреплений никаких уже не было видно.

Еще в 1759 году обращено было внимание на то, что внутри России, во многих крепостях, „кои починкою содержать не положено и в ведомстве канцелярии Главной Артиллерии и фортификации не состоят“, деревянные и каменные башни сильно обветшали и обвалились, так что не только под ними, но и мимо их, опасно

было ходить и ездить; вследствие этого Сенат, указом от 30-го апреля 1759 года, (*Полн. собр. зак., т. XV, ст. 10949.*) разрешил губернаторам и воеводам означенных башни разобрать и кирпич от них употребить на починку церквей и богаделен, а деревянные постройки — изрубить на дрова. Когда именно окончательно уничтожены в Симбирской следы старинного „рубленного“ города — об этом сведений не имеется. По описанию Масленицкого, Симбирск, в течение ста сорока пяти лет своего существования, обратился в весьма значительный город; в длину он простирался на 1800 сажен, в ширину на 800 сажен, а в окружности на 11 верст и сравнительно с другими городами гораздо лучше выстроен. На венце в то время были следующие казенные здания: деревянный дом для приезда архиерея; ко дню открытия наместничества построены четыре новых деревянных дома, один — для наместника и три — для судебных мест (последние — о двух жильях каждый); деревянный магазин, построенный в 1777 году для складывания провианта под учрежденный здесь батальон; две кладовых для поклажи казны: одна небольшая, каменная, построенная в 1750 году, а другая, сделанная в 1783 году, в земле, с деревянными стенами; два небольших деревянных архива, каменный винный склад, построенный в 1773 году и питейных домов; старых 14, да в 1780 году построено вновь три; для обучения солдатских детей грамоте и арифметики, был куплен, еще в 1777 году, деревянный на каменном фундаменте дом; в этой гарнизонной школе в 1783 году, было 273 ученика.

Под горой в то время было: деревянная, на каменном фундаменте, больница, против церкви Петра и Павла, построенная в 1782 году и при больнице каменная богадельня, в которой призревало тогда 30 человек неимущих; в приходе Смоленской церкви был деревянный, на каменном фундаменте, смиренный дом, выстроенный в исходе 1781 года и близ р. Волги 18 запасных деревянных амбаров, для хранения соли (*Такое значительное число соляных амбаров объясняется тем, что продажа соли, еще с давних времен, составляла казенную монополию (вольная продажа соли разрешена лишь с 1812 года, Манифестом от 5-го ноября 1811 года), а на сколько велики были тогда запасы соли в городах, видно из указа от 7 февраля 1797 года, коим учреждена главная соляная контора. Этим-же указом повелено „взять в уважение какую пропорцию соли необходимо иметь по губерниям и по запасным магазинам, так чтобы ее везде было без оскудения и без излишества“.* Сенат, собрав сведения, составил ведомость о размерах запаса соли в каждой губернии; по этой ведомости, для Симбирской губернии прежде полагалась пропорция в 574,352 пуда 20 фунтов соли, но по действительному расходу следует быть годовой пропорции — в 649,217 пудов, да в запасе полагается полугодовая пропорция — в 324,608 пудов; таким образом в соляных амбарах постоянно хранилось 973,825 пудов соли. (*Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 18703 и т. XXXI, ст. 24851 Не мудрено, что для хранения такого огромного запаса соли построено было 18 амбаров.*)

Прочих казенных строений „по новости губернии“ еще не построено (*По плану на г. Симбирск, утвержденному 14 марта 1780 года, положено было застроить каменными казенными зданиями 4 квартала (на том самом месте, где была старая крепость); из коих — два для присутственных мест, на что ассигновали 200,000 руб. ассиг., а другие два — купеческими домами с лавками, на что пожаловано было Императрицею 25000 руб. ассиг.; однако постройка каменного гостинного двора последовала значительно позже и не на том месте, где первоначально*

предполагалось). Приходских церквей было 15, из них только одна деревянная, кладбищенская во имя Св. Духа, ныне уже не существующая; кроме того был Троицкий собор и два монастыря: мужской — Покровский (каменный) и женский — Спасский (деревянный). Обывательских домов было 1400; из них каменных — 6, деревянных, на каменном фундаменте, выстроенных вновь по плану — 25. Деревянные лавки торговые, суконными и разными мелочными товарами, были выстроены немедленно по открытии наместничества, по левому берегу реки Симбирки (на месте нынешняго гостиннаго двора) в пять линий, всего 153 лавки, да за речкой Симбиркой 70 лавок в три ряда: рыбный, мясной и мучной.

Население города Симбирска, по сословиям, распределялось в то время следующим образом:

1	Дворян	101 муж.	47 жен.
2	Церковников	103	158
3	Купцов.....	289	302
4	Мещан.....	1716	2046
5	Цеховых...	1172	1254
6	Секретарей и приказных	121	89
7	Военных...	767	507
8	Детей обучающ.		
	в гарниз. школе	206	
	военных:		
	неопределенных в школу	98	
9	Отставных солдат	115	173
10	Дворовых людей		
	помещичьих.	463	483
	- за неимеющими деревень 138		161
	за приказными служителями людей:	10	8
	отписных за незнанием		
	помещиков	7	4
11	Сокольных помытчиков (государств. крестьян)	2	1
	Итого:..	5308 муж	5233 жен.
	Всего:	10,541	

(У Масленицкаго ошибочно подведен итог населения гор. Симбирска (5464 муж. и 5366 жен.).

Через десять лет население гор. Симбирска увеличилось на 26%. В время генерального межевания, производившагося здесь в 1793 году, в Симбирске было уже 13,317 жителей (7485 муж. и 5832 жен.), как это видно из экономического примечания к генеральному межеванию гор. Симбирска; там общее число жителей распределяется по сословиям так.

Духовенства	1900
Дворян	637
Военных	2836
Купцов	464
Мещан	4081

Дворовых	2653
Разночинцев	1456
Всего:	13 317

Указом Императора Павла 1 от 12 декабря 1796 года (*Полн. собр. зан., т. XXIV, ст. 17684.*), при новом разделении Российского Государства на губернии, Симбирск переименован в губернский город, а наместничество в губернию и 31 декабря того же года были установлены штаты нашей губернии. На основании этих штатов, губерния разделялась на 10 уездов: 1) Симбирский, 2) Сенгилеевский, 3) Ставропольский, 4) Самарский, 5) Сызранский, 6) Алатырский, 7) Ардатовский, 8) Буинский, 9) Карсунский и 10) Курмышский. Прежние уездные города: Тагай, Котьяков и Канадей переименовывались в пригороды и уезды их были распределены между остальными. Одновременно с этим, Пензенская губерния была уничтожена и присоединена к Саратовской; но это оказалось неудобным и 26 октября 1797 года состоялся указ о новом разделении бывшей Пензенской губернии, между четырьмя соседними (Тамбовскою, Нижегородскою, Симбирскою и Саратовскою). На долю Симбирской губернии пришлось три уезда: Саранский, Шешкеевский и Инсарский. Затребованы были от всех перечисленных выше губернаторов сведения на счет такого распределения и бывший тогда Симбирский гражданский губернатор, тайный советник Толстой, в 1798 году, доложил Сенату, что он „приняв отделенные от бывшей Пензенской губернии три уезда. Саранский, Шешкеевский и Инсарский, в свое ведомство, и истребовав от Саратовскаго губернатора о состоянии оных подлежащая сведения и карты, сообразив их с состоянием и местным положением, по удобности, признал оставить существующими города, из прежде состоящих в Симбирской губернии: губернский Симбирск, уездные: Ставрополь, Самару, Сызрань, Карсун, Алатырь, Курмыш и Буинск, да из вновь присоединенных Саранск и Инсарск; Сенгилеев же и Ардатов, которые доселе по Симбирский губернии существовали, равно из присоединенных — Шешкеев, который по распоряжению Саратовскаго губернатора уже уничтожен — упразднить, расписав оные, по удобности, к другим уездам". Сенат с предположениями тайнаго советника Толстого согласился (*Полн. собр, зак., т: XXV, ст. 18482.*), но тем не менее, Симбирская губерния, в таком составе, просуществовала недолго, так как Пензенская губерния была вскоре-же восстановлена, а города Ардатов и Сенгилей, хотя и были обращены в заштатные, но уезды их вновь образованы указом от 24 апреля 1802 года (*Там-же, т. XXVII, ст. 20245*). Затем, с 1 января 1851 года штаты Симбирской губернии несколько изменились: два уезда — Самарский и Ставропольский — были отписаны от Симбирский губернии и вошли в состав вновь образованной тогда Самарской губернии.

Переименование Симбирскаго наместничества в губернию хотя и не увеличило прав города, но несомненно подняло его значение, как центра административнаго, гражданскаго, военнаго, а затем и духовнаго управления нашего края и помогло развитию в нем общественной деятельности и торговли, в чем легко убедиться при рассмотрении современнаго состояния города Симбирска. В 1799 году Император Павел признал необходимым произвести во всей империи сенаторскую ревизию и для сего, указом от 6 октября того-же 1799 года, поручил Сенату избрать из своей среды сенаторов „для объезда и осмотра, по всей Империи всего принадлежащаго до

гражданский части, дав оным сенаторам в предмет три пункта: 1) о течении по присутственным местам правосудия, 2) о внутренней полиции и

3) о поборах, лихоимству столь свойственных". Сенат разделил все губернии на 8 частей и в каждую часть избрал по два сенатора. В 6 часть вошли губернии: Воронежская, Симбирская, Саратовская и Астраханская, а сенаторы — тайные советники Неплюев и фон-Визин. 1 декабря 1799 года Государь утвердил составленное Сенатом распределение губерний, а также выбор сенаторов и сем последним выдана была подробная инструкция на приведенные выше „три пункта" (*Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 19139 и 19212.*). О пребывании в Симбирске сенаторов Неплюева и фон-Визина и о результатах их пребывания здесь — не сохранилось никаких сведений.

Посещение города Симбирска Высочайшими Особами Императорского Дома

Император Петр Великий был в Симбирске два раза, два года подряд, и оба раза совершенно случайно, без предварительного намерения посетить город. Первый раз в 1722 году, проездом в город Астрахань, по случаю сильной бури на Волге, Петр остановился в Симбирске, под горой, на том месте, где впоследствии, в память этого события, построена церковь во имя св. апостолов Петра и Павла, существующая и до настоящего времени. Второй раз, в 1723 году, отправляясь походом к Дербенту, Петр тоже останавливался под Симбирскою горою и как гласит предание, кушал чай на берегу р. Волги. Старожилы рассказывают, что во время пребывания Государя под горой, во всех городских церквах производился трезвон и как видно, с особенными усердием и искусством, так что Петр обратил внимание на одну из церквей и пожелал узнать, кто так искусно вызванивает на колокольне этой церкви, а когда ему доложили, что трезвонит старичек дворянин Кашинцев, то пожелал его видеть и разговаривал с ним (Моск. Вед. 1883 г. № 225 „Из записок о былом" Кн. В. И. Баюшева. Это предание немножко не вяжется со сведениями, сообщаемыми Карамзиным, который в одном из писем к Дмитриеву говорит, что в детстве он знал некоего Сергея Кашинцева, звонившаго в Симбирске в колокола, при получении известия о Полтавской победе.) Как относительно первого пребывания Петра Великого в Симбирске не сохранилось сведений, был-ли Государь в самом городе на горе, точно также неизвестно ничего и об его посещении города во время похода к Дербенту (Симбирский сборник 1868 г., стр. 144.).

Императрица Екатерина II, путешествуя по Волге в 1767 году, прибыла в Симбирск 5 июня того года и остановилась в единственном тогда в городе каменном доме купца Ивана Семеновича Мясникова (он же Пустынников), находившемся близ церкви св. Троицы, на месте нынешняго кадетскаго корпуса (По рассказам Симбирских старожилов, этот дом принадлежал не Мясникову, а тоже богатому купцу Светову, родоначальнику Симбирских богатых дворянских фамилий: Пашковых, Бекетовых и Дурасовых.) У хозяина этого дома были четыре дочери, на которых Государыня обратила внимание и устроила их судьбу, выдав впоследствии, замуж за своих придворных: Пашкова, Бекетова, Дурасова и Казицкаго, которые получили в приданое, за своими женами, каждый по 19000 душ крестьян, с соответствующим количеством земли в Симбирской губернии, да по два железных завода в Оренбургском крае (Симбирский сборник 1868 г. стр. 189.). По преданию, от реки Волги, от берега, к которому пристала богато отделанная Императорская галера „Тверь". (Галера „Тверь" хранится в настоящее время в гор. Казани, в Адмиралтейской слободе (бывшее адмиралтейство), в особом сарае. Хотя галера уже пришла в значительную ветхость, тем не менее еще заметно, что она окрашена зеленою краскою и по ея борту были резные статуи; на носу галеры устроены две комнаты для кухни, а на корме целый двух-этажный дом: в нижнем этаже — восемь комнат для свиты Государыни, а на верху — зало и семь комнат, в которых помещалась Императрица; комнаты верхнего этажа были, как заметно, обиты различными материями. Тут-же сберегается и кровать Императрицы. До 1804 года хранились еще четыре галеры, в таком-же роде, только меньших размеров, но оне, по Высочайшему повелению, разобраны. (Рыбушкин „Краткая история г. Казани", стр. 134. и до теплаго собора (в то время он назывался Троицким собором), послано

было, по дороге, алое сукно, по которому Императрица изволила шествовать в собор, а оттуда отправилась в дом Мясникова.

Как самый город, по внешнему своему виду, так и экономическое его положение, произвели на Императрицу неблагоприятное впечатление, как потому, что ее застигли здесь сильнейшие жары, всегда имевшие тяжелое влияние на ее расположение духа, так и потому, главным образом, что на город оказались значительныя казенныя недоимки, не смотря на естественныя богатства края, так что она назвала Симбирск „скаредным" городом. В письме из Симбирска к Никите Ивановичу Панину. (Чтения Общ. истор. и древн. 1863 г., стр. 30.) Императрица между прочим, пишет „здесь такой жар, что не знаешь куда деваться, город же самый скаредный и все дома, кроме того, в котором Я стою, в конфискации. И так мой город у меня же. Я не очень знаю, схоже ли это с здравым рассуждением и не полезнее-ли повернуть людям их дома, нежели сии лучинки иметь в странной собственности, из которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены в целости. Я теперь здесь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили и люди не приведены были вовсе в истребление, а недоимки, по соли и вину только, сто семь тысяч рублей, к чему послужили как кражи, так и разныя несчастливья приключения". Симбирск оказался конечным пунктом путешествия Императрицы Екатерины по Волге, так как здесь неожиданно получено было известие о сильной болезни Наследника Цесаревича Павла Петровича, и 8 июня 1767 года Екатерина II отправилась из Симбирска обратно в Москву, сухим путем на Алатырь (Симбирский сборник 1868 года, стр. 34 и 145.)

Император Александр 1-й Благословенный. В первых числах августа 1824 года начальник главного штаба, барон Дибич, уведомил тогдашняго Симбирскаго губернатора, действительнаго статскаго советника Андрея Федоровича Лукьяновича (Симбирский Губернатор Лукьянович, раньше командовавший Мариупольским гусарским полком, истый малоросс и даже говорил с малороссийским наречием, был человек простой, добрый, большой хлебосол, любивший хорошо пожить, но не заниматься делами и особенно письменными, которыя он вполне предоставлял своему секретарю, а сам только подписывал бумаги, исполняя эту обязанность по необходимости и не всегда терпеливо. Про него рассказывают анекдоты: в одно прекрасное утро он мечтал у себя в кабинете о предстоящем пикнике, как увидел входящаго, к нему секретаря, с огромною кипюю бумаг для подписи; недовольный таким визитом, он сказал секретарю: „что-же вы, Яким Сергеевич, бумаги-то все ко мне, да ко мне, а деньги-то все себе, да себе — так возьмите-ж и бумаги себе". (Москов. Вед. 1883 года, № 225), что в начале сентября того-же года.

Государь Император Александр Павлович осчастливил Симбирск своим посещением, проездом из Петербурга в Оренбург. Тотчас-же начались приготовления к достойной встрече обожаемаго монарха. Для пребывания Государя приготовлен был губернаторский дом; оканчивались подготовительныя работы для закладки, в присутствии Государя, вновь строившагося храма на соборной площади; дворянство предположило чествовать Государя балом и заблаговременно послало от себя депутатов в гор. Пензу, для приглашения Его Величества, на бал, на что и получило Высочайшее соизволение. Наконец 5-го сентября 1824 года, послеобеда, в 4 1/2 часа, Александр Благословенный прибыл из Пензы в Симбирск, по Московскому тракту и при въезде в город, остановился, для переодевания, в доме купцов Шишкиных, у р. Свяги. (Этот дом принадлежал тогда купеческим братьям

Алексию и Степану Петровичам Шишкиным; он сохранился и до настоящего времени, (на углу набережной реки Свияги и Большой Конной улицы; в нем с давних пор помещается трактирное заведение). Император Александр I-й в первый-же день пребывания своего в Симбирске, потребовал к себе все семейство Шишкиных и на память о своем Монаршем благоволении, подарил матери и женам их по бриллиантовому перстню.)

Переодевшись, Государь, при восторженных кликах народа, поехал в собор, где был встречен архиепископом Казанскими и Симбирским Амвросием, прибывшими нарочно по этому случаю из Казани, (Архиепископ Амвросий приветствовал Государя речью; равным образом и при отъезде Государя из Симбирска, архиепископ тоже произнес в соборе речь. Списки этих обеих речей хранятся в библиотеке Симбирской Губерн. Ученой Архивной комиссии. (См. приложение № 8), а из собора отправился в губернаторский дом, где и отдыхал до следующего утра. 6-го сентября представлялись Государю дворяне, чиновники и купечество. (Рассказывают, что во время этого представления, губернатор Лукьянович, когда очередь дошла до его приятеля и земляка, малоросса Лазаревича, служившаго губернским почтмейстером, указывая на него обеими руками и обращаясь к Государю сказал: „а се наш почтеннейший Иван Хведорович“, вызвав тем на лице Государя улыбку. (Москов. Вед. 1883 года, № 225),затем, Государь ездил осматривать город, посетил дом трудолюбия, больницу, острог, (Осматривая острог, Государь обратил внимание на содержащихся там знаменитых в то время Курмышских разбойников, по прозванию „Пахомку“ и „Ваську“, которые в продолжении нескольких лет наводили своими злодеяниями ужас на жителей. Не только Симбирской, но и соседних губерний; им покровительствовал, как потом оказалось, Курмышский исправник. На вопрос Государя, сколько убийств они совершили, один из них отвечал, что в точности не упомнит, но не менее 30, причем объяснил, что жертвами их злодеяний были преимущественно священники. Они на коленях просили о прощении, но Государь сказал, что для таких извергов не может быть ни помилования, ни снисхождения. Впоследствии они были наказаны кнутом, причем старший не вынес и умер под ударами, а младший жил не долго после экзекуции. (Москов. Вед. 1883 года, № 225)учреждения. (Все поездки по городу Государь совершал на городских лошадях, но со своим любимым кучером (сопровождая Его Величество во всех поездках, не только по России, но и за границу), Ильёю, уроженцем села Загудаевки, Симбирскаго уезда и принадлежавшим прежде Симбирскому помещику, флотскому офицеру, Лукину, приобретшему европейскую известность по своей силе и по разным эксцентричным выходкам.)

К Высочайшему обеденному столу приглашены были: архиепископ Амвросий, губернатор А. Ф. Лукьянович и губернский предводитель дворянства князь М. П. Баратаев. После обеда Государь прогуливался в саду, устроенном при больнице и названном, также как и самая больница, „Александровским“. В этом саду купечество угощало Государя, в нарочно устроенном вокзале, чаем и фруктами, из оранжерей и садов Симбирской губернии, причем хозяйкою была уважаемая всеми купчиха Д. М. Косолапова. Вечером того-же дня Государь удостоил своим присутствием бал, данный дворянством, и открыл его польским, с супругою губернскаго предводителя, княгинею Александрою Николаевною Баратаевою, а потом танцевал и с другими дамами. 7-го сентября, в воскресенье, в 6 часов утра,

Государь присутствовал при закладке нового собора, собственноручно положил в его основание камень и заделал его известкой, посредством нарочно приготовленной для сего серебряно - вызолоченной лопатки, поднесенной губернским предводителем дворянства. После церемонии закладки храма, Государь прошел пешком в казармы военных кантонистов, находившиеся на венце, где теперь помещается епархиальное женское училище. В тот же день, после полудни, Государь, выслушав краткое молебствие всоборе, уехал из Симбирска, по Саратовскому тракту, направляясь в Самару. (Симбирский сборник 1868 г., стр. 150.)

Император Николай I-й прибыл в Симбирск в 3 часа дня, 22-го августа 1836 года и приветствован был в соборе архиепископом Симбирским и Сызранским Анатолием. (Современная рукописная копия речи, произнесенной при этом преосвященным Анатолием, хранится в библиотеке Симбирской Губернской Ученой Архивной комиссии. (См. приложение № 9).) Еще за три дня до приезда Государя, народ из соседних деревень, на 4 версты от города, занял почтовую дорогу, по обеим сторонам; тут и ночевал. На мосту через р. Свягу, энтузиазм народа, при встрече Государя, достиг своего апогея: двое крестьян бросились под экипаж, со словами: „дави, да дай себя увидеть, отец наш!“ Государь приказал отложить пристяжных лошадей и шагом, окруженный своим народом, доехал до собора, а оттуда до крыльца приготовленного для него губернаторского дома, где уже ожидали Государя местные дворяне, чиновники и именитое купечество. Государь не заставил себя долго ждать и вскоре же по приезде вышел в зало, принял от купечества хлеб-соль, а дворян и чиновников представлял бывший губернатор, Иван Степанович Жиркевич, только за день до того сдавший уже свою должность вице-губернатору, вследствие назначения губернатором в Витебск. Увидав целый ряд дворян, ростом один выше другого, Государь весело сказал:

„Ого! вижу, что Я приехал в черноземную губернию; такой рост не везде встречается“.

Затем, обходя представлявшихся, Государь остановился перед бодрим стариком Петром Петровичем Бабкиным и сказал:

— Вашего мундира и Я не знаю; скажите, какой это мундир?

— Вечная памяти матушки Екатерины, капитана Преображенского полка!
ответил Бабкин.

— Славного вы роста!

Государь был очень милостив и весел. По окончании представления, обращаясь к дворянам, Он спросил их:

— Господа скажите, — кто у вас был лучшим и любимым губернатором?

— Жмакин! ответили в один голос дворяне.

(Воспоминания Э. И. Стогова (Русская Старина, 1878 г. Декабрь, стр. 675). 23-го августа Государь слушал обедню в Никольской церкви, откуда проехал на Александровскую площадь, произвел там смотр Симбирскому гарнизонному батальону, а потому поехал, с губернатором Жиркевичем, осматривать город и заведения. Этот Царский осмотр принес огромную пользу городу, так как Государь сделал много указаний к возведению новых построек, которые потом были приведены в исполнение и послужили к благоустройству и украшению города. Так, Государь обратил внимание на необходимость построить новые дома: дворянской и

городской; указал как привести в порядок соборную площадь, устроить новую площадь

около губернаторского дома (Карамзинскую) и хороший спуск к Волге, набережную на ней и пристань. 23-го августа 1886 года после обеда, в 6 часов вечера, Император Николай Павлович выехал из Симбирска на Пензу (Записки И. С. Жиркевича (Русская Старина, 1890 г. июль, стр. 118 и след.)

Император Александр был в Симбирске два раза: первый раз, еще будучи Наследником Цесаревичем, Александр Николаевич прибыл в Симбирск утром, 24-го июня 1837 года, по Московскому тракту; в свите находился воспитатель Его, знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский. Народ и представители города встретили Его Высочество, ещедалеко за чертою города, с хлебом и солью, а в кафедральном соборе Наследника Цесаревича приветствовали преосвященный Анатолий, епископ Симбирский и Сызранский, начальник губернии Иван Петрович Хомутов и представители всех сословий. Осмотрев город, Цесаревич удостоил своими посещением выставку местных произведений, устроенную нарочно по случаю приезда Его Высочества, а вечером был на балу, данном дворянством. На следующий-же день, рано утром, Наследник Цесаревич выехал из Симбирска по Сызранскому тракту и в память пребывания своего в нашем городе, пожаловал 5000 рублей ассиг., для раздачи бедным города Симбирска, каковыя деньги и были распределены, между беднымивсех сословий, губернатором совместно с Архиереем и Губернским Предводителем Дворянства (Симбирский сборник 1868 г., стр. 156. Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 1.)

Второй раз, Император Александр Николаевич, вместе с Наследником Цесаревичем Александром Александровичем и Великим Князем Владимиром Александровичем, осчастливил город Симбирск своим посещением 28 августа 1871 года, в 12 1/2 часов дня, проездом на Кавказ. После краткаго молебствия в соборе, Его Величество остановился в доме дворянского собрания. Удостоивпринять дворян, должностных лиц, представителей городского управления, хлеб — соль от цеховых и мещан, Его Величество посетил мужскую и женскую гимназии и приют общества христианскаго милосердия. Затем, после большого завтрака, к которому были приглашены: архіерей, губернатор, губернский предводитель дворянства, городской голова и начальники отдельных частей, Его Величество с Их Высочествами, благополучно отбыл, в 4 1/2 часа дня, в Самару.— В память вторичного посещения Симбирска незабвенным Государем, Симбирская Городская Дума учредила две стипендии имени Его Величества, по 240 руб. каждая, на содержание воспитанников из бедных жителей города Симбирска, в одном из высшихучебных заведений. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., №№ 64 и 79).

Наследник Цесаревич Николай Александрович ныне в Бозе почивающий, изволил посетить город Симбирск 1-го Июля 1863 года, во время путешествия своего по Волге, на пароходе „Турист“, принадлежавшем Самолетскому обществу. В 10 ч. утра „Турист“ подошел к Симбирской пристани и Наследник Цесаревич был встречен начальствующими лицами. На мосту, ведущем от пароходнаго дебаркадера к петропавловскому спуску, стояли дворяне и купечество, все в мундирах; за ними следовали цеховые со своими значками, а далее — множество народа, оглашавшаго воздух восторженными криками „ура“! С пристани Наследник Цесаревич поехал в город, в коляске, в сопровождении губернатора, Михаила Ивановича Анисимова и

остановился у собора, на паперти котораго был встречен преосвященным Евгением, с крестом и святою водою.

После краткаго молебствия, Его Высочество пошел пешком в губернаторский дом, где было приготовлено для Него помещение. В тот-же день, после непродолжительнаго отдохновения, Цесаревич принимал дворян, должностных лиц и представителей городского и сельскаго населения; купечество поднесло, по старинному русскому обычаю, хлеб-соль и живого осетра. За купечеством представлялись ремесленники и цеховые, потом удельные крестьяне со своими головами, поднесшие хлеб-соль на резном деревянном блюде, работы Симбирскаго мещанина Ширшикова, семидесятилетнего старика, и наконец — волостные головы крестьян собственников и временно-обязанных. Всех представлявшихся Его Высочество осчастливил милостивым словом. После обеда Цесаревич посетил Спасский девичий монастырь, где настоятельница, игуменья Серафима, благословила Его Высочество иконою Спасителя, вышитою по карте золотом, работы монашествующих сестер. Здесь-же, на монастырском дворе, Его Высочество был в училище для девиц духовнаго звания, удостоил принять поднесенную воспитанницами салфетку, искусно вышитую шелками. Из монастыря Его Высочество навестил преосвященнаго Евгения, в архиерейском доме, а затем катался по городу до наступления вечера, когда весь город осветился многочисленными огнями иллюминации. На другой день, 13-го Июля, Его Высочество посетил Марусинское женское училище, где принял от воспитанниц предназначенный в дар Ея Величеству, Государыне Императрице Марии Александровне, богато вышитый шерстями ковер. Из Мариинскаго училища Его Высочество проехал в Елизаветинское женское училище; там воспитанницы поднесли салфетку, вышитую по белому сукну золотому и синелью. После этого, Цесаревич отправился за Свиягу, в удельное училище крестьянских дочерей, а по возвращении в города, осматривал заведение агрономических машин купца А. И. Зотова и произведения суконной фабрики Селиверстова, находящейся и по ныне в Карсунском уезде, Симбирской губернии.

После обеда Его Высочество посетил земскую конюшню, откуда отправился на бега, происходившие за городом, по Саратовскому почтовому тракту, близ Киндяковой роши. На следующее утро, 14-го июля, Его Высочество слушал обедню в кафедральном Троицком соборе, а по окончании литургии произвел смотр местным войсками. Затем Его Высочество осматривал тюремный замок, из котораго проехал по Смоленскому спуску, в сад купца Карташова, (ныне сад этот принадлежат исправительному приюту) где, из беседки, долго любовался прекрасным видом на Волгу. Вечером, в 10 часов, Его Высочество удостоил своим посещением данный дворянством бал, благодарил представителей Симбирскаго общества за радушный прием и вскоре-же отбыл, для отдохновения, в губернаторский дом, а на следующее утро; в 8 часов, провожаемый неумолкаемыми криками „ура“, отбыл, на пароход, в Самару (Симбирский сборник 1866 г., стр. 159 — 164.) При отъезде Цесаревич принимал Симбирских дам, которыя поднесли Его Высочеству букеты живых цветов, а взамен, каждая из них получила, на память, фотографическую карточку Его Высочества.

Император Александр III-й посетил Симбирск два раза, оба — когда еще был Наследником Цесаревичем. В начале лета 1866 года получено было известие, что Наследник Цесаревич Александр Александрович, путешествуя по Волге, в августе

месяце того года, имеет намерение посетить Симбирск. Однако это не состоялось, потому что вследствие прибытия принцессы Марии - Дагмары в Россию ранее, чем первоначально предполагалось, Его Высочество принужден был отказаться от дальнейшего путешествия по Волге и из Нижнего-Новгорода поспешил вернуться в Петербург, для встречи своей Августейшей невесты. Это обстоятельство отсрочило посещение Его Высочеством города Симбирска на три года. 20-го июля 1869 года, в 11 часов утра, Наследник Цесаревич, вместе с Государыней Цесаревной Марией Феодоровной и Великим Князем Алексеем Александровичем; прибыл в Симбирск, из Казани, на пароходе общества „Кавказ и Меркурий". С пристани, Их Высочества отправились, через изящно украшенные триумфальные ворота, сопровождаемые восторженными криками толпы народа, в кафедральный собор, где были встречены преосвященным Евгением. Приложившись к святому кресту и приняв поднесенные преосвященным иконы, Их Высочества отбыли в дома Симбирского Дворянства, в приготовленное для них помещение. Здесь представлялись Их Высочествами дворяне, должностные лица, купечество, головы и волостные старшины, поднесшее хлеб-соль; кроме того Ея Высочеству, отдельно, представлены были Симбирские дамы. Во время обеденного стола, к которому были приглашены почетные лица города, играл любительский оркестр музыки, составленный местным помещиком Сергеем Николаевичем Нейковым, председателем Симбирского музыкального общества; этот оркестр, за удачное исполнение датского марша и многих других пьес, удостоился личного одобрения Их Высочеств. После обеда Их Высочества катались по городу, посетили Карамзинскую библиотеку, мужскую гимназию, а также были в женской гимназии, воспитанницы которой поднесли Ея Высочеству ковер своей работы, а затем отправились за Свягу, в детский приют общества христианского милосердия. Здесь, усердием крестьяне и заботливостью Симбирского исправника Д. И. Трутнева, вся улица была покрыта зеленью и цветами; по обеим сторонам дороги стояли, в праздничных нарядах, по правую сторону — крестьянки, по левую — крестьяне и собранные инородцы: татары, чуваша и мордва, в их национальных костюмах. Приняв от крестьян хлеб-соль и от воспитанниц приюта салфетку, Их Высочества осматривали приют, в сопровождении председательницы общества христианского милосердия, Александры Кировны Бычковой, и изъявили свое удовольствие за найденный отличный порядок. Затем Их Высочества отбыли в Симбирскую земскую больницу, осмотром которой тоже остались довольны, а отсюда поехали на пароходе, в 11 часов вечера, отплыли из Симбирска. Вечерняя иллюминация города не вполне удалась, по случаю дождя. В память своего посещения гор. Симбирска, Их Высочества пожаловали 600 рублей, в пользу бедных города Симбирска, и 150 рублей на вознаграждение чинов полиции; Симбирского полицеймейстера Н. Н. Некрасова наградили бриллиантовым перстнем, а губернскому предводителю дворянства, Александру Ивановичу Ермолову и городскому голове, потомственному почетному гражданину Петру Андреевичу Егорову, подарили свои фотографические портреты (Симбирский сборник 1870 г. отдел I, стр. 91 — 94 Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 63 и 1894 г., № 86.)

Второй раз Наследник Цесаревич Александр Александрович посетил город Симбирск вместе с Августейшим родителем, Императором Александром II-м, 28-го августа 1871 года, о чем сообщено было выше. Великий Князь Михаил Павлович был в Симбирске 29-го августа 1817 года. (Симбирский календарь 1878 г., стр. 52.)

Но о посещении Его Высочества сохранилось очень мало сведений. Известно только, что Его Высочество посетил губернскую гимназию, а оттуда отбыл в Спасский женский монастырь, где слушал всенощную и прикладывался к иконам. (Описание Симбирскаго Спасскаго женскаго девичьяго монастыря, стр. 26. В библиотеке Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии хранится интересное «рописание лошадей, приготовленным под экипаж для вояжа Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Павловича, на Елшанской станции», Симбирскаго уезда: 1) к коляске его Высочества. Кучером — Сейфиймулюк Хабибуллоу; лошади: по правую сторону, к дышлу, мерин гнедой, подле его мерин пегий; по левую сторону, к дышлу, мерин сивый, подле его мерин сивой-же. Фалейтор Насыр Ибетов, под ним мерин гнедой; подручная бурая. 2) Кавалерская. Кучер Савелий Борисов; лошади: по правую сторону, к дышлу, мерин рыжий, подле его мерин соловой. Фалейтор Тихон Борисов, под ним мерин искря-гнедой; подручная гнедая. 3) Для доктора и адъютанта. Кучер Аюп Юсупов; лошади: по правую сторону, к дышлу, мерин саврасый, подле его мерин чалый; по левую сторону, к дышлу, мерин чало-пегий, подле его мерин сивый. Фалейтор Искак Усманов, под ним мерин рыжий; подручная сиво-чалая. 4) Камердинерская. Кучер Александр Алексеев; лошади: по правую сторону, к дышлу и подле его гнедые мерины; по левую, к дышлу, мерин рыжий, к нему карий. Фалейтор Александр Алексеев, под ним мерин буланой; подручная бурая. 5) Фургон. Кучер Мухамет Халиков; лошади: по правую сторону, к дышлу, мерин белый, подле его соловая; по левую сторону, к дышлу и подле — мерины гнедые. Фалейтор Хабус Адрягимов, под ним мерин сивый; подручная карая. Для фельдъегеря — перекладная тройка. Подписал: Исправник Василий Маркевич.)

Старожилы рассказывают, что для встречи Его Высочества собралось Симбирское дворянство, со своими уездными предводителями, в числе коих находился Самарский уездный предводитель Чемодуров, известный не только в губернии, но далеко за ее пределами, своим ростом, дородством и необыкновенным аппетитом, приводившим в изумление современников. Его Высочество удостоил принять от дворянства приглашение на обед, который и был дан, на другой день его приезда, в зале дворянскаго собрания. Исправлявший должность губернскаго предводителя, Симбирский уездный предводитель дворянства князь Баратаев, зная Чемодурова и боясь как бы он на обеде не сконфузил себя в глазах Великаго князя, признал нужным поговорить с ним об этом и посоветовал ему пообедать сперва дома, а потом уже приехать к парадному столу, на что Чемодуров охотно согласился. Пообедав исправно около 12 часов дня и немного соснув, Чемодуров отправился к назначенному часу в зало собрания, где, хлопотавший о достойном приеме высокаго гостя, князь Баратаев, встретив его, спросил, как он собою распорядился? и получив ответ, что он уже пообедал и не чувствует никакого аппетита, успокоился. Чемодуров, вследствие занимаемой им должности и того уважения, коим он пользовался в обществе, сел за стол недалеко от Великаго Князя и когда услышал запах любимых кушаний, то совершенно забыл, что уже пообедал дома и, с перваго же блюда, начал усердно кушать и чем дальше, тем больше разгорался его аппетит. Великий Князь заметил это и долго на него смотрел, а после обеда спросил князя Баратаева — богат-ли Чемодуров и получив ответ, что у него 1000 душ, сказал: „в таком случае можно быть спокойным — он не умрет с голода" (Москов. Вед. 1883 г., № 225. Из записок о былом", кн. В. И. Баюшева.)

Великий Князь Константин Николаевич был в Симбирске, в течении нескольких часов, 9 июня 1870 года. В 7 час. вечера того числа Его Высочество прибыл в Симбирск нановом пароходе «Император Александр II», принадлежащем и по ныне обществу „Кавказ и Меркурий“, совершавшем тогда первый пробный рейс от Спасскаго затона. По выходе на берег, Его Высочество, сопровождаемый несмолкавшими криками „ура“, отправился в собор, где был встречен преосвященным Евгением и после краткаго молебствия, осматривал храм; при сем с похвалой отозвался об украшениях его. Из собора Великий Князь отбыл в дом дворянскаго собрания; там было приготовлено ему помещение, так как губернаторский дом, постоянная резиденция Высочайших Особ, при посещении им гор. Симбирска, тогда не был еще обновлен после пожара 1864 года. С балкона дворянскаго дома, Его Высочество любовался видом на город и на Волгу, затем спустился в Карамзинскую библиотеку и осмотрев ее, записал свое имя в особую книгу, хранящуюся и до ныне, для записки имен Высоких посетителей. Из библиотеки Великий Князь, поехал, в сопровождении начальника губернии, кататься по городу, посетил самыя отдаленныя части его и, особенно те места, которыя, наиболее пострадали от пожара. В 10 часов вечера Его Высочество спустился под гору, по тихвинскому спуску, и возвратился на пароход; там ночевал, а утром 10-го июня, отплыл в Самару, на пароходе „Царевна Мария“, принадлежавшем тому-же пароходному обществу „Кавказ и Меркурий“ (Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 44.)

Великий Князь Николай Николаевич старший, с сыном, проследовал мимо города Симбирска 16-го августа 1883 года, проездом, из города Казани в город Самару. Пароход Самолетскаго общества „Ратьков-Рожнов“, на котором изволили следовать Его Высочество, подошел к Симбирской пристани в 10 часов 15 мин. вечера и во время причаливания Его Высочество стоял на трапе, приветствуемый восторженными криками собравшагося на берегу народа. Когда пароход пристал, Великий Князь сошел на пристань и был встречен губернатором, начальствующими лицами и представителями города. Приняв от городского головы хлеб-соль и удостоив некоторых лиц милостиваго разговора, Его Высочество возвратился на пароход и все остальное время, до отхода парохода, стоял, с Августейшим сыном, на трапе, освещенный электрическим светом, наведенным с крыши пароходной конторки. Народ, немолкаемым „ура“, приветствовал и провожал Высокаго гостя и клики его смолкли лишь когда пароход отошел уже далеко от Симбирска. В этот день все Симбирския пристани были, с утра, красиво убраны флагами и цветами, а вечером иллюминированы фонарями; во время стоянки парохода у пристани, на песках, против города, горели смоляныя бочки и пускаемы были ракеты. (Симб. Губ. Вед. 1883 г., № 58.)

Великий Князь Владимир Александрович посетил город Симбирск два раза. В первый раз Его Высочество прибыл в Симбирск 18 мая 1868 г., в 11 1/2 часов утра, на пароходе Самолетской компании „Владимир Глазенап“. В этот день, утром, в Симбирске была встреча чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, ежегодно приносимой из жадовской пустыни.



Князь Николай николаевич

Вся масса богомольцев, состоявшая не только из городского населения, но и из сельских жителей, во множестве собравшихся в Симбирск, отправилась, после встречи иконы, к Волге и усеяла собою пристань, петропавловской спуск и венец, что придавало особенную и оригинальную торжественность при въезде Великого Князя в город, украшенный флагами. Выслушав в соборе краткое молебствие, Его Высочество отбыл в квартиру губернатора, находившуюся тогда на Покровской улице, в доме А. К. Бычковой.

После краткого отдыха, Его Высочество отправился, в сопровождении начальника губернии, осматривать город, тогда далеко еще не оправившийся после большого пожара 1864 года, причем посетил мужскую гимназию, где присутствовал на уроках и женскую гимназию, воспитанницы которой поднесли Великому Князю ковер своей работы. Затем Его Высочество изволил осматривать тюремный замок с арестантской школой и земскую больницу, откуда отправился на пароход обедать; к обеденному столу были приглашены губернатор и некоторые почетные лица. Вечером, во время иллюминации, Великий Князь катался по городу. На другое утро, 19-го мая, в день Св. Троицы, Его Высочество был у обедни в гимназической церкви, а оттуда прибыл в дом дворянского собрания, где принимал представлявшихся ему дворян, чиновников и представителей городского общества, причем городской голова поднес Его Высочеству хлеб-соль на резном дубовом блюде и большого осетра, с двумя живыми стерлядями, в огромной ванне. После приема, осмотрев Карамзинскую библиотеку, Его Высочество отправился за город на бег, устроенный Симбирским обществом охотников конского бега; там лично раздавал призы и по просьбе членов, принял общество под свое высокое покровительство. Вечером около 8 часов, Великий Князь оставил город Симбирск. (Памятная книжка Симб. губ. на 1869 г. отд., стр. 3.) Второй раз Великий Князь Владимир Александрович был в городе Симбирске в 1871 году, о чем было упомянуто выше.

Великий Князь Алексей Александрович посетил город Симбирск не надолго, вслед за своим Августейшим братом. Вечером 19-го мая 1868 года Симбирское

общество проводило Великого Князя Владимира Александровича, а 21-го того-же мая, в 9 часов утра, прибыл в Симбирск Великий Князь Алексей Александрович, посетивший накануне сего, в день своего Ангела, приволжское село Ундоры, Симбирского уезда. После обычной встречи на пристани, Великий Князь, среди народной толпы, прибыл в кафедральный собор; оттуда, после молебствия, посетил мужскую и женскую гимназии, а затем поехал в квартиру начальника губернии, для отдыха. После полудня, Его Высочество осматривал Карамзинскую библиотеку, больницу. И затем съехал под гору на пароход, где принял от городского общества хлеб — соль. К завтраку, Его Высочества, приглашены были некоторые почетные лица города, а в 3 часа дня Великий Князь отплыл, на пороходе, в Самару, напутствуемый прощальными криками толпившагося народа. (Там-же, стр. 11.) На следующее лето Великий Князь Алексей Александрович вторично был в Симбирске, 20-го июля 1869 года, сопровождая своего старшего брата, Наследника Цесаревича Александра Александровича и Цесаревну Марию Феодоровну, о чем было сказано выше.

Принц Петр Георгиевич Ольденбургский был в Симбирске несколько раз: 1 го сентября 1857 года, в 1858 году, 19-го июня 1861 года, 1-го июня 1869 года и 2-го июня 1874 года; Его Высочество приезжал исключительно для ревизии учебных заведений, находящихся в ведомстве Императрицы Марии: Женской гимназии и приюта общества христианского милосердия, но вместе с тем, посещал и другие городские учебные заведения.

В Симбирске жила Грузинская царевна, Тамара, бывшая фрейлина Императрицы Александры Феодоровны, сосланная сюда из Грузии, на жительство, в 1829 или в 1830 году, после открытого в Тифлисе заговора грузинских князей. Эта несчастная страдалница, высокая, худая, лет под 50, почти десять лет пробыла в Симбирске и все время вела затворническую жизнь. Несколько раз подавала она разным высокопоставленным лицам прошения об исходатайствовании ей смягчения ее участи, но благоприятного результата не было и только благодаря участию, принятому в ней губернатором Жиркевичем, ей дозволено было возвратиться на родину, после того, как Симбирск посетил Император Николай Павлович (Воспоминания Э. И. Стогова — (Русская Старина, 1878 г. Декабрь, стр. 683) и И. С. Жиркевича (Русская Старина, 1890 г. июль, стр. 109).

Внешний вид города Симбирска

*Я не забыл тебя далекий, но сердцу близкий городок,
и Волги берег твой высокий, и тротуары из досок;
твои пастушеские нравы, стада баранов и мороз,
весной чрез лужи переправы, зимой — бугры твоих снегов;
главу блестящую собора, уютных домиков ряды, А там, по склону косогора,
твои фруктовые сады; твой тарантас шестиаршинный,
костюм мордвы, чуваш, татар, и чисто русский быт старинный
твоих приветливых бояр. Жилец роскошной днесь столицы,
где воду невскую лишь пью - забуду-ль я твоей водицы,
хлеб-соль радушную твою.*

(Это стилотворение сообщено Симбирским старожилом А. П. Грневым. Оно принадлежит К. И. Кореневу, долго жившему в Симбирске и в сороковых годах перешедшему на службу в С.-Петербурге, откуда он и прислал это „Воспоминание“.)

Общий вид города; принадлежащая ему земли и население. Город Симбирск лежит под 54 гр., 18', 51", северной широты и под 66 гр, 3', 56" восточной долготы и расположен по обе стороны р. Волги, в среднем ее течении. Лучшая и значительная часть города находится на правой, нагорной, стороне Волги. (О заволжской части города Симбирска (слободы — Часовни, Канава и Королевка) будет сказано особо.) на широком перевале между р.р. Волгою и Свиягою. Берег Волги здесь возвышается на 67 сажен (Липинский, т. II, стр. 701.) и образует так называемую Симбирскую гору. У подошвы этой горы, идет, вдоль р. Волги, узкая полоса земли, на которой расположена подгорная часть города; сады, покрывающие скат Симбирской горы, придают летом весьма оживленный вид этой части города и отделяют ее от главных городских построек, находящихся на горе. Симбирския гора едва заметно спускается к р. Свияге, так что образует отлогость, на которой расположен город. Благодаря высокой горе, Симбирск, фактически, далеко отстоит от Волги, хотя и числится расположенным на ее берегу, но надо проехать не менее трех верст, хотя и по благоустроенному спуску, чтобы добраться, с берега реки Волги, в город.

Подгорье, бывший древний посад, когда-то самая оживленная часть города, ныне составляет как бы подгородную слободу. От венца Симбирской горы до р. Волги, по крутым спускам,— полверсты, а от венца до Свияги — более двух верст. Уклон горы от Волги к Свияге очень небольшой, так как уровень Свияги, против Симбирска, на 21 сажен выше уровня Волги. Местность, окружающая город, довольно разнообразна: на север она несколько возвышается и перевал, на котором расположен Симбирск, расширяясь по этому направлению, образует плоскую возвышенность, высшая точка которой, на четвертой версте от Симбирска, по Казанской почтовой дороге, возвышается над Волгой на 75 сажен; по этому и Симбирск, при въезде с северной стороны, кажется расположенным в долине. Это возвышенное плато, восточным краем круто обрывается к Волге, а на западе образует высокий берег р. Свияги, против подгородных сел Мостовой и Сельдинской слобод. К югу от города, венец Симбирской горы поворачивает на западе и обогнув большим полукружием обширные поемные луга, образует

огромное займище, весною почти сплошь заливаемое водою разливающейся Волги. На западе от Симбирска растилается холмистая равнина, окаймленная, с северной стороны, правым возвышенным берегом р. Свияги, которая подходит к Симбирску, в противоположность Волге, с юга на север и пройдя в этом направлении мимо Симбирска, круто поворачивает на запад. Местность на юге и на западе совершенно открытая и от Симбирска видна на 15 — 20 верст. С восточной стороны Симбирска, с венца, открывается великолепный вид на Волгу, которая против Симбирска имеет ширину в две версты, на заволжские слободы и на Самарский берег Волги, открывающийся верст на 30 в глубь и в обе стороны; южнее, за займищем, виднеются Сенгилеевския горы с конусообразной возвышенностью, называемую Шиловскою шишкою; в ясный летний день видны Сенгилеевския пароходныя пристани (около 45 верст по прямой линии). Симбирская гора имеет красивый вид с Волги, если приближаться к ней с юга; она появляется на горизонте далеко южнее гор. Сенгилея, на разстоянии более 50 верст по прямой линии, но чем ближе к ней подходит, тем менее видны городския здания, скрываеыма высокою горою, так что самый город лучше виден с западной стороны — оттуда он представляется расположенным террасами и весьма живописен.

**В настоящее время городу Симбирску принадлежать
следующее количество земли:**

1) На нагорной стороне р. Волги:	
а) Усадебной, внутри городской черты	893 дес. 1884 саж.
б) Выгонной	1456 дес. 540 саж.
Итого:	2350 дес. 24 саж.
2) Река Волга с островами	
а) Острова на р. Волге	1492 дес. 960 саж.
б) Рыбныя ловли по р. Волге и ея затонам	2954 дес. 245 саж.
Итого:	4446 дес. 1205 саж.
3) На луговой стороне р. Волги:	
а) Под поселением	534 дес. 959 саж.
б) Выгонной	825 дес. 274 саж.
в) Пахатной	8446 дес. 1718 саж.
г) Сенокосу	892 дес. 745 саж.
д) Лесной участок «Дуброва»	2309 дес. 1254 саж.
е) Лесной поросли	57 дес. 2200 саж.
ж) Неудобной земли	569 дес. 69 саж.
Итого:	13635 дес. 19 саж.

(О земле, принадлежащей к заволжской части будет сказано ниже.)

Всего земли и угодий в дачах г. Симбирска 20431 дес. 1248 саж.

Приведенное количество земли, принадлежащей гор. Симбирску, вычислено в 1849 году гражданскими топографами, командированными специально для этой цели Министерством внутренних Дел и в течении почти полстолетия, изменилось только в частностях, общее же пространство земли осталось почти без изменения.

Усадебная земля города расположена на правом, нагорном берегу р. Волги, которая, вместе с своим затоном Чувичем, служит границей с восточной стороны; с

юга и севера городская усадебная земля прилегает к городскому выгону, а западную границу ее составляет р. Свяга, за коей расположены дер. Конно-подгородная слобода и земля удельного ведомства.

Выгонная городская земля находится в двух участках: с северной стороны города — 506 дес. 740 саж. и б) с южной стороны — 949 дес. 2200 саж. Большая часть северного выгона (263 дес. 1000 саж.), находящаяся на покатости к р. Волге, покрытая лиственным лесом, носит название „колки" и служит местом для летних прогулок городских жителей; остальная часть выгона отведена, главным образом, для пастьбы скота.

По плану гор. Симбирска, составленному в 1866 году, после пожара 1864 годах предполагалось улицы Мартынову и Шатальную довести до северного выгона, где они должны были сходиться у проектированного городского православного кладбища; кроме того на северном же выгоне предполагено было устроить все кладбища: по сторонами православного — лютеранское и католическое, каждое отдельно, а затем, ближе к большой Казанской дороге — еврейское и татарское. Однако все эти предположения не приведены в исполнение, и на северном выгоне осталось одно только татарское кладбище и то потому, что оно уже прежде там было. На южном выгоне много мелких оброчных статей под огородами и садами и почти половина его была прежде занята лагерным расположением и местом стрельбища, расположенных в г. Симбирске резервных баталионов, но с 1897 года большая часть отдана городом под строящуюся железную дорогу. По городскому плану 1866 года на южном выгоне, возле чугунно-литейного завода купца Андреева, должно быть второе городское православное кладбище, но этот проект не осуществился.

Усадебная земля отмежевана городу, вместе с выгонною, состоящею с ней в одной окружной меже, 1-го июля 1798 года и межа утверждена 18-го июля 1833 года, а по выделении из общего количества этой земли, согласно решению Симбирскаго Уезднаго Суда, участка сенных покосов, называемых „стрелецкими" и огородной земли, в частное владение, на остальную дачу составлен, в 1847 году, специальный план, по которому в этой даче значится земли всего — 2020 дес. 1518 1/4 саж.— на 329 дес. 906 саж. менее против хозяйственной съемки, произведенной, как выше сказано, в 1849 году, что могло произойти как от изменения берегов рек, составляющих границы дачи, так отчасти и от неточности межевых вычислений. На р. Волге принадлежат гор. Симбирску четыре острова:

а) Телячий, размером в 393 дес. 2100 саж., лежит среди Волги, между городом и заволжскими слободами; б) Новый, площадью в 92 дес. 730 саж., расположен против слободы Королевки, ниже Телячьего острова, от котораго отделяется лишь узким протоком. Он образовался в 1868 году из песчаного наноса и с тех пор, каждый год после половодья, размеры его увеличиваются; в) Зотовским (Середыш), мерою в 517 дес. 1130 саж., находится между Волгой и средней матерой воложкой, называемой еще «Ленивкою», которая отделяет его от Чувичинскаго острова, принадлежащаго причту соборной Троицкой церкви; а с южной стороны Середыш отделяется небольшим протоком от Тиломировскаго острова, находящагося во владений разных лиц и г) Казачий, площадь котораго составляет 488 дес. 1800 саж., прилегает к Самарскому берегу, между слободой Королевкой и селом Красным Яром и отделяется от берега только узким протоком. Он куплен городом в 1884 году у Симбирскаго купца Колпакова за 24,781 руб. 10 коп. Дача р. Волги с островами

генерально отмежевана 22-го июня 1798 года и по указу Межевой Конторы разделение учинено 23 марта 1812 года.

Эта дача граничит с севера — водами р. Волги с ее затоном Ботьмою и землею Телячьего острова, составляющими дачу сельца Пальцына, Самарской губернии; с востока — городской дачею земель в луговой стороне р. Волги и Самарскими берегом, прилежающим к Казачьему острову; с юга — дачею земель и угодий общаго владений крестьян сел Кременок, Панской, Криуш и друг., Симбирскаго уезда; с запада — санными покосами крестьян села Мостовой слободы, Симбирскаго уезда и островами Тихомировским и Чувичинским. (Общее инвентарное описание недвижимаго имущества г. Симбирска", изд. город. думы 1882 год)

Берега Волги, принадлежащие гор. Симбирску, тянутся по левой стороне — на 6 1/2 верст, а по правой — на 17 верст. Рыбная ловля по этим берегам и по прилежающим к ним протоками, затомам и озерам, принадлежат городу по р. Волге - на протяжении 19 верст, по р. Ботьме — на 12 верст, по средней матерой воложке — на 7 верст, по Суркиной воложке — на 2 версты и по Чувичинскому затоны — на 2 1/2 версты, а всего на протяжении 42 1/2 верст.

По последней однодневной всенародной переписи, произведенной 28-го января 1897 года, на основании положения, Высочайше утверждённого 5 июля 1895 года, в гор. Симбирске оказалось жителей: 20,262 муж. и 20,282 жен., всего 40,544 человека. Результаты подробной разработки этих сведений еще не обнародованы.

При учреждении Симбирскаго Наместничества, в 1780 году, в Симбирске было несколько более 10,000 жителей. После этого, население города постепенно и значительно увеличилось, так: в 1838 году было 17,379 жителей, (П. И. Сумароков „Прогулка по 12 губерниям". Симбирск.) а в 1856 году было уже 25,521 житель (Липинский, т. II, стр. 643.), а затем ежегодный прирост населения стал незначителен; через 20 лет, в 1876 году, общая цифра населения достигла только 28,041 жител. (13,895 муж. и 14 146 жен. (Симбирский календарь на 1878 г., стр. 85.), а в 1888 году она почти сравнялась с настоящею и составила 39,744 жит. (20,560 муж. и 19,184 жен.). Это последнее число жителей распределялось таким образом:

По сословиям

Дворян		
потомственных	506 муж.	568 жен.
личных	915	945
духовенства		
чернаго	13	60
белаго	202	270
почетных граждан		
потомственных	52	64
личных	253	231
купцов	312	409
мещан	11,389	12, 117
крестьян	1860	2662
военных войска	2730	-
отставных	1820	1590
иностранных подданных	26	38

лиц прочих сословий	482	230
Итого:	20560	19184
Всего:	39,744	

По вероисповеданиям

православных.....	19,308 муж.	18169 жен
старообрядцев...	255	249
католиков	135	146
лютеран....	91	106
евреев..	143	87
магометан.....	628	427
Итого:	20, 560 муж.	19,184 жен.
Всего:	39,744	

(Симбирский календарь на 1889 г., стр. 126 и 130.)

Мы остановились на сведениях за 1888 год потому, что они близко подходят к данным, оказавшимся при однодневной переписи 28 января 1897 года, не только в окончательном выводе, но по всей вероятности, и в частностях. По мере увеличения населения, увеличивалось, конечно, и число зданий и вообще разных построек в городе. Масленицкий указывает, что в 1783 году в Симбирске было всего 1400 обывательских домов, из коих только 6 каменных. В 1838 году было 39 каменных и 1855 деревянных домов. (И. И. Сумароков „Прогулка по 12 губерниям“.) В 1861 году число их дошло до 3021, при чем каменных было уже 386. (Липинский, т. II, стр. 691) Затем, после пожара 1864 года началась усиленная постройка каменных домов, число которых в 1887 году достигло 646-ти, при общем количестве в 4072 постройки. (Симб. календарь на 1889 г., стр. 141.)

В настоящее время в Симбирске всего 4300 домов. (Список населенных мест Симбирской губернии, изд. 1897 года.)

Наружная обстановка города, состав его населения, а также влияние экономических и исторических условий на быт Симбирских жителей, дают возможность разделить город на три части, резко отличающиеся одна от другой, а именно: а) на дворянскую, б) на торговую и в) на мещанскую. (Липинский, т. II, стр. 709)

Симбирску уже давно присвоено название „дворянского города“, по преимуществу, а потому, конечно, самая лучшая и богатая его часть— дворянская; она заключает в себе пространство между венцом Симбирской горы и Большой Саратовской улицей, а также улицы: Московскую, Покровскую и Лисиную.

В этой части города помещаются соборы, все губернския и городския административныя учреждения, почти все учебныя и благотворительныя заведения, театр, общественные сады и бульвары, клуб, лучшия гостинницы и проч. Здесь прежде почти все богатые помещики Симбирской губернии имели свои дома, но за последнее время число таких домов стало заметно уменьшаться. Отсутствие скученности в этой части города, широкия улицы, значительныя площади, бульвары и фруктовые сады почти у каждого дома (сплошныя ряды домов встречаются только по Большой Саратовской и Дворцовой улицам) придают всему городу изящную внешность и особый колорит, отличающий его от других приволжских городов. Для новаго человека, который всегда составляет себе понятие о городе по лучшей его части (Сенатор Павел Иванович Сумароков, посетивший Симбирск в 1838 году,

говорит (см. „Прогулка по 12 губерниям“) про него: „город расположен правильно, прекрасно, лучше всех прежних (Тулы, Воронежа, Тамбова, Пензы и друг.). Лучшая улица, Саратовская, шире всех улиц Петербургских, кроме Адмиралтейской площади. Другия: Покровская и Московская не столь хороши, но хороши“.)

Симбирск, сравнительно с другими городами, представляется как бы барином среди простолудинов, он — дворянин на Волге. (Монастырский „Спутник по Волге“, стр. 187.) Торговую часть города составляют: часть Большой Саратовской улицы, занимаемая гостинным двором и затем вся местность за речкой Симбиркой, заключающая в себе две большия площади: базарную и ярмарочную. В этой части сосредотачивается торговая деятельность города; здесь-же живет и большинство купцов. Наконец, мещанскую, самую бедную, часть города, составляют его окраины. на севере - местность, называемая „Кирпичные сараи" на западе — Большая и Малая Конныя улицы и вообще местность, прилегающая к р. Свияге, на юге — слобода „Туть" и на востоке — подгорная часть. Сия последняя, по географическому своему положению, стоит как бы особняком, а потому мы и начнем с нее описание города.

2) Подгорная часть и спуски.

Симбирское подгорье, в XVIII столетии, и даже в первой половине нынешняго, составляло, как мы видели выше, весьма населенную и оживленную торговую часть города. В настоящее время оно представляется населенным только между полотном железной дороги и р. Волгой, в приходе Петропавловской церкви, в местности, называемой „Успенская слобода", (так как здесь в старину был Успенский монастырь). В этой слободе несколько порядков усадебных мест Симбирских бедняков образуют две улицы: Успенскую и Нижне-Петропавловскую, пересекаемая двумя переулками, тоже Успенским и Петропавловским. Существуют еще два переулка: Прогонный и Набережная Чувича, но оба они проложены исключительно для удобства местных садоводов. Успенский переулок, или иначе Успенский спуск, устроен городом, в 1876 — 1879 годах, на протяжении 170 сажень и на шоссирование его, в 1881.году, израсходовано 3170 руб. 32 коп. (Историч. обзор 25-ти летия город. управления", стр. 35.)

Остальная часть подгорья застроена многочисленными хлебными амбарами, между которыми, в 1878 году, устроен к Волге небольшой шоссированный „Сахаровский" спуск (на протяжении 71 сажени), а далее тянутся, одна за другой, пароходныя пристани. По западной стороне Петропавловскаго спуска идет ряд избушек, принадлежащих хозяевам фруктовых садов. Симбирския пристани, в настоящем виде, представляют много неудобств. Единственный путь к пристаням — петропавловский спуск; но от него пароходныя дебаркадеры отстоят сажень на 70 и это пространство публика должна проходить, под гору и в гору, пешком, местами по земле, а кой где по набросанным доскам, что, во время дождя, при глинистом грунте волжскаго берега, представляется крайне неудобным; подъехать же в экипаже, непосредственно к дебаркадере, невозможно, так как благоустроенной набережной не существует. Кроме того, почти все разстояние между петропавловским спуском и дебаркадерами пристаней занято постройками, принадлежащими пароходным обществам и товаром, предназначенным к отправке или только что выгруженным, так что в случае пожара на пристани, чрезвычайно трудно препятствовать

распространению огня, вследствие тесноты; вода хотя и близко, но до нее не скоро доберешься. Подгорная часть изобилует родниками, из которых один, самый многоводный, пользуется, издавна, большою известностью, благодаря приятному вкусу его воды.

В начале этого родника, в полугоре, против здания присутственных мест, устроен колодезь, называемый „Исакиевским". Во время весеннего разлива Волги и Свияги, почти все окрестные жители пользуются водою Исакиевского колодца, не смотря на существование водопровода. Помянутые многочисленные родники, если не служат причиною, то, во всяком случае, значительно способствуют осаждению Симбирской горы, а это явление замечается по временам, в более или менее сильной степени. Так, подполковник Свечин, (Зерцалов „Краткий очерк Симбирска", стр. 7). бывший в Симбирске в 1765 году, в рапорте Сенату доносит, что Симбирская гора „в 743 году столь много с своего места тронулась, что две каменные церкви повредило, обывательское же поселение, состоящее под сей горой, коего весьма не мало, некоторые переломало, а прочая совсем переиначило". Затем, в 1785 году, обвал Симбирской горы был настолько велик, что при этом разрушились многие дома, в том числе смиренный дом и часовня близ Смоленской церкви. (Липинский, т. II, стр. 706.) Весною 1888 года образовались три значительных обвала горы близ Исакиевского колодца, которые угрожали бульвару на венце и город израсходовал почти 700 руб. на постройки, для предупреждения дальнейших обвалов горы в этой местности. (Журн. Думы 3 июня 1888 года.) Равным образом движение горы было замечательно при устройстве Смоленского спуска в 1892 году и в последнее время, при постройке ветви железной дороги к пристаням.

На зиму подгорная часть города почти совершенно замирает; но она значительно оживляется весною, с открытием навигации по Волге и летом, когда здесь происходит частое движение пароходов и пассажиров, отправка и приемка товаров. Железнодорожная ветвь, предполагаемая к открытию здесь в настоящем 1898 году, несомненно внесет большое оживление в эту местность.

В подгорной части почти весь скат Симбирской горы, от венца к Волге, покрыт многочисленными фруктовыми садами, составляющими один из главных предметов промышленности Симбирских обывателей. В шестидесятых годах в Симбирске насчитывали до 350 фруктовых садов, занимавших площадь в 300 десятин, ценностью до 500000 рублей, (Симб. Губ. Вед. 1866 г., № 56.) при чем некоторые сады превышали 30 десятин и оценивались в 15000 рублей. В настоящее время число садов не уменьшилось, но хорошие урожаи стали редки, а прежде, бывало, десятина сада приносила, в среднем, до 250 р. дохода. (Липинский, т. I, стр. 430.) Фруктовые сады существуют в Симбирске со времени его построения; уже в 1654 году здесь были не только фруктовые, но и тутовые сады, („Строельная книга, стр. 82.) и с тех пор число их постепенно увеличивается. Эти сады, кроме того, что дают значительный доход от продажи яблоков, груш, слив и различных ягод, интересны еще и тем, что во многих из них сохранились остатки пещер, где, в старое время, укрывались беглые и собирались на моление раскольники. Так, в 40-х годах нынешняго столетия, в одном из садов (Мингалевском) был пойман известный в свое время расколоучитель Афоний Кокуев; в другом саду нашли ход, который проходя под землю, вел будто бы к известному дому Пустынникова, стоявшему на месте нынешняго кадетскаго корпуса. В некоторых садах, лет 30 тому назад, еще

заметны были остатки земляных укреплений, возведенных здесь Стенькой Разиным, при осаде им Симбирска в 1670 году. (Симб. Губ. Вед, 1868 г., № 43.)

Всех спусков, соединяющих подгорье с городом, шесть: 1) Петропавловский, 2) Тихвинский, 3) Духовский, 4) Никольский, 5) Завьяловский и 6) Смоленский.

Петропавловский спуск начинается с южного конца главной городской улицы (Большой Саратовской), и на протяжении более трех верст, (1600 саж.), представляет прекрасно устроенный путь из города ко всем парходным пристаням. Большая часть этого спуска совершенно отлога и только в двух местах встречается небольшая крутизна, так что он не представляет большой трудности даже для возки тяжестей. Мысль о постройке петропавловского спуска и первоначальные указания о его распланировке, даны были Государем Николаем Павловичем, во время посещения Его Величеством города Симбирска в 1836 году. (Петропавловский спуск существовал и ранее, но только не в благоустроенном виде, так что пользоваться им было весьма затруднительно. В росписи о доходах и расходах гор. Симбирска на 1831 год (Второе полн. собр. зак. т. VI, ст. 4802 прилож.) определена статья расхода в 1000 рублей „на поддержание Петропавловского взвоза“.)



Петропавловский спуск

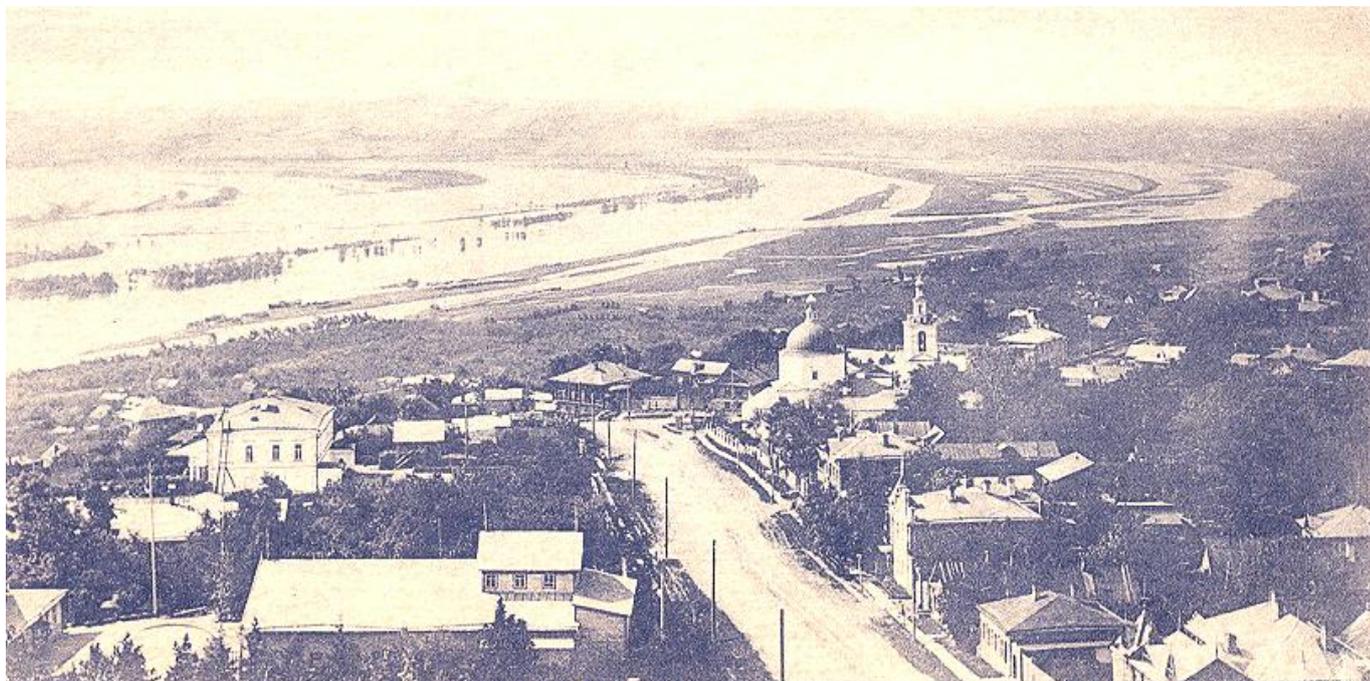
Бывший тогда Симбирский губернатор И. С. Жиркевич обратил внимание Государя, на то, что здешняя пристань приносит весьма мало пользы городу, по случаю затруднительного проезда к ней, не смотря на то, что казна ежегодно расходует на поддержку спусков к Волге от 15 до 30 тысяч рублей. Тогда Его Величество пожелал спуститься под гору и осмотрев там местность, выразил удивление, что никому еще не пришло в голову воспользоваться вполне удобным расположением Симбирской горы, для устройства на ней спуска, не только для пользы, но и для украшения города. Сравнивая эту местность с нижегородскою,

Государь заметил, что там надо было везде срывать, перерывать и укреплять землю, а здесь существуют натуральные контр-форсы, на коих следует только расчистить и провести спуски и учредить улицы. Указав, что можно устроить трех-ярусную набережную к берегу, до самой пристани и соединить один ярус с другим прекрасными спусками, Государь сказал: „надобно, чтобы дворянство и помещики пособили в этом деле“. Потребовав инженера, Государь высказал ему более подробно, и указал на план, свои соображения об устройстве спуска. (Записки.И. С. Жиркевича („Русская Старина“, 1890 г., июль, стр. 127 и 128) Однако указаниями, сделанными Государем Николаем Павловичем, воспользовались не скоро и только в 1851 году было приступлено к устройству спуска, оконченного в 1853 году и получившего название от церкви во имя Св. Петра и Павла, мимо которой он проложен.

Постройка его обошлась городу в 14155 руб. сер. В 1861 году уже произведена была капитальная ремонтная работа этого спуска (Симб. Губ. Вед. 1861 г., № 13.), хотя, впрочем, он, благодаря своему расположению, вообще требует частого ремонта, в особенности верхняя его половина, наиболее подверженная усиленному влиянию стока дождевой и главным образом, весенней воды. Так, весной 1865 г. он опять оказался до того изрытым выбоинами и дождевыми протоками, что представлялся почти непроездным и вновь потребовал значительных затрат на капитальное исправление. (Симб. Губ. Вед., 1866 г., № 115.) (Журн. Думы 1 декабря 1882 года.) С введением в Симбирской губернии земских учреждений, петропавловский спуск передан был в заведывание губернскому земству, на том основании, что он служит соединением Московско-Симбирского почтового тракта с Оренбургским. Земство, расходуя на ремонт этого спуска, в среднем выводе, около 6 1/2 тысяч ежегодно, возбудило, в 1880 году, вопрос об учреждении сбора с проезжающих по спуску, по 1 коп. с лошади; но когда эта мера была несочувственно принята городским населением и не получила одобрения в официальных сферах, то земство предложило городской думе принять петропавловский спуск в свое заведывание, в виду того, что этот спуск, начинаясь в городе и оканчиваясь у перевозной пристани, собственно не примыкает ни к одному из почтовых трактов, а находясь в черте города, составляет проезжую улицу. Вопрос этот разрешен был тем, что в заседании 20-го января 1883 года, дума приняла содержание петропавловского спуска на счет города, с приплатою из земского сбора, в пользу города, 6400 рублей ежегодно. (Из этой-же суммы положен расход на ремонт Богоявленского спуска и дамбы на Дворцовой улице.) С тех пор город расходует на его содержание, в среднем выводе, около 4 тысяч в год („Исторический обзор 25-ти летней длительности Симбирского город. обществен.управления, стр. 37.) и надо отдать справедливость, поддерживает это грандиозное сооружение, постоянно, в прекрасном состоянии.

Тихвинский спуск устроен летом 1866 года; до того времени здесь был крутой овраг, образовавшийся от стока дождевой воды с покатоств от соборной площади. По этому оврагу иногда съезжали, с тихвинской площади на петропавловский спуск, извозчики с порожними подводами, но всегда с большею или меньшею опасностью. Бывали случаи, что лошади вязли до туловища, ломали себе ноги, телеги опрокидывались, разбивались, а возчики получали ушибы. В дождливые-же осенние дни и весной, когда таял городской снег, овраг становился неприступным, по вязкости иловатого грунта и по значительной глубине топких мест. Для облегчения проезда в верхней части петропавловского спуска (каковая, как мы видели, наиболее

подвержена порчи и требует постоянного ремонта) и для сокращения пути пассажирами и товарными подводами, поднимающимся с пристаней Волги в среднюю часть города, тихвинский овраг обращен в правильный шоссированный спуск, удобный для проезда во всякое время года.



Тихвинский спуск

Для уменьшения крутизны спуска, он устроен тремя зигзагами, позволившими удлинить его до 198 сажен; тем не менее, на верхнем повороте, спуск все таки значительно крут, почему и до сих пор тяжелые подводы, подымаясь в город, избегают его. Устроен спуск прекрасно, что доказывается уже тем, что в течении 30-ти летнего существования, он ни одного раза не потребовал капитального ремонта. Все работы по устройству спуска, за исключением небольшого количества земляных выемок, производились арестантами Симбирской арестантской роты, а потому постройка была произведена и быстро и прочно и стоила недорого. На устройство спуска употреблено было только два с половиной месяца и израсходовано 1114 рублей 50 коп. Спуск открыт для проезда с 20-го августа 1866 года. (Симб. Губ. Вед. 1869 г., № 96.)

Духовский спуск, устроенный исключительно для пешеходов, начинается на венце, у летнего помещения клуба, идет, по склону горы, узкой тропинкой между садами, и выходит на петропавловский спуск, против церкви Св. ап. Петра и Павла. Устроен он, как рассказывают старожилы, в первой четверти нынешнего столетия, когда в этой местности стоял дом для проезда архиерея, почему и спуск получил свое название; а также поэтому и часть Симбирской горы, между спуском и тропой против присутственных мест к Исакиевскому колодцу, называется „духовною“ горою. Очень может быть, что и духовский спуск, и бывший здесь дом для проезда духовных лиц высшей иерархии, построен еще в 17-м столетии. Это предположение находит подтверждение в том, что в 1667 году в Симбирске были, проездом в Казань, Трапезонский митрополит, Синайской горы архиепископ и Грузинские митрополиты Епифаний и Никулай; последние двое приезжали с большой свитой и прожили в Симбирске два месяца. (Зерцалов „Приходо-расходная книга

Симбирской Приказной Избы", стр. 239 и 247.) Вряд-ли они останавливались в существовавшем тогда под горой Успенском монастыре, так как по бедности этого монастыря и незначительности его построек, в нем невозможно было разместить двух митрополитов и всю их свиту, а по тому весьма вероятно, что для них отвели особия избы в „рубленном городе" (Симб. Губ. Вед. 1869 г., № 96.)

Никольский (Тимарцевский) спуск существует очень давно, но и до настоящего времени находится в первобытном состоянии; на его ремонт если и расходуется, то самая ничтожная сумма; тем не менее ломовые извозчики и пешеходы охотно пользуются им, так как он значительно сокращает дорогу из города к пристаням; в рессорном же экипаже благополучно проехать по этому спуску представляется, по меньшей мере, рискованным. Он начинается на венце, у бульвара, против Никольскаго переуллка, тянется на протяжении полуверсты и выходит на петропавловский спуск, близ здания третьей части.

Этот спуск называется еще „Тимарцевским", потому что проходит мимо большого сада, принадлежащего Симбирской мещанке Тимарцевой.

Завьяловский спуск, до устройства петропавловскаго, был единственным, хотя и плохим, но все таки сколько нибудь возможным спуском под гору в экипаже. Он существует очень давно, по всей вероятности с начала 18-го столетия (Чугунов „Раскопки древних кладбищ в г. Симбирске, стр. 11) и как рассказывают старожилы, вел к бывшему под горой кладбищу. В 1836 году Император Николай Павлович по этому спуску, проехал, под гору и поднялся обратно, для чего Его Величество попросили пересестъ из кабриолета в „долгушку" — экипаж, до того времени неизвестный Государю; когда пришлось ехать по тычкам и рытвинам и когда ежеминутно представлялась опасность выпасть из долгушки или свалится вместе с ней, то Государь, убедившись, что для такой дороги нужен необыкновенный экипаж, шутя назвал долгушку „неопрровергаемым" экипажем. (Записки И. С., Жиркевича („Русская Старина", 1890 г. июль, стр. 128). В настоящее время завьяловский спуск нисколько не лучше никольскаго; незначительныя исправления его произведены были только в 1890 году. Он начинается между старым и новым венцами, за архиерейским садом, от завьяловской площади, спускается по той части Симбирской горы, которая почему то называется изстари „объездная гора" и выходит на петропавловской спуск двумя ветвями: южной — к хлебным амбарам, против сахаровскаго спуска северной — недалеко от пристаней. Первая из них ключами и дождевой водой размыта в овраг, а на второй имеются низменности болотнаго характера, допускающие проезд только в сухое время.

Смоленский спуск начинается от Смоленской улицы, ведет к Смоленской церкви, и далее — к перевозной пристани. Постройка этого спуска началась вскоре после пожара 1864 года и до настоящего времени не окончена. В течении 1867 и 1868 года на третьей части спуска приготовлено было для езды полотно дороги, на что употреблено до 6000 рублей, дальнейшия же работы приостановились, по недостатку свободных городских сумм. (Симб. Губерн. Вед. 1871 г., № 21). По росписи на 1879 год ассигновано было почти 5000 рублей на устройство каменных сходней по спуску для пешеходов, а также на устройство набережной от спуска до перевозной пристани и по направлению к северу; планировка спуска с заделкою цромоин была произведена в течении того-же года, но работы по устройству каменных сходней и набережной, остались невыполненными, первая - за неимением надлежащаго для сего камня, а вторая — потому, что набережная близ перевоза

весною заливается водою, так что приходилось проложить шоссе несколько выше, чем предполагалось ранее, а для этого требовалось отчудить места, принадлежавшие частным лицам. (Роспись по г. Симбирску за 1881 год.) Новая распланировка и исследования о количестве земли, долженствующей отойти из частного владения, снова приостановили работы и опять на долгое время. В 1898-й, голодный, год правительство ассигновало 400000 руб. на общественные работы в Симбирской губернии и городская дума получила разрешение окончить Смоленский спуск на счет означенных сумм, так что на долю города пришлось лишь выкупить от частных лиц те земельные участки, которые должны были отойти под дорогу спуска по вновь составленному плану. (Журн. Думы 26 августа 1892 года.) Город поспешил купить участки земли, на что израсходовал 7774 рубля 12 коп.; (Исторический обзор 25-ти летней деятельности Симбирскаго город. обществен. управления, стр. 63.); управление общественных работ заготовило материалы; работы начались, но в 1894 году общественные работы были прекращены и постройка Смоленскаго спуска опять осталась неоконченною. По исчислению городского техника окончательное устройство этого спуска требует расхода в 1856 рублей 90 коп., не считая стоимости заготовленного уже материала, но городское управление не имеет на это средств (Журн; Думы 8 июня 1894 года.) В 1855 году дума возбудила ходатайство об уступке городу означенной суммы из казны но это ходатайство до сих еще не получило разрешения.



Смоленский спуск

Кроме приведенных выше спусков, существуют еще следующие, имеющие однако второстепенное значение. 1) Мингалевский (или Чебоксаровский), называемый так потому, что начинается от Чебоксаровской дачи, против Александровскаго сада и проходит мимо сада Мингалевых, (Сад Мингалевых

существует почти двести лет. Это место пожаловано Царем Петром Алексеевичем в 1699 году Симбирским посадским людям Ивашке да Гришке Мингалевым.— Подлинная выпись, выданная Мингалевым 2-го марта 1699 года, хранится у нынешней собственницы этого сада, Елизаветы Петровны Кошечевой, урожденной Мингалевой, и с ее разрешения, нами напечатана в настоящем издании. (См. приложение № 10) Макинский (или Свешниковский), идет по „Макиной“ горе (Эта гора, а также спуск, получили название от находящегося здесь и по настоящее время дома с большим садом, принадлежавшего, в начале нынешнего столетия купцу Макке, (ныне этот дом более известен под названием дома Нарutowича) — оба они ведут к кладбищу Св. Духа;

3) Успенский,

4) Сахаровский (или Чебоксаровский) — два последние соединяют петропавловский спуск с набережной реки Волги и наконец,

5) Богоявленский, служащий продолжением Московской улицы, от церкви Иоанна Предтечи к реке Свияге.

Обращаемся к описанию нагорной части гор. Симбирска.

3) Площади.

В Симбирске восемь площадей: 1) соборная, 2) карамзинская, (или дворцовая), 3) базарная, 4) ярмарочная (О площадях ярмарочной и базарной будет сказано ниже, в отделе о торгово-промышленном значении г. Симбирска.), 5) николаевская (или покровская), 6) александровская, 7) полевая и 8) подгорная.

Соборная площадь находится на венце, в пределах старинного „рубленного города“ и занимает 3 дес. 150 кв. саж. На этой площади два городских кафедральных собора: Троицкий (летний) и Николаевский (зимний). До 1836 года эта площадь была значительно больших размеров: восточной стороной она подходила к самому гребню Симбирской горы, а северной — к губернаторскому дому. Император Николай Павлович первый обратил внимание на то, что, при таком расположении площади, большой собор (тогда еще только строившийся) совершенно исказил правильность ее, а потому приказал занять площадь, почти до половины, публичным садом для гуляния, разбив его так, чтобы старый собор находился в саду и лишь один боковой подъезд его выходил бы наружу. (Записки И. С. Жиркевича („Русская Старина“, 1890 г. июль, стр. 125). Когда указания Государя были приведены в исполнение, новый собор действительно оказался в центре площади. Затем, после пожара 1864 года, когда устраивался бульвар на венце, восточная часть соборной площади обращена в красивый цветник, с фонтаном.

Карамзинская площадь (размером в одну десятину) возникла тоже благодаря указаниям Государя Николая Павловича. Он приказал приобрести в пользу городу все строения, расположенные в линию с губернаторским домом, сломать их и устроить здесь площадь. (Там-же, и Симбирский сборник 1868 г., стр. 154.) В 1845 году на этой площади поставлен памятник знаменитому Симбирскому уроженцу, историографу Н. М. Карамзину, окруженный в настоящее время прекрасным сквером.

Николаевская (Покровская) площадь находится против Покровского монастыря, между Покровскою и Лисиною улицами, и современна построению этого монастыря. Она занимает 3 дес. 1700 кв. саж. До второй половины нынешнего столетия она сливалась с александровскою площадью и отделилась от нея только в конце 40-х, или в начале 50-х годов, когда застроились два квартала, образовавшие

Нижнюю Лисиную, Верхнюю Солдатскую и Сызранскую улицы. Эта площадь получила название Николаевской, в память посещения гор. Симбирска, в 1836 году, Императором Николаем I-м. В 1896 году удельное ведомство предложило городу устроить на Николаевской площади образцовый древесный питомник и школу садоводства, с тем, чтобы город огородил площадь деревянной решеткой и сдал бесплатно удельному ведомству на 24 года, по истечении какого срока, удел обязывался передать городу питомник, преобразовав его предварительно в сквер, с устроенными аллеями и полною растительностью. Городская дума в заседании 14-го марта 1896 года, согласилась, в принципе, с предложением удельного ведомства, но дальнейшие переговоры не привели к желанному соглашению.

Александровская площадь существует со времени постройки в 1803 году Александровской больницы, от которой и получила свое название. Первоначально она была очень больших размеров, доходила до Лисиной улицы и Покровского монастыря, настоящий же вид и размеры (11 дес. 158 кв. саж.), она приняла как было сказано выше, около 50 лет тому назад. В 50-х годах дума здесь устроила рынок, поставила четыре корпуса деревянных лавок, в том соображении, что жителями здешней части города было затруднительно ходить на базар, при отсутствии тогда моста через овраг речки Симбирки; однако торговля на этом рынке вовсе не развилась, заняты были всего две-три лавки, почему в 1877 году, когда все четыре корпуса лавок, простояв даром слишком 20 лет, пришли в полную ветхость, городское управление признало более удобным убраться с Александровской площади, перенести на базарную площадь, где и отремонтировало. Тем не менее, в той части Александровской площади, которая подходит к Лисиной улице происходит и по настоящее время, в базарные дни, торговля сеном и дровами, почему эта часть носит специальное название „сонной“ площади.

Полевая площадь (18 дес. 980 кв. саж.) составляет северо-западную окраину города, между мытным двором и землею общества крестьян конно-подгородной слободы, а с южной стороны прилегает к проезду на городское кладбище. Площадь эта служит местом ученья запасных нижних чинов, во время учебного сбора.

Подгорная площадь (2 дес. 2015 кв. саж.) находится между петропавловским спуском и набережной реки Волги, у Спасской пристани, против здания 3-й полицейской части. Здесь, на верхней площадке, была церковь во имя Спаса Преображения, построенная одновременно с основанием города Симбирска и затем перенесенная за реку Волгу, в слободу Канаву. В настоящее время, с постройкой подгорной ветви железной дороги, городская дума предполагает перенести на эту площадь здание 3-й полицейской части.

4) Общественные сады.

Александровский сад находится на Сызранском выезде, за Александровской больницей. Он приобретен дворянством от купца Пустынникова (Мясникова) в 1801 году, вместе с домом для больницы и тогда - же обращен в общественный. Окружающий его забор, на каменных столбах, пришедший в настоящее время в ветхость, построен в 1838 году, на капитал в 10,000 руб., пожертвованный, для этой цели, Симбирским купцом Григорием Васильевичем Скорняковым. (Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 3). Приказ общественнаго призрения, заведывавший больницею, сдавал этот сад в аренду частным лицам, которые, извлекая доход, главным образом, от яблонных деревьев и сенокоса, иногда устраивали в саду общественныя гулянья, но по отдаленности сада от центра города, а также благодаря соседству больницы,

публика совсем почти не посещала его. В 1824 году, когда Император Александр Благословенный посетил Симбирск, городское общество устроило здесь праздника и Его Величество, в нарочно поставленной для сего случая палатке, кушал чай. Затем, когда устроены был Николаевский сад, а потом бульвар на Большой Саратовской улице и на венце Симбирской горы, публика почти совсем перестала посещать Александровский сад. После пожара 1864 года, Симбирское Общественное Собрание хотело устроить в Александровском саду свое летнее посещение, но это предположение не осуществилось; сад был сдан в аренду частному предпринимателю, который устроил здесь вокзал с буфетом, приглашал фокусников и арфисток, но все это привлекало очень не много публики. Во время войны 1877 года, Общество Краснаго Креста, преследуя благотворительныя цели, устроило в этом саду ежедневныя, в течении всего лета, гулянья, сбор с которых шел на устройство лазаретов. Равным образом и городское управление старалось обратить Александровский сад в место общественнаго гулянья, выдавало субсидии частными предпринимателям на устройство в нем летних гуляний. Не смотря на все эти старания, публика неохотно посещала Александровский сад; устраиваемыя в нем изредка гулянья, в большинстве случаев, не удавались и этот сад, как место прогулки Симбирских городских жителей, постепенно падал. В настоящее время он совершенно заброшен.

Николаевский сад устроен в 1837 году, согласно указаниям, данными Императором Николаем Павловичем. В 1861 году этот сад был самыми любимыми местом прогулки Симбирских жителей.



г. Симбирскъ. Въ Николаевскомъ саду

Два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, сюда собиралось, по вечерам, все городское общество, привлекаемое оркестром полковой музыки, и хором песенников. В углу этого сада, выходящем на венец, против дворянскаго дома, был

построен небольшой вокзал с буфетом; открытая терраса вокзала, с прекрасными видом на Волгу, обыкновенно очень быстро наполнялась публикою. (Симб. Губ. Вед. 1861 г., № 33.) Пожар 1864 года прекратил эти удовольствия. Сад, вместе с вокзалом, сгорел и хотя в скором же времени был совершенно заново распланирован, засажен деревьями и обнесен деревянною решеткою, но вокзала в нем уже не было, а это обстоятельство послужило к тому, что публика стала посещать сады очень редко и в конце концов, совершенно забыла о нем. В 1881 году, через Николаевский сад устроен проезд от губернаторского дома на соборную площадь и отделившаяся вследствие этого часть сада, прилегающая к зданию классической гимназии, была уступлена ей, в 1882 году, для устройства гимназического плаца. (Журн. Думы 21 мая 1882 года.) Летом 1898 года Николаевский сад расчищен и приведен в порядок, но уже теперь он не может конкурировать с бульваром на венце и с Владимирским садом, в особенности после того, как в сем последнем открыто летнее посещение общественного собрания.

Карамзинский сквер разведен на Карамзинской площади вскоре-же после пожара 1864 года, заботами Симбирскаго губернатора, барона Велио; тогда-же он обнесен чугунною решеткою, стоившею 4000 руб., работы местного фабриканта Голубкова. (Симб. Губ. Вд. 1871 г., № 21.)



Карамзинский сквер

В 1882 году, вокруг сквера, устроен прекрасный асфальтовый тротуар. (Журн. Думы 4 мая 1881 года.) В настоящее время этот сквер содержится в образцовом порядке, обставлен скамейками; многочисленны куртины полны прекрасных цветов, так, что Карамзинский сквер представляет из себя один из лучших уголков нашего города. Владимирский сад. В 1872 году городская управа обратила внимание думы на то, что около водопроводной башни остается совершенно без пользы

обширное место, принадлежащее городу, тогда как оно представляет все удобства к тому, чтобы здесь был разведен сад для гулянья.



Владимирский сад

В виду этого, с разрешения городской думы, ассигновавшей достаточный кредит на работы, городская управа приступила, в 1873 году, к планировке означенного места для сада, огородила его забором и начала сажать деревья. (Смб. Губ. Вед. 1873 г., № 56.) Однако дальнейшие работы по устройству сада шли очень медленно, потому что, по составленной смете, стоимость всех работ исчислена была в 7898 руб., (Журн. Думы 20 октября 1883 года.) а городское управление, при многочисленности городских потребностей, свободных денег не имело.

В 1883 году дума образовала комиссию, на которую возложила заботы о дальнейшем устройстве сада. Составленный этою комиссиею новый план сада принят думою в заседании 22 февраля 1884 года и тогда-же образована новая комиссия, для выполнения работ по устройству сада, но о деятельности ея, в течении следующих пяти лет, никаких сведений не имеется. В 1883 году дума определила поставить приличную решетку для отделения Владимирского сада от бульвара на венце, взамен существовавшей с 1873 года некрасивой в декоративном отношении загороди из горбылей (Журн. Думы 16 июня 1889 года.) и устроить на верхней площадке сада фонтан; (То же 23 июня 1889 года.) это указывает, что в то время саду уже был открыт для публики. Когда сад назван Владимирским — неизвестно; такое название дано ему городскими жителями и по рассказу одних, в память посещения гор. Симбирска Великим Князем Владимиром Александровичем в 1868 году, а по объяснению других, потому, что существующая возле него водоподъемная башня, при устройстве ея, была названа Владимирскою, в память бывшего Симбирского губернатора графа Владимира Владимировича Орлова-Давыдова, благодаря заботам которого осуществилась постройка Симбирского водопровода.

В 1894 году совет старшин Симбирского общественного собрания обратился с просьбою в думу об уступке всей нижней части Владимирского сада (почти 1/3 часть всего сада), на 12 лет, для устройства летнего помещения клуба и при этом соглашался или платить арендную плату, или взять на себя обязанность не только поддерживать но и улучшать занимаемую им часть сада. Дума вполне согласилась удовлетворить желание совета старшин клуба и уполномочила управу заключить с ними надлежащее условие. (То же 15 марта 1894 года.) Однако это постановление думы не имело практического осуществления, за неявкою старшин клуба для заключения условия. В 1895 году Симбирский мещанин М. Ф. Ионов просил думу уступить ему часть Владимирского сада, тоже на 12 лет, для постройки вокзала с кегельбаном, за 50 рублей годовой арендной платы и при этом представил план предполагавшагося вокзала. Дума, не отказывая Ионову, обусловила свое согласие тем, чтобы он составил новый план здания для вокзала, в более приличном и благообразном виде, но Ионов этого не исполнил. (То же 5 Июля 1895 года.) Весной 1897 года совет старшина Симбирского общественного собрания возобновил свое первоначальное ходатайство с тем лишь различием, что просил отвести место для летнего помещения клуба не в нижней, а в верхней части Владимирского сада, сроком на 12 лет, с правом возобновить арендные условия еще на такой же срок. (То же 26 марта 1897 года.) На этот раз соглашение клуба с городом состоялось, и летом 1897 года, открыто во Владимирском саду летнее помещение Симбирского общественного собрания. Вокзал - павильон, красивой архитектуры, занимает верхнюю часть сада на самом в венце Симбирской горы; вокруг него устроена площадка, уставленная столами; скамейками и красиво убранная цветочными клумбами; несколько в стороне построен кегельбан. Устраиваемые здесь вечера с музыкой внесли заметное оживление в городскую общественную жизнь и составляют источник пополнения весьма значительных расходов (более 8200 рублей), понесенных клубом на устройство летнего помещения.

5) Городские бульвары.

В Симбирске существуют два бульвара, один — по Большой Саратовской улице, другой — на венце.





Бульвар на Большой Саратовской улице устроен в 1854 году и долгое время служил Симбирской публике в излюбленном месте для прогулок. Первоначально он был устроен от театральной площади, до гостинного двора. Пожаром 1864 года бульвар был уничтожен, но вскоре же его не только возобновили, но и продолжили еще от гостинного двора до Старо-Казанской улицы. В настоящее время этот бульвар, прерываемый поперечными улицами на 6 частей, состоит из дорожки, в 2 сажени шириною, по обвем сторонам которой устроены валы, засаженные рядом акаций. На бульваре разставлено достаточное количество скамеек и в нескольких местах стоят будки, где летом продают прохладительные напитки. Бульвар на венце устроен после пожара 1864 года, но когда именно — точных сведений не сохранилось. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.) Одновременно построена была и большая беседка этого бульвара, с площадкою наверху, на том месте, где, по преданию, стоял воеводский дом, переделанный затем в главную гауптвахту.

В 1872 году на бульваре, против этой беседки, поставлена деревянная палатка для торговли прохладительными напитками. (С 1880 года палатка перешла в распоряжение Симбирскаго мещанина Ивана Макарова Фокина, который, с тех пор и по настоящее время, торгует летом в этой беседке прохладительными напитками и чаем и приобрел уже, в этом отношении, известность - кто не знает в Симбирске стараго „Макарыча!“ Палатка его была уничтожена пожаром осенью 1885 года, он построил новую и неизменно здесь пребывает в течении 18 лет.) Весной 1886 года беседка на бульваре пришла в ветхость, почему верхняя площадка на ней уничтожена. (Журн. Думы 27 июня 1886 года.) В 1888 году решетка вдоль всего бульвара, на протяжении 158 саж., со стороны присутственных мест и соборной площади, заменена новою, с четырьмя выходами, причем тогда-же присоединено к бульвару, от соборной площади, довольно значительное пустопорожнее место, и обращено в небольшой цветник с фонтаном. (Журн. Думы 16 июня и 18 октября 1889 года.) Бульвар на венце, благодаря своему расположению на самом гребне Симбирской горы, с превосходным видом на Волгу, составляет излюбленное место

прогулки Симбирской публики. С 1894 года, здесь каждое лето, по два раза в неделю, играет, по приглашению городской думы, местный хор военной музыки.

Озеро Маришка и речка Симбирка

Выше было упомянуто, что среди гор. Симбирска, протекает в глубоком овраге, на протяжении около двух верст, небольшая речка, называемая „Симбиркою. Эта речка берет начало из озера „Маришки, расположенного на северной окраине города, в конце Лосевой улицы, а впадает в Свягу рядом с Богоявленскими спуском, и несколько ниже плотины городской мельницы. Озеро Маришка существует очень давно; должно быть оно уже было во время основания города Симбирска. (Об озере Маришке существует следующая народная легенда: Когда-то, на берегу этого озера, жила вдова-красавица Маришка; к ее избе постоянно собирались девки и парни и водили хороводы. Между парнями был Иван Курчавый, по ремеслу извозчик, красавец собой и играл на гусях так, что девки бросали хоровод и заслушивались его. Всем Иван был мил, но для него дороже всех была Маришка, которая и его кренко полюбила. Недолго они любили друга друга; вскоре же пришлось Маришке от девок прятаться, потому что те над нею стали смеяться. Не пережила красавица позора, бросилась в озеро и утонула: искали ее там — не нашли. С тех пор озеро называется ее именем. Долго горевал Иван Курчавый; бывало, среди озера, на лодке, остановится, заиграет на гусях, а к нему выплывает из воды Маришка и садится на край лодки: он ей играет, а она его обнимает и в воду манит. Так и пропал Иван Курчавый — исчез безследно, должно быть Маришка сманила его в озеро. (Сообщено М. И. Извозчиковым).

По рассказам старожил, в начале нынешняго столетия это озеро было хотя и небольшое, но глубокое и вода в нем была прекрасная, шла из родников, начинавшихся от него за четверть версты, близ нынешних „кирпичных сараев. Было время, когда предполагали устроить водопровод по городу из Маришки. Затем, вследствие засорения родников, вода в озере стала портиться, для употребления в пищу уже не годилась, но озеро все таки долго стояло свободным. Старики помнят, как бывало летом, на берегу Маришки, акробаты давали представления: с высокой лестницы бросались в воду, кувыркаясь и держа в руках зажженные факелы. В 60-х годах уже пришлось укреплять берега этого озера и устроить через него мост, в 20 сажень длины. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.) В 1881 году Маришка, при заиленном до значительной высоты дне, представляла из себя бассейн застаивающейся воды, так как при обширности своей поверхности, сравнительно с количеством питающей ее ключевой воды, она не имела достаточного для освежения воды стока, (Журн. Думы 19 февраля 1882 года.) благодаря чему из озера постепенно образовалась зловонная лужа, так что городская дума в 1884 году решила (Журн. Думы 1 августа и 5 октября 1887 года.) засыпать озеро Маришку землею, предварительно расчистив ключи, служащие истоком речки Симбирки, а чтобы дать этим ключам правильное направление, посредине бывшего озера сделан, из половинок, забранных в столбы, открытый канал, в 10 сажень длины, с приспособлениями для пользования водой и полосканья белья. После большого пожара, бывшего в Симбирске 29 июня 1888 года, когда выяснился недостаток воды в городе, дума предположила расширить засыпанный пруд Маришки, для чего произведены были исследования, показавшие,

что при затрате около 35000 рублей, Маришка может дать городу, для пожарных целей, запас в 200,000 ведер воды, которую предполагалось провести по трубам в разные места города. (Журн. Думы 11 января 1889 года.) Однако эти предположения не были приведены в исполнение, потому что вскоре же город приобрел в собственность водопровод, от строителя его, Струве, и занялся расширением водопроводной сети.

Речка Симбирка, на всем протяжении своем, течет в овраге, который наибольшей глубины, до десяти сажен, достигает в среднем течении. Этот овраг издавна служит местом свалки навоза со всего города; однако такое назначение его не производило вредного влияния на санитарное состояние города, пока ключи, питающие как озеро Маришку, так и речку Симбирку, не были засорены. В 30-х годах нынешнего столетия, в одном конце этого оврага, на дне его, жили в лачужках бедные вдовы отставных солдат; у них в тайниках был склад вещей мелкого воровства. (Воспоминания Э. И. Стогова (, Русская Старина, 1878 г. Декабрь, стр. 687). Между тем по мере того, как овраг наполнялся нечистотами и родники засорялись, речка Симбирка становилась все более и более грязною. Весною 1879 года дно оврага по берегам р. Симбирки было засажено, где только можно, скорорастущими деревьями и засеяно травой. Это распоряжение было сделано в числе мер против занесения в гор. Симбирск появившейся в Астраханский губернии ветлянской чумы; (Симб. Губ. Вед. 1879 г., № 11.) в настоящее время сохранившиеся, кой-где на дне оврага, деревья приняли уже значительные размеры.

В 1885 году, когда ожидали в Симбирске холеру, образована была санитарная комиссия для принятия предупредительных мер. В весьма обстоятельном составленном докладе о санитарных особенностях г. Симбирска, означенная комиссия следующим образом характеризует речку Симбирку - „она представляет ничто иное, как огромный овраг; по дну его протекает небольшой зловонный ручей, вода которого представляет густой раствор навоза и человеческих экскрементов. Овраг этот служит громадным резервуаром для свалки навоза почти со всего города и постоянным отхожим местом для жителей тех домов, дворы которых расположены по сторонам его. Этот овраг составляет одну из главных причин той огромной болезненности и смертности, которыми отличается Симбирск. Все проточные воды с улиц, из бань и других промышленных заведений, посредством труб и открытых ручейков также отводятся в овраг. Таким образом овраг речки Симбирки служитместилищем всяких нечистот; тем не менее устроенные на дне его запруды употребляются для полоскания белья и даже дети иногда купаются в этих запрудах. (Симб. Губ. Вед. 1885 г., № 27.) Городское управление, начиная с 1875 года, ежегодно расходует значительные суммы на укрепление берегов оврага, устройство и содержание плотин, на засыпку землю навоза, сваленного в овраги и вообще на устранение вреда, причиняемого им, (В течении 21 года (1875 — 1895 г.г.) город израсходовал на сей предмет 25762 руб. 78 коп. („Историч. обзор 25-ти летия город. управлен., стр. 37, №№ 200 и 201). но все эти затраты приносят очень мало благоприятных результатов.

Через овраг речки Симбирки перекинуты четыре дамбы и одна плотина: 1) В верхнем конце оврага, устроена в 1869 году земляная дамба с каменною трубою, на месте прежде бывшего здесь деревянного моста через озеро Маришку; (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.) в настоящее время эта дамба соединяет Старо-Казанскую улицу с Лосевою. 2) В 1780 году, когда торговые ряды были переведены с венца за р.

Симбирку, на Дворцовой улице, чрез овраг, построен был мост, названный „Мясницким, так как вел к мясным рядам. В бывший в 1842 году в г. Симбирске большой пожар, мост этот сгорел и на его месте построили новый, более широкий с деревянными лавочками по сторонам, а в 1861 году мост заменен земляною дамбою и поныне существующею. 3) После пожара 1864 года, для более удобного соединения частей города устроена, через овраг р. Симбирки, из Панской улицы на ярмарочную площадь, на протяжении 132 сажень, земляная дамба с каменной трубой, в 35 сажень длины; на это сооружение израсходовано 26257 руб., (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.). Эта дамба называется „новою, а предыдущая, на Дворцовой улице — „старою. Еще за долго до пожара 1864 года, на месте нынешней новой дамбы предполагалось устроить мост, для ближайшего соединения дворянской части города с базарною площадью, но затем признано было более удобным для означенной цели открыть новый рынок на Александровской площади (Липинский, т. II, стр. 711 примеч.), а когда торговля на той площади не пошла, то вернулись к прежнему предположению.

В 1888 году, на новой дамбе, прежняя ветхая перила заменены забором и проезд отделен, по краям дамбы, тумбами от тротуара для пешеходов. (Журн. Думы 9 сентября 1888 года.) 4) На 150 сажень выше старой дамбы, через р. Симбирку сделан был мост, соединяющий Кирпичную улицу с Лосевой, близ ярмарочной площади. Этот мост существовал еще до пожара 1864 года и прежде бывал открыт только во время сборной ярмарки (Липинский, т. II, стр. 711 примеч.), а после пожара, он перестроен в дамбу и ныне называется „малая дамба и 5) В 1886 году город сделал в нижней части оврага плотину из хвороста для возвышения дна его и по этой плотине устроен проезд от Богоявленскаго спуска, через небольшой переулок, в Большую Конную улицу. (Журн. Думы 7 мая 1886 года.)

Памятник Российскому историографу Николаю Михайловичу Карамзину

Мысль поставить Карамзину памятник в г. Симбирске впервые возникла в доме бывшего в 30-х годах Министра Внутренних Дел, Дмитрия Николаевича Блудова, который в 1838 году, при содействии И. И. Дмитриева и Д. В. Дашкова, открыл, с Высочайшего разрешения, подписку, давшую в короткое время блестящие результаты, (*Записки И. С. Жиркевича* („*Русская Старина* 1890 г. Июль, стр. 75)) так как к этой мысли весьма сочувственно отнесся Император Николай Павлович. В Симбирском обществе такое предположение было встречено, конечно, тоже с полным сочувствием и Симбирское дворянство явилось главным участником в подписке. (*Впрочем в Симбирске не все сочувственно отнеслись к мысли о постановке памятника Карамзину. Так, губернский предводитель дворянства князь М. П. Баратаев, вполне разделяя желание увековечить в Симбирске память о Карамзине, доказывал, что вместо памятника из бронзы и мрамора, было бы полезнее учредить учебное заведение, назвать его Карамзинским и предоставить старшему в роде Карамзиных представлять определенное число кандидатов, по своему усмотрению, для пользования курсом учения на счет общественного издечения.* (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 229*).

Проект памятника составлен был в Петербурге известным художником-скульптором, профессором Академии художеств Гальбергом; ему же было поручено исполнение этого проекта, согласно Высочайшему повелению, в течении трех лет, из его материалов, за 91800 руб. ассигнациями, не считая денег, нужных на покупку 550 пудов меди, которая была отпущена от казны. Так как сумма, собранная по подписке, не смотря на успешность ее, оказалась недостаточною, то, с Высочайшего соизволения, изданы были, в гравюре, рисунки статуи с пьедесталом и двумя барельефами, в количестве 10 тысяч экземпляров, которые и продавались по 5 рублей, на увеличение суммы для сооружения, памятника. (*Липинский, т. II, стр. 721 и 722.*) Памятник состоит из гранитного, четырехугольного пьедестала, на котором поставлена бронзовая статуя музы истории Клио: она оперлась правой рукой на скрижаль, а в левой держит опущенную вниз трубу. Под статуей, на лицевой стороне пьедестала, в круглой нише, поставлен прекрасно исполненный бюст Карамзина и под ним подпись: «Н. М. Карамзину, историку Российского государства, повелением Императора Николая I. 1844 года.»

В боковые стороны пьедестала врезаны два медных барельефа, на которых изображено, в аллегорической форме, с левой стороны — чтение Карамзиным отрывков из своей истории, пред Императором Александром I, во дворце Великой княгини Екатерины Павловны, в Твери, 18 марта 1811 года; Карамзин изображен стоящим пред Государем в римской тоге; с правой стороны — вручение умирающему Карамзину рескрипта Императора Николая I, от 13 мая 1826 года, о пожаловании 50000 рублей на путешествие в Италию, для излечения; здесь Карамзин представлен лежащим на смертном одре, окруженный своим семейством; фортуна из рога изобилия сыплет дары, а ребенок собирает разсыпанные сокровища. Памятник имеет вышины (*Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 23.*) до 4 сажень. Разные части его исполнены были, за смертью профессора Гальберга, его учениками; статуя Клио — Ставассером и Ивановым, бюст Карамзина и левый барельеф — Рамазановым и правый барельеф — Климченко; отлил же памятник — барон П. А. Клодт.

Статуя Клио была привезена в Симбирск в 1843 году и пролежала на берегу Волги почти два года, пока не доставили из Петербурга пьедестал и бюст Карамзина. По изготовлении необходимых принадлежностей, памятник был поставлен в лучшей части города, на площади, которая с тех пор получила название Карамзинской. Торжественное открытие памятника последовало 23 августа 1845 года. На открытии присутствовали два сына историографа: Андрей и Александр Николаевичи, а также приглашенный для произнесения соответствующей событию речи, академик Михаил Петрович Погодин, известный между учеными особенным сочувствием к Карамзину. (*Торжество открытия памятника Карамзину подробно описано в „Симбирском Юбилей Н. М. Карамзина, изд. Комитета Карамзинской библиотеки, 1867 г., стр. 169 и след.*) Первоначально памятник обнесли деревянной решеткой, но в 1855 году вдова одного из сыновей, историографа, Андрея Николаевича — А. К. Карамзина, пожертвовала, в память своего мужа, убитого на войне, в 1854 году, под Силистриею, капитал, на постройку металлической решетки, которая и была изящно исполнена на Нижне-Тагильском заводе Демидовых. Эта решетка — железная, с медными вызолоченными сверху спицами и украшениями прекрасной работы. В 1865 году памятник Карамзина окружен прекрасным сквером.

Памятник Карамзина составляет одно из лучших украшений города Симбирска, но к сожалению, аллегорический характер, приданный этому памятнику, значительно уменьшает производимое им впечатление. Постановка статуи Клио и изображение лиц на барельефах в ненатуральном положении и полуобнаженными, представляется совершенно непонятным не только народу, но и большинству людей грамотных. Простой народ, не имея понятия о музее Клио, считает статую ее изображением жены покойного историка, и, вообще, благодаря этой статуе, весь памятник известен в народе под названием „чугунной бабы; а значение барельефов едва-ли могут объяснить и интеллигентные люди, не знакомые с подробностями составления проекта памятника. Из биографии скульптора Ставассера (*„Русский Вестник 1863 г. Январь, стр. 221.*) видно, что творец этого памятника, профессор Гальберг, хотел поставить на мраморный пьедестал статую Карамзина и уже сделал два прекрасных глиняных эскиза его статуи, но должно быть по какому нибудь постороннему настоянию, ограничился только бюстом историка, а на пьедестал поставил музу истории Клио. (*Липинский, т. II, стр. 722.*)

Улицы

Существующия в гор. Симбирске улицы расположены согласно плану, утвержденному Императрицею Екатериною II-й 14-го марта 1780 года. После этого, по мере увеличения города и по разным иным причинам, были вновь утверждаемы планы на город Симбирск (29 октября 1843 года, 23 декабря 1866 г. и 10 сентября 1887 года), но все эти последующие планы составляли только дальнейшее развитие первоначального. *(Современный план г. Симбирска приложен к концу настоящего издания, а сведения о числе, названии и длине улиц и переулков г. Симбирска см. приложение № 11.)* Вопрос о мощении улиц в городах возбужден был Царем Петром, который, 24 октября 1714 года, издал указ о том, чтобы со всех проезжающих „в С.-Петербургскую столицу“, с возами и разною кладью, а также и на судах, собирать булыжные камни, для мощения мостовой, а за непривоз камня велено брать, за каждый, по 10 копеек деньгами. Эта мера, Высочайшим повелением от 8 марта 1811 года, была распространена на все вообще города; *(Симбирское Губернское Правление, исполняя это Высочайшее повеление, издало указ, следующего содержания: „учредить в Симбирске, для удобнейшаго вымощения города, сбор дикаго камня на следующем основании: 1) с каждой барки, полубарки и лодки, приходящих по р. Волге к сему городу, брать по 30 камней, 2) с плотов разнаго рода, таким же образом сюда приходящих, взимать: с больших по 30, а с малых по 15 камней, 3) с каждого воза, с какою бы то ни было кладью, а также с каждой простой подводой, приезжающих в Симбирск людей и крестьян из уездов здешней губернии, собирать по три камня, 4) камень сей должен быть величиною: на судах, плотях и лодках по 10 и выше, а на возах по 5 фунтов и выше, менее же этого весом принимать не будет, 5) кто таковых камней не привезет, с того, вместо их, взыскивать тут же за каждый камень по гривне. Предписать градской думе, чтобы она к сбору камня и ко взысканию с него денег избрала и определила нарочных из граждан своих, при каждом везде в город, а равно к пристани Волги, по одному человеку, снабдив из них каждого, для записки тех камней и денег, шнуровую книгою, а для поклажи камней назначить удобныя места и определить за нм надлежащий надзор“..... (Арх. Симб. Окр.Суда, „Сборник указов за 1811 год“, № 74),* но затем, вследствие представления некоторых губернаторов о значительных затруднениях при сборе камня, состоялось 6 февраля 1832 года ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление, „чтобы сбор камня для мощения городов, или взамен онаго денег, вовсе не допускать и где оный существует — отменить, поставив в обязанность городскимдумам, под наблюдением Начальников губерний, назначать ежегодно из городских доходов нужную, по возможности, сумму на замощение площадей и улиц, сначала главных, а потом постепенно и всех прочих, с тем, чтобы дальнейшееподдержание устроенных по улицам мостовых, должно лежать на обязанности обывателей, каждого против своего дома“. *(Второе полн. собр. зак., т. VII, ст. 5138.)*

Однако, не смотря на такое общее распоряжение, для Симбирска сделано было исключение. По Высочайшему повелению 12 февраля 1835 года, *(Там же, т. X. ст. 7866.)* в Симбирске вновь установлен был сбор камня со всех судов, спускающихся к Симбирский пристани и только по незначительному числу этих судов, сбор прекращен 24 октября 1850 года. *(Там же, т. XXV, ст. 24567.)* Но вообще, в первой половине нынешняго столетия о мощении или шоссировании улиц в городах очень

мало заботились, неаккуратно собираемый камень лежал в кучах, без всякого употребления; (В 1838 году в Симбирске не было еще ни одной мощеной улицы, только перед губернаторским домом существовала небольшая торцевая мостовая. (Сумароков, „Прогулка по 12 губерниям“) мостовья составляли роскошь и существовали только в столицах, а потому непролазная грязь на улицах весной и осенью была общим достоянием всех провинциальных городов и Симбирск, в этом отношении, не составлял исключения. По рассказам старожилов, в 40-х годах у нас появились деревянные мостки по сторонам улиц, первоначально только около некоторых домов и лишь на более людных улицах, (Мостки, существующие ныне уже по всем улицам города, составляют отличительную особенность города Симбирска, среди других приволжских городов; только последнее время мостки начинают, понемногу, исчезать — их заменяют асфальтовые тротуары.)затем понемногу начали устраивать и шоссе на улицах дворянской части города. (В 1861 году предполагалось устроить шоссе даже между Симбирском и Казанью; приступлено было к производству изыскания кратчайшего пути, но вскоре же эту затею оставили. (Симб. Губ. Вед. 1861 г., № 6).

До пожара 1864 года в Симбирске было только четыре шоссированных улицы: Большая Саратовская (лучшая в городе)



Московская,



Покровская,



Дворцовая, и то не на всем протяжении.



После пожара начали усиленно шоссировать и мостить улицы, потому что тогда это обходилось недорого: все работы производились арестантами за цену, меньшую против вольного труда, а в материал шел мусор и кирпич от сгоревших зданий. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.) Однако еще не очень давно в Симбирске, в особенности в северной его части, были улицы буквально непроездные и непроходимыя. Так, в 1889 году, вся Буинская и половина Лосевой улиц были изрыты старыми кирпичными ямами, так что проезд по ним был невозможен; а Миллионная, Сборная и Мало - Казанская улицы и Жарков переулок, при вязком глинисто-иловатом грунте и при отсутствии мостков, в весеннее время и после дождей, представляли сплошное непроходимое болото. („Общее инвентарное описание г. Симбирска", стр. 50 и 52.) Даже ныне, на некоторых улицах, по окраинам города, местами, за неимением уклона, застаивается дождевая вода.

В 1881 году некоторые домохозяева возбудили вопрос о посадке деревьев по улицам гор. Симбирска, перед домами, за тротуаром, или между домами и тротуаром. Городская управа несочувственно отнеслась к этому вопросу и представляя его в 1885 году на рассмотрение думы, полагала разрешить его в отрицательном смысле, (Журн. Думы 21 июня 1885 года.) на том основании;

1) что деревья, разрастаясь, могут стеснить проезд по улицам, или; свободный проход по тротуарам и 2) при посадке деревьев против дворов, частныя лица могут пользоваться городскою землею, уничтожая заборы, отделяющие их дворы от улицы и такими образом увеличить свои дворы, присоединив к ним городскую землю.



Результатом таких соображений была значительная отсрочка разрешения этого вопроса в благоприятном смысле: дума передала его, в 1885 году, в особую комиссию, для выяснения того — на каких улицах и на каких условиях может быть допущена посадка деревьев; затем, в 1887 году, особенная комиссия передала этот вопрос, для дальнейшей разработки, в другую комиссию, заведующую городскими садами и бульварами (*Журн. Думы 5 июня 1887 года*) и только сия последняя признала возможным допустить посадку деревьев за тротуарами, по примеру городов: Казани, Вольска и Саратова, где это служит к украшению города, нисколько не стесняя ни проезжающих, ни пешеходов.

Однако, нельзя сказать, чтобы домохозяева гор. Симбирска охотно пользовались полученными разрешением — до сих пор у нас еще очень немного улиц, по которым деревья кой где посажены перед домами. К внешнему благоустройству города должен быть отнесен, несомненно и вопрос о занумеровании домов в городеи обозначение названий улиц. Еще в 1840 году, по распоряжению думы, прибиты были на перекрестках надписи с названием площадей, улиц и переулков и занумерованы дома, (*Симб. Губ. Вед. 1840 г., № 3.*) но с течением времени, надписи эти или стерлись, или вовсе уничтожились и в 1892 году возобновлены, благодаря ходатайству о том общества врачей гор. Симбирска, которое подалов городскую управу заявление, что отсутствие нумерации домов, ставит врачей в крайне затруднительное положение при посещении больных и много раз врачам приходилось возвращаться назад, за неотысканием дома, оставляя больных без помощи. (*Журн. Думы 26 августа 1892 года*)

Казенные и общественные здания

Губернаторский дом. (Список Симбирских Губернаторов см. приложение № 12).



Первый губернаторский (или вернее воеводский) дом построен был в городе Симбирске в Царствование ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, во всем согласно указу от 1-го сентября 1749 года (Полн. собр. зак., т. XIII, ст. 9662.) и находился, как рассказывают старожилы, на гребне венца, на том месте, где теперь, на городском бульваре, стоит большая беседка, в которой летом играет музыка. Согласно приведенному выше указу, размер воеводскаго дома был строго определен для пребывания воеводы и его „фамилии“, построена была отдельная изба о 5-ти покоях, причем размер каждого покоя был точно установлен. Около воеводской избы группировались дворовые службы и отдельные избы, с помещениями для канцелярии, архива, острога и гауптвахты. Тот указ предписывал строить воеводские дворы и канцелярии из казенной суммы и „одним добрым плотничьим топорным мастерством, а столярнаго никакого украшения, избегая казеннаго убытка, не употреблять; кто-же из губернаторов или Воевод пожелают те хоромы убрать столярным мастерством и прочим украшением, на то деньги употреблять им, по произволу, из своего кошта“.

В Симбирске, городе провинциальном, а не губерньском, воеводы были в то время не из богатых, а потому и воеводин дом по внешности, не отличался изяществом, а построен был „топорным мастерством“. После преобразования Симбирской провинции в наместничество (В 1780 году), воеводский дом был уничтожен, (На его месте старожилы помнят, еще в 40-х годах ныншнаго столетия, гауптвахту, с помещением для арестованных.) а там, где прежде находились торговые ряды, начали строить деревянный дом, на каменном фундаменте, для наместника — нынешний губернаторский дом и около него три таких же дома для присутственных мест. Когда окончилась постройка этих домов и когда деревянный губернаторский

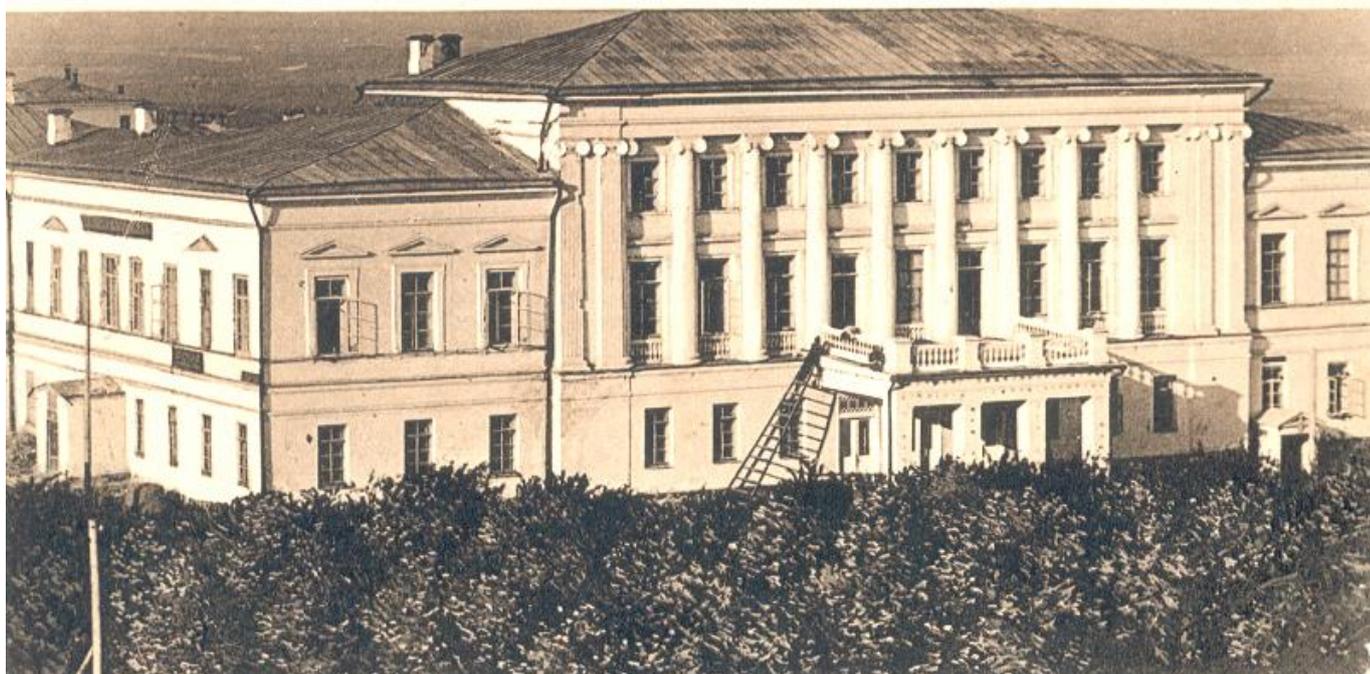
дома заменен каменными — сведений не имеется. В 1836 году, Императору Николаю Павловичу наш губернаторский дом не понравился. Государь нашел, что он не на месте, что ему следует быть там, где ныне женская центральная тюрьма, а в архитектурном отношении Государь признал нужными расширить его в глубь на столько, чтобы находящаяся возле Николаевская церковь, вошла в дом губернатора. В пожар 19 августа 1864 года он сгорел совершенно, так что остались одни каменные стены. Более шести лет продолжалось возстановление губернаторского дома, на что израсходовано около 40,000 рублей (Симб. Губ. Вед. 1866 г., № 50.) и все это время Начальники Симбирской губернии имели пребывание в одном из лучших в Симбирске частных домов А. К. Бычковой, на углу Покровской и Спасской улиц. В 1881 году перед губернаторским домом устроена небольшая площадка и сделан проезд на соборную площадь, вследствие чего губернаторский дом значительно выиграл в декоративном отношении. Симбирские жители называют губернаторский дом „дворцом“, потому, что в нем останавливались Государи: Александр 1-й, Николай 1-й, Александр 2-й и Цесаревич Николай Александрович, во время пребывания их в гор. Симбирске.

Здание присутственных мест. 14 марта 1780 года, при утверждении плана на гор. Симбирск, Императрица Екатерина II повелела ассигновать, из казны, 200,000 руб., на постройку в нашем городе присутственных мест. (Симбирский сборник 1868 г., стр. 35.) Эта сумма послужила фондом для капитала, на который в 1804 году приступили к постройке и поныне существующаго здания присутственных мест, находящагося на венце, с прекрасным видом на Волгу. Ранее-же, присутственные места помещались, как мы видели выше, в трех деревянных домах возле губернаторского дома. В 1864 году здание присутственных мест сгорело, но затем реставрировано еще в лучшем виде. В настоящее время здесь посещаются: Губернское Правление в полном составе, Казенная Палата с Губернскими Казначейством и Контрольная Палата. В 1898 году это здание было значительно расширено пристройкою к нему боковых флигелей.

Дом Дворянского Соборания в настоящее время представляет собою одно из самых больших и лучших городских зданий.

В нем обращает внимание прекрасное зало в два света, отделанное весьма изящно. Дом на столько велик, что кроме дворянскаго соборания в нем помещаются: квартиры губернскаго предводителя (Список Симбирских предводителей дворянства см. приложение № 13.) и секретаря дворянства, Губернская Земская Управа, (Симбирская Губернская Земская Управа открыла свои действия 17 марта 1866 г. в следующем составе: председатель — дворянин Александр Петрович Языков, члены: поручик Александр Александрович Астраханцев, ст. сов. Василий Семенович Андреев, потом. поч. гражданин Петр Андреевич Егоров, поручик Василий Андреевич Бестужев, губ. секр. Михаил Петрович Бестужев и дворянин Петр Павлович Маркъяневич.

Первое губернское земское собрание было 20 февраля 1866 года (Симб. Губ. Вед. 1866 г., №30) Карамзинская библиотека, музей и библиотека ученой архивной комиссии.



Но не таков был дворянский дом шестьдесят лет тому назад. Государь Николай Павлович, в бытность свою в Симбирске в 1836 году, нашел дом дворянского собрания безобразным до такой степени, что - высказал: „стыдно Симбирскому дворянству иметь такое помещение (Записки И. С. Жиркевича; „Русская Старина“, 1890 г. июль, стр. 124) и выразил желание, чтоб дворянство имело дом «сословию своему приличный»; (Симбирский сборник 1868 г., стр. 36.) для чёго тут же приказал отдать дворянству, безвозмездно, место; где находилось тогда пришедшее уже в ветхость здание, вмещавшее в себя: губернскую типографию, архив и чертежную. (Там же, стр. 155.) Симбирское дворянство, еще за долго до этого, сознавало неприглядность принадлежащаго ему дома и необходимость значительно отремонтировать его, но медлило приведением этого в исполнение, за неимением в наличности достаточных сумм. Еще 22 января 1820 года дворянство, в общем собрании, постановило произвести сбор, по 15 коп. с души, на поправку дворянскаго: дома, (Отчет Симбир. губерн. предвод. дворянства на 1836 -37 г., стр. 40.) но на следующих же выборах, собранный таким образом капитал, оказался незначительным и 22 декабря 1822 года, дворянство положило собрать с каждой ревизской души дворянских имений еще по гривеннику. (Там же, стр. 24.) Весь этот сбор, к 1 апреля 1836 года, числился в недоимке и составлял сумму в 18130 руб. (Там же, стр. 40.)

Исполняя Монаршую волю, дворянство образовало в 1838 году особый комитет, который и приступил к постройке новаго дома на Высочайше дарованном месте, (Симб. Губ. Вед. 1888 г., № 42.) а пока, временно, устроило для себя помещение в доме бывшем Пустынникова, близ Троицкой церкви, в котором в 1767 году останавливалась Императрица Екатерина II. (Этот дом был красивой архитектуры и очень обширен; его подарил дворянству богатый помещик, потомок Пустынникова, Николай Алексеевич Дурасов, (Симбирский сборник 1868 г., стр. 191). Только через

девять лет окончена была постройка нынешняго дворянскаго дома и открытие его последовало 1-го января 1847 года. (Симбирский сборник 1868 г., отдел „Смесь“, стр. 40.) В какую сумму обошлась эта постройка — сведений не сохранилось. Значительно поврежденный пожаром 1864 года, он был возобновлен лишь к концу 1869 года, на что дворянство израсходовало 60467 руб. 88 коп., а до возобновления, дворянское собрание помещалось временно в доме Ермолова, по Московский улице.

Дом городского общества обязан своим существованием тоже Государю Николаю Павловичу.



Его Величество, не одоблив дворянский дом, нашел городской дом еще, в худшем состоянии и приказал немедленно-же сломать его, добавив, что «купцы могут и должны выстроить себе лучше. Я им построил даром гостинный двор». (Записки И. С. Жиркевича („Русская Старина“, 1890 г. июль, стр. 125). К постройке городского дома приступлено было весною 1840 года, на ассигнованную на сей предмет сумму, в 175,334 руб. 55 коп. ассигн. (50095 руб. 3/4 коп. серебром; (Симб. Губ. Вед. 1840 г., № 2.) он строился, по рассказам старожилов, четыре года и городское общество получило прекрасное здание, хотя не такое же красивое, по внешности, как дворянский дом, но настолько поместительное (28 просторных комнат), что город долгое время признавал возможным сдавать значительную часть этого дома под помещения различных учреждений; так например, здесь, в верхнем этаже, помещалась военная гимназия, а затем соединенная палата уголовного и гражданского суда, с камерою губернскаго прокурора. В пожаре 1864 года от городского дома остались только одни обгорелые стены, так что на возобновление его пришлось израсходовать 19300 руб. В настоящее время в этом здании помещается Городская Управа, (Первый состав Симбирский Городской управы, начавшей свои действия 25 февраля 1871 года, был следующий: городской голова — Петр Андреевич Егоров, члены: Асаф Михайлович Балакирев, Иван Егорович Севастьянов и Петр Анисимович Теняев; городской секретарь — Алексей Федорович Лентовский. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 28.. Список Симбирских городских голов см. приложение № 14.) с прекрасною залою для заседаний

городской думы, сиротский суд, городской общественный банк, общество взаимного страхования и городская школа кройки и шитья.

Гостинный двор, находится на углу Большой Саратовской и Дворцовой улиц и построен на 25000 рублей, ассигнованные, по приказанию ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й, в 1780 году, из казны, для возведения купеческих домов с лавками, которыми первоначально предполагалось застроить два квартала на венце, выше губернаторского дома, но затем последовала отмена такого распоряжения и весь торг в городе был сосредоточен в одном месте, по обе стороны оврага реки Симбирки.



Закладка здания нынешнего гостинного двора, на месте прежних деревянных рядов, произведена была 5 июня 1832 года, после торжественного молебствия, совершенного архиепископом Анатолием, а постройка производилась по плану и под наблюдением губернского архитектора И. И. Лизогуба. (Это событие увековечено надписью на медной доске, прибитой на полукруге южного корпуса гостинного двора.) Центральная часть гостинного двора построена в виде вдающегося полукруга, так что здесь образуется небольшая площадь. Первоначально гостинный двор был построен не вполне удачно. Государь Николай Павлович, в 1816 году, обратил внимание на два большие выхода, нарушавшие правильность здания и отозвался, что все вообще Симбирския городския строения не имеют приличного вида. (Симбирский сборник 1868 г., стр. 154.) Вследствие этого, означенные выходы впоследствии были приведены в соответствие с остальными частями постройки. Возстановленный после пожара 1864 года, гостинный двор и в настоящее время, в архитектурном отношении, оставляет желать многого. В 1891 году в думе возбужден был вопрос об упорядочении его наружного вида, (Журн. Думы 5 апреля 1891 года.) но остался открытым, на том основании, что

большинство лавок гостинного двора, принадлежат частным лицам, а наблюдение за своевременным ремонтом зданий обывателей, составляет предмет ведомства полиции, к обязанности же городского управления не относится. Всего лавок в гостинном дворе — по 44 номера в каждом корпусе, из них принадлежат городу: три, лавки в северном корпусе и четыре — в южном; Николаевский дом призрения неимущих имеет одну лавку в южном корпусе; остальные 80 лавок принадлежат торгующим в них купцам.

Окружный суд помещается в частном доме, на углу Большой Саратовской и Дворцовой улиц.



Он открыт 15-го ноября 1870 года сенатором, князем М. Н. Шаховским, первым Старшим Председателем Казанской Судебной Палаты. (Первый состав Симбирскаго Окружнаго Суда был следующий: председатель суда действ. ст. сов. Богдан Петрович Крейтер. Товарищи председателя: 1) над. сов. Арсений Петрович Муравьев и 2) кол. сов. Николай Николаевич Мясоедов. Члены суда: 1) тит. сов. Георгий Николаевич Юренев, 2) тит. сов. Константин Николаевич Кузьмин, 3) кол. секр. Федор Ильич Кочетков, 4) губ. секр. Якоби, 5) губ. секр. Леонид Николаевич Скрипицын, 6) надв. сов. Григорий Иванович Алякринский, 7) кол. сов. Александр Николаевич Орлов, 8) губ. секр. Валерьян Александрович Башкиров и 9) отст. капит. артил. Николай Гаврилович Анучин. Прокурор Суда — кол. сов. Сольский. Старший Нотариус — кол. секр. Александр Иванович Василинин.) Вопрос об открытии окружнаго суда в Симбирске был решен в принципе еще в начале 60-х годов и даже с тех пор начались подготовительныя к тому распоряжения, но после пожара 1864 года было большое затруднение в подыскании надлежащаго помещения для Окружнаго суда, почему открытие его замедлилось и последовало лишь тогда, когда Симбирск уже окончательно отстроился. Первоначально Окружный Суд помещался на венце, рядом с дворянским домом, в доме Жиркевича, но через два года, в 1872 году, перешел в настоящее помещение.

Здесь кстати упомянуть, что г. Симбирск, в судебном отношении, составляет отдельный следственный участок, находящийся в ведении судебного следователя по городу Симбирску и разделен на три городских судебных участка, находящихся в ведении троих городских судей; границы этих участков почти совпадают с границами трех полицейских частей города.

Земский дом находится на углу Спасской и Сенной улиц и представляет из себя каменное, двух-этажное, здание, выделяющееся, в архитектурном отношении, между другими городскими постройками. Этот дом выстроен Симбирским уездным земством в 18889 году, специально для помещения уездных присутственных мест: Земской Управы, Дворянской опеки, Присутствия по воинской повинности, (Уездное по воинской повинности Присутствие открыто в Симбирске с 1 марта 1874 года) (нижний этаж) и Съезда Мировых Судей (верхний этаж). До постройки земского дома упомянутые учреждения помещались в частных домах, что представляло большия неудобства.

Симбирская Уездная Земская Управа открыла свои действия 7-го января 1866 года.



Первое уездное земское собрание было 15-го декабря 1865 года и оно постановило составить Уездную Земскую Управу из председателя, двух членов, получающих жалованье и двух членов без содержания. В настоящее помещение Земская Управа перешла в начале 1890 года. (Первый состав Симбирской Уездной Земской Управы был следующий: председатель — Федор Александрович Анненков, члены: Федор Афонасьевич Беляков, Николай Дмитриевич Маляхинский, Александр Петрович Языков и Ефим Борисович Уренцов. (Симб. Губ. Вед. 1866 г., № 4).

Симбирский Съезд Мировых Судей был открыт 30-го апреля 1869 года (Первый состав Симбирского Съезда Мировых Судей был следующий: председатель

— Николай Александрович Языков, (он же Мировой судья 1-го участка); неперменный член съезда — Владимир Николаевич Нейков, (он же Мировой судья 3-го участка); участковые судьи: 2-го участка — Николай Алексеевич Плотников, 4-го участка — князь Николай Николаевич Ухтомский, 5-го участка — Валерьян Никонорович Назарьев и 6-го участка — Петр Борисович Бестужев, (но он вскоре же умер и вместо него был избран, в начале 1870 года, Алексей Васильевич Новосельцев). Секретарь Съезда Сергей Владимирович Глинка. (Симбирский сборник 1870 г., т. II отд. IV, стр. 28) и просуществовав успешно более 21 года, уступил свое место Уездному Съезду, действующему в Симбирске с 1-го сентября 1890 года. (Первый состав Симбирскаго Уезднаго Съезда был следующий: уездный предводитель — Михаил Федорович Беляков; уездный член суда — Павел Любимович Мартынов; городские судьи: 1-го участка — Иван Васильевич Звенцов, 2-го участка — Яков Федорович Образцов, 3-го участка — Николай Петрович Педенко, земские начальники: 1-го участка — Николай Сергеевич Андреев, 2-го участка — Дмитрий Петрович Мещеринов, 3-го участка — Николай Николаевич Павлинов, 4-го участка — Андрей Дмитриевич Шидловский, 5-го участка — Петр Петрович Зверев и 6-го участка — Митрофан Сергеевич Андреев; секретарь съезда — Владимир Николаевич Боровский.

Почтово-Телеграфная контора помещается в частном доме, на углу Большой Саратовской и Покровской улиц.



Почтовая контора открыта в Симбирске вскоре-же, как последовало учреждение Симбирскаго наместничества, Указом Императрицы Екатерины II, от 13 января 1782 года, росписаны в Симбирском наместничестве почтовые дороги и станции, установлена возка эстафет и писем в смежныя губернии и в столицы, (Симбирский сборник 1868 г., отдел „Смесь“, стр. 38.) а в 1800 году „почтовая экспедиция г.

Симбирска" приписана к открытому тогда Тамбовскому почтамту. До пожара 1864 г. Симбирская губернская почтовая контора помещалась в казенном доме, принадлежавшем прежде дворянству, находившемся в Троицком переулке, возле Троицкой церкви (где теперь кадетский корпус), а после пожара 1864 года, контора, переменяв несколько помещений, в 1881 году арендовала, на долгий срок, нынешнее помещение, за 2760 руб. в год. Ныне от Симбирска идут три главных почтовых тракта, по которым учреждена казенная перевозка корреспонденции: Московский — на гг. Корсунь и Ардатов, с ветвью на г. Алатырь, Казанский - на г. Буинск и Саратовский — на г. Сызрань. С 1868 года учреждена перевозка почты на пароходах по Волге (с начала навигации до 1-го октября. (Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 101.) В 1871 году почтовый департамент предложил городской думе устроить в Симбирске городскую почту; дума, в заседании 9-го июля 1871 года, отклонила это предложение, на том соображении, что Симбирск, занимая небольшое пространство, не может иметь особенной нужды в учреждении городской почты, тем более, что на окраинах города, в особенности под горою, живут люди бедные, не ведущие никакой переписки. Тем не менее, городская почта была введена в Симбирске с 1872 года, на счет казны и в настоящее время, для приема городской корреспонденции, устроено 14 почтовых ящиков, в разных местах города.

Телеграфная станция открыта в Симбирске 1-го сентября 1860 года и первое время находилась под ведением Казанского телеграфного округа, а впоследствии перечислена в Пензенский округ. Первоначально прием депеш внутренней и заграничной корреспонденции открыт был только, днем с 1-го апреля по 1-е октября — с 8 час. утра, а с 1-го октября по 1-е апреля — с 7 час. утра и прекращался в 9 часов вечера. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 64.) В 1877 году время приема телеграмм продолжено было до полуночи, (Симбирский календарь на 1877 г., стр. 182.) а с 1878 года депеш принимаются уже во всякое время дня и ночи. (Тоже, на 1878 г., стр. 314.) С 1-го сентября 1881 года открыта, для пользования публики, телеграфная линия от города Симбирска до города Сенгилея, (То же, на 1879 г., стр. 337.) а с навигации 1882 года устроена, на симбирской пристани, против дебаркадера перевозного парохода, телеграфная станция „Симбирск — береговая“, действующая только во время навигации. (Симб. Губ. Вед. 1881 г., № 64.) Соединение губернской почтовой конторы с телеграфною станциею в одно учреждение, почтово-телеграфную контору III-го класса, последовало 1-го марта 1882 года; впоследствии эта контора перечислена во II-й класс.

Телефонное сообщение существует в Симбирске с 1892 года, но вопрос об этом возбужден был еще в 1888 г. Городская Дума, 1 апреля и 17 июня 1888 г., определила устроить в Симбирске телефон, исключительно для пожарных целей, между городским полицейским управлением, тремя полицейскими частями, домом городского общества, военными казармами, машинным отделением водопровода и верхним водопроводным резервуаром. Министр Внутренних Дел разрешил устройство телефонного сообщения между означенными зданиями, но с тем, между прочим, условием, чтобы телефонныя линии, вместе с установленными в них аппаратами перешли, безвозмездно в полную собственность правительства, (По Высочайше утвержденному 16 ноября 1884 г. положению Комитет Министров, телефон, подобно телеграфу, признан правительственною регалиею) если оно пожелает своим распоряжением эксплуатировать в Симбирске телефонныя сообщения для общественного пользования и чтобы сношения по телефону были

безпрекословно прекращены, если это будет признано необходимым. (Журн. Думы 10 февраля 1889 года.) На это городская дума возбудила, с своей стороны, ходатайство о предоставлении ей некоторых льгот при пользовании казенным телефоном, но правительство отклонило такое ходатайство, почему дума, в заседании 18 октября 1889 года, постановила городской телефон не устраивать. (Тоже, 18 октября 1889 года.) Затем, в 1892 году агенты: Российскаго страховаго от огня общества и пароходнаго общества „Зевеке“, получили разрешение устроить телефон между их конторами, помещающимися: первая — на углу Большой Саратовской и Московской улиц, а вторая — на берегу р. Волги, на пристани, и таким образом благодаря им, в Симбирске была проведена первая телефонная линия. (Тоже, 6 марта 1892 года.) В том-же 1892 г. дума вновь обсуждала вопрос о городском телефоне и в заседании 29 мая того года постановила устроить телефон на установленных в 1889 году основаниях, на что и ассигновала 1800 руб. (Тоже, 29 мая 1892 года.) Это постановление думы приведено в исполнение в 1893 году. Наконец, осенью 1897 года телефон устроен в Симбирске, по всему городу, на казенный счет, что обошлось казне в 12415 руб. 81 коп. Несмотря на значительную абонементную плату (75 руб. в год), в короткое время (к 1-му марта 1898 года) число абонентов дошло до 62.

Управление Симбирскаго удельнаго округа помещается в собственном доме, на Покровский площади 9-го октября 1808 г. в Симбирске была открыта удельная контора, (Ранее этого в Симбирске было отделение Казанский Удельной Конторы.) в которой сосредоточивалось управление всеми удельными крестьянами Симбирский губернии.



Одновременно с сим учреждением были три отделения Симбирской удельной конторы: в Алатыре, Сызрани и Ставрополе. 16 января 1830 г. было Высочайше

утверждено мнение Государственного совета, о сосредоточении удельных имений посредством обмена с казенными и во исполнение сего, 25 января 1835 года последовал Высочайший указ Правительствующему Сенату, которым повелено было: 1) всех казенных крестьян Симбирской губернии передать в удельное ведомство, со всеми землями, лесами, не исключая и корабельных рощей, оброчными статьями и прочими угодьями, принадлежащими как этим крестьянам, так и собственно казне и 2) лошман (Лошмане образовались, при Петре I-м, из служилых людей, поселенных на казенных землях и были подчинены непосредственно адмиралтейству. Цель учреждения этого сословия была — образовать: а) искусных рабочих для рубки и сплава леса из корабельных рощ и б) лесных сторожей; за такую специальную службу лошмане освобождались от воинской повинности. Они состояли из различных национальностей: русских, татар и чувашей и резко отличались от своих соплеменников, по крепкому и здоровому сложению, смышленности и заметному благосостоянию, которые у них развивались, как вследствие их занятий в разных краях, так, в особенности, вследствие независимости общественного положения. Подчинение их, в Симбирской губернии, Удельным Конторам, ограничивалось представлением податей, Манифестом 1860 года лошмане переименованы в государственные крестьяне. (Липинский, т. I, стр. 272) Симбирской губернии, для единообразного в губернии управления, подчинить заведыванию удельного начальства, оставив их, по отправлению ими лошманский повинности, на прежнем положении, в ведении морского министерства.

Одновременно с преобразованием крестьянского управления, удельное ведомство скупило в Симбирской губернии значительное число помещичьих имений, так что управление всеми удельными крестьянами губернии, посредством одной конторы, сделалось весьма затруднительным. По этому, указами от 7 октября 1836 года и июля 1837 года, Симбирская удельная контора была преобразована в четыре независимыя конторы: а) Симбирскую (из уездов Симбирского и Буинского), с Буинским отделением, б) Сызранскую (из уездов Сызранского, Карсунского и Сенгилеевского), с двумя отделениями — в г.г. Карсуне и Сенгилей, в) Алатырскую (из уездов Алатырского, Ардатовского и Курмышского), с Курмышским отделением и г) временное отделение в г. Ставрополе, которое уничтожено в 1851 году, при учреждении Самарской удельной конторы. В 1861 году к Симбирской удельной конторе причислены удельные крестьяне Казанской губернии, а в г. Казани, вместо бывшей прежде конторы, учреждено отделение. Затем, в 1870 году, вновь последовало преобразование удельного управления в Симбирской губернии: уездныя удельныя конторы были закрыты и все управление, по прежнему, сосредоточено в одной Симбирской конторе. В 1895 году удельныя конторы переименованы в удельные округа и наконец с 1-го сентября 1896 года выделен самостоятельный Алатырский удельный округ.

Военные казармы

В Симбирске существуют старья и новья военные казармы. Старья (за мытным двором) переделаны в 60-х годах, на городская средства, из винных складов, построенных во время откупов. Когда в 1877 году было сделано распоряжение о расквартировании в Симбирске резервных батальонов, городская управа предположила разместить их в старых казармах, на ремонт которых израсходовала до 20,000 рублей, однако резервныя батальоны занимали эти казармы только несколько месяцев (Журн. Думы 26 мая 1889 года.) В настоящее время они, по ненадобности, за постройкою новых, стоят пустыми, ожидая новаго капитальнаго ремонта, в случай если состоится предполагаемое прибытие в Симбирск какой либо части войск, а пока в них отводится помещение для ратников ополчения, на время призыва их в учебный сбор. Новья казармы (на северной окраине города) построены казною для помещения квартировавшаго в Симбирске 5-го пехотнаго Калужскаго полка. Постройка их началась в 1883 году и продолжалась около трех лет. Однако Калужскому полку недолго пришлось воспользоваться удобствами этих новых казарм, так как в 1888 году его перевели на западную границу; он ушел из Симбирска после пятнадцатилетняго в нем пребывания, оставив к себе в Симбирском обществе добрую память. Ныне в новых казармах помещаются два резервных батальона (290-й Сурский и 292-й Сызранский) и при них местный лазарет на 35 кроватей, открытый 10 февраля 1889 года, согласно положению военного совета, Высочайше утвержденному 25 ноября 1888 года. (Третье полн. собр. зак., т. VIII, ст. 5579.) О войсках, квартировавших в Симбирске в прежнее время, сохранилось очень мало сведений. В начале нынешняго столетия в Симбирске были: губернская рота и гарнизонный батальон. Батальон состоял из четырех рот: первая две находились в Симбирске, а остальные квартировали в Уральске. Указом от 20 марта 1811 г. года, (Полн. собр. зак., т. XXXI, ст. 24561) из двух рот гарнизоннаго батальона и губернской роты составлен один Симбирский трех-ротный гарнизонный батальон, а находившиеся в Уральске две роты вошли в состав Уральского батальона. Впоследствии гарнизонные батальоны были переименованы в батальоны внутренней стражи. 24 мая 1847 г.

Симбирский батальон был перемещен во Владимир, а Нижегородский — в Симбирск, (Второе полн. собр. зак., т. XXII, ст. 21246.) при чем переселенные батальоны, по прибытии их на новья места, переименованы по названию того губернскаго города, в который они перешли и им предоставлены были номера, присвоенные находившимся там прежде батальонам, так что представляется неясным — зачем понадобилось тогда такое перемещение? В 1859 г. в Симбирске квартировали: 4-й резервный батальон Московскаго пехотнаго полка и дивизионная канцелярия резервной дивизии 6-го армейскаго корпуса, (Симб. Губ. Вед. 1859 г., № 1 и 7) а также батальон внутренней стражи, заведывавший инвалидными и этапными командами всех уездных городов Симбирской губернии. Еще ранее, по Высочайше утвержденному 10 июня 1858 г. росписанию, (Второе полн. собр. зак., т. XXXIII, ст. 33283.) предположено было преобразовать Симбирский батальон военных кантонистов в Симбирское военное училище на 250 человек. При составлении соображений об устройстве этого училища имелось в виду, с одной стороны, значительное число кантонистов, а с другой — уже готовое помещение для училища; но затем, большая часть кантонистов была распределена на службу, в

Симбирске осталось их очень мало, почему 17 июня 1859 г. последовало Высочайшее повеление (Второе полн. собр. зак., т. XXXIV, ст. 34636 об упразднении Симбирскаго училища военного ведомства и предназначенные для него ученики, из расформированного батальона кантонистов, были переведены в Саратовское училище. 4-го сентября 1873 года прибыл в Симбирск 5-й пехотный Калужский полк, торжественно встреченный населением. (Симб. Губ. Вед. 1873 г., № 68.) Он ввел в Симбирскую общественную жизнь большое оживление, за что пользовался необычайным расположением Симбирскаго общества 31-го декабря 1894 года открыто было офицерское собрание Калужскаго полка, в доме Беляева, по Покровский улице, (Симб. Губ. Вед. 1875 г., № 1) где очень часто устраивались танцевальные вечера; прекрасный хор музыкантов этого полка, в летнее время, играл на городском бульваре, на венце.

В 1877 году Калужский полк ушел из Симбирска на театр военных действий, в состав балканской армии, и на его место пришли три резервных батальона: 93-й (ныне 290-й), 45-й (переименованный потом в 94-й, а ныне 292-й) и 115-й, а также 5-й запасный пехотный батальон. (Симбирский календарь на 1880 год, стр. 120.) Во время войны, отношения Симбирскаго общества к Калужскому полку продолжали быть вполне сердечными: они обменивались неоднократными телеграммами, с выражением взаимнаго расположения — город посылал полку приветствие в день его полкового праздника, а полк поздравлял Симбирское общество с новым годом, при чем обе стороны сопровождали поздравления наилучшими пожеланиями и высказывали друг другу сожаление о разлуке; (Симб. Губ. Вед. 1878 г., № 62 и 1879 г., № 2.) раненные из чинов Калужскаго полка пересылались с поля битвы в Симбирск, где за ними ухаживали Симбирские дамы. После двухгодичнаго отсутствия, Калужский полк возвратился в Симбирск в июле 1888 года. Город приготовил ему торжественную встречу на Большой Саратовской улице, у дома отделения Государственнаго Банка, по обе стороны бульвара, были устроены триумфальные ворота, с надписью „героям Ловчи и Плевны" здесь город поднес полку хлеб-соль на серебрянном блюде, толпа народа встретила своих друзей долго несмолкавшим „ура", мужчины махали шляпами, дамы бросали цветы и подавали букеты и венки офицерам и солдатам; восторг был полный — пять дней продолжались празднества по случаю возвращения полка". (Симб. Губ. Вед. 1879 г., №№ 51 — 63.)

После ухода Калужскаго полка, в 1888 году, на западную границу, в Симбирске остались только два резервных батальона, (115-й резервный батальон выбыл немедленно по возвращении Калужскаго полка, а 5-й запасный пехотный батальон, по окончании Турецкой войны, был расформирован. (Симбирский календарь на 1880 год, стр. 120) и городское управление возбудило ходатайство о присылке в Симбирск новаго полка, мотивируя эту просьбу тем, что иметь расквартированным в Симбирске какой либо полк, весьма важно, в интересах торговли и домовладельцев, а с другой стороны, это выгодно и для казны, так как казармы, которыя обошлись казне в несколько сот тысяч рублей, представляются слишком обширным помещением для двух резервных батальонов — они свободно могли бы разместиться в старых городских казармах; кроме того содержание войск в Симбирске, при дешевизне на жизненные продукты, будет обходиться казне значительно дешевле, чем в каком либо другом приволжском городе. (Журн. Думы 26 мая 1889 года.) На это ходатайство военное начальство ответило отказом и

рекомендовало городу обратить его старья казармы под помещение ратников ополчения, на время призыва их в учебные сборы. (Журн. Думы 18 октября 1889 года.) Однако в 1896 году само военное начальство предложило городу посетить в старых казармах 3-ю запасную артиллерийскую бригаду, предъявив при этом требование о ремонте казарм, (Тоже, 16 декабря 1896 года.) но возникшая по сему предмету переписка до настоящего времени не привела ни к какому результату.

Интендантский склад, помещающийся по Комиссариатский улице, не представляет из себя красиваго здания, но интересен в том отношении, что существует в первоначальном виде почти 90 лет, так что является самую старинною постройкою в городе. В 1808 году учреждены были, для приема сукон от фабрикантов в ведомство комиссариата, особия комиссии — в Москве, Воронеже, Киеве, Харькове и Казани, при чем фабрикантам предоставлена была полная свобода поставлять сукна влюбую из означенных комиссии, по желанию. Однако многие из фабрикантов, при вызове их на такую поставку, вошли просьбами, чтобы сукна принимали от них или на фабриках, или в ближайшем губернском городе и в таком случае некоторые из них обещали значительныя поставки. Так, Симбирский фабрикант, действительный камергер Маслов, обязывался поставлять в казну ежегодно до 80,000 аршин сукна, если только приемка от него сукна будет производиться или при его фабрики, в селе Тереньге, Сенгилеевскаго уезда, или в г. Симбирске. Военное начальство согласилось с доводами камергера Маслова и 16 февраля 1809 года состоялось Высочайшее повеление об учреждении в Симбирске „комиссии для приемки сукон, или как ее иначе называли, „комиссариатской комиссии, (Полн. собр. зак., т. XXX. ст. 23487.) которая заведывала исключительно приемкою солдатских сукон от местных фабрикантов. Деятельность ея, в отечественную войну 1812 года и особенно в Севастопольскую кампанию 1855 года, была весьма обширна; через нея проходило тогда более двух миллион аршин в год, из которых только незначительное количество отпускалось на удовлетворение местных войск, наибольшая-же часть пересылалась в комиссии, бывшия на западе и на юге России, ближе к месту военных действий. В 1864 году комиссариатская комиссия была преобразована в „интендантский склад, на обязанности котораго лежать лишь хранение и отпуск сукна и других вещей, а приемкою их ныне заведует особая „приемная комиссия, отвечающая за достоинство принятых ею вещей.

Полиция

(Полиция в провинциальных городах учреждена по указу Императрицы Анны Иоанновны, от 23 апреля 1733 года (Полн. собр. генерал-лейтенант князь Гессен-Гамбургский ездил в гор. Астрахань и по возвращении оттуда донес Государыне, что „усмотрел он по тамошнему месту и разных в городе народов, наполненных от тамошняго тяжелаго воздуха, а летнею порою от великой теплоты, за несмотрением чистоты, самый вредительный и язвительный смрад, отчего не могло-б быть людям впредь вредительства, для чего потребно там учредить полицию. Помянутым указом полиция учреждена в 23 городах, в том числе и в Симбирске; полицмейстеры назначены преимущественно из местных гарнизонных офицеров „к тому достойных, (список Симбирских Полицеймейстеров см. приложение № 15) и к ним определены, для караулов и содержания съезжих дворов, по одному унтер-офицеру, да по капралу и рядовых: в губернские города — по 8, а в провинциальные — по 6

человек. Нынешнее устройство полиции и пожарной части в губернских городах существует с 1818 года. Именным Указом Императора Александра I-го, от 10 января 1818 года, повелено: 1) разделить каждый город на части, каждую часть на кварталы, 2) для каждой части определить количество пожарного инструмента, обоза, лошадей и фурманов, кои состояли-бы в полном владении полиции и 3) чтобы каждая часть имела свой дом, с нужными постройками, для помещения пожарного инструмента и обоза. (Полн. собр. зак., т. XXXV, ст. 27221).

Здание городского полицейского управления, находящееся по Дворцовой улице гор. Симбирска, приобретено казною у частного лица еще в 50 годах. Незадолго до пожара 1864 года, это здание было капитально перестроено, посещение полиции значительно расширено; работы производились в течении трех лет (1861 — 1863 г.г.), стоили 32385 руб. 74 коп. (Симб. Губ. Вед. 1861 г., № 7.) и все это было уничтожено огнем в достопамятный день 19 августа 1864 года. На возобновление здания городского полицейского управления вновь израсходовано почти 19,000 рублей. (Тоже, 1871 г., № 21.) На основании положения о доходах и расходах гор. Симбирска, Высочайше утвержденного 17 сентября 1831 года, Симбирск разделен на три полицейских части; в настоящее время границею между первыми двумя частями служит Дворцовая улица: часть города, расположенная южнее этой улицы — первая, севернее — вторая, а подгорье и заволжския слободы составляют третью городскую часть. Управление каждою частью посещается в особом городском доме; первая часть — по Московской улице; каменное здание при этой части, для пожарного обоза и команды, построено в 1874 году; вторая часть — по Лосевой улице, в каменном двух этажном доме, купленном городом у почетнаго гражданина Егорова, в 1890 году, за 30,000 руб.; третья часть — по Петропавловскому спуску, в здании, построенном в 1868 года, на что городом израсходовано — 3508 рублей. (Тоже, 1871 г., № 21.) У каждого частного пристава имеются по два помощника и команда полицейских служителей, которых в первой части — 31 чел., во второй 23 чел. и в третьей — 11 чел.

По первоначальному штату, утвержденному положением 17 сентября 1831 года, (Полн. собр. зак., т. VI, ст. 4802.) на три полицейских частей г. Симбирска назначено было, кроме трех приставов, 7 квартальных надзирателей и 51 человек городских, распределение которых по частям, было предоставлено полицмейстеру. 18 июня 1853 года штат городской полицейской команды увеличен до 72 человек, а с 1863 года квартальные надзиратели заменены четырьмя помощниками приставов и полицейская команда еще увеличена на 15 человек. До 1872 года полицейская команда состояла из нижних чинов, командированных из войск, взамен прежних „буточников, комплектовавшихся из неспособных ни к какому труду инвалидов, но по Высочайшему повелению, последовавшему в 1872 году, нижние чины полиции заменены вольнонаемными людьми, которые кроме жалованья, имеют готовое помещение с отоплением. (В то время зажигание уличных фонарей и чистка труб, даже в частных домах, не составляли свободного ремесла, а производились от казны.) При каждой полицейской части, а также при городском полицейском управлении, имеется пожарный обоз и при нем пожарная команда. По штату 1831 года, городская пожарная команда состояла: из одного брантмейстера, при котором числился „ученик" (вернее — помощник), трех унтер-офицеров и 46 рядовых которые были в то же время фурманщиками, фонарщиками, трубочистами. (Симб. Губ. Вед. 1876 г., № 41 прилож.) В 1853 году штат пожарной команды значительно

увеличен; положено было: брантмейстеров два, унтер-брантмейстеров — четыре, два старших и два младших, и рядовых — 86 человек. Впоследствии оставлен только один брантмейстер. В настоящее время число полицейских и пожарных служителей и наличность пожарнаго обоза выражается в следующих цифрах.

	Число городовыхъ.		Число наружныхъ полицейскихъ постовъ.	Число пожарныхъ.		Пожарный обозъ.							
	Старшихъ.	Младшихъ.		Старшихъ.	Младшихъ.	Лошадей.	Машинъ.	Бочекъ.	Вагровъ.	Лѣстницъ.	Ведеръ.	Ухватовъ.	Леекъ.
При Полиц. Управлен.	1	7	—	1	30	25	3	730	5	18	4	8	3
„ 1-й части . . .	1	30	13	1	17	14	2	5	2	4	4	—	5
„ 2-й „ . . .	1	22	9	1	21	19	4	6	8	2	9	1	6
„ 3-й „ . . .	1	10	4	1	13	11	3	3	8	2	2	1	5
Въ слободѣ Канавѣ .	—	4	1	—	7	6	5	3	7	2	2	2	4
Итого . . .	4	73	27	4	88	75	17	24	55	15	35	8	28

Губернская тюрьма

Когда построено здание Симбирской губернской тюрьмы, или как она до 1888 года называлось „тюремный замок,— сведений не имеется. В 1840 году это здание значительно расширено и на перестройку его ассигновано было около 45,000 рублей. (Симб. Губ. Вед. 1840 г., № 4.) Тем не менее вскоре же тюремный замок оказался недостаточно вместительным, так что в 1853 году под тюрьму наняли еще частный дом, (Липинский, т. II, стр. 556.) собственно для содержания пересыльных арестантов. В настоящее время губернская тюрьма, находящаяся на ярморочной площади, представляет из себя здание весьма прочной постройки. Она учреждена, по кубическому содержанию воздуха, на 155 человек, но очень часто, особенно летом, число арестантов превышает 400 человек. Это последнее обстоятельство послужило поводом к устройству отдельнаго посещения для женщин, приговариваемых к тюремному заключению.

Женская центральная тюрьма. Женское отделение губернской тюрьмы находится на так называемом, „старом венце (Верхне-набережная улица) и посещается в том здании, которое вначале настоящаго столетия было домом вице-губернатора. Впоследствии это здание перешло в казну и здесь поместили рабочий и смирительный дома, а по уничтожении их — отделение срочных арестантов и

наконец в 1896 году — женскую центральную тюрьму. Смирительный дом существовал только по имени, в действительности же он представлял одно общее с рабочим домом, куда и поступали осужденные к заключению в смирительном доме. („Соображении о введении судебной реформы по Симбирской губернии, стр. 27.) Оба эти дома находились под ведением приказа общественного призрения и устроены были с целью исправления лиц, впадших в преступление, сюда-же поступали помещичьи крестьяне и дворовые, по распоряжению помещиков, с платою по 2 руб. в месяц, за каждого арестованного. Исправительное значение этого рода заведений было основано на том предположении, что уединение и труд лучше всего исправляют человека. По этому и правила о содержании здесь арестантов требовали, чтобы работа их производилась только внутри здания. Между тем такая цель уединения и труда совершенно не достигалась, по крайней мере в Симбирском рабочем доме, потому что работ, которые могли-бы исполняться арестантами внутри домов, было весьма немного; весь сбор от их заработков не превышал и ста рублей в год. Кроме того; неимение отдельных комнат для одиночного заключения, расположение мужчин и женщин в одном доме, хотя и в разных этажах, но с одной лестницей и с одним входом в оба этажа и недостаточность сторожей, и прислуги, состоявшей из нескольких слабых стариков, которые, нанимались за ничтожную плату — все это развивало в арестантах любовь к праздности и разврату, так что, при подобном устройстве, смирительный дом, вместо пользы, приносил один только вред. (Липинский, т. II, стр. 559.)

В 60-х годах, с уничтожением приказа общественного призрения, назначение этих заведений, главным образом смирительного дома, совершенно изменилось; здесь стали содержать лиц, находящихся под предварительным арестом, как меру для предупреждения и пресечения им способов уклоняться от следствия и суда, а также лиц, подлежащих высылке в Сибирь по общественным приговорам, так что эти заведения, находясь в казенном управлении, обратились в отделение тюремного замка. Одно время здесь содержались лица, приговариваемые мировыми судьями к краткосрочному тюремному заключению, а с 1-го сентября 1896 года, этот дом преобразован в женскую центральную тюрьму, на всю Симбирскую губернию, для срочного заключения лиц женского пола, приговариваемых к тюремному заключению, не менее как на два месяца. Комплект тюрьмы определен в 77 арестанток, которые посещаются в двухэтажном каменном корпусе. 1-го июня 1897 года в женской тюрьме открыта мастерская русской холстинки и действует весьма успешно; заказов поступает так много, что едва успевают их исполнять. На первоначальное обзаведение мастерской израсходовано немногим более 200 руб., и на эти деньги приобретено 12 станков с принадлежностями. В течении семи месяцев (с 1-го июня 1897 г. по 1-е января 1898 г. арестантки выработали 3026 1/4 аршин холстинки, которой продано, за аршин от 8 до 20 коп., всего на 237 руб. 50 коп. и чистой прибыли получено 104 руб. 29 коп. Прибыли делится на три доли: 4/10 части отчисляются на вознаграждение арестанткам за работу (в среднем выводе им приходится по 3 коп. за аршин; 3/10 части — поступают в доход казны и 3/10 части на покупку инструментов.

Исправительное арестантское отделение. 29-го апреля 1839 года Высочайше утверждено положение о Симбирской арестантской роте гражданского ведомства. (Второе полн. собр. зак., т. XIV, ст. 12286.) Эта рота учреждена была, по мысли ИМПЕРАТОРА Николая Павловича специально для производства работ в городе

Симбирске, усиленно производившихся ради приведения в исполнение указаний, данных Государем при посещении им Симбирска в 1836 году; однако, фактически приступлено было к сформированию Симбирской арестантской роты лишь в 1852 году. (Второе полн. собр. зак. т. XXVII, от. 26133.) В состав ее поступили, из всей Симбирской губернии, способные к работе, до 40 лет: а) бродяги и беглые, б) осужденные к ссылке в Сибирь на поселение и в) люди дурного поведения, отдаваемые, по приговорам обществ, или по воле помещиков, для исправления. Рота находилась в распоряжении „Комитета об устройстве г. Симбирска и состояла в непосредственном заведывании ротного командира, на обязанности которого лежало приучить арестантов к мастерствам. По табели, штат арестантской роты определен был в 200 человек и все они, в противоположность содержащимся в рабочем доме, обязаны были работать вне своих казарм. Всем арестантам положена была задельная плата, по 14 коп., в день на человека и эти деньги не выдавались им на руки, а полностью обращались в ротную артель и употреблялись на улучшение пищи и исправление одежды. (Там же.) Нельзя сказать, чтобы работа арестантов отличалась быстротою, но производилась она довольно аккуратно и очень дешево, почему почти все наиболее капитальные сооружения в городе исполнены трудом арестантов; например, карамзинская площадь, петропавловский спуск, бульвар по Большой Саратовской улице, шоссировка улиц и проч.

С 1869 года варестантскую роту стали помещаться арестанты каторжного разряда, число которых постепенно увеличилось, так что 22 ноября 1875 года последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о преобразовании арестантской роты во временную каторжную тюрьму. Это преобразование совершилось 13 февраля 1876 года. Каторжные арестанты на наружные работы уже не выводились, а занимались хозяйственными работами внутри здания, а также уборкою огорода. (Симбирский календарь на 1878 г., стр. 180.) Однако каторжная тюрьма существовала в Симбирске недолго. В 1884 году все ее арестанты, числом более 200 человек, отправлены на остров Сахалин и здание тюрьмы стояло пустым два года, пока не последовало, 1 июня 1886 года, открытия в нем исправительного арестантского отделения для лиц мужского пола, приговариваемых к этому наказанию Симбирским, Пензенским и Тамбовским Окружными Суди. Исправительное отделение занимает целый квартал на Сызранском выезде. По кубическому содержанию воздуха, оно учреждено на 200 человек, как это было установлено еще для каторжной тюрьмы, но в 1893 году, по распоряжению Главного Тюремного Управления, комплект определен в 400 человек, в действительности же, редко когда число арестантов превышает 200 человек. На комплект арестантов полагается 28 надзирателей. Главное внимание администрации арестантского отделения обращено на занятия арестантов работами внутри здания и вне его. Из внутренних работ первое место занимает ткацкое производство, введенное в конце 1890 года. Первоначально работали на двух станках, выписанных из С.-Петербургского исправительного отделения, а затем, своими средствами построили еще 40 станков со всеми принадлежностями. В 1897 году производство ткацкой мастерской значительно сократилось, а в прежние года она вырабатывала, ежегодно, до 200,000 аршин полотна разных сортов. Это полотно идет как на удовлетворение потребностей отделения, так и в частную продажу, а также отправляется, значительными партиями, в губернии: Тобольскую, Томскую, Кутаискую,

Акмолинскую и Сыр-Дарьинскую области и в Тюменский приказ о ссыльных, на белье арестантам местных тюрем.

При арестантском отделении имеется паровая мельница об одном поставе, которая принимает частные заказы и зарабатывает в год от 700 до 900 руб. Производство других мастерских исправительного отделения (кузницы, слесарной, столярной и сапожной мастерских) весьма незначительно. На внешних работах арестанты прежде зарабатывали свыше 20,000 рублей (в 1895 году), а последнее время эти работы значительно сократились, так что в 1897 году они дали заработок только в 6688 руб. 66 коп. Все деньги, заработанные арестантами, как на внутренних, так и на внешних работах, распределяются на три доли: 6/20 ее частей выдается арестантам в собственность, 7/20 частей отчисляется в доход казны и 7/20 частей остается на нужды исправительного отделения. (Отчеты исправ. арест. отдел. за 1890 и 1897 года.)

Земская конюшня

На основании Высочайше утвержденного 10 апреля 1843 года учреждения Управления Государственного Коннозаводства, в 1844 году, в гор. Симбирске открыта земская конюшня, состоявшая из 60 жеребцов, приведенных в Симбирск из Починковского и Беловодского государственных конных заводов. Это заведение основано с целью доставить всем без изъятия жителям Симбирской губернии средства к улучшению конных пород. Для удобства, учреждены были в разных местах Симбирской губернии, первоначально, четыре пункта: 1) в гор. Симбирске, а) в селе Богородском, Самарского уезда, 3) в сельце Игнатовке, Сенгилеевского уезда 4) в гор. Алатырь.

(Симб. Губ. Вед. 1845 г., № 8.) Вскоре же число их увеличилось до шести и места для пунктов менялись каждые два года. Срок пользования жеребцами определен был от 15-го февраля по 15-е июля; в это время, за оставлением части жеребцов при центральной конюшне, остальные посылались по пунктам. Цена за пользование назначалась от 1 до 4 рублей сереб., смотря по качеству жеребца. В гор. Симбирске, за зданием арестантской роты — на Сызранском выезде, устроено было, в 1844 году, просторное помещение для земской конюшни: казармы, со всеми службами для 30 человек команды, конюшни на 60 лошадей, с манежем и конским лазаретом, провиантский и фуражный амбары, а в 1849 году пристроена конюшня для привода маток, принадлежащих частным лицам. Постройка всех этих зданий обошлась в 9545 руб. сереб. Однако деятельность земской конюшни не была оживленною, так что в 1854 году первоначальный комплект пришлось сократить на половину, оставить только 30 жеребцов и число пунктов уменьшить до трех, кроме центрального, при земской конюшне. (Липинский т. I, стр. 466.)

Вообще, содержание конюшни не окупало расход земства пользою своего существования, потому что крестьяне почти совсем ею не пользовались, как по отдаленности пунктов, так и по дорогой цене за пользование жеребцами, а главным образом, вследствие чрезвычайной несоответственности заводских, иногда чистокровных, жеребцов с простыми крестьянскими матками. Эти обстоятельства привели к тому, что в 1863 году предполагалось даже уничтожить Симбирскую земскую конюшню; (Там же, стр. 467.) однако до этого дело не дошло, конюшня продолжала существовать, хотя результаты ее деятельности были далеко не

блестящими. В последнее время она снова возродилась; земство отвело для нея новое помещение, отделив южный конец Александровского сада, а Главное Управление Государственного Коннозаводства, на возведение конюшен, манежа и других построек; ассигновало 30,000 рублей. Освящение новых построек совершено 6 марта 1898 года.

Кроме устройства земской конюшни, управление государственного коннозаводства, для возбуждения, среди сельского класса, охоты к разведению лошадей лучшего качества, установило, в 1845 году, в некоторых губерниях, испытания крестьянских лошадей, с назначением призов: бегового в 100 рублей и воевого в 60 рублей. Такие опыты имели вполне удовлетворительные результаты, почему решено было открыть их, по возможности, повсеместно. В Симбирске они открыты в 1849 году, на основании следующих правил: 1) к испытанию допускаются лошади, принадлежащая только крестьянам и тем мещанам, которые постоянно проживают в селениях и занимаются хлебопашеством; 2) лошади, представленные к испытанию, должны быть не моложе 5-ти и не старше 8-ми лет; 3) испытание состоит из двух разрядов: а) испытание быстроты, соединенной силой, производящееся на расстоянии 6 верст, в телеге или верхом, и б) испытание одной силы, состоящее во влечении тяжестей; 4) ездоки имеют право ехать на лошадях по произволу, рысью или галопом, и ничем не стеснены на счет понуждения лошадей, но верховой ездок, с седлом и проч., должен быть весом, не менее пяти пудов; при недостатке, этот вес пополняется особою тяжестью; 5) испытание одной силы исполняется в телеге, с накладным весом не менее 50 пудов и с прибавлением, на каждых пяти сажнях хода, по два или по четыре пуда, так что лошадь, которая провезет большую дистанцию, а следовательно и больший вес, выигрывает приз. (Симб. Губ. Вид. 1854 г., № 25.) Впоследствии, испытания быстроты были заменены выставкою крестьянских лошадей, в возрасте от 4 до 6 лет, причем премии увеличены до 250 рублей, а при испытании силы— до 200 рублей. Такие выставки практикуются ежегодно и по настоящее время, испытания же силы крестьянских лошадей ныне уже не производятся, а прежде они пользовались успехом и представляли большой интерес; так, в 1855 году, первый приз взяла лошадь, везшая 248 пудов на расстоянии 66 сажень, (Тоже, 1855 г., № 34.) а в 1877 году жеребец провез груз в 200 пудов на расстоянии 3000 саж., в течении пяти минут. (Симбирский календарь за 1878 год, стр. 104.)

Кирпичные сараи

Местность, называемая „кирпичные сараи, находится на северной окраине города Симбирска и занимает весьма обширную площадь, которая, западную стороною, соприкасается с большою Казанскою дорогою, восточную же подходит к дороге в деревню Поливну, по нагорному берегу р. Волги. Вся эта местность изрыта большими, более или менее глубокими, ямами и застроена кирпичными заводами. В ямах, сохранившихся от прежних, уже оставленных кирпичных заводов, построено много землянок, населенных почти исключительно людьми, не имеющими никаких средств к существованию и определенных занятий, почему „кирпичные сараи", по справедливости, могут быть названы Симбирскою трущобою. Когда именно начали в этой местности заводить кирпичные заводы, об этом сведений не сохранилось. (В 1714 году, по именному указу Царя Петра, во всех городах и уездах запрещено было

строить всякое каменное строение с „под раззорением всего имения и ссылкой“ (Полн. собр. зак., т. XI, ст. 8357), потому что „каменщиков и прочих художников того дела достать трудно и за довольную цену“. Этот указ Царя Петра отменен 28 марта 1741 года, когда разрешено во всем государстве строить каменные здания. С тех пор начали повсеместно в России устраивать кирпичные заводы. После этого появились кирпичные заводы и в городе Симбирске.) Старожилы говорят, что они существуют уже более ста лет и первоначально находились значительно ближе к центру города, по берегу оврага речки Симбирки, приблизительно там, где теперь проходит Кирпичная улица, от них и получившая название.

На настоящее-же место кирпичные заводы переведены уже после пожара 1864 года, когда, при возобновлении сгоревшего города, значительно увеличилась потребность в кирпиче. Губернское начальство и городская дума, заботясь иметь, для построек в городе, кирпич хорошего качества, предоставили, как Симбирским жителям, так и иногородным, желавшим открыть кирпичные заводы в Симбирске, значительные для этого льготы; так например, отводилось за городом, на 6 лет, без всякой платы, место, изобилующее хорошей глиной; владельцу того завода, на которое будет выделяться лучший кирпич и в количестве более полмиллиона в год, обещана была премия в 200 рублей. В виду таких льгот, явилось очень много желающих построить кирпичные заводы и в 1866 году их было уже 35, которые выработали, в тот же год, 20,630,000 кирпича. (Симб. Губ. Вед. 1866 г., № 62.) Затем, по мере того, как город обстраивался, многие заводы, в особенности по истечении шестилетнего срока льготного пользования землею, были закрыты и на их местах, в неглубоких ямах, Симбирские бедняки стали строить землянки, большие же и глубокие ямы оставались незакрытыми и даже не огороженными, почему в этой местности скоро стало опасно не только ездить, но и ходить, особенно в ночное время. В виду этого, с 1884 года, городская дума начала принимать меры к приведению в порядок „кирпичных сараев“ некоторые ямы засыпаны, некоторые огорожены, многие из землянок уничтожены, а обитателям их выданы пособия для переселения в какую либо другую часть города и дальнейшая постройка землянок воспрещена, а существующие оставлены были только на десятилетний срок; т. е. по 1-е января 1895 года. (Журн. Думы 15 июля и 1 августа 1884 года.) Однако, по наступлении этого срока оказалось невозможным освободить „кирпичные сараи“ от неприглядных землянок, так как обитатели их не в состоянии переселиться на другое место, без пособия от города, город-же не имеет средств помочь им в этом, в виду чего срок существования землянок в ямах пришлось отсрочить еще на 10 лет, т. е. до 1-го января 1905 года. (Тоже, 20 марта 1895 года.) В настоящее время (к 1-му января 1898 г.) городом сдано 12-ти лицам, под кирпичные заводы, 5897 2/3 кв. сажен.

Слобода Туть

В одной версте от города Симбирска, выше по течению реки Свияги, на ее правом берегу, расположена, на городской земле, небольшая слобода или выселок, называемая „Туть“, издавна населенная отставными солдатами и их семействами. В этой слободе три „Инвалидных“ улицы и столько-же поперечных переулков, называемых тоже „Инвалидными“. По официальным сведениям за 1897 год, (Список населенных мест Симбирской губернии, изд. 1897 года.) в слободе «Тути»

99 дворов и 565 человек (279 муж. и 286 жен.) жителей. По местному преданию, здесь была, в старину, большая тутовая роща, занимавшая чуть не все пространство между Волгой и Свягой, а в роще, недалеко от Волги, стояло небольшое селение, жители которого занимались шелководством; но волжские разбойники разграбили селение и рощу всю вырубил, после чего жители перенесли свое селение, подальше от разбойников, на берег Свяги и в воспоминание о тутовой роще, дали селению название „Туть“. По всей вероятности в этом предании есть некоторая доля правды, так как в строельной книге г. Симбирска (стр. 82) действительно есть указание, что в этой местности, в половине XVII столетия, были тутовые сады. Как бы то ни было, но во время генерального межевания, в 1793 году, на этом месте находилась, как видно из составленного тогда экономического примечания, слобода „Семеновка, с деревнею „Семеновкою, владения Симбирских купцов и мещан“. Тогда, этой слободе с деревнею принадлежало пространство земли между р.р. Свягой, Волгой и Чувичем, занимаемое ныне так называемыми „Барыкиными лугами“, Тихомировским островом и южным городским выгоном, всего в количестве 1301 десят. 240 саж., преимущественно сенокосу (818 десят. 1885 саж.) и дровяного лесу (301 десят. 1255 саж.), пашни-же было всего 3 десят. 259 саж. Ныне слобода „Туть“ своей земли вовсе не имеет; все находящаяся в ней строения возведены на городской земле, причисленной к 1-й полицейской части города Симбирска.

Заволжская слобода г. Симбирска

Слободы, находящаяся на левом берегу реки Волги, против города, существовали, по всей вероятности, еще до основания города Симбирска. Хотя не имеется документальных данных, подтверждающих это предположение, но по основаниям, изложенным выше, (См. Исторический отдел, стр. 7.) следует придти к заключению, что здесь издавна были мордовския рыбацкия поселения. Когда эти слободы причислены к городу Симбирску — тоже неизвестно. Масленицкий, в топографическом описании города Симбирска, в 1783 году, об заволжских слободах почему-то вовсе не упоминает. Но в 1850 году, когда обсуждался вопрос об отделении от Симбирской губернии Самарскаго и Ставропольскаго уездов и о присоединении их к вновь образуемой Самарской губернии, причем естественною границею между Самарскою и Симбирскою губерниями была принята река Волга, тогда заволжския слободы, с землею в количестве 12,000 десятин, считались уже частью города Симбирска и по ходатайству местнаго губернскаго начальства, были совершенно отделены от ведомства Ставропольских властей и по прежнему, остались в хозяйственном распоряжении Симбирской городской думы, а в полицейском и судебном — в ведомстве Симбирских властей. (Соображения о введении судебной реформы в Симбирской губернии, стр. 42.) В настоящее время на левом берегу Волги расположены три городских слободы: северная — Часовня, средняя — Канава и южная — Королевка (или Корольчиха). В них преобладает, почти исключительно, сельский характер: жители этих слобод хотя и причислены к Симбирским мещанам, но занимаются только садоводством, огородничеством и отчасти хлебопашеством, на арендуемой у города земли, так как своей пашни не имеют, а такой земледельческий быт их конечно отражается и на внешнем виде слобод.

По официальным сведениям за 1897 год, (Список населенных мест Симбирской губернии, изд. 1897 года) население завожских слобод и число дворов распределяются таким образом:

Население	Число дворов	Муж.	Жен.	Итого
Слобода Часовня	273	645	727	1372
Канава	179	486	524	1010
Королевка	205	481	639	1201
Всего	657	1612	1890	3502

Торговля яблоками, ягодами, овощами и продуктами сельского хозяйства, составляет единственный источник доходов жителей завожских слобод. Немногие из них занимаются еще пчеловодством. Каждая из слобод имеет следующее количество земли.

	Под строением	Под дворами	Под огородами, садами	Под гумнами	Итого
Слоб. Часовня	8 д. 1480с.	96 д. 222 с.	25 д. 629с.	14 д. 277с.	144 д. 208с.
Канава	6 д. 882с	58 д. 665 с	48 д. 142 с.	8 д. 2087с	121 д. 1376 с.
Королевка	6 д. 915с.	157 д. 1222 с.	36 д. 321 с.	5 д. 1955с.	205 д. 2013 с.
Всего	21 д. 877с.	311 д. 2109 с.	09 д. 1092 с	28 д. 1919с.	471 д. 1197 с.

(Общее инвентарное описание недвижимых имуществ г. Симбирска, стр. 7.) Сады и огороды расположены позади дворов в отдельных участках, за гумнами. Приведенное количество земли признано собственностью жителей завожских слобод после продолжительных споров с городским управлением. До введения в действие городского положения 1870 года, жители этих слобод не имели никаких документов на заселенные ими земли, которые считались принадлежащими городу. Преобразованная городская дума, найдя, что такое положение стесняет помянутых жителей в распоряжениях этими землями, определила предоставить им таковыя полную собственность, но не иначе, как за определенную плату. А так как выгонные земли, предоставлены городам в их собственность лишь законом 10 ноября 1871 года, а до того времени они принадлежали казне, то городская дума, для предупреждения того, чтобы жители завожских слобод, провладев занятыми ими землями до 10 ноября 1881 года, не укрепили бы их потом за собой, по давности владения, заблаговременно (14 марта 1880 года) постановила обложить все эти земли оброком. (Журн. Думы 26 марта 1881 года.) Против такого распоряжения возстали жители всех трех слобод, объясняя, что состоящая в их пользовании земли достались их предкам, еще при основании города Симбирска, и переходили, от поколения к поколению, по наследству; оброка или аренды их предки никогда не платили, напротив того городское управление всегда считало их собственниками и они платили городския, земская и государственные налоги, как владельцы — собственники, а не как арендаторы. (Там же.) Затем, после продолжительных споров и исков, доходивших до Правительствующаго Сената, вопрос о праве собственности на спорные земли был окончательно разрешен тем, что одни из жителей завожских слобод укрепили за собою землю по давности владения, другие — купили ее у города, а третьи и до сих пор платят городу, оброк, как арендаторы.

Еще в 70-х годах был возбужден вопрос о том, чтобы дать заволжским слободам городское устройство, распланировать там улицы и составить планы на каждую из слобод; однако этот вопрос разрешился только тем, что 4-го июля 1876 года, городская дума постановила ходатайствовать об учреждении особого помощника полицейского пристава заволжских слобод, с шестью полицейскими служителями при нем, и усилить там пожарный обоз. Это ходатайство думы утверждено Министерством Внутренних Дел в том же 1876 году. А затем, в 1890 году, город построил в слободе Канаве каменное здание пожарного лабазы, надстроив над лабазом второй этаж, с квартирами помощнику пристава и управляющему заволжскими городскими землями, израсходовав на эту постройку 11 336 руб. 86 коп. (Историч. обзор 25-летн. действител. Симб. гор. общ. управление, стр. 41.) За слободами, на луговой стороне реки Волги, городу Симбирску еще принадлежат 13,163 десятин, 1222 саж. земли разных угодий. Эта городская дача, генерально отмежеванная в 1794 году, имеет границами с севера — земли крестьян сельца Пальцына и сел Архангельского и Чердаклы, Ставропольского уезда, Самарской губернии, с востока — земли частных владельцев и удельного ведомства и скотопрогонную дорогу из города Уфы в гор. Симбирск, с юга — земли крестьян сел: Красного Яра, Кайбел и Крестовых Городищ, Самарской губернии и с запада — земли крестьян села Красного Яра и р. Волгу. Приведенное выше общее количество городской заволжской земли, включает в себя следующие угодья:

Пашни.....	8446 дес. 17118 саж.
Лесу.....	2325 354
Сенокосу..	892 745
Выгону.....	825 274
Неудобной.....	647 531
Всего...	13,163 дес. 1222 саж.

(Общее инвентарное описание подвиж. имущества, г. Симбирска стр. 9.)

Пахатная земля и сенокосные луга разбиты на мелкие участки (средней величины — 12 десятин), которые сдаются в арендное содержание почти исключительно жителям заволжских слобод, а часть выгона, в количестве $268 \frac{3}{4}$ десятин, по дороге из слободы Королевки в село Красный Яр, на опушке городского леса, сдана, 18 мая 1896 года, под стрельбище и лагерное расположение Сурского и Сызранского резервных батальонов, за плату, по 6 рублей в год, за десятину.

Симбирская железная дорога

Вопрос о соединении Симбирска с центральной сетью железных дорог первоначально возник в конце 60-х годов, когда железнодорожное дело, развиваясь в России с необыкновенною быстротою, составляло самую характерную черту тогдашняго экономического ея положения. В то время чуть не каждый день приходилось слышать о концессии, или о составлении новаго проекта, или об изысканиях, или наконец, об окончании строившейся дороги. Одновременно с проектом о соединении железною дорогою Моршанска, через Пензу, с Самарою и далее, с Оренбургом, возникали и обсуждались разные другие проекты этого рода. Изыскания от Пензы до какой либо пристани на Волге, в окрестностях Самары, производил барон фон-Кене; тогда же был проект о соединении Нижняго-Новгорода с Оренбургом, через Симбирск и Самару. (Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 125.) В 1869 году, уполномоченные от Симбирскаго губернскаго земства ходатайствовали о проведении железной дороги из Сызрани, через Симбирск и село Промзино, Алатырскаго уезда, до Мурома. (Симб. Губ. Вед. 1895 г., № 132).

13 ноября 1869 года разрешено было инженеру Эвальду произвести, на собственный счет, изыскания для железной дороги от Москвы до Симбирска, через города. Егорьевск, Касимов, Елатьму, Ардатов, Арзамас и Алатырь. (Тоже № 95.) В 1883 году Нижегородское городское управление прислало в Симбирскую губернскую земскую управу свой проект соединения Нижняго-Новгорода с Алатырем и с Казанью. (Тоже № 18.) Однако, все перечисленные проекты и изыскания не привели к благоприятному результату. 13 Июля 1884 года последовало Высочайшее разрешение на производство изысканий направления Муромо-Сызранской железной дороги, через Ардатов, Алатырь, Промзино и Карсун. Симбирское губернское земство ассигновало на эти изыскания 36,000 рублей, (Тоже № 57.) но опять-таки благоприятнаго результата не последовало.

Этот последний проект, оставлявший в стороне Симбирск, вызвал движение в пользу соединения Симбирска с Алатырем, который и по всем предыдущим проектам считался за особо важный пункт, благодаря своему положению около р. Суры и на большом Московском тракте, покоторому издавна расположились значительныя селения, многия фабрики и другия промышленныя заведения. В то же время Министерством путей сообщения был выработан проект Муромо - Казанской линии, через Алатырь, и когда сведения обутверждении этого проекта достигли Симбирска, наше городскоеуправление озаботилось составлением экономическо-статистическаго обзора района дороги от Симбирска до Алатыря.

Выработанныя данныя, ходатайство земства, заявление Военнаго Министра о необходимости для военнаго ведомства Симбирско-Алатырскаго линии — все это давало надежду на то, что Симбирскбудет иметь железную дорогу в том направлении, которое идо сих пор представляется наиболее выгодным для города. Но, обстоятельства заставили правительство отложить постройку Муромо-Казанской линии и заняться постройкою других дорог, поставленных в первую очередь, а вследствие этого и вопросу Симбирско-Алатырскаго линии не получил никакого разрешения. Между тем тогда уже прочно установилось движение по Моршанско-Сызранской дороге и выяснилось значение этого пути для Симбирска, как несомненно ослабившее его торговлю, вследствие отдаленности его, во все зимнее время, от удобных путей сообщения, так что когда Казань

исходатайствовала для себя дорогу в новом направлении Рязань — Казань, то снованачалось движение в пользу Симбирско-Алатырской линии и даже со стороны правительства предприняты были по этому путиновые изыскания, порученные инженеру Вяземскому.

Однако и на этот раз встретились препятствия — возникли два новых проекта: первый — о соединении Симбирска с Саранском, составленный представителями г. Карсуна и поддержанный Симбирским губернским земством, и второй — о постройке Батрацко - Чамзинской линии, в стороне от Симбирска, поддержанный удельным ведомством; кроме того, общество Московско-Казанской дороги, которому предложено было взять на себя постройку Симбирско-Алатырской линии, не сочувственно отнеслось к этому. (Симб. Губ. Вед. 1894 г., №№ 18 и 19.) Тогда Симбирское городское управление решило обратиться к частным предпринимателям - капиталистам, которые согласились бы взять на себя постройку линии на Алатырь, хотя бы узкоколейной.

Предприниматели нашлись, но они ставили первым условием участие местного населения в подписке на облигации: при узкоколейной дороге — на полмиллиона рублей (Поляков), а при ширококолейной — на два миллиона рублей (Бодиско и Бадер) Журн. Думы 26 ноября 1893 года.) Французское анонимное общество, через представителя своего, директора-распорядителя издаваемой в Париже газеты, L'Union, предложило более удобные условия, (Тоже 29 августа, 7 сентября и 9 ноября 1894 года.) но потребовало гарантию на 4 % годового дохода с капитала, который будет им израсходован на постройку дороги. (Тоже 2 марта 1895 года.) На все приведенные условия городское общество согласиться не могло.

Равным образом город не мог принять условия общества юго-восточных железных дорог на соединение Симбирска с Пензой (Журн. Думы 29 августа 1894 года. Одновременно с этим Симбирское губернское земство хлопотало о соединении Симбирска с Кузнецком, но тоже безуспешно. (Симб. Губ. Вед. 1894 г., № 63) и общества Московско-Казанской железной дороги на постройку линии от Батраков на село Березники, Карсунского уезда, с ветвью на Симбирск. (Журн. Думы 31 августа 1895 года.) В виду этого, городская дума 6 ноября 1895 года постановила ходатайствовать о соединении Симбирска железною дорогою в каком бы то ни было направлении, (Тоже 6 ноября 1895 года.) так как стало очевидным, что путь на Алатырь не удастся.

Наконец, после двадцатипятилетнего ходатайства о соединении Симбирска железною, дорогою с другими русскими городами, в конце 1895 года, получено было известие, что правительство разрешило Московско-Казанскому обществу постройку линии Батраки-Рузаевку, с ветвью на Симбирск и в начале 1896 года выяснилось, что Симбирск будет соединен со станцією Вырыпаевкою, Карсунского уезда. (Журн. Думы 13 декабря 1895 года и 21 февраля 1896 года.) Постройка этой дороги, а также подгорной ветви к пароходным пристаням, началась весною 1897 года и в настоящее время уже близится к окончанию. В последнее время Симбирску еще посчастливилось: есть основание предполагать, что железнодорожный путь на Уфу пойдет через Симбирск, при чем у нашего города будет построен мост через Волгу. Нет сомнения, что все это оживит торговлю, разовьет общественную жизнь в Симбирске и вообще поднимет значение его среди городов по Волге. Железная дорога явится для Симбирска таким же внешним толчком, какими было, в начале 70-х годов, быстрое развитие пароходства по Волге и можно быть уверенным, что

навязываемое ныне Симбирску название сонного города, делается вскоре анахронизмом.

Благотворительные общества и заведения

1) Исторический очерк

До конца 18-го столетия общественное призрение было предоставлено частной благотворительности и отчасти сосредоточивалось в руках духовенства. На подаяния, собиравшаяся при церквях, содержало себя множество нищих, калек, юродивых, кликуш и т. п. Кроме того, при каждой церкви существовали кружки для нищей братии. При Петре и вышло не мало указов, относящихся до призрения неимущих при церквях; когда же, вследствие частых войн, число увечных и раненых воинов размножилось, то призрение их было отнесено также и на счет монастырей. Иногда даже самые монастыри строились исключительно с целью дать приют старым солдатам. Таким образом до конца 18-го столетия не встречается основательного устройства дела общественной благотворительности. Оно ограничивалось, как сказано выше, призрением отслуживших свой век воинов, да насильственным уничтожением нищих, кликуш и юродивых прорицателей, которые забирались полициею и после разных испытаний, или ссылались на поселение, или определялись на службу в солдаты, или же, наконец, по освидетельствовании, отпускались домой, а при дряхлости, приписывались к монастырям и церквям. В конце прошлого столетия правительство заметно принимает призрение неимущих, и особенно малолетних, под свое покровительство. Дела о малолетних до того времени ведались родственниками, без всякой отчетности перед обществом, а потому часто запутывались. Первые указания о наблюдении за делами малолетних изложены в инструкции, данной от Сената губернаторам июня 1775 года. «О смотрении над Учреждениями ссудными (экспедиции дворянского банка) и о содержании в опекунстве сирот и их имений». В 1775 году учреждены были три экспедиции дворянского банка: в Казани, Нижнем-Новгороде и Оренбурге. Первоначальная цель учреждения экспедиций дворянского банка в восточной части России заключалась в выдаче ссуды дворянам, коих именья пострадали, или были разорены во время народного волнения при Пугачеве, В 1773 и 1774 годах. Симбирская провинция относилась, в этом случае, к Казанской экспедиции. Дворянския экспедиции были впоследствии преобразованы в приказы общественного призрения, а увеличившаяся от приращения процентов суммы приказов послужили, как для содержания различных учебных заведений, домов призрения и т. п., так и для денежных ссуд под залог. С учреждением Симбирскаго Наместничества в 1780 году, вместе с присутственными местами, открыт был в Симбирске и Приказ общественного призрения. На нем лежала обязанность заняться устройством народных школ, больниц, богаделен, а также домов: сиротских, умалишенных, рабочих и смиренных. На все это Симбирский приказ получил 15,000 руб. ассигнациями, с правом отдавать деньги под залог имений. Капитал Приказа начал быстро возрастать, а вместе с тем стало увеличиваться и число учебных заведений, домов призрения, больниц и проч. Таким образом в приказе сосредоточивалось заведывание тремя различными предметами: часть денежная — по оборотам капиталов приказа, часть хозяйственная — по устройству различных заведений народного призрения и наконец часть учебная, — по направлению образования в училищах. Весьма естественно, что при таких многосложных обязанностях, учебная часть была особенно слаба в заведениях, подведомственных приказу. Поэтому, в начале 19-го столетия, с учреждением Министерства Народнаго

Просвещения, учебные заведения совершенно отошли от ведения Приказов; а в 1863 году, перед введением земских учреждений в Симбирской губернии, состоялось закрытие всей деятельности Симбирского Приказа общественного призрения; дела его были временно распределены по разным Министерствам, а затем, в 1865 году, хозяйственная часть по заведениям общественного призрения передана Симбирскому губернскому земству. (Липинский т. II стр. 538.)

2) Благотворительные общества.

Общество христианского милосердия

Мысль образовать в Симбирске общество христианского милосердия возникла во время отечественной войны 1812 года, но фактическое осуществление эта мысль получила только через 5 лет и общество было открыто, с Высочайшего разрешения, лишь 18 марта 1817 года. Основанием ему послужило благотворительное настроение Симбирских дам. В продолжение отечественной войны в Симбирске съехалось, из Москвы и других городов, много дворян, которые потеряли большую часть своего состояния. В Симбирске некоторые из них существовали лишь частною благотворительностью, стараясь скрыть такое зависимое положение. Это породило мысль, среди Симбирских дам, образовать общество христианского милосердия, члены котораго должны были вносить известную сумму и цель котораго была оказывать помощь всем вообще неимущим, но преимущественно лицам скрытой бедности. Основательницею общества была жена тогдашняго губернатора, Екатерина Осиповна Магницкая. При ревностном содействии губернскаго предводителя дворянства, князя Михаила и Петровича Баратаева, благотворительныя действия общества вскоре приняли значительные размеры. С введением устава общества, в 1818 году, пожертвований поступило в кассу общества, на первое время, до 8500 руб. ассигн., в том числе 1000 рублей присланные от Императрицы ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ, Августейшей Покровительницы общества; эти последняя деньги ежегодно получаютя и до сих пор, в сумме 285 рублей 71 коп. сер., так как Императрица Елизавета Алексеевна завещала их обществу на вечныя времена. Успешному развитию капиталов общества благоприятствовало не одно только благотворительное настроение, но еще более условия, способствовавшия накоплению денег у Симбирских помещиков, так как во время войны 1812 года хлеб был дорог, а урожаи — необычайно хороши. На основании устава, членом общества христианскаго милосердия может быть всякая женщина христианскаго исповедания, какого бы звания она ни была, если будет принята в общество ея председательницею и внесет единовременно какую либо сумму; затем, ежегодный членский взнос определен в 30 рублей сер. Каждому члену вручается знак общества, состоящий в серебрянном кольце, с такою надписью: «Блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит его Господь». Лица мужскаго пола могут быть, сообразно приносимым ими пожертвованиям, или благотворителями общества, или его комиссарами, секретарями или корреспондентами. В общество принимаются и дети обоего пола, не моложе 8 лет, если родители, при вступлении их, внесут за них, в капитал общества, какую либо сумму единовременно и ежегодно по произволу. В 1820 году общество открыло, с разрешения Императрицы, дом трудолюбия, для девиц - сирот, преимущественно, дворянскаго происхождения. *(В то время в России было только два дома трудолюбия — в Петербурге и Москве.)* В общем собрании

членов, 29 января 1821 года, читан был подробный отчет, из которого видно, что капитал общества, к 1820 году, состоял из 17,153 рублей 541/2 коп. ассигн.; в течении года поступило 21,385 рублей 24 1/2 коп., израсходовано 13,282 рубля, осталось к 1820 году 25,257 рублей 79 коп., да еще во время самага заседания пожертвовано членами 6,870 руб. 20 коп., собственно на дома трудолюбия, так что весь капитал общества составляли 32,127 рублей 99 коп. ассигн. В течении двух лет после этого продолжали поступать от членов незначительныя пожертвования, а 9 февраля 1823 года, по решению наличных членов, общество отчислило, в пользу дома трудолюбия, для составления основного его капитала, 35,980 руб. ассигн. и затем все взносы членов в капитал.общества христианскаго милосердия прекратились. Таким образом, в 1813 году, существовал только совет общества, исключительною обязанностью котораго было заведывание домом трудолюбия. (*Липинский, т. II, стр. 551.*) Однако такое положение продолжалось не долго, так как из отчета за 1837 год (Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 44.) видно, что капитал общества к 1837 году, составляли сумму в 89,650 рублей 46 коп. ассиг., а в 1838 году он увеличился до 93,984 рублей 64 коп. ассигнациями, чему не мало способствовал Высочайший указ 29 марта 1838 года, по коему общество христианскаго милосердия навсегда освобождено от платежа процентнаго сбора в городской доходы и в казну с лоттерей и маскарадов, устраиваемых в его пользу. (Второе полн. собр. зак., т. XIII, ст. 11099.) В том-же 1838 году, последовало Высочайшее повеление о том, чтобы для успешнейшаго течения дел, совет общества состоял, постоянно, из председательницы, одной попечительницы, одного члена из почетных дам, по выбору общества и из двух вице-президентов, а именно: почетнаго — гражданскаго губернатора и действительнаго — губернскаго предводителя дворянства. (Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 44.) С 1 января 1840 года обществу христианскаго милосердия было предоставлено исключительное право продажи игральных карт по Симбирской губернии, для чего оно избрало особых комиссионеров (в г. Симбирске — городской голова Иван Федорович Сапожников, а в уездных городах — исправники и городничие), кроме которых никто не имел права торговать картами. (Симб. Губ. Вед. 1840 г., № 2.) В 1865 году, когда Елизаветинское училище, (прежний дом трудолюбия) было присоединено к Мариинской женской гимназии, общество христианскаго милосердия решило взять на себя призрение детей бедных погорельцев, лишившихся, в опустошительный пожар 1864 года, своих отцов и матерей, скрывавшихся в обгорелых домах, подвалах и погребах, в продолжение всей зимы умиравших, на виду у всех, от болезней, происходивших от холода и голода. Общество не имело достаточно средств для приведения в исполнение своего предположения, но по ходатайству перед Государем Императором, состоялось Высочайшее повеление о передаче в ведение общества дома удельнаго училища, находившагося близ города, за рекой Свягой и о предоставлении в его распоряжение 5000 рублей. Таким образом было положено начало детскому приюту Симбирскаго общества христианскаго милосердия, с успехом существовавшему до 1889 года, когда он передан был в Симбирское Губернское попечительство детских приютов, и когда, вследствие этого, общество христианскаго милосердия обратило свою благотворительную деятельность в другую сторону: в 1891 году, в память двадцатипятилетия со дня бракосочетания Их Величеств Александра Александровича и Марии Феодоровны, общество открыло приют для престарелых и убогих женщин и назвало его

"Серебряный приют", заведывание которым и составляет в настоящее время главную заботу общества христианского милосердия. Независимо от сего, общество имеет, ежегодно, от 20 до 30 пансионеров, которым выдает ежемесячные пособия от 3 до 5 рублей. В настоящее время председательницею общества состоит (с 9 сентября 1866 года) Александра Кировна Бычкова, Симбирския дворянка, известная своею благотворительностью и пользующаяся общим уважением не только в Симбирске, но и во всей губернии. к 1 января 1898 года в обществе христианского милосердия было членов: действительных (платящих по 30 руб. в год), составляющих совет общества — 7 дам, корреспондентов — 4, а число членов-благотворителей определить нельзя, так как по уставу, полагается тайная благотворительность, не подлежащая оглашению. Капитал общества составляет в настоящее время сумму в 27,320 руб. 99 коп.

Симбирское местное управление общества попечения о раненых и больных воинах. (Красный Крест)

В Симбирске местное управление (на всю губернию) общества Краснаго Креста открыто 11 ноября 1870 года. Первою председательницею была А. К. Бычкова, по инициативе которой вскоре же образовался Симбирский дамский комитет этого общества, имевший целью учреждение общины сестер милосердия; однако комитет просуществовал только с 25 января 1871 года по 3 декабря 1872 года и не достигнув намеченной и цели, закрыт. Еще раньше этого, 8 октября 1872 года, был открыт в Симбирске Симбирский уездный отдел общества Краснаго Креста, под названием «Первый местный комитет» общества и сразу же в него вступили 54 члена, из взносов и пожертвований которых образовался капитал около 5000 руб. Затем, 26 августа 1873 года открылся «Второй местный комитет» общества; цель его была та же, что и у бывшего дамскаго комитета — образование сестер милосердия, но и судьба его оказалась одинаковою с дамским комитетом: в 1875 году числилось в нем только 4 члена, а в 1876 году он и вовсе прекратил свое существование. (По распоряжению Главнаго Управления Общества Краснаго Креста эти три госпиталя считались в ведении Кавказской армии, но в виде исключения, в них дозволено было принимать и раненых чинов 5-го пехотнаго Калужскаго полка, бывшего в Дунайской армии, так как этот полк до войны (а затем и после нея) квартировал в Симбирске.) Однако деятельность обоих этих комитетов не прошла безследно, потому что в сентябре 1879 года, при местном управлении, последовало открытие "Симбирскаго отдела сестер Краснаго Креста, принятаго в 1881 году под Высочайшим покровительством Императрицы Марии Феодоровны. Особенно усиленно и плодотворною оказалась деятельность Симбирскаго управления общества Краснаго Креста во время Турецкой войны 1877 года. На средства его были устроены тогда, для больных и раненых воинов Кавказской армии, три госпиталя (*Симбирский календарь за 1877 год, стр. 132.*) в Симбирске (один, на Венце, в доме Жиркевича — на 70 кроватей, другой, на Большой Саратовской улице, в дом Татариновой - на 40 кроватей и третий, под горой, по Петропавловскому спуску — на 10 кроватей) и один лазарет на 100 кроватей в селе Большой Репьевке, Сызранскаго уезда. В помощь к обществу Краснаго Креста пришли тогда Симбирския дамы, так: 9 июня 1877 года образовался в Симбирске, преимущественно среди купеческих дам, "дамский складочный комитет",

постановивший для себя специальною целью сбор и хранение материальных пожертвований для продовольствия, заготовления и снабжения бельем и прочими принадлежностями тех больных и раненых воинов, которые были на излечении в трех госпиталях, сформированных обществом Краснаго Креста в гор. Симбирске. Обилие пожертвований не только вполне удовлетворило расход на местные надобности, но и дало возможность значительную часть (49 пудов) госпитальных принадлежностей отослать в Москву, в центральный склад общества Краснаго Креста, для отправки в Дунайскую армию и в Черногорию. Дамы Симбирскаго высшаго общества тоже не остались в долгу и 31 августа 1877 года учредили «попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов по городу Симбирску». Сбор денежных пожертвований был успешный, так что чрез 4 месяца у попечительства уже составилась капитал в 2700 руб. на которые оказано пособие 132 семействам. Наконец, 16 октября 1877 года образовался в Симбирске еще «Симбирский дамский кружок», цель которого заключалась в том, чтобы: 1) оказывать посильную помощь больным и раненым воинам, находящимся в местных госпиталях Краснаго Креста и в земских больницах и с этою целью посещать их; 2) по выписке больных и раненых из госпиталей, снабжать нуждающихся всем необходимым, как-то: бельем, обувью, теплою одеждою, а также доставлять и денежные средства для отправки их на место жительства и 3) если у больных и раненых окажутся нуждающиеся семейства, то, для вспомоществования им доводить о сем до сведения организованному с этою целью попечительству в гор. Симбирске. (*Симбирский календарь на 1878 год, стр. 224.*) Все эти дамские комитеты и кружки действовали только во время войны, а по окончании ея были закрыты. В последующее время деятельность Симбирскаго управления общества Краснаго Креста направлена была, главным образом, на подготовку сестер милосердия и оказание помощи беднейшей части населения, учреждением лазарета и амбулатории. В годы, когда пожертвования и членские взносы не покрывали необходимых расходов, (*например, в голодный 1891-й год, или во время холеры 1892 года*) управление обращалось за помощью к главному управлению общества, к городским и земским учреждениям и почти не было случая отказа со стороны земств и городов, так как в общественном мнении давно укоренилось сознание огромной пользы, приносимой жителям обществом Краснаго Креста. (Симб. Губ. Вед. 1897 г., № 80.)

Симбирское городское Александровское попечительное общество о бедных

Общество это учреждено в память столетняго юбилея рождения ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, (12 декабря 1877 года), поэтому и присвоено ему, с Высочайшаго соизволения, названное "Александровское". Первоначальная мысль об учреждении в гор. Симбирске общества для оказания помощи бедным горожанам, возникла еще в 1875 году, когда между несколькими членами Симбирскаго общества состоялась подписка в пользу предполагавшагося общества. Бывший тогда городской голова Н. Д. Маляхинский, один из инициаторов этого дела, подал мысль о замене визитов в день Рождества Христова и новаго года, пожертвованиями в эти дни в пользу бедных; мысль эта сочувственно принятая всем обществом, с успехом практикуется с тех пор и до настоящего времени, и собираемые в великие праздничные дни целковые от визитеров, составляют довольно значительное

подспорье к материальным средствам общества. При основании общества, Симбирскую городскую думою, в заседании 12 декабря 1877 года, ассигновано было, на сей предмет, 5000 руб., и кроме того ко дню Александровскаго юбилея разными лицами было пожертвовано более 3500 ируб., что и послужило фондом для учреждения общества, открытие котораго последовало 23 ноября 1880 года. По уставу, утвержденному 6 августа 1880 года, цель учреждения общества состоит в помощи нуждающимся жителям гор. Симбирска, без различия сословий и вероисповеданий, теми способами, какие будут признаны целесообразными самим обществом. Действительные члены общества вносят ежегодно не менее 5 рублей, или единовременно 100 рублей; а лица, которыя платят ежегодно по 2 рубля, или единовременно внесут 50 рублей, признаются членами сореvнователями. Деятельность общества проявилась главным образом в устройстве в городе Симбирске дешевых столовых, в 1880 и 1891 годах, и швейной мастерской в 1881 году, для обучения бедных девочек рукодельным работам. (*Симб. Губ. Вед. 1876 г., № 15; 1880 г., №№ 78 и 88; 1881 г., №№ 71 и 86; 1882 г., № 28.*) В настоящее время общество ограничивается выдачею пособий, единовременных и периодических, на что расходуетя ежегодно свыше 1000 рублей. к 1 января 1898 г. общество состояло из 3 почетных членов, 64 действительных и 9 членов сореvнователей; капитал общества равнялся 12,248 рублям.

Братство Преподобнаго Сергия Радонежскаго

(при церкви классической гимназии). 26 марта 1868 года, директор Симбирской гимназии предложил педагогическому совету учредить братство при церкви гимназии, которое имело бы целью заботится о нуждах и благолепии гимназическаго храма и оказывать пособия учениками Симбирской гимназии, заслуживающим того по успехам в науках и поведению. Педагогический совет, приняв с живейшим сочувствием предложение директора, предоставил осуществление проекта братства самому директору, который тогда-же вошел с представлением устава к попечителю учебнаго округа и получив от сего последняго согласие на учреждение братства, представил устав на окончательное утверждение епископа Симбирскаго и Сызранскаго Евгения. Открытие братства Преподобнаго Сергия последовало 25 сентября 1868 года (*Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 112.*) и в этот-же день, только что избранный совет братства постановил просить Великаго Князя Сергия Александровича принять братство под свое Высокое покровительство, на что вскоре-же последовало соизволение его Высочества. (Тоже 1869 г., № 81.) Согласно уставу, цель братства Преподобнаго Сергия заключается в том, чтобы: 1) заботится о нуждах и благолепии гимназическаго храма и 2) оказывать пособия нуждающимся ученикам хорошей нравственности и преимущественно таким, которые оказывают и хорошие успехи. Пособие учащимся может быть делаемо в различных видах: а) взносом платы за учение, б) выдачею учебных пособий, в) снабжением одеждою. г) пользованием во время болезни и проч. Средства братства — ежегодные взносы братчиков (не менее 3 руб. в год) и добровольныя пожертвования. По отчету за 1896/97 учебный год, в братстве состоит: 15 почетных членов и 137 братчиков, а капитал братства составляет сумму в 9101 руб. 86 коп.

Братство Св. Николая Чудотворца

(при церкви кадетского корпуса. 9 мая 1875 года состоялось торжественное открытие братства Св. Николая Чудотворца, при городской приходской Николаевской (дворцовой) церкви. Это братство учреждено по инициативе Симбирского землевладельца Василия Африкановича Бабкина и при содействии других лиц, которые, ревнуя о благолепии храма Св. Николая Чудотворца в гор. Симбирске и заботясь о вспомоществовании нуждающимся воспитанникам учебных заведений гор. Симбирска, для получения ими образования, обратились, в марте 1875 года, с просьбою об учреждении сего братства к преосвященному Феоктисту, епископу Симбирскому и Сызранскому, представив при прошении и самый устав братства. Его Преосвященство утвердил устав и благословил открытие братства 9 мая 1875 года, в день храмоваго праздника в церкви Св. Николая Чудотворца, удостоив его своими присутствием. Поставляя своею целью способствовать благолепию храма Св. Николая Чудотворца и вместе с тем помогать вообще нуждающимся воспитанникам учебных заведений гор. Симбирска, братство избрало предметом своих попечений воспитанников военной гимназии, как учебного заведения тогда недавно еще открытаго для детей всех сословий и всякаго состояния, без назначения от правительства особых средств для содержания беднейших из них и с платою за право учения большею, чем какия взималась в других учебных заведениях. (Сим. Губ. Вед. 1875 г., № 36.) В виду этой цели, когда в 1877 году, для военной гимназии, казна построила отдельное здание и в нем устроена была домовая церковь, тоже во имя Св. Николая Чудотворца, братство перенесло свои заботы на украшение и благолепие этой новой церкви. В настоящее время в братстве состоят 3 почетных и 30 действительных членов, а капитал его равняется 4914 руб. 15 коп.

Братство Св. равноапостольной Марии Магдалины

(при церкви женской гимназии). Это братство открыто 17 августа 1875 года, с разрешения Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, состоявшаго тогда во главе учреждений ведомства Императрицы Марии. Согласно уставу, утвержденному преосвященным Евгением, деятельность этого братства заключается в заботах а) о благолепии гимназическаго храма и б) о нуждах бедных учениц гимназии. Членами братства могут быть лица обоего пола и всех званий православнаго исповедания, уплачивающие годовой взнос в 5 рублей, в пользу братства. Лица, сделавшие значительныя пожертвования в пользу братства, или иным образом содействующия его благосостоянию, могут быть избраны в почетные члены. Лица, жертвующия единовременно деньгами и вещами, по мере средств и усердия, считаются благотворителями. к 27 ноября 1897 года в братстве было 7 почетных членов, 36 братчиков и 23 благотворителя, а капитал братства составлял сумму в 3567 руб. 22 коп.

Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Симбирского ремесленного училища графа В. В. Орлова-Давыдова.

Цель этого общества видна уже из его названия. Подобно приведенным выше братствам, оно заботится о недостаточных воспитанниках своего училища, помогая им выдачею книг и других учебных пособий, одежды, пищи, квартиры или внося за них плату за учение. Бедным ученикам, окончившим курс в училище и желающим открыть собственную мастерскую, общество выдает пособие. На основании устава, утвержденного 19 июня 1888 года, членами этого общества, число коих неограничено, могут быть совершеннолетние лица обоего пола, уплачивающие по 3 рубля в год. к 1 января 1898 года в обществе состояло членов: 19 почетных и 30 действительных, а капитал общества равнялся 4696 руб. 60 коп.

Симбирское духовно-просветительное братство Трех Святителей

Братство Трех Святителей существует при церкви Симбирской духовной семинарии с 1879 года. Первоначально это братство имело в виду только всестороннюю помощь воспитанникам семинарии, но по новому уставу, утвержденному преосвященным Варсонофием 26 октября 1884 года, деятельность братства совершенно изменена и значительно расширена; цель его заключается в распространении грамотности и религиозно-нравственного просвещения, в духе православной церкви, среди народонаселения всей Симбирской епархии. Для достижения этой цели, братство а) открывает и устраивает народные чтения религиозно-нравственного содержания в городах и селах Симбирской епархии; б) устраивает вне-богослужебные собеседования с православными и раскольниками, в видах искоренения, между первыми, разных суеверий и пороков и ради вразумления последних в их заблуждениях; в) оказывает поддержку церковно-приходским школам, при участии церковных попечительств, а также содействует к поддержанию школ, открываемых в инородческих селах, с целью просвещения детей инородцев истинами православной веры; г) приобретает книги учебные и религиозно-нравственного содержания и снабжает ими, по мере надобности, церковно-приходские школы и те приходы, в которых открываются народные чтения и собеседования, и д) оказывает материальную помощь готовящимся к просветительной деятельности среди народа, бедным воспитанниками семинарии. Членами братства могут быть все, сочувствующие духовному просвещению народа, лица обоего пола и всех званий, православного исповедания, уплатившая членский взнос — не менее 1 руб. в год. Кто сделает пожертвование не менее 1 руб., тот называется "член — сотрудник". По постановлению братства, состоявшемуся 31 марта 1891 года, открыт, 3 ноября того же года, книжный епархиальный склад, на устройство которого употреблено, на первый раз, до 1000 рублей. В этом складе продаются издания: Синодальные, Киево-Печерский лавры, братства св. митрополита Петра, редакции Троицких листков, некоторых книжных магазинов и частных лиц. В 1896 году открыты уездные отделения братства, во всех уездных городах Симбирской губернии, но первое время деятельность их ограничилась лишь привлечением в братство возможно большего числа членов, для увеличения материальных его средств. В том-же 1896 году были открыты религиозно-нравственные чтения и внебогослужебные собеседования в двух домовых церквях

гор. Симбирска: при семинарии и при духовном училище; городское население охотно посещало эти чтения. В книжном складе братства было в 1896 году книг и брошюр на 7835 руб. 14 коп., (Число книг в складе, в отчете братства за 1896 год, не показано.) из коих продано на 4504 руб. 79 коп., и роздано безвозмездно на 125 руб. 29 коп. к 1 января 1898 года в братстве Трех Святителей было членов: пожизненных — 18, действительных — 451 и членов сореовнователей — 46, а всего 515 лиц; капитал братства составлял сумму в 17316 руб. 94 коп.

Епархиальный Комитет Православнаго Миссионерскаго общества

В 1869 году, в Москве, с Высочайшего соизволения, открылось, по инициативе Московскаго митрополита Иннокентия, Православное Миссионерское общество. В 1875 году круг деятельности этого общества расширился так, что в 22-х епархиях уже действовали Миссионерские комитеты. В Симбирской епархии, с коренным русским населением, следовательно способным отнестись с любовью к миссионерскому делу, до того времени, ничего, в этом отношении, не было предпринимаемо, хотя и духовенство и многия лица других сословий, выражали свое сочувствие такому святому делу через пожертвования, высылавшаяся, непосредственно, в Москву, в Миссионерское общество. Вследствие сего, преосвященный Феоктист признал возможным приступить к образованию епархиальнаго комитета, как правильно организованнаго учреждения, могущаго всесторонне обсуждать меры и верно направлять местныя средства к удовлетворению нужд миссионерскаго дела, для чего он открыл, 10 октября 1875 года, подписку для желающих поступить в члены Миссионерскаго общества. Подписка вполне оправдала ожидания преосвященнаго Феоктиста, так что представилась возможность открыть 7 декабря того-же 1875 года Симбирский Епархиальный комитет Миссионерскаго общества. Кокдню открытия комитета, всех записавшихся в действительные члены общества, значилось более 100 лиц, но затем, к 1877 году, число членов возросло до 435 человек. Однако, с течением времени это число постепенно стало уменьшаться и в настоящее время числится только 87 членов. По своему уставу, Православное Миссионерское общество имеет целью содействовать православным миссиям в деле обращения в православную веру, обитающих в пределах Российской Империи нехристиан и утверждения обращенных в истинах святой церкви и в правилах христианской веры. Для достижения указанной цели, общество доставляет материальныя пособия на содержание миссионеров, на устройство и содержание миссионерских церквей, школ, больниц и т. п., а также на издание книг, приспособленных к разумению и духовным потребностям инородцев. Желаящие получить звание действительнаго члена общества, вносят не менее 3-х рублей в год. (Симб. Губ. Вед. 1875 г., №№ 77 и 78. Симбирский календарь за 1877 год, стр. 132.) На средства Симбирскаго комитета открыта, в 1876 году, и содержится по настоящее время, миссионерская школа в селе Средних Алгашах, Симбирскаго уезда. Насколько широко поле деятельности комитета, можно судить по числу раскольников и нехристиан, проживающих в пределах Симбирской губернии. По официальным сведениям, за 1897 год, среди населения Симбирской губернии было: раскольников — 29,982 души (13,852 муж., и 16,1130 жен.), магометан — 140,687 душ (71,969 муж., и 68,718 жен.), крещеных татар, отпавших от православия — 3754 души (1958 муж. и

1796 жен.), евреев — 451 душа (284 муж., и 168 жен.) и идолопоклонников (среди чуваш) — 413 душ (201 муж., и 212 жен.).

Общество снабжения пищею бедных больных и выздоравливающих в гор. Симбирске

19 ноября 1893 года, в день юбилейного заседания Симбирского общества врачей, у доктора Ивана Алексеевича Благовидова (помощника Симбирского губернского врачебного инспектора) возникла мысль основать, в ознаменование 25-летней деятельности медицинского общества, фонд для снабжения пищею бедных больных, для которых правильное питание составляет одно из главных условий выздоровления. Эта мысль была встречена сочувственно и постепенно собралась сумма, достаточная для начала доброго дела (2478 руб.). Выработанный устав был утвержден 15 марта 1895 года и в торжественном заседании, 12 ноября 1895 года, состоялось открытие «общества снабжения нищею бедных больных и выздоравливающих в гор. Симбирске», при участии в нем 173 членов. Действия общества начались несколько позже, потому что избранный при открытии общества совет, должен был предварительно выработать план действий и подыскать поставщиков съестных припасов и готовой пищи. В начале января 1896 года врачам были розданы книжки с марками для выдачи пищи и таким образом, с этого времени, началась фактическая деятельность общества. На первых же порах, требования жизни. (Симб. Губ. Вед. 1875 г., №№ 77 и 78. Симбирский календарь за 1877 год, стр. 132.) заставили общество расширить круг деятельности и оказывать помощь не только самим больным и выздоравливающим, но и их семействам, нуждающимся в насущном куске хлеба, вследствие болезни работника. (Отчет общества за 1896 год.) Затем, в заседании 15 апреля 1897 года, общество постановило снабжать бедных выздоравливающих не только пищею, но и одеждою. к 1 января 1898 года членов этого общества было: почетных — 12, пожизненных — 5, действительных — 57 и членов-благотворителей — 59, всего 133 лица и капитал его составлял сумму в 2484 руб. 79 коп.

Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии

Это общество возникло на основании устава, утвержденного Министером Народного Просвещения 29 марта 1895 года. Открытие общества состоялось 25 июня того же года. Общество имеет целью оказывать своим действительным членам, и их семьям, не только денежные пособия, но и вообще заботиться об улучшении их материального благосостояния. Действительными членами могут быть только лица, учащая и учившая в народных училищах Симбирской губернии, состоящих в ведении Министерства Народного Просвещения и только они пользуются правом на пособие от общества; остальные лица обоего пола могут быть лишь почетными членами (сделавшая единовременный значительный взнос) или членами сорежнователями (ежегодный взнос — 2 рубля, также как и для действительных членов). Первоначальный фонд для образования общества был получен от сбора с танцевального вечера, устроенного с этою целью 11 февраля 1895 года и давшего чистой прибыли 531 руб. 89 коп., затем поступило

пожертвований и членских взносов около 1000 рублей. С этими скромными средствами общество начало свою деятельность и уже в первый год существования выдано безвозвратных пособий на 100 рублей и заимообразно — 300 рублей. Кроме того, в общем собрании 1896 года, постановлено устроить общежитие для детей действительных членов общества, обучающихся в учебных заведениях гор. Симбирска, но это постановление не получило еще официального утверждения. к 25 июня 1897 года членов общества состояло: почетных — 8, действительных — 180 и соревнователей — 132 лица, а капитал общества составлял сумму в 2691 руб. 18 коп.

Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в низших учебных заведениях гор. Симбирска

Это общество открыло свои действия 22 октября 1897 года. На основании устава, утвержденного Министром Внутренних Дел 9 июля 1897 года, общество имеет целью оказывать попечение прилежным и благонравным недостаточным учащимся в городских, приходских и других низших училищах гор. Симбирска, состоящих в ведении Министерства Народного Просвещения. Помощь общества может выражаться: а) взносом платы за ученье, б) бесплатною выдачею книги и учебных пособий, или продачею таковых по удешевленной цене, в) доставлением одежды, пищи, квартиры, медицинский помощи и т. п. и г) выдачею денежных пособий, но только в исключительных случаях. Членами общества могут быть совершеннолетния лица обоого пола, за исключением учащихся в учебных заведениях, нижних воинских чинов и лиц, ограниченных в правах по суду. Лица, сделавшая значительныя пожертвования (не менее 100 рублей) в пользу общества, могут быть избираемы в почетные члены общества, а действительными членами состоят лица, вносящая в кассу общества ежегодно не менее 1 рубля. Несмотря на недавнее еще существование общества, в нем в настоящее время состоит уже более 200 членов.

Общество спасания на водах

26 Июня 1877 года, в доме Симбирскаго городского общества, состоялось открытие Симбирскаго окружного правления общества подания помощи при кораблекрушениях. По почину небольшого кружка сочувствующих этому делу лиц, с В. Н. Поливановым во главе, в течении нескольких дней число членов новаго благотворительнаго общества преследующаго одну из самых высоких целей, возрасло до 70 (Симб. Губ. Вед. 1877 г., №42.) и председателем был избран инициатор этого дела В. Н. Поливанов, пробывший затем в этой должности почти 14 лет. В том-же году, 10 ноября, у перевозной пристани на берегу реки Волги, последовало устройство первой спасательной станции в пределах нашей губернии: освящена была зимняя спасательная лодка и разные спасательные снаряды, присланные из Петербурга главным управлением общества. (Там-же, № 82.) Впоследствии, зимняя станция перенесена на Телячий остров, посреди Волги, против города. В 1880 году общество подания помощи при кораблекрушениях переименовало в "общество спасания на водах" и к этому времени Симбирское окружное правление, при ежегодной субсидии от города в 300руб., (Журн. Думы 30

августа 1879 года.) в течении трехлетней деятельности, открыло два местных правления (Новодевиченское и Сызранское) и устроило, 1) летнюю главную спасательную станцию в городе Симбирске, у пристаней на Волги, 2) второй спасательный пост на р. Волге, близ деревни Поливны и 3) три спасательных полустанции на реке Свияге, 4) у новаго моста, против ремесленного училища, 5) у городских купален и 6) на острове против Солдатской улицы. (Сим. Губ. Вед. 1881 г., № 31.) Затем, постепенно учреждено было, в разных пунктах, 12 спасательных постов III-го разряда. Средства окружного правления, в виду полнейшаго равнодушия его к целям местного населения, настолько незначительны, что оно лишено возможности организовать охрану так, как было бы желательно. Эти средства ежегодно образуются исключительно из субсидий: городской думы в 300 руб., губернского земства в 150 руб. и Карсунскаго уезднаго земства в 50 руб., да членских взносов набирается около 150 руб., так что весь бюджет не превышает 650 руб., каковая сумма едва хватает на наем матросов и на самый необходимый ремонт лодок и снарядов, об увеличении же числа спасательных пунктов нельзя и мечтать при такой обстановки дела. 16-го ноября 1892 года состоялось Высочайшее соизволение о присвоении обществу спасания на водах, состоящему под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Феодоровны, наименования "Императорскаго". В течении двадцатилетней деятельности Симбирскаго Окружнаго Правления, было спасено 266 человек и кроме того много лошадей и разнаго имущества. к 1 января 1898 года в Симбирске был 41 член общества и капитал окружнаго правления составлял сумму в 100 руб. 5 коп.

Симбирское общество потребителей

Экономическая наука признает одною из аксиом, что самым верным средством сокращения расходов, при одинаковом количестве потребления предметов первой необходимости и при том лучшаго качества, служит организация так называемых экономических или потребительных обществ. Отсюда вытекает и цель таких обществ, заключающаяся в том, чтобы, образуя из мелких членских взносов крупный капитал, приобретать необходимые предметы потребления хорошаго качества оптом и непосредственно от самих производителей и затем продавать эти предметы членам общества по возможно низким ценам. Тот факт, что число экономических обществ быстро растет, доказывает, что эти учреждения вполне достигают намеченной цели, а результаты их деятельности убеждают в их пользе. В западной Европе экономическая общества существуют уже более 50 лет и их там насчитывают сотнями. В России число их значительно меньше и судя по результатам их деятельности, наилучшаго развития они достигли в столицах. (Симб. Губ. Вед. 1897 г., № 6.) Наш город, изобилующий, всевозможными обществами, не пожелал отстать от столицы и в этом отношении. В феврале месяце 1890 года открыто было "Симбирское общество потребителей", причем свою деятельность оно начало при наличности 9 членов, а в течении следующего года число членов дошло до 90 человек. На сколько энергично действовало это общество, можно судить по тому, что оно вошло в соглашение с двумя аптеками о понижении таксы для больных членов на 10%, с двенадцатью врачами составило договор, по которому каждый врач обязан был не брать с членов-пациентов более полтинника за визит и наконец, избрало десять торговых фирм поставщиками, обязанными отпускать

членам общества товары со скидкой известного процента с объявленной цены. Число членов росло, капитал общества быстро увеличивался, так что правление общества стало мечтать о возможности, в близком будущем, открыть нормальную столовую, или образцовую кухмистерскую и свои лавки: мясную, бакалейную и галантерейную; но действительность позволила ограничиться лишь открытием хлебопекарни, для приготовления "грегемского хлеба. К неудовольствию потребителей, пекарня просуществовала менее двух лет, принесла большой убыток и послужила поводом к тому, что в 1894 году общество убедилось в печальной необходимости ликвидировать свои дела. (Симб. Губ. Вед. 1894 г., № 11.) В настоящее время это общество возродилось, но уже совершенно на иных основаниях. Членами его могут быть только лица, служащие в правительственных и общественных учреждениях. 21 марта 1898 года состоялось первое общее собрание, при наличии 270 членов, а 3 июля общество открыло собственную торговлю различными предметами потребления, в отдельной лавке, (по Большой Саратовский улице, дом Зеленкова) из которой производится отпуск товара не только членам общества, но и посторонним покупателям.

3) Благотворительные заведения.

Николаевский дом призрения неимущих

Симбирское купечество, в воспоминание посвящения Императором Николаем Павловичем, 22 августа 1836 года, города Симбирска, решило ознаменовать это событие памятником благотворительности: оно установило ежегодно приносить в этот день (Впоследствии эти пожертвования вносились уже не 22 августа, а ежегодно, при получении купеческих документов.) Добровольные пожертвования для устройства дома призрения неимущих граждан гор. Симбирска, на 20 человек обоего пола. Городской голова Илья Андреевич Репьев лично представил Государю означенный приговор купеческого общества и тогда же получил ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на наименование дома призрения неимущих "Николаевским". В короткое время был собран капитал до 5000 рублей. К этому доброму делу тогда же присоединилось Симбирское дворянство, определившее пожертвовать на сей предмет 5000 руб., за что и получило благодарность Его Величества, через Губернского предводителя. Пополняемый ежегодными взносами и другими пожертвованиями, капитал на устройство дома призрения неимущих, в два года, увеличился настолько, что 29 мая 1838 года состоялась торжественная закладка отдельного здания для будущего дома призрения, на избранном для сего месте, на Николаевский площади, близ Покровского монастыря. (Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 23.) Обильные пожертвования дали возможность устроить помещение не только без замедления, но и в размерах, значительно больших, чем предполагалось первоначально, так что 6 декабря 1840 года состоялось открытие Николаевского дома призрения неимущих, на 50 лиц обоего пола и содержание этого дома было вполне обеспечено. Обладая неприкосновенным капиталом, дом неимущих часто получал пожертвование разными вещами и жизненными припасами, а также и до сих пор имеет в Симбирске, в гостинном дворе, свою каменную лавку, которую сдает в аренду. После почти сорокалетнего безмятежного существования, Николаевский дом призрения неимущих был переведен из построенного нарочно

для него здания, на частную квартиру (по Московской улице, в дом Полякова), а в его прежнем помещении город устроил больницу, открытую в память совершившагося, 19 февраля 1880 года, двадцатипятилетия царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА; при этом городская дума постановила выдавать ежегодно Николаевский богадельне по 1200 руб., взамен отнятого от нея помещения, (Еще ранее, в 1868 году, для увеличения неприкосновенного капитала этой богадельни, было отчислено 8136 руб., из прибылей Симбирского городского общественного банка, а затем, с 1870 года, город стал отпускать купеческому обществу по 1500 руб., в пособие на содержание Николаевской богадельни, и кроме того дума имела в виду дать Николаевскому дому помещение значительно лучше прежнего, устроив его в отдельном здании при богадельне, которую предполагалось построить между городом и кладбищем, на 100 лиц обоего пола; поручено было уже составить план на постройку этой богадельни, но в это время состоялось пожертвование купцом Кирпичниковым двух принадлежащих ему домов, на углу Ярмарочной площади и Ново-Казанский улицы, причем Кирпичников выразил желание, чтобы в одном из домов был помещен Николаевский дом призрения неимущих. (Журн. Думы 1 июня 1883 года.) Такое обстоятельство, вместе с дальнейшими щедрыми пожертвованиями Кирпичникова, послужило основанием к возбуждению вопроса о передаче Николаевский богадельни в заведывание города. Купеческое общество, первоначально, просило у города увеличить пособие на содержание Николаевского дома, но городская дума отклонила это ходатайство, при чем высказала, что город предлагает принять содержание богадельни на свои средства, если купеческое общество согласится передать в распоряжение города. как капитал богадельни (свыше 19,000 руб.), так и все имущество, в том числе и дом, в котором помещается городская больница. (Журн. Думы 12 июня 1887 года.) После продолжительных переговоров и переписки, Симбирское купеческое общество, наконец, изъявило полное согласие на предложение городской думы и в силу этого соглашения, 15 февраля 1894 года, состоялся переход Николаевского дома призрения неимущих в заведывание города и слияние его с Кирпичниковскою богадельнею. (Журн. Думы 28 октября 1892 года.)

Кирпичниковская и Конуринская богадельни

Выше было упомянуто, что Симбирский купец Алексей Петрович Кирпичников, бывший городской голова, пожертвовал, в 1882 году, городу принадлежащие ему два дома, со всеми надворными строениями, на углу Ярмарочной площади и Ново-Казанской улиц, с тем, чтобы в одном доме был помещен Николаевский дом призрения неимущих, а в другом — детский приют, открыть который дума постановила в память избавления Государя Александра Николаевича от грозившей ему опасности, 2 апреля 1879 года. Затем, в 1884 году, Кирпичников сделал еще пожертвование — передал в распоряжение городской думы капитал в 20,000 руб., для того, чтобы расширить помещения богадельни и приюта, выстройкою нового каменного двух-этажного дома, с домовою церковью. Но этим не окончились пожертвования Кирпичникова. 3 декабря 1886 года он скончался и по духовному завещанию, отказал в пользу города, на содержание богадельни и детского приюта, по 100,000 руб. на каждый, с тем, чтобы капитал оставался неприкосновенным, а

расходовались лишь проценты с него. Такое щедрое пожертвование дало возможность значительно расширить богадельню, что и приведено в исполнение в начале 1894 года, когда в городской богадельне, при постоянно увеличивавшемся числе призреваемых, жили 50 человек на купеческий капитал Николаевского дома призрения неимущих, и более 1000 человек на проценты с пожертвованного Кирпичниковым капитала. Наконец, положение городской богадельни еще более улучшилось после 1894 года, когда Симбирский купец Александр Петрович Конуриным предоставил в распоряжение городского управления 110,000 руб., с тем, чтобы из этой суммы 30,000 руб. были употреблены на увеличение дома, где помещается Кирпичниковская богадельня, а 80,000 руб. составили-бы неприкосновенный капитал, на проценты с которого должен быть увеличен штат призреваемых на 60 лиц обоего пола. Пользуясь двумя столь крупными пожертвованиями, городское управление приступило к постройке нового каменного дома, для соединения под-одно богаделен с приютом. Летом 1894 года, началась постройка нового здания и вместе с тем, ремонт и расширение существующих, на что израсходовано более 61,000 рублей и что составило одно грандиозное здание, занявшее целый квартал. В настоящее время это здание почти окончено и составляет одно из лучших украшений города; (Журн. Думы 10 ноября 1882 года; 20 марта и 2 октября 1887 года; 14 декабря 1890 года; 22 февраля 1891 года; 24 апреля 1892 года; 6/7 апреля 1894 года и 5 июля 1895 года.) оно включает в себе три богадельни (Николаевский дом призрения неимущих — на 50 лиц, Кирпичниковскую богадельню — на 100 лиц, Конуриновскую богадельню — на 60 лиц, детский приют и домашнюю церковь во имя св. Александра Невского.

Приют для малолетних

2 апреля 1879 года было произведено злодейское покушение, на драгоценную жизнь незабвенного императора Александра Николаевича, во время прогулки Его Величества около зимнего дворца. В память чудесного спасения от грозившей Государю опасности, Симбирская городская дума определила устроить приют, для малолетних всех сословий обоего пола, не имеющих средств к существованию, и в основной капитал этого учреждения назначила, из городских сумм, 10000 рублей; кроме того для этой цели устроена была частная подписка, давшая прекрасные результаты, а заем, в 1882 году, купец Кирпичников пожертвовал один из своих домов для помещения этого приюта, где он и был открыт 26 февраля 1883 года, при чем на первое время было принято 24 сироты (11 мальчиков и 13 девочек) но затем, когда поступили щедрья пожертвования от купца Кирпичникова, по его духовному завещанию (1100,000 руб.) и от купца Конурина (30,000 руб.), то помещение приюта было значительно расширено и соединено под-одно с городской богадельней. Число призреваемых сирот постепенно увеличиваясь, в настоящее время достигло почти 100 человек. Одновременно с открытием приюта, в нем открыта частная школа, для обучения первоначальной грамоте призреваемых детей, а в 1887 году, вследствие ходатайства городской думы, школа преобразована в начальное народное училище ведомства Министерства Народного Просвещения (Симб. Губ. Вед. 1879 г., № 25. Журн. Думы 10 ноября 1882 года; 9 января 1887 года; 22 февраля 1891 года и с августа 1894 года.) и ныне ученики, окончившие учение в этой школе, поступают в ремесленное училище имени М. В. Лебедева. к 1 января 1898 года в школе было 42

мальчика и 54 девочки, всего 96 детей, которые по сословиям, распределяются следующим образом: детей чиновников — 8, мещан — 66 и крестьян — 22.

Симбирский женский приют

После пожара 1864 года, некоторые, оставшиеся в Симбирске, благотворительные дамы, принадлежавшие к обществу христианского милосердия, устроили убежище для детей, лишившихся не только материальных средств к существованию, но и родителей, погибших во время пожара. Первоначально это убежище помещалось в селе Вырыпаевке, отстоящем от Симбирска в семи верстах, вверх по течению реки Свяги. Оно носило название, «убежище для детей погорельцев» и удостоилось быть принятым под покровительство принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Средствами убежища, при его возникновении, служили добровольные приношения Симбирских дам и 2000 рублей, пожертвованные комитетом для погорельцев. Это доброе дело нашло сочувствие не только в местном обществе, но и в разных городах Империи, результатом чего последовало быстрое увеличение неприкосновенного капитала до 50,259 рублей. Находясь в заведывании общества христианского милосердия, убежище, в мае 1865 года, было соединено с женским училищем удельного ведомства, переведено из с. Вырыпаевки в дер. Конно-Подгорную слободу и преобразовано в приют общества христианского милосердия, под Высочайшим покровительством Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ, и чем, по Высочайшему повелению, в распоряжение общества передан дом удельного женского училища, и 5000 рублей на первоначальное обзаведение. Тотчас же после пожара 1864 года, в убежище было принято 140 детей обоего пола, которые и призревались в течении года; когда же родители некоторых построились вновь и оказались в состоянии взять обратно своих детей, или разместить их, по своему усмотрению, в мастерския и проч. то на руках общества осталось 60 девушек, круглых сирот, которые и положили начало постоянному женскому детскому приюту. Цель этого приюта состояла в призрении сирот самага беднаго городского и селеского населения, преимущественно из низших классов общества. В приют принимались девочки от 3-х до 12 лет и воспитание их направлено было сообразно той среде, из которой взяты воспитанницы и в которой им приходилось вращаться по выходе из приюта. При доме приюта была устроена еще удельным ведомством домовая церковь, разведены сад и огород на шести десятинах земли. Кроме религиозно-нравственного и некотораго научнаго образования, главное занятие воспитанниц состояло в рукоделии, но оне наглядно, практически, знакомились и с земледелием и огородничеством, так как сами обрабатывали сад и огород. (Памятная книжка Симбирскоѳ губ. на 1868 год, стр. 350.) По окончании учения в приюте, выдержавшия установленный экзамен девицы поступали в учительницы сельских школ или в фельдшерицы при больницах, менее же способныя устраивались, заботами общества христианского милосердия, в частных домах, для хозяйственных занятий. (Симбирский календарь на 1877 год, стр. 137.) Около 25 лет этот приют находился на попечении общества христианского милосердия, а затем, 3 января 1889 года состоялась передача его в заведывание Губернскаго Попечительства детских приютов. Вместе с приютом передан был и дом, в котором он находится и по настоящее время, а также а) ежегодная субсидия от земства в 1800 руб. и б) из собственных средств общества христианского милосердия

отчислено 12,956 рублей, что с принадлежавшими приюту 12,044 руб., составило капитал в 25,000 рублей. (Третье полн. собр. зак., т. VIII, ст. 5566.) Таким образом приют был передан с полным материальным обеспечением и в прекрасном состоянии, за что общество христианского милосердия удостоилось получить благодарность от имени Государыни Императрицы. к 1 января 1898 года в приюте было 45 воспитанниц, из коих 5 степендиаток Симбирского Губернского Земства.

Земская богадельня

помещается в одном из корпусов, принадлежащих губернской земской (Александровской) больнице и состоит из двух отделений: мужского и женского; в ней помещаются неимущия и престарелыя лица всех сословий. Эта богадельня передана в ведение губернского земства, приказом общественного призрения, в 1866 году. В настоящее время в ней призываются 54 женщины и 33 мужчины, из коих два инвалида состоят под покровительством комитета о раненых.

Дворянская богадельня

(общежитие). Симбирское дворянство, в чрезвычайном собрании 30 августа 1894 года, между прочим, постановило, в память бракосочетания Государя Императора Николая Александровича, тогда еще Наследника-Цесаревича, с принцессою Гессенскою Алисою, ныне Государынею Императрицею Александрою Феодоровною устроить, при дворянском доме, общежитие для неимущих, больных и престарелых Симбирских дворян, на 20 человек обоего пола. В очередном губернском собрании 29 декабря того-же 1894 года, решено было иприспособить для общежития отдельный двух-этажный деревянный дом, принадлежащий дворянству, находящийся на углу Стрелецкой улицы и Никольскаго переуллка, в котором до того времени помещались смотритель и прислуга дворянскаго дома. На первоначальное устройство и обзаведение общежития израсходовано 4878 руб. 78 коп., и открытие его последовало 19 декабря 1865 года, хотя прием призываемых начался, неофициально, еще в сентябре того года, в виду встретившихся к тому неотложных надобностей. На содержание общежития дворянством отпускалось первые два года по 2000 рублей в год, а с 1 января 1898 года эта сумма увеличена на 300 рублей. В настоящее время в общежитии призываются двое мужчин и семнадцать лиц женскаго пола.

Серебряный приют

30 апреля 1881 года скончался Симбирский мещанин Александр Иванович Зотов, который завещал городу принадлежащий ему дом, с усадебным местом, по Петропавловскому спуску и Зотовскому переулку, с тем условием, чтобы городское общество устроило в этом доме богадельню для лиц, лишенных возможности содержать себя по бедности, старости и дряхлости, без всякой платы со стороны призываемых. Городская дума приняла пожертвование Зотова, но так как в то-же время состоялось крупное пожертвование купца Кирпичникова, на устройство богадельни-же, то вопрос о том, что делать с домом Зотова оставался открытым до тех пор, пока не последовало 12 марта 1891 г., от общества христианского

милосердия, ходатайства о передаче этого дома в распоряжение общества, для устройства в нем приюта для подкидышей. Симбирское общество христианского милосердия, желая почтить и ознаменовать благотворительным делом высокотожественный день двадцатипятилетия бракосочетания Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Марии Феодоровны, 27 января 1871 года, постановило устроить в гор. Симбирске, на имеющийся в обществе капитал, небольшой приют для подкидышей, так как такое желание было выражено Государынею Императрицею, еще во время посещения Ея Величеством города Симбирска летом 1869 года. В виду полного сочувствия, с которым многия лица всех сословий отнеслись к этой мысли, председательница общества христианского милосердия, А. К. Бычкова, обратилась к городу с просьбою дать помещение для вышеупомянутого приюта в доме, пожертвованном Зотовым. Препятствием к удовлетворению ходатайства общества христианского милосердия служило то обстоятельство, что город принял дар от Зотова под условием устроить в доме его богадельню, а общество предполагало открыть приют для подкидышей, что вовсе не соответствовало условиям, выраженным в завещании Зотова; однако это препятствие было устранено, так как общество вскоре-же изменило свое первоначальное намерение и решило открыть не приют для подкидышей, а женскую богадельню, назвав ее "Серебряным приютом", в память серебряной свадьбы Их Величеств. Открытие приюта состоялось 27 октября 1891 года и первое время он помещался в наемной квартире, а в 1892 году ветхий дом Зотова был разобран, и на его месте, общество христианского милосердия выстроило новое здание для приюта, израсходовав на это 10,000 рублей. Согласно положению, утвержденному 20 апреля 1892 года, Серебряный приют имеет целью призрение престарелых и увечных женщин, без различия сословий и вероисповеданий; комплект призреваемых определен был, на первое время, в 10 вакансий, которыя все замещены в день открытия приюта. Средствами для его содержания служить 1300 руб., ежегодно отпускаемые с этою целью обществом христианского милосердия и разнаго рода пожертвования, а также доход с устраиваемых в пользу приюта спектаклей, концертов и проч. (Журн. Думы 29 марта 1891 года и 24 апреля 1892 года. Симб. Губ. Вед. 1891 г., № 80; 1892 г., №№ 30 и 39.) Эти средства дали возможность увеличить комплект призреваемых, что к 1 января 1898 г. в Серебряном приюте содержалось 19 престарелых женщин; из них — 5 привилегированнаго сословная, 3 вдовы солдатки, 3 духовнаго звания и 9 из низшаго сословия.

Исправительный приют для несовершеннолетних

В заседании Симбирскаго уезднаго земскаго собрания 29 сентября 1873 года возбужден был вопрос об учреждении земледельческой колонии для несовершеннолетних преступников при Симбирском обществе сельскаго хозяйства, которое сочувственно отнеслось к этой мысли и предложило место для колонии на своей ферме. Однако, при дальнейшем обсуждении этого вопроса, земство признало, что не следует придавать колонии малолетних преступников характер земскаго учреждения, так как устройство и содержание ея потребует значительнаго расхода, а потому, в сессию 1874 года, ограничилось лишь постановлением о том, чтобы оказать посильную помощь со стороны земства, если колония будет устроена

по частной инициативе. (Журналы Симбир. уездн. зем. собр. 1874 года, стр. 81.) В то время уже возникало в Симбирске общество, которое и привело в исполнение мысль об устройстве колонии. Инициатива в организации этого общества принадлежала товарищу председателя Симбирского окружного суда А. П. Муравьеву и члену того же суда К. Н. Кузьмину. Они устроили в апреле 1874 года концерт, для образования первоначального фонда предполагаемого общества и получив чистого сбора 800 рублей, приступили к составлению устава «Симбирского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов». Деятельность этого общества была задумана очень широко. На основании устава, утвержденного 26 июня 1875 года, общество имело целью содействовать улучшению участи несовершеннолетних обоюбого пола, а) подвергаемых наказаниям по судебному приговору и вообще таких, которые впали в пороки и преступления, б) детей арестантов и ссыльных и в) тех, которым грозит опасность впасть в пороки и преступления, под влиянием неблагоприятных условий окружающей их среды: нищеты, безприютности, сиротства, и порочности их родителей, родственников или опекунов. Предполагая достигнуть своей цели призрением и воспитанием означенных лиц, общество поставило себе задачей устроить земледельческие колонии и ремесленные приюты, каковыя заведения, заменяя тюрьму для несовершеннолетних преступников и родительский дом для детей нищих, сирот и т. п., старались бы развить в них чувства долга, добра и правды, любовь к честному (Журналы Симбир. уездн. зем. собр. 1874 года, стр. 81.) труду. Общество открыло свои действия 19 октября 1875 года и вследствие общего сочувствия к его целям, к 1 января 1876 игода в нем было уже 463 члена, а капитал составлял сумму в 9734 руб. 33 коп., образовавшаюся исключительно из пожертвований, поступивших со всех городов Симбирский губернии, так что начало деятельности этого общества, в материальном отношении, было прекрасно. (Симб. Губ. Вед. 1876 г., № 23.) В 1879 году общество купило на северной окраине города, за Смоленским спуском, участок земли в 37 десятин, с каменным домом и большим фруктовым садом и здесь открыло 30 августа 1880 года "воспитательно-исправительную земледельческую колонию, на 50 питомцев мужского пола, устав которой был утвержден 26 июля того года. (Тоже 1880 г., № 56.) Израсходовав на покупку дома с садом более 17,000 рублей и на приспособление дома к помещению в нем колонии 6483 руб., (Тоже 1881 г., № 29.) а также устроив в колонии две мастерских: столярную и сапожную, общество не оставило из имевшихся в его распоряжении средств, достаточного капитала для обеспечения дальнейшего существования колонии, так что на первых-же порах оказалась задолженность, постепенно затем увеличивавшаяся, что повело к сокращению бюджета колонии и конечно, не могло не отразиться на ея внутренней жизни. Ограничивая расходы, общество поневоле должно было отказаться от проведения необходимых учебно-воспитательных мер, результатом чего явилась распущенность в жизни питомцев. (Юридическая Газета 1897 г., № 67.) Вместе с тем, охлаждение Симбирского общества к этому учреждению и отказ большинства уездных земств продолжать выдачу субсидий, вынудило общество земледельческих колоний отказаться, по недостатку средств, от выполнения принятых на себя обязанностей. В 1890 году общество прекратило свое существование, передав колонию в ведение губернского тюремного комитета, который прежде всего переименовал колонию в исправительный приют, а затем несколько расширил круг его деятельности, устроив при нем, с октября 1893 года, низшую школу садоводства и огородничества и

разрешив в 1894 году принимать в приют, на свободных вакансиях, детей нищих, сирот и арестантов. (Симб. Губ. Вед. 1893 г., №№ 18 и 78; 1894 г., № 17.) Однако школа садоводства не принесла никакой пользы приюту и просуществовав около трех лет, была закрыта. (Подробные сведения о деятельности колонии малолетних преступников и исправительного приюта, приведены в ст. И. И. Масловского (Юридическая Газета 1897 г. №№ 67 — 69). к 1 января 1898 года в исправительном приюте содержалось всего 38 питомцев, из коих 33 человека поступили, по приговорам судебных установлений, исключительно за кражи, и 5 воспитанников приняты по постановлению Симбирского губернского тюремного комитета, вследствие ходатайства родственников и опекунов, как дети, которым угрожает опасность впасть в преступление.

Дома трудолюбия

Первый почин в деле открытия Симбирского дома трудолюбия, принадлежит глубокоуважаемому протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергиеву, пользующемуся общою известностью, настоятелю Кронштадского Андреевского собора. Весною 1894 года от него получено было 200 руб., при пастырском благословении, на учреждение в гор. Симбирске дома трудолюбия. Вопрос об этом обсуждался 8 июня 1894 года в городской думе, которая вполне сочувственно отнеслась к такому доброму делу и а) для помещения дома трудолюбия предоставила принадлежащее городу каменное двух-этажное здание, по Московский улице, против церкви Иоанна Предтечи, где до того времени помещался бесплатный ночлежный приют, б) поручила городской управе выработать подробные правила, при которых должен быть открыт дом трудолюбия и в) для усиления средств на его учреждение открыла подписку. (Журн. Думы 8 июня 1894 года.) В течении двух месяцев пожертвования достигли суммы в 5420 руб. и тогда городская дума, в заседании 25 августа 1894 года, организовала комитет по учреждению в Симбирске дома трудолюбия. Этот комитет, ознакомившись с устройством работных домов, существующих в других губернских городах (в Саратове, Пскове, Смоленске, Тамбове и Орле) признал, что по примеру этих городов, в Симбирске следует образовать частное общество из лиц, принимавших участие в пожертвованиях, и предоставить этому обществу открыть дом трудолюбия и заведывать им. Городская дума согласилась с этим, (Тоже 2 марта 1895 года.) но тем не менее такого общества не составилось. 9 апреля 1895 года последовало открытие "Симбирского дома трудолюбия", в помянутом выше городском доме, по Московской улице и заведывание им предоставлено организованному думою комитету, который с самого начала прекрасно повел дело, так что летом 1896 года, когда в Казани решено было устроить дом трудолюбия, Казанский городской голова приезжал в Симбирск ознакомиться с устройством нашего дома и заведенными в нем порядками, так как ему указан был наш работный дом, как образцовое учреждение этого рода. (Симб. Губ. Вед. 1896 г., № 71.) В настоящее время в Симбирском доме трудолюбия а) введено 14 ремесел (сапожное, переплетное, столярное, производство гильз, рогож, матов, плетенье корзин, лаптей, клеенке коробок и проч.) и изделия продаются, за весьма дешевую цену, в особой лавке, находящейся на толкучем рынке, и б) для детей открыта начальная школа, а для взрослых ведутся религиозно-нравственные беседы и чтения с туманными картинами.

Ночлежный дом

Мысль об открытии в гор. Симбирске ночлежного дома всецело принадлежат городской управе. Она внесла этот вопрос на обсуждение думы, которая, в заседании 23 ноября 1884 года, постановила немедленно же открыть ночлежный дом, на следующих основаниях: 1) с лиц, желающих воспользоваться ночлегом, никакой платы не взимается, 2) прием ночлежников в помещение приюта, а равно выпуск их после ночлега, производится только в определенные часы вечера и утра; а затем, в течении целого дня, помещение должно быть совершенно свободно, для очистки его, проветривания и топки печей и 3) ночлежники пользуются одним только даровым ночлегом. Ночлежный дом, на приведенных выше основаниях, был открыт 8 января 1885 года в принадлежащем городу двух-этажном доме по Кирпичной улице; в верхнем этаже, состоявшем из 5 комнат, устроено было помещение на 30 мужчин, а в нижнем этаже, 3 комнаты, на 20 женщин; в подвальном этаже помещался сторож, для содержания дома в надлежащем порядке и опрятности. (Тоже 1885 г., № 4. Журн. Думы: 23 ноября 1894 года; 1 марта 1885 года.) На первоначальное обзаведение ночлежного дома и содержание его в течении первого года, было ассигновано 535 руб., а затем ежегодно отчисляется на этот предмет по 300 руб., но расходуется обыкновенно значительно меньше. В пожар 29 июня 1888 года, дом, где устроен был ночлежный приют, сгорел и приют временно помещался в бывших мастерских резервного батальона, за исправительным арестантским отделением, а 27 ноября 1888 года, переведен в купленный городом, специально для него, двух-этажный каменный дом, по Московской улице, против церкви Иоанна Предтечи; (Журн. Думы 10 февраля 1889 года.) затем, весною 1895 года, это помещение было отдано под дом трудолюбия, а ночлежный приют переведен за мытный двор, в один из флигелей старых казарм, где он находится и в настоящее время. Сведения о числе лиц, воспользовавшихся ночлежным приютом, за последние 8 лет, представляются в следующем виде.

Год	муж.	жен.	всего
1890	35076	2183	37259
1891	54019	2982	57001
1892	29565	1864	31429
1893	27825	1699	29524
1894	17027	1629	18656
1895	14480	1532	16012
1896	12,536	1412	13948
1897	13624	1369	14993

Александровская больница

(Губернская Земская). Симбирское дворянство купило в 1801 году, на окраине города Симбирска, у купца Пустынникова, большой сад с домом и постановило устроить в этом доме больницу, наименовав ее, в честь Государя, "Александровскою". Мысль устроить больницу возникла у Симбирского дворянства под влиянием указа Императора ПАВЛА I, от 2 апреля 1797 года, объявленного Медицинской коллегии, об особенном наблюдении за устройством больниц. В этом указе, разосланном во все Врачебные Управы, между ипрочим, предписывалось

разследовать" нет-ли таких уездов и селений, в которых совсем никаких публичных убежищ для бедных больных не обретается и где-бы при всем том не встречались дальния затруднения в возможности построения публичной больницы. (Полн. собр. зак., т. XXIV, ст. 17092.) На всеподданнейшее ходатайство о разрешении открыть больницу последовал, на имя губернатора, Высочайший рескрипт от июня 1801 года: "Г. действительный статский советник, Симбирский гражданский губернатор Сушков подвиг Симбирского благороднаго дворянства на сооружеие в губернском городе больницы для неимущих, в донесении вашем изображенный, принимая знаком благонамеренных его и полезных человечеству видов, поручаю вам изъавить ему совершенное Мое благоволение. Я поручаю вам уверить дворянство, что дорожа усердием и приверженностью моих подданных, в едином счастье их полагаю Я Мою славу, Мои желания и надежды, и наилучший памятник признательности их ко мне поставляю Я в их благоденствии и покое; уверьте их, что сие есть и будет приятнейшим и единственным упражнением Моего сердца. Впрочем, с удовольствием снисходя на желание дворянства, чтобы человеколюбивое заведет, ими учреждаемое, носило Мое имя, не оставлю Я дать особенный знак отличнаго моего к сему полезному подвигу благоволения. Пребываю вам всегда благосклонный. (Полн. собр. зак., т. XXVI, ст. 19912.) За это полезное учреждение, дворянство удостоилось получить от Императора АЛЕКСАНДРА и золотую медаль, на одной стороне которой вычеканено изображение Его Величества, а на другой — слова: «В знак благодарности Симбирскому дворянству, за подвиг на сооружеие больницы 1801 года». Медаль эта прислана была при следующем рескрипте от 17 августа 1801 года: (Сборник указов Алатырскаго Магистрата за 1801 год. л. 275.) «Господин действительный статский советник, Симбирский гражданский губернатор Сушков! Во свидетельство Моей признательности Симбирскому дворянству за подвиг его на устроение больницы, с удовольствием исполняю слово Мое, препровождаю при сем медаль, на случай сей сделанную; вручая оную собранию дворянства, возобновите уверение Мое, что поступок сей всегда будет служить ему честью, другим полезным примером, а Мне приятнейшим воспоминанием. Пребываю вам благосклонный. При открытии больницы в 1804 году и при передаче ея в ведомство приказа общественнаго призрения, еще получен был Высочайший рескрипт, от 14 сентября 1804 года, такого содержания: «Господин Симбирский гражданский губернатор, действительный статский советник князь Хованский! Осмотрев из донесения вашего, что предположенная к учреждению в гор. Симбирске больница добровольными приношениями Симбирскаго дворянства, ныне, под расположением приказа общественнаго призрения открыта, и что при открытии сем сделаны вновь людьми благонамеренными некоторыя пожертвования, поручаю вам, Симбирскому дворянству и всем участвовавшим в сем заведении, изъавить Мои признательность и благоволение». (Симбирский сборник 1868 г., стр. 148.) В 1857 г. приступлено было к постройке второго каменного корпуса Александровской больницы, на 100 кроватей, для чего. было ассигновано из казны 40,423 рублей 591, коп. (Симб. Губ. Вед. 1857 г., №26.) С течением времени, больничныя помещения постепенно увеличивались пристройкою отдельных флигелей; так что в настоящее время больница помещается в трех каменных и четырех деревянных корпусах, с многочисленными жилыми и нежилыми надворными постройками и занимает отдельный большой квартал, на Сызранском выезде. В корпусах, выходящих на

Александровскую площадь, помещаются: в угловом деревянном (бывший вокзал) — заразное отделение; в первом каменном (построенном в 1857 году) — умалишенные, *(В числе душевно больных содержится интересный старик, дворянин Шабловский, находящийся в больнице более 50 лет. В 1847 году он, в припадке сумасшествия, зарезал отца и мать и двух человек из прислуги. В то время это страшное преступление взволновало весь город.)* которые летом 1898 года переведены в устроенную на Карамзинский капитал, в окрестностях города, особую психиатрическую лечебницу-колонию; во втором каменном корпусе, построенном земством в 1871 году, *(Губернское земство, принимая, в 1866 году, от Приказа общественного призрения больницу и богадельню, получило, вместе с тем, и капитал в 301,100 рублей.)* имеется 4 отделения: заразное, женское, терапевтическое и хирургическое; в третьем каменном (построенном в 1804 году) помещаются: женская богадельня и арестантская больница. Затем идут три деревянных корпуса, с квартирами смотрителя, священника, фельдшеров и других служащих; в одном из них помещается мужская богадельня и обширная аптека. Вообще губернская земская больница устроена на 200 кроватей, но в действительности, число кроватей неопределенное и благодаря достаточному помещению, достигает иногда 350. *(Симбирские календари: на 1877 год, стр. 87; на 1881 год, стр. 137.)* На содержание больницы губернское земство расходует ежегодно более 88,000 рублей.

Городская бесплатная больница

В память двадцатипятилетия царствования незабвенного Императора Александра II, городская дума, в заседаниях декабря 1879 г. и 18 января 1880 года, постановила открыть в г. Симбирске бесплатную больницу для бедных городских жителей, на 25 кроватей, по числу лет царствования Государя, наименовав эту больницу «Городская бесплатная, для бедных обывателей города Симбирска, больница, открытая в день 25-летия юбилея царствования Императора Александра II, 19 февраля 1880 года». Эта больница помещается в бывшем здании Николаевского дома призрения неимущих, на Покровский площади и состоит из деревянного дома, в восьми палатах которого размещаются больные; их лечить городской врач. На приспособление этого дома под больницу, город израсходовал 10,924 руб., да на первоначальное обзаведение 3000 руб., не считая частных пожертвований. В настоящее время, кроме 25 штатных коек, больница имеет еще 3 кровати, открытые на средства жертвователей; с 1890 года учреждено еще 5 коек, специально для пожарных служителей и с 1895 года — проектированы 4 кровати для неизлечимых больных, в память в Бозе почившаго Императора Александра II. Громадное большинство больных составляют ремесленники, мастеровые и чернорабочие обою пола, *(Симб. Губ. Вед. 1880 г., № 12; 1893 г., №№ 69 и 70.)* которых перебивает в больнице, в течении года, средним числом, около 500 человек. Первое время содержание этой больницы обходилось городу немногим более 700 руб. в год; в настоящее-же время город расходует на ее содержание 5000 руб. *(Историч. обзор 25-летней деятельности Симб. город. обществ. Управления, стр. 23.)*

Лечебница для приходящих больных

1 марта 1865 года в Симбирске была открыта лечебница для приходящих больных. Согласно уставу, утвержденному 20 августа 1864 года, эта лечебница учреждена была с целью дать возможность бедному классу населения города Симбирска пользоваться врачебным пособием. В лечебнице ежедневно принимали больных два врача, занятия которых были безвозмездны, лекарство же выдавалось бесплатно, на счет лечебницы, лишь тем, кто представить удостоверение о бедности от врача. (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 10.) Помещение лечебницы было устроено в среднем каменном корпусе городской больницы. По отдаленности и неудобству помещения, по недостатку средств и по другим причинам, дело шло вяло и лечебница просуществовала не долго. Она была восстановлена заботами общества врачей 1 октября 1868 года и помещена в центральной части города по Большой Саратовской улице, в доме аптекаря Рунне; но получив в следующем году ежегодное пособие от города в 300 рублей, лечебница была переведена в более удобное помещение (Тоже, 1869 г., № 95.) — во флигель при городском полицейском управлении, (Тоже, 1877 г., № 55.) где и просуществовала до конца 1879 года, когда, по определению общества врачей, постановленному 15 сентября 1879 года, состоялось присоединение лечебницы к отделу общины сестер Краснаго Креста, (Тоже, 1880 г., № 1.) чем и прекратилось самостоятельное существование лечебницы для приходящих больных, основанной обществом врачей. В 1888 году была сделана попытка врачом Кадьяном открыть в Симбирск частную амбулаторную лечебницу, но эта попытка не увенчалась успехом. (Журн. Думы 10 марта 1889 года.)

Торговые заведения

1) Исторический очерк

Местность нынешней Симбирской губернии, прилегающая к р. Волге, издавна находилась на торговом пути, соединявшем центральные русские земли с отдаленными странами, лежавшими по низовью Волги и далее на восток. Летописи 15-го и 16-го столетий указывают на значительное уже развитие в то время торговых движений по Волге. При Петре Великом замечается еще большее оживление в этом отношении, потому что основание города Петербурга и перенесение туда столицы, направило главную массу сырых произведений с низовьев Волги к берегам Невы. Несмотря однако на выгодное положение Симбирского края на главном торговом пути, здесь долго не было заметно торговой деятельности. Дремучие леса, наполнявшие пространство между Сурой и Волгой и редкое население, состоявшее, по преимуществу, из инородцев, не представляли условий, благоприятных для развития земледельческой и торговой промышленности; торговля сосредоточивалась в слободах и поселениях рыбаков по берегам Волги, но и эти поселения, главным образом на протяжении между Саратовом и Казанью, подвергались нередко большим опасностям от нападения кочевников и разбойников, которые были особенно сильны по берегу Самарской луки, так как здесь леса и гористая местность (Жигулевские горы), изрезанная оврагами и ущельями, представляли удобный приют для разбойников, о грабежах которых до сих пор сохранились более или менее правдоподобные рассказы.

Вследствие этих грабежей, правительство, еще далеко до основания г. Симбирска, построило ряд укрепленных городков и постов по луговому и нагорному берегам Волги. При таких условиях трудно было ожидать развития в Симбирском крае промышленности и торговли. Земледельческая деятельность, основа настоящей торговли Симбирской губернии, начинает развиваться в Поволжье только с 18-го столетия и немного более ста лет прошло с тех пор, как здешняя местность приняла вполне земледельческий характер. При Императоре Павле I дано было разрешение рубить леса, за исключением корабельных, и благодаря этому, по нагорному берегу Волги леса постепенно уничтожались и заменялись пашнями, раскинувшимися впоследствии на всем пространстве приволжья Симбирской губернии, которая, в настоящее время, принимает заметное участие в общей волжской торговле, хотя это участие не может дойти до больших размеров, вследствие местного положения пристаней губернии, обуславливающих своз на них сельских произведений из неширокой полосы нагорного берега; произведения заволжского края весьма естественно сосредоточиваются на пристанях левого берега Волги, а произведения западной части губернии собираются на р. Суре, протекающей почти по середине губернии, и затем идут по Московско-Казанской железной дороге. Таким образом, по самому положению своему, волжские пристани Симбирской губернии не могут играть первостепенного значения в общей волжской торговле. (Липинский, т. II, стр. 150.) С развитием пароходства значение их много повысилось, и надо надеяться, что проведение железной дороги (особенно если исполнятся надежды Симбирянина соединить Симбирска с Уфой) будет иметь еще большее влияние на развитие торговли в нашем крае и главным образом, в самом г. Симбирске.

В настоящее время Симбирск служит центром торгового движения в губернии. Он собирает различные грузы, сырье и обработанные товары не только из губернии, но и из многих других мест, а затем распределяет их по всей губернии и посылает в другие районы. Чтобы нагляднее представить торговое значение гор. Симбирска, мы перечислим произведения, составляющие предметы его ввоза и вывоза.

В Симбирск привозят: из Петербурга — вина, обувь, галантерейные и стальные изделия; из Москвы — мануфактурный, колониальный, бакалейный и москательный товары, земледельческие машины, кожевенные изделия и проч., всего около полмиллиона пудов в год; из Нижнего-Новгорода — тот же товар, что и из Москвы, всего более ста тысяч пудов; из Казани — кожевенные и железные изделия, масло, деготь и проч., до ста пятидесяти тысяч пудов; из Самары — хлеб, скот и шерсть, до семисот тысяч пудов; из Оренбурга — шерсть, скот и сало, из Астрахани — рыбы до двух сот тысяч пудов; с Баскунчакского озера — соль до четырех сот тысяч пудов, с Урала — железа до ста тысяч пудов; с Камы — чугуна и щепной товар; с Ветлуги — лес; из Пензы — кожи; из Баку — керосин и нефть до двух сот тысяч пудов; из Саратова — подсолнечное масло; из Тулы — скобяной товар; из Владимирской губернии — косы, серпы, слесарные изделия и полотна; из разных местностей Симбирской губернии — главными образом хлеб и мука, до двух миллионов пудов.

Из Симбирска вывозят: в Петербург, Нижний Новгород и Астрахань — разный хлеб, муку и крупу; в Москву и Казань — сукна, кожи, рыбу, сало, патоку и проч.; в Самару — сукна и овощи; в Дубовку — снасти; в Саратов, Мензелинск, Ростов на Дону, Варшаву и Одессу — сукна; в Арзамас, Спасск и Саранск — кожи; в степь — спирт; в разные местности Симбирской губернии — хлеб, мануфактурный и колониальный товар и сырье, всего до полутора миллионов пудов. (Труды комиссии Симб. город. думы о соединении Уфы с Симбирском, стр. 41.) Приведенные сведения указывают, что главный предмет внешней торговли Симбирска, а также и всей губернии, составляет хлеб, в зерне и муке. Хлебная торговля обусловливается огромными количеством хлеба, остающегося у сельских хозяев от внутреннего расхода на продовольствие и другие надобности. Весь этот остаток, достигающий, даже при среднем урожае, весьма значительной цифры, идет в продажу и вывозится из губернии. Хлеб является единственным источником доходов у большинства Симбирских помещиков и у крестьян, почему вывоз его доставляет огромные средства всей губернии, так что все главнейшие внутренние торговые операции находятся в тесной связи с продажей хлеба. Хлебная торговля производится, главными образом, оптом, при чем хлеб переходит от помещиков и крестьян к оптовыми торговцам из первых рук, свозится ими, в течение зимы, в амбары на пристани, а оттуда, с открытием навигации, отправляется преимущественно в Рыбинск и частью вниз по Волге. (Липинский, т. II, стр. 234.) Открытие железной дороги в Симбирске несомненно произведет переворот в ходе местной хлебной операции, как то было на Суре, когда железная дорога прошла через Алатырь.

Движение внутренней торговли г. Симбирска проявляется, как и везде, а) в виде ярмарок, являющихся главным складом и местом оптовой продажи ввозимых в губернию товаров и отчасти, собственных произведений, б) в виде базаров, служащих пунктами сбыта и обмена сельских произведений и в) в виду лавочной городской торговли, составляющей постоянную распродажу произведений, преимущественно привозных: колониальных, мануфактурных, бакалейных и других.

2) Ярмарки

Сборная ярмарка

О времени возникновения в Симбирске сборной ярмарки точных сведений не сохранилось. По всей вероятности она началась или в последнем десятилетии 18-го столетия, или в самом начале нынешняго. В топографическом описании г. Симбирска, составленном в 1783 году Масленицким, а также в географическом словаре Новикова, изданном несколько позднее (в 1788 — 1790 гг.) об сборной ярмарке вовсе не упоминается. Нет о ней никаких сведений и в географическом словаре Щекатова, изд. 1807 года. (Впрочем в обоих географических словарях (Новикова и Щекатова) сведения об Симбирске перепечатаны из „Топографического описания" Масленицкаго.) По рассказам старожилов, в начале настоящего столетия Симбирская сборная ярмарка была только большим базаром, который продолжался не более трех дней на первой (сборной) неделе великаго поста. Этот базар происходил первоначально на площади около Вознесенскаго собора, между нынешними улицами Московскою и Панскою; здесь было несколько постоянных лавок, принадлежавших местным купцам, а на время торговых дней строились еще балаганы; те и другие отдавались в наем приезжим торговцам.

На такой базар привозилось тогда: железо, чугун, медныя изделия, хомуты, кожи, овчина, холсты, деревянная посуда и прочий крестьянский товар; между тем как мануфактурные и колониальные товары получались в Симбирске с Карсунской ярмарки, в то время весьма значительной и первой в губернии, по торговыми оборотам. Письменных сведений о количестве привозимых и продаваемых тогда товаров не сохранилось; есть только сведения о количестве дохода, полученнаго городскою думою с ярмарочных помещений и эти сведения доказывают как незначительна была, в начале нынешняго столетия, сборная ярмарка, в особенности сравнительно с Карсунский, именно: в 1808 году городская дума получила доходов с временных ярмарочных балаганов, во время сборнаго торга, всего 88 руб. 42 к. ассигн. Такая незначительная сумма городского дохода дает основание предположить, что 1808-й год был одним из первых годов существования ярмарки. В 1826 году доход этот увеличился до 1411 руб. 22 коп. ассигн.; между тем как в тот же период времени ярмарочные доходы Карсунской городской думы простирались: в 1818 г.— до 8000 руб., а в 1827 г.— до 11,000 руб.

Однако, по мере увеличения населения г. Симбирска а вместе с тем и с развитием потребностей жителей, подвоз товаров стал усиливаться; самая торговля, бывшая до того времени исключительно розничною, начинает делаться также и оптовою. Городская дума, желая урегулировать этот торг и извлечь из него наибольший доход, переименовала его в ярмарку и с разрешения тогдашняго Симбирскаго губернатора Жмакина, перевела ее, в 1829 году, на более обширную площадь — на Большую Саратовскую улицу, на место нынешняго гостиннаго двора, а потом вдоль той же улицы до Казанский улицы, а впоследствии даже и до Венца. Это перемещение имело значительное влияние на расширение торговых оборотов ярмарки и на увеличение городского ярмарочнаго дохода, так что в том же 1829 году получено было с ярмарки, в пользу города, уже до 5000 руб. ассигн. В течении следующих десяти лет сборная ярмарка весьма значительно развилась, так что привоз на нее товаров в 1841 году уже превысил миллион рублей, а городской доход

достиг 8326 рублей 31 коп. сереб. В виду этого, помещение ярмарки на Б. Саратовский улице оказалось тесным и в 1842 году она была переведена за речку Симбирку, на большую площадь у Казанского выезда, где находится и по настоящее время. Здесь в 1842 году было построено несколько деревянных корпусов, заключавших в себе 340 лавок, число которых, по мере развития ярмарки, ежегодно увеличивалось.

С этого времени Карсунская ярмарка начинает с каждым годом падать, а Симбирская сборная все более и более расширяться. В 1856 году произведен был значительный ремонт и увеличение ярмарочных рядов, на что израсходовано 6375 руб. 85 коп. сереб. В пожар 19 августа 1864 года сгорели все ярмарочные лавки. Городская дума, имея в виду, что доход с ярмарки составляет одну из самых крупных статей городского дохода, лишение которой весьма тяжело отразилось бы на городском хозяйстве в то время, когда предстояли огромные затраты на возобновление сгоревшего города, озаботилась немедленно, несмотря на зимнее время, постройкою новых ярмарочных торговых помещений, употребив на это уцелевший запасный капитал — и ко времени открытия ярмарки в 1865 году явился, на ярмарочной площади, совершенно отстроенный новый, значительно обширнее прежнего, ярмарочный гостинный двор, состоящий из 16 корпусов, в котором помещалось 436 номеров лавок. (Симбирский календарь на 1878 год, стр. 121. Симб. Губ. Вед. 1856 г., № 35; 1868 г., № 19 и 1875 г., № 21.)

На эту постройку город израсходовал 48500 руб. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.) В 1866 году, вблизи ярмарочных рядов, на ярмарочной же площади, устроен поместительный „мытный двор“ (около трех десятин), по примеру таких же дворов, находящихся в Оренбурге и на Ирбитской ярмарке, где они называются „меновыми“ дворами. На устройство его израсходовано более 2000 рублей. Цель учреждения в Симбирске мытного двора заключается в том, чтобы дать особое помещение всем тем товарам, которые не могут находиться в ярмарочных корпусах и которые прежде складывались на постоянных дворах или в жилых строениях и чтобы тем самым иметь возможность привести в известность сколько продано вышеупомянутого привозного товара, который в этом случае, на мытном дворе, оплачивается сбором по количеству продажи. Прежде невозможно было усчитать сколько привозилось и продавалось тех товаров, которые не были почему либо помещены в ярмарочные ряды, а находились на постоянных дворах и продавались там в ущерб городским доходам и к неудобству самих торговцев, так как покупатели не знали где искать нужные им товары. (Тоже, 1868 г., № 19.)

На мытный двор и по настоящее время привозят шерсть, сырые кожи, медь, воск, съестные припасы и проч. К ярмарке 1879 года, для склада и продажи съестных продуктов, была отделена высоким забором часть мытного двора, по левую сторону от входа на этот двор; здесь устроено несколько лавочек, преимущественно для склада грибов; для въезда в отделенную часть двора сделаны особые ворота. Согласно установленной думою таксе, берется в доход города известная плата с каждого воза с мясными тушами, рыбой, белыми и черными грибами и друг. продуктами. (Тоже, 1879 г., № 14.) При постепенном развитии ярмарочной торговли, признано было, в 1866 году, необходимым, для удобства приезжих торговцев, пристроить к некоторым лавкам, позади их, особые помещения, для склада товара, называемые „подташками“ в них размещаются привозимые на ярмарку более ценные товары. (Тоже, 1881 г., № 19.) Городское

управление, озабочиваясь увеличением дохода с ярмарки, постепенно возвышало плату с торговцев за занимаемые ими лавки и открытые места, но при этом очень мало заботилось о ремонте лавок и вообще о том, чтобы доставить торговцам удобства, вследствие чего уже в конце 70-х годов начался между ними ропот. (Тоже, 1879 г., № 46.)

Некоторые городские торговцы перестали выходить в ярмарочные ряды из своих постоянных магазинов, а иногородные грозили не приезжать на ярмарку, потому что ярмарочные постройки пришли в ветхость и своим неприглядным видом скорее напоминали балаганы большого сельскаго базара, а не ярмарку губернском городе. Однако, городское управление упорно стояло на своем, ограничиваясь хотя и ежегодным, но весьма незначительным ремонтом, и только тогда, когда после ярмарки 1893 года 53 торговца подали в городскую управу коллективное заявление о том, что ярмарочные помещения настолько ветхи, что дождями, попортило у них много товара, в городской думе возбужден был вопрос о надлежащем исправлении, хозяйственным способом, здания ярмарки. (Журн. Думы 16 августа 1893 года.) На ассигнованную на сей предмет сумму, в размере 12,774 руб., (Журн. Думы 6 апреля 1894 года. Симб. Губ. Вед. 1874 г., № 12; 1893 г., № 61 и 1894 г., № 15.) ярмарочные ряды, в течении четырех лет (1893 — 1896 г.г.) приведены в приличный вид, так что в настоящее время, модная линия и находящаяся рядом с ней — оптовая, а также расположенные против них два небольших корпуса, производят приятное впечатление; наружный фасад их одинаковый: вход устроен на каменных столбах, на верху красиво приделан вырезанный из дерева герб города Симбирска, а по краям верхняго резнаго украшения поставлены шесты, на которых во время ярмарки развиваются флаги; находящиеся в линиях лавки заключены в каменные столбы, устроены новые прилавки, крыши покрыты железом — словом, ярмарочные ряды приняли вполне благообразный вид и только несколько небольших, покривившихся от старости корпусов, на северной стороне площади указывают, что ремонт ярмарочных рядов еще не окончен.

Общее расположение ярмарочной площади и находящихся на ней ярмарочных рядов представляется в настоящее время, в следующем виде: эта обширная, мерою в 26 1/2 десятин, продолговатая с севера на юг площадь, находится на западной стороне г. Симбирска. Она окружена с восточной стороны — лавками, расположенными на базарной площади, с южной — домами местных обывателей, тянущимися вдоль нея, а с западной — Большою Конною улицею, старым кладбищем с церковью Всех Святых, тюремным замком и частными домами; северную границу ея составляет ряд домов между Ново-Казанской и Миллионной улицами. К этой площади из центра города ведут две дамбы, перекинутые через глубокий овраг речки Симбирки: одна (новая дамба) ведет к южному концу ярмарочной площади из Панской улицы, а другая (старая дамба) — в самый центр ярмарки, прямо из Дворцовой улицы. От этой последней дамбы, (прежней Мясницкий мост), собственно и начинается место сборной ярмарки. Ведущая от дамбы к ярмарочной площади Дворцовая улица, во время ярмарки бывает переполнена народом. Здесь жители окрестных сел и деревень обыкновенно продают свои домашняя изделия; холсты, полога, нитки, бичевки, бредни, шерстяные чулки и проч. Тут же ходят, с разным товаром, татары и другие торговцы, а по сторонами улицы продают на временно выставленных ларях, лакомства, грибы и разные съестные припасы. При выходе из Дворцовой улицы на

ярмарочную площадь, на левой стороне, прежде всего расположены небольшой ряд лавок с фаянсовой и фарфоровой посудой, а на правой стороне производится торговля, под открытым небом, русскими коврами.

По середине ярмарочной площади тянутся, с севера на юг, четыре главных корпуса лавок. Первый южный корпус, так называемая „модная линия“, занята лавками с разными панскими товаром, мехами, бумажными, полотняными и шерстяными изделиями и сарпинкою; здесь производится розничная торговля. Это самая оживленная линия во все время ярмарки переполненная городскою публикою, преимущественно гуляющею и доставляющею большой доход торговцам кондитерским товаром. Рядом с модною линиею тянется второй ряды лавок, где производится оптовая продажа приезжими фабрикантами. Прежде лавки этой линии были переполнены привозными товаром, а последние года они, более чем на половину, пустуют. В двух корпусах северной части ярмарочной площади, где, до пожара 1864 года, сосредоточивалась сборная ярмарка, теперь расположены лавки с чаем, сахаром, москательным, кожевенным и свечным товарами; прежде здесь же торговали и Тульские заводчики, привозившие самовары и разныя медныя, стальные и железныя изделия, но уже несколько лет, как этих заводчиков не видно и их заменили мелкие торговцы во временных шалашах, устраиваемых впереди модной линии. Северо-западную часть ярмарочной площади занимает мытный двор, а перед ними устроены козлы для церковных колоколов, привозимых преимущественно из Самары. Между мытным двором и северными ярмарочными корпусами располагаются, на открытом воздухе, торговцы с деревянными изделиями; посудой, колесами и проч.; здесь же сложены целыя груды крашеных сундуков, а также летние и зимние экипажи, преимущественно местного изделия. Наконец, западную часть ярмарочной площади занимает довольно обширная, кругом огороженная площадка, где происходит конная торговля, прежде довольно значительная, а ныне, и в количественном и качественном отношениях, сильно упавшая.

Для заведывания делами по сборной ярмарке, с 1857 года, существовал ярмарочный комитет, преобразованный, по постановлению городской думы, от 13 ноября 1878 года, в особую ярмарочную комиссию, на членах которой лежал главный надзор за отводом мест, правильным размещением товаров и сбором денег в доходы города; для исполнения этих обязанностей, каждый член комиссии имеет в своем заведывании известный участок на ярмарочной площади; таких участков четыре: первый — мытный двор, с прилегающими к нему улицами, второй — северная часть ярмарки, до Лосевой улицы, третий — гостинные ярмарочные ряды и Дворцовая улица до дамбы и четвертый — конная площадка. Для охранения товаров на ярмарке, на все время ея, организуется особый караул: избираются трое старост, по давнишнему обычаю, из заволжских мещан; они, под личную свою ответственностью, набирают около 200 человек караульчиков, разделенных для дневного и ночного присмотра, на две смены, и вознаграждение которым взыскивается с каждого торговца, по соразмерности занимаемого им помещения; кроме того назначается караул со стороны полиции и местного военного начальства, собственно для наблюдения за порядком.

Для разбирательства различных дел, встречающихся на ярмарке помещается, вблизи ярмарочных рядов, временное отделение канцелярии полицеймейстера. Обороты сборной ярмарки приняли значительные размеры, как замечено было

выше, с начала 40-х годов, когда стоимость привозимаго на ярмарку товара превысила миллион рублей и количество его стало постепенно увеличиваться. Благодаря этому благоприятному обстоятельству, сборная ярмарка уже в 1860 году заняла четвертое место между всеми ярмарками Империи. (Липинский. II, стр. 210.) В 1882 году привоз товаров достиг высшей цифры — 10,286,400 рублей, а затем наша ярмарка начинает падать, так что ныне привоз товаров не составляет и половины этой цифры. (Сведения о ежегодных оборотах сборной ярмарки помещены в особой таблице (см. приложение № 17. Но эти сведения не могут быть признаны точными и дают только приблизительныя данные о ежегодных ярмарочных оборотах; неточность их происходит от неудовлетворительного способа их собирания. До 1879 года они собирались членами ярмарочнаго комитета посредством опроса торговцев, но при этом некоторые или вовсе отказывались сообщать что либо, или сообщали заведомо ложныя сведения.

С 1879 года принят был более рациональный способ, практикуемый и на других ярмарках (Нижегородской и Ирбитской), заключающийся в том, что перед началом ярмарки торговцы каждаго корпуса выбирают из своей среды старосту, который обязан опросить всех торговцев своего корпуса о количестве привезеннаго и проданнаго товара и затем, по внесении собранных им сведений в особый бланк, представляет их, по окончании ярмарки, в ярмарочную комиссию. Однако этот способ просуществовал очень недолго и теперь практикуется опять старый.) Прежде бывало число незанятых в ярмарочных рядах лавок составляло незначительный процент, а теперь, сколько уже лет, две трети общаго их количества ежегодно пустует. Один из ярмарочных корпусов вовсе не был занят в течении нескольких лет, так что в 1893 году его уничтожили, по ненадобности. Такой быстрый упадок сборной ярмарки первоначально объясняли тем, что она, продолжаясь первую и вторую неделю великаго поста, обыкновенно приходится в начале весны, когда санный путь начинает уже портиться, почему за провоз товаров, при отсутствии железной дороги, приходится платить значительно дороже, чем летом, когда доставка товара по Волге из Нижняго или Казани составляет очень небольшой расход. Кроме того указывали на то, что сборная ярмарка почти совпадает с большими ярмарками в Самаре и Сызрани.

В виду этого в городской думе даже возникали вопросы, хотя и не имевшие никаких результатов, об изменении сроков сборной ярмарки. (Журн. Думы 10 января 1892 года. Этот вопрос был возбуждаем еще в 1857 году, вследствие ходатайства Самарскаго городского общества об изменении срока Самарский ярмарки, бывшей в то время, как и теперь, после окончания нашей сборной. Тогда предложено было назначить новые сроки для ярмарок: в Самаре — с первой недели великаго поста на 15 дней, а в Симбирске — начиная за 10 дней до масляницы на две недели. Однако, вследствие коллективной просьбы Московских и местных фабрикантов и торговцев, в числе 154 человек, Министр Внутренних Дел оставил прежние сроки, как для Самарский, так и для нашей сборной ярмарок (Памятн. книжка Симб. губернии на 1861 г., стр 187). Однако, в таком положении сборная ярмарка находилась с самага началаея существования и это нисколько не мешало ей быстро развиваться, тем более, что назначение ярмарки в начале весны имеет несомненно выгоды стороны, так как к этому времени накаплиются у торговцев свободныя деньги после продажи хлеба; а коммерческое значение сборной ярмарки в том, главным образом, и заключается, чтобы разменять товар на

деньги, для удовлетворения кредиторов Нижегородский ярмарки, почему выгоды торга на ней измеряются количеством наличных денег, общие же обороты ярмарки имеют лишь условное значение; а продажа товара в долг, хотя бы и большими партиями, ослабляет выгоду торга. Поэтому весьма понятно неудовольствие торговцев, когда большая часть товаров сбывается ими в долг, — от этого кредиторы Нижегородской ярмарки остаются неудовлетворенными и на сборной ярмарке образуется новая значительная кредитовка, по которой уплата назначается на Карсунской ярмарке, но Карсунская ярмарка идет плохо и кредит снова отсрачивается до Нижегородской ярмарки.

Как бы то ни было, но Симбирская сборная ярмарка и по настоящее время, не смотря на неблагоприятные условия, далеко еще не потеряла своего значения для Симбирского края, потому что все таки продолжает делать значительные обороты. Так как главнейшая местная потребность состоит в произведениях мануфактурных, то они составляют на сборной ярмарке, самую значительную часть привоза. Главный товар здесь — бумажные материи и между ними преимущественно ситец, которого в 80-х годах привозили более чем на два миллиона рублей и он почти весь раскупается. С 1865 года стали привозить Саратовскую сарпинку, которая в настоящее время занимает не последнее место среди ярмарочного товара. Вообще бумажный товар составляет обыкновенно более половины всего привозного товара. Затем, наиболее важные статьи привоза следующие: а) шерстяной товар и главными образом, сукна невысоких сортов, б) кожи сырые и сыромятные и разные кожевенные изделия, в) железо, медь и изделия из них, г) игольный товар и д) чай и сахар. В прежнее время на большую сумму привозили 1) кубовую краску (индиго) и она раскупалась вся без остатка; например в 1880 году ее было на 290,000 рублей и 2) вообще москательный товар, но теперь этого рода торговля значительно уменьшилась.

Не малый интерес представляют, до сих пор, приводимые на ярмарку лошади. Их приводят с местных помщичьих заводов, пригоняют косяками степных башкирских, а главным образом, крестьяне приводят своих выкормков. Заводских лошадей, на конную площадь не выводят; их надо искать в конюшнях при домах частных лиц. Во время процветания сборной ярмарки, когда, и конных заводов у нас было больше, помещики приводили лошадей на ярмарку десятками и продавали по 600 — 800 рублей за голову; нынче же таких лошадей почти совсем не видать. Башкирских лошадей пригоняют на сборную ярмарку тоже немного, так что в последнее время на конной площади можно видеть почти исключительно крестьянских выкормленных жеребцов, среди которых попадаются нередко прекрасные экземпляры, да молодых жеребят и рабочих лошадей. Кроме торговых оборотов с поименованными выше товарами, на сборной ярмарке ежегодно производятся значительные обороты по хлебной операции. Хлеб в зерне на ярмарку не привозят, а продавцы являются сюда только с пробами и заключают с покупателями условия на покупку разных сортов хлеба и на поставку его в известное место; такие сделки совершались прежде на весьма большие суммы; так например, в 1880 году взято было поставок всего до трех миллионов пудов. (Симбирский календарь на 1881 год, стр. 85).

Собственно для города Симбирска сборная ярмарка важна не только как средство ввоза мануфактурных и колониальных товаров, потому что доставка в Симбирск этих товаров летом удобнее, но еще более как один из главных источников

городских доходов от сбора с лавок и балаганов, устроенных для ярмарки. Доход этот, постепенно увеличиваясь, достиг в 1876 году до 45,083 руб. 64 коп. и вообще в 70-х годах составлял третью часть всех городских доходов, но с упадком ярмарки стал постепенно уменьшаться и в настоящее время едва достигает 20,000 рублей, составляя лишь 12% городского дохода. (Точныя сведения о размере ежегодного ярмарочного городского дохода см. приложение № 17).

Но эти сведения не могут быть признаны точными и дают только приблизительныя данныя о ежегодных ярмарочных оборотах; неточность их происходит от неудовлетворительного способа их собиранія. Для сбора с торгующих на ярмарке лиц денег, в доход города, состоят при ярмарочной комиссии особые сборщики, избираемые из благонадежных лиц, в числе до 20 человек, получающие вознаграждение, по окончании ярмарки, сообразно понесенным трудам.

Ярмарки «Казанская» и «на Ивана постнаго»

Кроме сборной ярмарки, в Симбирске бывают ежегодно еще две ярмарки: Казанская (8 июля) и на Ивана постнаго (29 августа). По времени учреждения, Казанскую ярмарку следует считать первую из всех трех, существующих в Симбирске. Она началась в прошлом столетии, когда сборной ярмарки, а тем более торго на-Ивана постнаго, еще не существовало. В топографическом описании г. Симбирска Масленицкаго (1783 года) упоминается только одна ярмарка в Симбирске — Казанская, которая долгое время имела в торговом мире известное значение, как единственная в городе, хотя обороты ея никогда не были велики. Но с годами, по мере постепеннаго развития сборной ярмарки, значение Казанской ярмарки уменьшилось до того, что она получила совершенно сельскій характер. Здесь крестьяне Симбирской и отчасти соседних, Казанской и Самарской, губерній сбывают произведенія своей промышленной и ремесленной годовой работы и в свою очередь запасаются некоторыми необходимыми для них фабричными произведениями. В настоящее время Казанская ярмарка, продолжающаяся три дня, скорее походит на большой базар, чем на ярмарку. Сюда привозят колеса, дуги, лыки, кадушки и вообще деревянную посуду, лапти, деготь, кожи, железо и бумажныя ткани. Прежде, лет 40 тому назад, главный предмет торговли на Казанской ярмарке составляли лошади, большею частью крестьянскія и степныя, годныя преимущественно для земледельческих работ,— приводили и заводских лошадей; но последнее время и лошадей стали пригонять немного. Так как перечисленный выше товар продается обыкновенно с телег, на которых привезен, и только небольшая часть его раскладывается под навесами на ярмарочной площади, то лавки в ярмарочном ряду, составляющія центр торго на сборной ярмарки, во время Казанской, стоят заколоченными.

Когда учреждена у нас ярмарка на Ивана постнаго — сведений не имеется; несомненно только, что по времени возникновения, она позднейшая. Как в первое время своего существованія, так и в настоящее время она имеет совершенно такой же характер, как и Казанская; также точно в ней и продавцы и покупатели почти исключительно крестьяне; товар тоже одинаковый, различіе составляют только такая произведенія, которыя по самому времени года еще невозможны на Казанской ярмарке; так например: воск, мед, орехи. Ярмарка на Ивана постнаго

продолжается тоже три дня. По оборотам, Казанская ярмарка значительно уступает всем ярмаркам; (В 1861 году привезено было на Казанскую ярмарку товаров на 50,000 рублей, а продано на 23,000 рублей; в 1877 году — привезено на 10,500 рублей и продано не более четвертой части (Симб. Губ. Вед. 1877 г., № 62; Липинский, т. II, стр. 207). Она дает самый незначительный доход городу, не превышающий иной год даже 300 рублей; тогда как городской сбор с ярмарки на Ивана постнаго колеблется около 1000 рублей.

Обороты сей последней ярмарки стали заметно усиливаться с 1861 года. Торговля на этих двух ярмарках производится, как было упомянуто выше, в течении трех дней, но определенного срока открытия и закрытия торгового на них не установлено. Такое неопределенное положение всегда вызывало между городским управлением и торговцами недоразумения, за разъяснением которых городской голова обращался в 1896 году к Управляющему Казенною Палатою и он выяснил, что ярмарка на Ивана постнаго должна начинаться с 29 августа, тогда как до того времени Городская Управа считала срок этой ярмарки наоборот. Вместе с тем Управляющему Казенною Палатою была доложена просьба ярмарочных торговцев о продлении срока ярмарки на Ивана постнаго, на что он объяснил, что этот срок может быть продолжен до шести дней, без взыскания ярмарочных пошлин в казну. Получив такие разъяснения и приняв в соображение заявление иногородных торговцев о невозможности и убыточности приезда на ярмарку Ивана постнаго, торговля на которой производится такой короткий срок, что большинство привезенного товара остается нераспроданными, за недостатком времени, городская дума возбудила, в 1897 году, (Журн. Думы 24 сентября 1897 года) перед Симбирским губернским земским собранием ходатайство об установлении следующих сроков торговли на ярмарках: Казанской — трехдневного, с 6 по 8 июля, а на Ивана постнаго — шестидневного с 29 по 31 августа. Губернское земское собрание, в очередную сессию 1897 года, удовлетворило ходатайство городской думы об установлении торговли на Казанской ярмарке с 6 по 8 июля, так как здесь шла речь лишь о формальном утверждении начала и конца ярмарки, фактически уже существовавших, а относительно продления срока ярмарки на Ивана постнаго, земское собрание затребовало заключения земских собраний Симбирских соседних уездов. (Журн. Симб. Губ. земск. собрания, сессии 1897 г., стр. 11.)

8) Базар

Базар в Симбирске находится за старой дамбой и начинаясь на восточном берегу оврага речки Симбирки, занимает площадь в 3 1/2, десятины. Северная сторона этой площади прилегает к Дворцовой улице, а южная сливается с ярмарочною площадью; с западной стороны она отделяется от той же ярмарочной площади кварталом частных домов. По левому берегу оврага, непосредственно за гостинным двором, расположены два толкучих рынка. За северным корпусом гостинного двора, на новом толкуне, мелкие торговцы, арендуя места у города, устроили пять линий деревянных лавок, всего в количестве 104 номеров; в первой линии — 31 номера, во второй — 29, в третьей — 28, в четвертой — 10 и в пятой — 16 номеров. За южным корпусом гостинного двора, где был прежде толкучий рынок, частными лицами построен в 1869 году каменный корпус, с 24-мя номерами лавок; эти лавки в течении 25 лет находились в пользовании лиц, построивших их, с платою городу

аренды по 25 рублей в год, а в 1894 году они перешли в собственность города и в настоящее время только половина из них сдана в аренду. На площадке старого толкуна отведены места для торговли, в течении лета, ягодами и фруктами.

На базарной площади, за р. Симбиркой, городу принадлежат следующее количество лавок: 8 каменных корпусов: в первом корпусе — 17 номеров лавок, во втором — 13, в третьем — 7; в этих трех корпусах происходит торговля мучным товаром; в четвертом — 24 лавки для торговли железом; в пятом 8 лавок шорных и для торговли мылом; шестой корпус выходит на Дворцовую улицу, между часовнею и домом Данилова; он построен купцами Ф. В. Красниковым и В. И. Андреевым и в 1894 году поступил в пользу города; в нем 15 лавок, в которых производится торговля мучными и бакалейным товаром; затем, седьмой и восьмой корпуса расположены по берегу оврага, в одном из них 16 номеров лавок, для склада разных товаров, в другом — 3 лавки с бакалейными товаром. Кроме того городу принадлежат на базаре деревянные лавки: а) по оврагу четыре навеса, по 8 лавок в каждом, для торговли мясом и б) балаган, обшитый железом, между южным корпусом гостинного двора и дамбой; здесь две москательных лавки и одна с игольными товаром. Частным лицам принадлежат на базаре 4 каменных корпуса лавок, составляющие полную собственность их владельцев и 4 ряда деревянных лавок, построенных торговцами на арендованной у города земле: 1) балаган с 6 номерами лавок, выстроенный в 1875 году, где торгуют старым железом, а) крытая галерея с 7-ю лавками для торговли печеными хлебом, 3) на „стрелке" 15 лавок, для торговли свежеею рыбою и 4) на „фокавинской площадке" 10 лавок с разными товаром. Наконец, на базарной площади есть еще очень много отдельных навесов и ларей, поставленных мелкими торговцами на арендуемых у города местах в обжорном, тележном и колесном рядах и по оврагу р. Симбирки; число этих ларей и навесов с каждым годом увеличивается, так что базарная площадь представляется очень густо застроенною.

Независимо от постоянной торговли на базарной площади, в Симбирске бывают еще привозные базары три раза в неделю: по воскресеньями, средам и пятницами. На этих базарах торгуют летом и осенью на западной стороне ярмарочной площади — овощами и фруктами, а круглый год на ярмарочной площади — хлебом в зерне, привозимым крестьянами, и на Александровской площади — сеном и дровами.

4) Городская лавочная торговля

Развитие в настоящее время постоянной городской лавочной торговли в Симбирске выражается в следующих двух таблицах, указывающих а) число выданных, в течении 1897 года городскою управою свидетельств на производство разнаго рода торга и б) число заведений ремесленных цехов в том же году.

Число свидетельств, выданных на производство разного торга, представляется в следующем виде:

НАЗВАНИЕ ТОРГА	По гильдейскими документам	По свидетельствам и билетам на мелочной торг и промысловым
Мануфактурный и сукнами	21	
Чайный	4	
Бакалейный	18	152

(Первый магазин бакалейных и колониальных товаров был открыт в Симбирске в 1817 году Симбирским купцом Иваном Макке (Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 134) и долгое время был одним из лучших магазинов.)

Фруктовый	5	5
Хлебный (зерновой и мучной)	29	57
Мясной, овощной, маслом и проч.	4	32
Рыбный	1	27
Табачный	2	1
Москательный	3	6
Аптекарский	5	

(Старая аптека, ныне принадлежащая провизору Э. Е. Филиппу, существует не менее ста лет. Она открыта вскоре после указа Императрицы Екатерины II, данного 10 января 1768 года президенту медицинской коллегии, барону Черкасову „о заведении аптек в городах и докторов в губернии" (Полн. собр. зак., т. № VIII, ст. 13045), Из документов, сохранившихся у настоящего владельца этой аптеки, видно, что она принадлежала в 1821 году, некоему Шмидту, от которого перешла, в 40-х годах, к Маттисону, затем к его наследнице М. О. Расказовой, а последняя продала аптеку, 15 августа 1873 года, провизору Филиппу, управлявшему ею десять лет.)

Мыльный		11
Винный: гостинницы, ренск. погреба и буфеты	34	46
винная лавки		30
пивная лавки		14
Модно-галантерейный и игольный	7	13

(В 1897 году исполнилось пятидесятилетие торговой фирмы братьев С. и Н. Юдиных, торгующих в гостинном дворе игольным товаром).

Лесной, щепной и дровами	2	15
Железным товаром	4	27

(В Симбирске существует более двух сот лет купеческая фамилия Крупениковых, занимающаяся с давних пор торговлею железным товаром. Нынешний представитель этой фамилии, Алексей Александрович Крупеников, считает своим родоначальником одного из стрельцов, прибывших в Симбирск с окольным Хитрово, в 1648 году, для построения города. Императрица Елизавета Петровна пожаловала в 1742 году званием степенного гражданина Кузьму Крупеникова, тогда уже крупного торговца железным товаром в Симбирске.)

Шорный	3	5
Готовым платьем	4	5
Обувью	2	28
Золото-серебряный	3	5
Кожевенный	2	4
Меховой	2	
Парфюмерный	2	
Музыкально - книжный и учебными пособиями	2	4

(Книжные магазины появляются в Симбирске в 1839 году, когда были, почти одновременно, открыты, в гостинном дворе, два магазина книгопродавцев: Тарбеева и Пугина, с продажей книг „исторических, романических, классических и духовных". Из магазина Тарбеевых отпускались книги, для прочтения, на дом, за 45 руб. ассигн. В год и за 5 руб. в месяц, с залогом не менее 25 руб. ассигн. Чтобы привлечь к себе покупателей, Тарбеев устроил лотерею, с интересными условиями подписки; в объявлениях об этой лотерее указывалось, что разыгрывается рояль в 950 рублей, по 5 рублей билет и на каждые два билета будет отпущено из библиотеки книг для прочтения, безденежно, в течении месяца, а кто подпишет 10 билетов, тому дается читать шесть месяцев. (Симб. Губ. Вед. 1839 г., №№ 14 и 22). Нынешний книжный и музыкальный магазин наследников купца К. И. Юргенс существует с 1855 года.)

Земледельческими орудиями	2	
Швейными машинами	1	
Стекланный и посудный	4	5
Новую и старую мебелью	1	16
Керосинный	2	
Фотографии		

(Первый фотограф приехал в Симбирск в 1865 году — А. Л. Бах, из Кенигсберга; он пробыл в Симбирске недолго. Ныне существующия у нас фотографии открыты: Каганина — в 1875 году и Никитина (бывшая Бик) — в 1878 году.)

Заводы: чугуно - литейные, винокуренные	5	4
пивоваренные и мыловаренные		
Заведения искусственных минеральных вод		2
Разный мелочной торг	17	48
Всего.	171	562

В 1897 году было всего 526 хозяев
различных заведений ремесленных цехов, именно:

Наименование ремесл

Золото-серебряный цех	Число хозяев	Столярный цех	Число хозяев
Золотых и серебряных дел мастера	15	Столяры	34
Часовщики	7	Резчики по дереву	4
резчик по металлу	1	Живописцы	9
Позолотчики	6	Фортепианщики	2
Медники	7	Маляры и стекольщики	26
Слесаря	13	Печники	16
Кузнецы	22	Обручники	11
Каретники	6	Колесники	8
Жестянщики	24	Обойщики	3
Парикмахеры	8	Рамщики	4
Гильзовщики	3	Портновский цех:	38
Переплетчики	6	Портные	50
Гармонщики	3	Портнихи	5
Пекарный цех	30	Тулупники	3
Калачники	22	Скорняки	6
Хлебники	9	Картузники	5
Крендельщики	9	Красильщики	86
Пряничники	7	Шляпошницы (модистки)	4
Колбасники	5	Сапожный цех	3
Булочники и кондитеры		Сапожники	
		Шорники	
		Вытягальщики	
		Всего	526

Первая „кондитерская лавка" была открыта в Симбирске в 1838 году приехавшим из Петербурга кондитером Бурушенковым, на углу Большой Саратовской и Покровской улиц, в д. Бачманова, где теперь сад женской гимназии. (Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 45). Почти все ныне существующие в Симбирске магазины и мастерские открыты после пожара 1864 года и даже значительно позднее; исключения составляют очень немногие, именно: 1) каретное заведение Н. Н. Голубкова (Ярмарочная площадь, свой дом) — с 1847 года, 2) кузница Ф. А. Кузнецова (на Казанском выезде) — с 1847 года, 3) сапожник Я. С. Мельников (Покровская улица, дом Филипп) — с 1856 года, 4) калачное заведение Е. С. Банцекова (на базаре) — с 1856 года, 5) магазин сукон и мануфактурного товара А. П. Конурина (Большая Саратовская улица, свой дом) — с 1858 года, 6) серебряных дел мастер П. А. Михайлов (Большая Саратовская улица, дом Медведевой) — с 1859 года, 7) обручник В. И. Романов (Третий Курмышок, свой дом) — с 1860 года и 8) переплетчик Е. О. Обухов (Московская улица, дом немецкой церкви) — с 1861 года.

В Симбирске нет ни одного завода (Существует небольшой чугунно-литейный завод М. В. Андреева, но он находится за чертой города, на южном выгоне, и последние годы почти бездействует) ни одной фабрики, имеются только две паровые мукомольные мельницы: одна — на ярмарочной площади, купца П. С. Балакирщикова, другая — на Казанском выезде, братьев Красниковых и механическое заведение И. В. Голубкова. Заводская промышленность никогда не была развита в Симбирске. В 1783 году существовал здесь небольшой колокольный завод Симбирскаго купца Гавриила Шамина — он работал сам с двумя работниками, и свои произведения отвозил на Карсунскую ярмарку. (Масленицкий. „Топографическое описание Симбирскаго Наместничества".) В 1861 году иностранец Гейдерих устроил в Симбирске суконную фабрику, но она просуществовала только один год и была уничтожена, выделав сукон едва на 3888 рублей. (Липинский, т. II, стр. 77.)

В 1891 году торговцы толкучаго рынка возбудили ходатайство об ограничении торговли в праздничные дни. Они просили городскую думу разрешить им оканчивать торговлю накануне праздников в 6 час. вечера, а в самые праздники торговать с 8 час. утра до 6 часов вечера. (Журн. Думы 6 сентября 1891 года. Запрещение торговать в праздничные дни существовало еще при Царе Алексее Михайловиче; но тогда это установлено было исключительно в целях религиозных. Впервые такое распоряжение встречается в уложении 1649 года, но затем оно несколько раз было подтверждаемо отдельными указами. Так, в указе 20 августа 1667 года (Полн. собр. зак., т. I, ст. 414) сказано: „В соборном уложении 157 года, в десятой главе, в 26-й статье, напечатано: по вся субботы православным христианам от всякия работы и от торговли перестати и ряды затворити за три часа до вечера, а в воскресный день рядов не отпирати и ни с чем не торговати, опричь съестных товаров и конскаго корму; а съестные товары и конский корм, овес и сено, продавать по вся дни и часы невозбранно; а работы никакия в воскресный день ни кому не работати, да и в Господские праздники быть потому-жь, как и в воскресные дни. А в которые дни бывают со кресты ход и в те дни в рядах ничем не торговати и рядов не отпирати до тех мест, как из ходы со кресты придут в соборную церковь, и потому торговати. А ныне указал Великий Государь, Царь, учинить заказу крепкий, как напечатано в соборном уложении".

При Царях Иоанне и Петре Алексеевичах, указом от 18 декабря 1682 года (Полн. собр. зак., т. II, ст. 976) отменена была торговля в праздничные дни, не только в городах, но и „в пригородах и в уездах, в дворцовых селах и в патриарших, и во властелинских, и в монастырских вотчинах, и бояр и окольных и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян Московских и разных чинов помещиков и вотчинников в селах, где есть торжки и ярманки".) Это ходатайство не получило тогда удовлетворения, почему через три года было возобновлено и с 9 июня 1844 года состоялось обязательное постановление городской думы о том, чтобы в праздничные и воскресные дни производить торговлю с 12 час. дня до 4 пополудни, а в остальное время дня все лавки должны быть закрыты, кроме торговли печеным хлебом и калачом. (Журн. Думы 9 июня 1894 года.) Однако такое распоряжение думы вызвало на практике много неудобств, и кроме того, вследствие допущенных при этом думою формальных нарушений, не было утверждено губернским по городским делам присутствием, почему дума, 11 января 1895 года, совершенно отменила его, а затем 14 июня того же года издало новое, существующее и в настоящее время, обязательное постановление, по которому торговля в праздничные и воскресные дни разрешается лишь с 12 часов дня до 6 час. вечера, при чем это ограничение не распространяется: а) на торговлю жизненными припасами, б) на время бывающих в Симбирске ярмарок, в) на торговые заведения, находящиеся под горой, в течении навигации по р. Волге и г) на фабричные, заводско-промышленные заведения, торговые бани и цеховые мастерские. (Журн. Думы 14 июня 1895 года.)

В начале 1897 года, по инициативе Симбирского купеческого общества, внесен был в городскую думу вопрос об открытии в Симбирске биржи с биржевым комитетом во главе, причем высказаны были в пользу этого следующие соображения: открытие биржи: 1) усилит центральное значение Симбирска, привлечением иногородных купцов и их агентов, 2) облегчит всякаго рода сделки и будет способствовать установлению более постоянных и правильных цен на главные продукты местного производства, в интересах как производителей, так и купцов и 3) в лице биржевого комитета, торгово-промышленное сословие будет иметь защитника своих интересов пред правительством, имея возможность входить с представлениями куда следует о разрешении разных предположений и вопросов, касающихся торговли и промышленности. Кроме того, необходимость открытия в Симбирске биржи и польза ее существования особенно будут наглядны с проведением к Симбирску железной дороги, когда вообще увеличится торгово-промышленная деятельность и явится еще большая надобность в наблюдении за правильной ее постановкою. Городская дума, вполне разделяя приведенные соображения, в заседании 13 февраля 1897 года, поручила городской управе составить проект устава биржи. (Журн. Думы 13 февраля 1897 года.) В настоящее время этот проект уже составлен и принят думою 27 марта 1898 года, но не получил еще надлежащего утверждения.

5) Кредитныя установления

Отделение Государственного Банка открыто в Симбирске октября 1866 года и с тех пор помещается в собственном доме по Большой-Саратовский улице, на углу Коммисариатской. При открытии отделения было отчислено 50,000 рублей на его операции. Сведений о его деятельности не получено.



Отделение Государственного Банка

Городской Общественный Банк. 17 мая 1863 года состоялся сенатский указ Второе Полн. собр. зак., т. XXXVIII, ст. 39635.) о разрешении открыть в г. Симбирске городской общественный банк на следующих условиях: а) городская дума обязывалась отделить из своего запасного капитала 10,000 рублей в основной капитал банка,



Городская дума. Maison de ville.

Симбирскъ. Simbirsk.

Городской Общественный Банк

б) банку предоставлялись лишь операции по приему вкладов, учету векселей и выдачи ссуд под залог движимых и недвижимых имуществ и в) из чистых прибылей от оборотов банка, за отчислением ежегодно суммы, потребной на составление запасного капитала до 10,000 рублей и за удовлетворением необходимых расходов по содержанию банка, одна третья часть отделяется в доходы города, другая — в пользу городских благотворительных заведений, по усмотрению городского общества и третья часть причисляется к основному капиталу банка. На этих условиях Симбирский городской общественный банк открыл свои действия 2 февраля 1864 года и первый вклад, поступивший в банк 14 того же февраля, был — 2000 рублей, пожертвованные Симбирским купечеством на содержание 10 девиц в Мариинском женском училище, в память посещения нашего города ныне в Бозе почивающими Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем. Первый состав правления городского банка был, по избранию думы, следующий: директор — купец Иван Иванович Сусоколов, товарищи директора — купцы Иван Степанович Ушаков и Иван Степанович Бабушкин.

На первых же порах своей деятельности, банк достиг блестящих результатов: в течении 1864 года, не смотря на бывший в том году пожар, разоривший город, обороты банка дали, на капитал в 10,000 рублей, чистой прибыли — 4289 руб. 93 3/9 коп. Затем, с каждым годом прибыль значительно увеличивалась. Такая жизненность нашего банка не осталась незамеченною отечественною прессою, следящею за финансовыми операциями провинциальных банков: в № 16 „Биржевых Ведомостей" за 1870 год, при определении деятельности двухсот существующих в России городских общественных банков, особенно замечательными признаны были 20, и в числе их Симбирский банк поставлен третьим. Успешность деятельности Симбирскаго банка объясняется как: 1) потребностью кредита вообще, потому что самое его возникновение было вызвано этою потребностью, так как в то время прекращались денежные операции приказа общественного призрения, так, 2) в частности, чисто местными условиями. Это представится нагляднее, если сравнить деятельность Симбирскаго городского банка с соседним Сызранским, открытым почти одновременно и с основным капиталом в четыре раза большим. В Сызрани лица, живущия процентами с капиталов, составляли всегда меньшинство, сравнительно с торговыми населением, почему большей части тамошних обитателей не было расчета вносить деньги в банк — они находили более выгодными пускать их в торговые обороты.

Результатом этого явилась незначительная деятельность городского банка. В Симбирске же наоборот, торгующее население было в то время незначительно, сравнительно с капиталистами землевладельцами. Имея свободные капиталы, тогдашние Симбирские помещики, как не занимавшиеся ни торговлею, ни промышленностью, считали более удобным отдавать излишния деньги в банк, имея в виду верное сохранение их и хорошее проценты, а при увеличении вкладов, банк имел возможность выдавать более ссуд, что, в свою очередь увеличивало обороты банка и следовательно его доходность. Этим объясняется также необычайное в жизни наших банков явление, что было время, когда Симбирский городской банк стеснялся приемом вкладов, опасаясь, что они будут у него лежать без движения, так как не надеялся раздать их. (Липинский, т. II, стр. 546. Сиб. Губ. Вед. 1865 г., № 28.) Обозревая деятельность Симбирскаго банка за 34 года его существования (см. приложение № 18), нельзя не обратить внимания, что наибольшая доходность

банка была в 1880 году, когда чистая прибыль от его операций достигла 61,793 р. 39 коп.; но почти вслед за сим, в течении четырех лет (1883 — 1886 гг.), всю банковскую прибыль (более 145,000 рублей) пришлось употребить на покрытие убытков, возникших от значительного накопления протестованных векселей. Это обстоятельство, побудившее городскую думу учредить 1 июля 1883 г. учетный комитет при городском банке, а также некоторыя ограничения, введенныя нормальным положением городских общественных банков 1883 года, значительно повлияли на доходность Симбирскаго банка; она, с тех пор, стала заметно падать и в 1897 году составила более скромную цифру в 27,250 руб. 78 коп. Тем не менее положение нашего банка представляется блестящим. Основной капитал его увеличился с 10,000 рублей до 320,542 руб. 29 коп. и образовался запасный капитал в 119,882 руб. 27 коп., а чистая прибыль за 34 года достигла огромной цифры в 923,688 руб. 10 коп., из которых по 219,548 руб. 78 коп. отчислено в доход города и на учебныя и благотворительныя заведения.

Общество взаимного кредита

Устав этого общества утвержден 3 июля 1872 года, а действия его открыты с 1 декабря того же года, при участки 121 члена и с основным капиталом в размере 38,450 руб. (Симбирский календарь на 1877 год, стр. 158.) Затем, число членов общества стало быстро увеличиваться, так что к 1 января 1876 года их состояло уже 419, (То же, на 1878 год, стр. 275.) а вместе с тем постепенно развилась и деятельность общества, увеличивая его доходность, которая достигла высшей цифры (52,772 рублей 92 коп.) в 1881 году; после этого обороты общества, а вместе с ними и чистая прибыль от операций начинает понемногу убавляться, так что в течении 1897 года доходы общества выразились в очень скромном размере (8871 руб. 51 коп.). к 1 января 1898 года основной капитал общества равнялся 102,545 руб., а запасный — 46,082 руб. 64 коп. В настоящее время в обществе состоит 266 членов. Более подробныя свдения об оборотах и прибылях Симбирскаго общества взаимнаго кредита указаны в приложении № 19.

Отделение Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

Открытие отделения этого банка в Симбирске разрешено Министром Финансов в 1873 году, на основании Высочайше утвержденного устава банка и в том же году, с 21 ноября, отделение приступило к банковым операциям.

Определеннаго оборотнаго капитала отделение не имеет, а Правление Банка, находящееся в Петербурге, высылает, по мере надобности, необходимыя для оборотов суммы во все многочисленныя его отделения. (Симбирский календарь на 1877 год, стр. 162.) Первым управляющим Симбирским отделением Банка был Григорий Алексевич Медынцеv. Деятельность этого банка в Симбирске выделяется среди всех других кредитных учреждений, по значительным размерам своих ежегодных оборотов, превышающих иногда сто миллионов рублей. Общия свдения о ежегодных оборотах Симбирскаго Отделения Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка приведены в приложении № 20.



Отделение Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка

Отделения Дворянскаго и Крестьянскаго Банков.

15 декабря 1879 года, во время губернского собрания Симбирскаго дворянства, бывший Ардатовскій уездный предводитель Горсткин предложил дворянству ходатайствовать об учреждении в Симбирске дворянскаго банка с основным капиталом в 10,000 рублей, который покрыть посредством единовременнаго сбора с дворянских имений и кроме того, воспользоваться, данным Симбирскому дворянству, еще в 1866 году, разрешением взять ссуду из сумм Государственнаго Банка.

Дворянское собрание, сочувствуя такому предложению, постановило образовать особую комиссию для обсуждения и разработки этого вопроса. Затем, в 1881 году, Нижегородское дворянство возбудило ходатайство о разрешении ему открыть в Симбирске отделение своего, Александровскаго, дворянскаго банка. Симбирское дворянство уже было согласилось на это, (Симб. Губ. Вед. 1882 г., № 6.) но после дальнейшей переписки, вопрос о дворянском банке в Симбирске разрешился тем, что здесь открыто 16 января 1886 года Отделение Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка. Одновременно же состоялось открытие и Отделения Крестьянскаго Поземельнаго Банка.



Отделения Дворянскаго и Крестьянскаго Банков

Первые два года Отделения Дворянскаго и Крестьянскаго Банков были соединены в лице общаго Управляющаго, но с 1888 г. по 1894 г. они действовали совершенно самостоятельно, а затем, опять им дали общаго Управляющаго и с 1897 года объединение их стало еще полнее. Действия Симбирскаго Отделения Дворянскаго Банка распространяются также и на Нижегородскую губернию, которая, относительно деятельности Крестьянскаго Банка, отделена от Симбирской губернии с 1 января 1897 года, когда там открыто самостоятельное отделение. В течении 12 лет Симбирское Отделение Дворянскаго Банка выдало 834 ссуды, в общей сложности на 25,837,383 рубля, под залог 804,874 десятины земли, оцененных в 48,496,805 руб., причем три четверти всего этого количества приходится на дворянския имения Симбирской губернии. Приведенныя цифры не дают еще полной оценки деятельности Отделения Дворянскаго Банка, так как эта деятельность значительно усложняется разбором прав заемщиков на льготы по разным поводам, разрешением отчуждений заложенных имений, в части или полностью, и т. д. В двенадцатилетний период деятельности Симбирскаго Отделения Крестьянскаго Банка, крестьянами Симбирской губернии приобретено, при содействии Банка, 24,335 дес. 933 кв. саж. земли, стоимостью в 1 593,614 руб. 45 коп., в число коих выдано ссудою 1,303,353 рубля. Кроме того, чинами Отделения Банка осмотрены 60 имений, с земельною площадью в 14,913 дес. 1850 кв. саж., сделки по коим не состоялись. В 1897 году последовала первая покупка, за собственный счет Крестьянскаго Банка, 1452 дес. 2335 саж. за 153,410 рублей. (Подробныя цифровыя данныя о деятельности Симбирских Отделений Дворянскаго и Крестьянскаго Банков, за каждый год, см. приложение №21, 21а.)

б) Товарищество поощрения земледелия и сельской промышленности

В 1895 году, несколько сельских хозяев Симбирской губернии, в виду затруднительности сбыта сельско-хозяйственных произведений, задумали учредить товарищество, целью которого должно быть содействие местным землевладельцам а) приобретать, по возможно дешевой цене, продукты потребления хорошаго качества, а также все вообще необходимые в сельско-хозяйственной промышленности предметы и б) выгодно сбывать произведения своих хозяйств. Составленный учредителями устав товарищества утвержден 29 октября 1896 года. В силу этого устава, товариществу дозволяется открывать и содержать, с соблюдением существующих постановлений и с надлежащего разрешения, как в России, так и за границей, склады, магазины, а равно комиссионерския агенства, для покупки и сбыта предметов сельскаго хозяйства. Равным образом, товарищество имеет право приобретать в собственность и отчуждать недвижимыя имения, нанимать разныя помещения, и вообще вступать в такие дозволенные законом договоры, которые служат к достижению целей товарищества. В число членов принимаются лица обоего пола, владеющия, на праве собственности, участком земли, служащим для сельско-хозяйственнаго пользования, а также арендующия подобныя участки, или управляющия оными по доверенности. (Симб, Губ. Ввд. 1897 г., № 45) Товарищество открыло свои действия в феврале 1897 года и решило ограничиться в начале лишь комиссионным делом, принимая от сельских хозяев поручения по покупке и выписке семян, инструментов, книг и других предметов, и по продажи от них разных сельско-хозяйственных продуктов и произведение хозяйств. (Там же, № 14.) С этою целью, товарищество вошло в сношения с разными торговыми фирмами, фабриками, заводами, разсадниками племенных животных и птиц и заручившись от них представительство, может предлагать своим членам приобретать, на выгодных условиях, все предметы сельско-хозяйственнаго инвентаря. Равным образом товарищество вошло в соглашение с правлениями Московско-Казанской и Сызранско-Вяземской железных дорог об организации по линиям этих дорог комиссионной отправки грузов исключительно агентами дороги, а отнюдь не частными комиссионерами. („Биржевые Ведомости" 1897 г., № 192.) Продажу сельско-хозяйственных произведений из имений, своих членов товарищество производит только за наличный расчет, но значительно дешевле сравнительно с местными рыночными ценами.

7) Общество птицеводства

8 декабря 1897 года состоялось открытие Симбирскаго Отдела Российскаго общества сельско-хозяйственнаго птицеводства. Задача этого общества, состоящаго под покровительством Великаго Князя Петра Николаевича, заключается в улучшении птицеводства у сельских хозяев и крестьян, путем раздачи своим членам племянных экземпляров наиболее продуктивных пород домашней птицы. В настоящее время это общество имеет до 80 провинциальных отделов. Вновь образованный Симбирский отдел открывает племянной птичник при ферме общества сельскаго хозяйства. Членский взнос установлен в 5 рублей, в счет котораго каждый член получает бесплатно еженедельный журнал „Птицеводство", где помещаются иллюстрации в красках и даются, в виде приложения, руководства

и сочинения по птицеводству и вопросам орнитологии. к 1 января 1898 года в Симбирском отделе общества птицеводства было 30 членов. (Симб. Губ. Вед. 1897 г., № 90.)

8) Общество взаимного страхования от огня имуществ

Симбирская городская управа, в виду постоянного возвышения страховыми обществами премий на застрахование имуществ, желая облегчить небогатым жителям города страховать свои имущества, внесла 25 октября 1882 года, на обсуждение городской думы вопрос о введении в гор. Симбирске взаимного страхования. Дума отнеслась сочувственно к возбужденному вопросу и избрала для предварительной его подготовки, особую комиссию, которая, в докладе своем думе, 31-го октября 1885 года, представила соображения и доказательства в подтверждение своевременности и несомненной выгоды для городского населения введения взаимного страхования имуществ. Разсмотрев доклад комиссии, дума тогда же постановила (Журн. Думы 31 октября 1885 года) учредить в Симбирске общество взаимного страхования, и приняв проект устава, открыла обществу, на случай могущих последовать, по ея операциям, убытков, кредит в 20,000 руб., из пяти процентов, и кроме того, выдало ему 1000 рублей на первоначальное обзаведение. Устав общества был утвержден 3 сентября 1886 года, и согласно параграфа 6 этого устава, общество открыло действия только 1 мая 1887 года, т. е. после того, как в правление общества поступило от Симбирских домовладельцев столько заявлений о желании их застраховать имущества, что они, в сложности, составили сумму свыше полмиллиона рублей. За первые 8 месяцев (по 1 января 1888 года) своей деятельности, общество заключило 272 страхования (около 1/5 части всех домов в городе), на 1,245,526 рублей, и получило страховой премии 8445 рублей 54 коп.

Несмотря на такой быстрый успех, многие из домовладельцев не решались вступить в общество, с одной стороны, не будучи еще вполне знакомы с характером его деятельности, а с другой — в виду отсутствия у общества запасного капитала, и находя, что открытый городом обществу кредит в 20,000 рублей представляется весьма недостаточною гарантией покрытия пожарных убытков, тем более, что акционерные страховые общества, как только начало действовать взаимное страхование, уменьшили у себя размер страховых премий до 30%. В виду сего общество взаимного страхования, чтобы более вселить к себе доверие Симбирских домовладельцев, исходатайствовало в думе (Журн. Думы 8 апреля 1888 года.) дополнительный кредит в 30,000 рублей, так что общая сумма гарантии от города составила 50,000 рублей. Большой пожар 29 июня 1888 года тяжело отозвался на деятельности общества взаимного страхования, заставивши его уплатить чрезвычайных пожарных убытков на сумму 127,694 рубля, когда в наличности было капитала только 13,300 рублей, так что кроме израсходования 50000 рублей, гарантированных городом, обществу пришлось взять правительственную ссуду в 67,000 рублей, из шести годовых процентов. Положение общества оказалось критическим, почти равносильным ликвидации, но благодаря своевременной помощи, оказанной обществу со стороны 43-х других таких же обществ, выдавших безпроцентные ссуды, на срок от 10 до 20 лет, в размере 75433 рублей 93 коп. и вследствие сложения городом процентов по выданной им ссуде в 50,000 рублей,

Симбирскому обществу взаимного страхования представилась возможность благополучно миновать кризис, уплатить полностью правительственную ссуду и продолжая свои действия („Историч. обзор 25-летней деятельности Симб. город. общ. управления", стр. 11.) достигнуть того, что к 1 января 1898 года за обществом осталось всего долга только 32,029 руб. 53 коп. К этому же времени у общества, при 371 члене, было застраховано 2107 имуществ городских жителей, на сумму 2,257,931 рубль. (Отчет общества 1897 год.)

9) Ссудо-сберегательные кассы

Городская ссудо-сберегательная касса открыта в Симбирске 3 сентября 1863 года, на основании общего устава о городских сберегательных кассах, Высочайше утвержденного 16 октября 1862 года. Первоначально эта касса находилась при городской думе; в заведывании особаго совета, состоявшего из городского головы и избравшихся городским обществом членов. При кассе был бухгалтер, с годовым содержанием в 180 рублей, которое он получал от Государственного Банка. Городской голова Егоров, в заседании 22 декабря 1872 года, доложил думе, что члены совета городской сберегательной кассы, имея свои собственные дела, крайне затрудняются в исполнении возложенных на них по кассе обязанностей, в особенности при бухгалтера, получающем весьма незначительное вознаграждение и что по этому, а также в виду отсутствия лишь, желающих служить членами совета сберегательной кассы, он, городской голова, полагал бы просить Государственный Банк учредить сберегательную кассу при своем отделении в Симбирске, где она, будучи открыта ежедневно, может больше приносить пользы. (Симб, Губ. Вед. 1873 г., № 6.) Дума с предложением городского головы вполне согласилась, возбудила надлежащее ходатайство и с разрешения Министра Финансов, в 1873 году, сберегательная касса открыта при Симбирском отделении Государственного Банка, где она существует по ныне и имеет два отделения: 1 января 1890 года отделение сберегательной кассы открыто при Симбирской почтово-телеграфной конторе, а 1 июня 1894 года при Симбирском губернском казначействе. к 1 января 1898 года первое отделение имело 1286 вкладов (на какую сумму - сведений не имеется), а второе — 1248 вкладов, на сумму 259,077 руб. 90 коп.

Ссудо-сберегательная касса служащих в Симбирском Губернском Правлении и подведомственных ему учреждениях действует с 30 марта 1862 года. Это старейшая из существующих в Симбирске ссудо-сберегательных касс. Первоначально она имела оригинальную особенность, заключающуюся в том, что участник этой кассы, для получения ссуды, обязан был дать подписку, что он находится в крайней нужде, без чего ссуда не выдавалась, но впоследствии такая стеснительная формальность уничтожена. к 1 января 1898 года в этой кассе было 119 участников и обороты ея, за 1897 год, составили сумму в 39,000 рублей.

Ссудо-сберегательная касса служащих в Симбирской Казенной Палате. Действия этой кассы начались с 1865 года на основании устава, утвержденного Министром Финансов 16 декабря 1864 года. Участниками кассы могут быть служащие не только в Симбирской Казенной Палате, но и во всех подведомственных ей уездных учреждениях. к 1 января 1898 года в кассе было 59 участников и капитал ея равнялся 4800 рублям.

Ссудо-сберегательная касса при Симбирской Гимназии учреждена 29 апреля 1872 года, с разрешения Министра Народного Просвещения, для всех лиц, служащих в Симбирский губернии по учебному ведомству. В настоящее время эта касса фактически не существует, она уже давно совершенно бездействует.

Ремесленная касса состоит при Симбирской ремесленной управе. Она разрешена Министром Внутренних Дел 4 февраля 1874 года и открыла свои действия 22 июня того же года. В настоящее время она тоже бездействует.

Ссудо-сберегательная касса при Окружном Суде существует на основании устава, утвержденного Министром Юстиции 12 февраля 1887 года; Участниками ея имеют право быть лица, служащая в Симбирском Окружном Суде, как получающая определенное штатное содержание, так и канцелярские служители и вольнонаемные писцы, а также кандидаты на судебныя должности, присяжные и частные поверенные и нотариусы. Каждый участник обязан вносить в кассу ежемесячно определенную заранее часть получаемого им полного оклада годового содержания (не менее 1%). Когда из обязательных ежемесячных взносов образуется сумма, равная полугодовому содержанию члена кассы, тогда дальнейшие взносы для него необязательны. Размер обязательного взноса для лиц, не получающих содержания, определяется особым порядком. Член кассы может получить ссуду на срок не далее 10 месяцев и в размере, не превышающем свободного его капитала, образовавшегося из ежемесячных обязательных взносов, в совокупности с месячным его содержанием. Эта касса действует успешнее всех других подобных касс, существующих в Симбирске. В 1897 году в ней было 80 участников и при капитале в 7516 рублей, обороты кассы составили сумму в 24,889 руб. 20 коп.

Ссудо-сберегательная касса при Губернской Земской Управе. Устав сей кассы утвержден 20 марта 1884 года; членами могут быть служащие как в Симбирской Губернской Земской Управе, так и в губернских земских больничных и богоугодных заведениях, а также в Симбирском уездном земстве. к 1 января 1898 года в этой кассе было 109 участников, а капитал ея составлял сумму в 8463 руб. 16 коп.

Ссудо-сберегательная касса при Городской Думе. В 1892 году городская дума поручила управе составить проэкт устава ссудо-сберегательной кассы служащих в Симбирском городском общественном управлении. Управа исполнила это поручение и выработанный ею проэкт устава был представлен на утверждение Министра Внутренних Дел, (Журн. Думы 6 марта 1892 года.) но возвращен для пересмотра. 18 октября 1895 года дума организовала для сего особую комиссию, которая составила новый проэкт устава, получивший утверждение 27 апреля 1896 года и касса открыла действия 1 ноября того же года. На основании устава, участвовать в кассе имеют право лица, служащая как по выбору, так и по найму во всех учреждениях, существующих на средства города и находящихся в его ведении, как то: в городской управе, городском базаре, сиротском суде, в городских богадельнях, больнице, детских приютах, водопроводе и во всех городских учебных заведениях. Каждый участник вносит в кассу ежемесячно 4% из получаемого содержания и 10% единовременно из наградных денег. Эти взносы образуют оборотный капитал, из котораго выдаются ссуды, на срок не далее 12 месяцев, и в размере не выше месячного оклада содержания участника. к 1 января 1898 года в этой кассе было 56 членов, при капитале в 1403 руб, 53 коп.

10) Предположения об открытии городского ломбарда

В 1888 году городская дума поручила управе разработать вопрос об учреждении в Симбирске общественной кассы ссуд и составить устав этой кассы. (Тоже, 3 июня 1888 года.) Так как на содержание ломбарда требуется значительный расход, то городская управа прежде всего обратилась к правлению городского общественного банка с запросом, не может ли он развить при банке операции по залогу вещей. Банк ответил отказом, на том основании, 1) что по 86 статье норм. полож. о городских банках, им предоставлено право выдачи ссуд под залог лишь неподлежащих порче вещей и потому этот закон не может относиться к залому такой движимости, как носильное платье, мебель и т. п. д. и 1) что открытие операций по залому всяких других вещей стеснит банк, так как потребуются устройство особых кладовых для хранения заложенных вещей, да и служащие банка будут отвлечены от прямых своих обязанностей. В виду такого ответа городского банка и за неимением у города свободных сумм, дума, в заседании 15 июня 1890 года, оставила вопрос об учреждении ломбарда открытым до более благоприятного положения городской кассы. В 1896 году этот вопрос опять был возбужден, и дума избрала особую комиссию для всестороннего его обсуждения. (Журн. Думы 22 мая 1896 года.) В заседании думы 4 марта 1898 года комиссия представила доклад о необходимости учредить самостоятельный ломбард, с основным капиталом не менее 25,000 рублей. Дума, соглашаясь с комиссией, возбудила ходатайства об учреждении ломбарда по нормальному уставу и о разрешении городу позаимствовать на сей предмет 30,000 рублей из свободных сумм городского банка. Ломбард предполагается поместить или в доме городского общества, в комнатах, где теперь городская школа кройки и шитья, или приспособить для сего двух-этажные городские лавки в северном корпусе гостинного двора. (Тоже, 4 марта 1898 года.)

Городское хозяйство

1) Исторический очерк.

О деятельности дореформенной Симбирской городской думы сохранилось весьма мало сведений и то отрывочных, вследствие пожара 1864 года, уничтожившего все архивы. Первые правительственные меры для урегулирования в Симбирске городского хозяйства относятся к началу нынешняго столетия. Указом от 18 июня 1804 года (Полн. собр. зак., т. XXVIII, ст. 21354.) был учрежден в Симбирске "комитет для уравниения городских повинностей, который составил доклад "об устройстве городских доходов, расходов и повинностей. Этот доклад утвержден 26 февраля 1807 года, (Тоже, т., ст. 22469.) и тогда же вошел в действие, но первая роспись городских доходов и расходов гор. Симбирска была составлена правительством и удостоилась Высочайшего утверждения лишь сентября 1831 года. (Второе полн. собр. зак., т. VI, ст. 4802.)

По этой росписи городские доходы исчислены были в сумме 53,069 руб. 74 коп., а расходы — в сумме 49,678 руб. 32 1/2 коп.

4) Доходы с общественных имуществ и от

Статьи **дохода** распределяются таким образом:

1) Сбор с обывательских домов и заведений	13263 р. 24 к.
2) Сбор с промышленников.....	6530 р.
3) Сборы с заведений промышленности...	8990 р.
. казны городу предоставленные.....	23136 р. 50 к.
5) Сборы с взаимных актов, сделок и пуб личной продажи..	
.....	1050 р.
6) Случайные доходы.....	100 р.
Итого;	53069 р. 74 к.

Расходы исчислены были, по росписи 1831 года, на следующие предметы:

1) На содержание полиции и пожарной части	23877 р. 16 к.
2) На содержание полицейских зданий, будок и проч.....	5174 р.
3) На содержание городских присутственных мест и лиц, на жалованье от города состоящих	7800 р.
4) На содержание городских строений...	9950 р.
5) Расходы по военной части.....	1377 р. 16 1/2 к..
6) Расходы непредвидимые.....	1500 р.
Итого..	49678 р. 32 1/2 к.

Приведенные цифры показывают, на сколько невелик был бюджет гор. Симбирска в первой половине настоящаго столетия. Затем, потребности города увеличивались весьма медленно, как это можно заключить, по крайней мере, из того, что через 26 лет, в 1857 году, городская роспись сведена в сумме 68,573 руб. 11 коп.; (Симб. Губ. Вед. 1857 г., №№ 22 — 25.) хотя в следующем, 1858 году, благодаря случайным доходам, городской бюджет увеличился до 79,841 руб, 43 1/4 коп., (Тоже 1858 г., № 16.) но он немедленно же упал и почти сравнялся с

первоначальным. Так, в 1859 году роспись сведена в 55,777 руб. 27 1/4 коп., а в 1811 году — в 53,818 руб. 27 коп, (Тоже 1859 г., № 18 и 1861 г., № 7.) С введением городского положения 1870 года, городской бюджет, казалось бы, должен был значительно увеличиться, потому что новой, самостоятельно действующей думе, на первых же порах, представлялась необходимость открыть новые источники городских доходов и изыскать меры к извлечению наибольших доходов из прежних источников, так как она должна была производить новые значительные расходы, как на содержание личного состава своего управления, так и для исполнения различных новых обязанностей, возложенных на город правительством или вызванных потребностями городского общества. Однако в Симбирске этого общего явления не замечается. У нас такое влияние на изменение городского бюджета произвел пожар 1864 года, когда пришлось возстановлять сгоревший город. Для этого потребовалась такая масса расходов, (Обильные пожертвования шли почти исключительно на возмещение убытков частных лиц, или отдельных учреждений, а не на нужды города.) что приходилось усиленно изыскивать новые источники доходов, так как в распоряжении города, после пожара, было только 58,797 руб. 48 1/2 коп. запасного капитала и 39,682 руб. 82 коп., страховых денег, полученных за сгоревшие городские здания. Благодаря энергии и распорядительности Симбирского Губернатора барона И. О. Велио и городского головы А. И. Зотова, городской бюджет увеличился, с 1865 года, почти в три раза, достигнув солидной суммы в 148,339 руб. 31 1/2 коп., (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 18.) причем дальнейшее увеличение доходов шло не только без всякого обременения жителей новыми налогами, но даже с постоянным облегчением обязательных для них расходов; так например при недостатке после пожара обывательских домов, для отвода квартир военным чинам, сии последние размещены были казарменным образом в частных домах, нанимавшихся на городские средства; равным образом, ремонтирование шоссированных улиц, против частных домов, производилось за счет городских доходов. Хотя последующее десятилетие городские доходы несколько уменьшились, но вследствие благоразумной экономии городского управления, с 1876 года они снова начинают подыматься и уже в 1879 году превысили 200,000 рублей. Самого высшего размера городские доходы достигли в 1883 году, когда они возросли до 260,437 руб. 76 коп., но с тех пор они начали уменьшаться, хотя медленно, с небольшими колебаниями, и с 1891 года составляют сумму уже менее 200,000 руб. На уменьшение городских доходов повлияли, с одной стороны — упадок сборной ярмарки, составляющей один из самых главных источников дохода, а с другой стороны — постоянное, в течении десяти лет (с 1884 по 1893 год), превышение расходов над доходами, чего прежде ни замечалось. (Таблица ежегодных городских доходов и расходов помещена в прилож. № 22.) По отдельным статьям, доходы и расходы гор. Симбирска представляются в следующем виде:

21) Доходы города Симбирска

1) Городские земли за Волгой. Арендный сбор, получаемый городом за лесные и сенокосные участки и пахатную землю за рекой Волгой, является в настоящее время самую крупную статью дохода. В 70-х и в начале 80-х годов, этот сбор уступал доходу с городских ярмарок, но начиная с 1887 года, он стал выше сего последнего

и достигая ежегодно почти до 40,000 рублей, составляет, в среднем выводе, четвертую часть городских доходов.

2) Острова на Волге. Принадлежащие городу острова на Волге сдаются в аренду, для пользования лесною порослью и сенокосом. Эта небольшая статья дохода немногим превышает 3000 руб. в год.

3) Рыбные ловли. Первые года существования города Симбирска рыбные ловли составляли одну из главных его доходных статей. 24 июля 1661 года, Царь Алексей Михайлович пожаловал "города Синбирска всем чинам служилым и жилецким людям, под городом, вниз и вверх по Волге реке, рыбных ловель, безоброчно, по четыре версты. (Зерцалов. "Краткий историч. очерк Симбирска, стр. 6.) Тогда городу принадлежали рыбные ловли вверх по Волге — "от мирских водных рыбных ловел, от Лаишевскаго взвозу, вверх по Гороховский остров, со всеми озерами, истоками, затопами и воложками, а вниз по Волге — "от Синбирских мирских отводных вод, от верхней изголови в застенной воложке через Волгу, по Прорве и от Прорвы до Вышки, по обе стороны Волги, затоны и озера, Арбугинский затон, и Кривуша река, и от Прорвы и Чувича, подстенный затон. (Зерцалов. "Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы 1665 — 1667 г.г стр. 40 и 41). Эти рыбные ловли сдавались в оброк за сто и более рублей в год, с тем условием, что арендаторы, всю пойманную ими красную рыбу, а также стерлядь, размером в 11 вершков и более, от глаза до увитка, обязывались живою отдавать "на государев обиход, в Синбирск, на рыбный двор, (Там-же, стр. 41 и 43.) который заведывал этою статьею городских доходов. В настоящее время воды р; Волги принадлежат городу по обоим ея берегам на значительном протяжении, но приносят ежегоднаго дохода только около 1500 рублей.

4) Перевоз через реку Волгу, из города в заволжския слободы, прежде принадлежал казне и сдавался ею в аренду; так, в 1764 году снимал его Покровский монастырь. "Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, зад. Симб. Губ. статист. комит. 1866 г., вып. I, стр. 97.) Затем, перевоз этот содержался на суммы земскаго сбора. В 1861 году казна сдала его в аренду на три года за 3780 руб. (Симб. Губ. Вед. 1861 г., № 39.) С 1864 года содержание волжскаго перевоза перешло к городу. Тогда сообщение с заволжскими слободами производилось на дощаниках и в лодках; такая переправа была и медленна и не всегда безопасна; случалось, что в ветренную погоду перевоз прекращался на сутки и более, но и при самых благоприятных условиях нельзя было переправиться скорее, чем в течении 1 1/2 часа. Такая неудобства переправы особенно невыгодно отражались на интересах жителей заволжских слобод, рассчитывающих на сбыт своих произведений в Симбирске и они возбудили вопрос о необходимости заменить судовую переправу пароходною. (Липинский т. II, стр. 717.) В 1865 году содержатель перевоза, мещанин Галчин, изъявил желание устроить, для сообщения между обоими берегами Волги, пароход с баржами, но с тем условием, чтобы город ему платил за это ежегодно по 3000 руб. и чтобы такса за перевоз была значительно увеличена. (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 20.)

Такия условия городскойо думою приняты не были, потому что сообщение между обоими берегами Волги всегда было весьма оживленное: из за Волги везли к нам

шерсть, вино, хлеб, гоняли гурты скота, так что содержание перевоза представлялось выгодным и без получения платы от города. Как бы то ни было, но с открытия навигации 1866 г., перевоз через Волгу стал производиться посредством парохода с баржею, (Симб. Губ. Вед. 1866 г., № 31.) а на каких условиях город сдал перевоз — неизвестно, но с 1 января 1874 года, ежегодная арендная плата была установлена в 501 рубль, на десять лет, с правом взимать с проезжающих плату по установленной таксе. В 1884 году арендная плата увеличена до 601 рубля, и тоже на десять лет, по истечении же этого срока, город стал получать аренды за перевоз по 1101 рублю в год. В настоящее время перевозный пароход, с баржею, производит регулярно, по росписанию, от 5 до 8 рейсов в день, (смотря по времени года), с каждого берега Волги.

5) Пристани на Волге. Эта доходная статья распадается на три части: а) с пароходных пристаней, б) с мест на пристанях, сдаваемых для торговли съестными припасами и в) с мест, сдаваемых под склады товаров и для причала судов. Пароходные пристани существуют в Симбирске с 1866 г. и первоначально городская дума отвела только три участка, для постановки пароходных дебаркадеров обществ: "Самолет", "Кавказ и Меркурий" и "по Волге", а в 1867 году прибавила еще два участка — для общества "Дружина"; и товарищества Лебедь". За эти места пароходные общества платили, в доход города, по 150 руб. в год; В 1871 году плата была увеличена до 300 руб. (Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 39.) и тогда-же отведен еще шестой участок, для пристани пароходства "Зевеке, которому он и сдавался по 150 рублей в год. Затем, арендная плата с пароходных пристаней постепенно повышалась: в 1874 году пять пароходных обществ платили городу, за пристани, уже по 501 руб. в год, а "Зевеке — 310 руб. (Роспись на 1878 и 1881 года.) С 1877 года они платили по 700 руб., а "Зевеке" — 434 руб.; С 1882 года общества: "Самолет", "Кавказ и Меркурий", "по Волге и "Дружина" платили по 1000 руб., "Лебедь" — 700 рублей, а "Зевеке" — 600 рублей; с 1887 года арендная плата первым четырем обществам повышена до 1200 руб. в год, а обществам "Лебедь" и "Зевеке" оставлена прежняя. (Журн. Думы 17 декабря 1886 года) В 1890 году была устроена седьмая пароходная пристань, вследствие просьбы агента "второго пароходного товарищества по Волге, но это товарищество не воспользовалось отведенным для его пристани местом и в 1895 году здесь поставлена пристань купеческих пароходов. (Тоже 19 ноября 1890 года.) В 1892 году пристань товарищества "Зевеке была переведена на другое, более удобное место, с увеличением арендной платы до 800 р. (Тоже 28 февраля 1892 года.) В последние два года, вследствие соединения пароходного товарищества «Дружина» с обществом "Зевеке" и ликвидации дел компании "Лебедь, городской доход с пароходных пристаней уменьшился и составляет лишь 6000 рублей. Ежегодный доход с мест на пристанях, арендуемых у города торговцами съестными припасами, колеблется около 1000 рублей. С мест, сдаваемых под склады товаров и для причала судов пристани: спасская или горшечная, арбузная и друг., город получает более 2000 рублей в год. Таким образом общая сумма городских сборов по этой доходной статье не превышает 10,000 рублей.

6) Лавки и места, сдаваемые для торговли во время ярмарок

Сведения об этой весьма значительной статье городских доходов (превышающей 25,000 рублей) приведены при обзоре существующих в гор. Симбирске ярмарок: Сборной, Казанской и на Ивана Постнаго. (См. приложение № 17.)

7) Постоянные лавки и торговые помещения, находящиеся на базаре, в гостинном дворе и за южным корпусом онаго, составляют одну из крупных статей городского дохода. С них ежегодно поступает в доход города, в среднем выводе, около 15,000 руб. в год.

8) Городские места, сдаваемые для торговли, приносят городу доход, главным образом, на толкучем рынке, находящемся за северным корпусом гостинного двора (более 9500 рублей) и на базарной площади (около 9000 рублей). Вообще же этот сбор, последнее время ежегодно увеличиваясь, ныне почти достигает 20,000 рублей.

9) Места, сдаваемые под строенья и промышленныя заведения. Город получает от этих мест весьма небольшой доход. Здесь главные статьи дохода составляют: а) участки, сдаваемые под кирпичныя заведения (около 1000 руб. в год) и б) городския скотобойни. В 1859 году построены были четыре сарая для боен, над оврагом, за Всесвятской улицей, на что казна израсходовала 1747 руб..95 коп. (Симб. Губ. Вед. 1859 г., № 20.) Впоследствии эти сараи перешли в частную собственность и к ним постепенно пристроено было еще 10 сараев. До последнего времени за бойнями не существовало правильного ветеринарнаго надзора, содержались оне крайне неопрятно и без соблюдения каких либо правил. Только с 24 июня 1897 года городское управление установило ветеринарный надзор как за убиваемыми на бойнях животными, так и за привозимыми на продажу тушами, а также,одновременно с этим, введен сбор в пользу города, по особой таксе, с каждой головы: крупнаго скота — от 15 до 30 коп. и мелкаго — от 5 до 10 коп. Упорядочив таким образом дело убоя скота и создав, этим новый источник дохода, городское управление, вместе с тем, приняло меры к постройкеот города надлежащих скотобоен и образовало для обсуждения этого вопроса особую комиссию. В настоящее время дело этоостанавливается за неимением у города достаточных средств, так как по составленной в обществе врачей (которому принадлежит инициатива в этом вопросе) смете, на устройство общественных скотобоен, потребуется расход приблизительно около 40,000 рублей. (Протоколы васеданий общества врачей за 1895 и 1896 года, стр. 135.)

10) Сады и огороды. Городу принадлежат: большой "Обрезков" сад и три небольших сада по петропавловскому спуску. Обрезков сад занимает площадь в 29 дес. 1835 саж. и находится против Александровскаго сада. Первоначальным владельцем этого сада был богатый Симбирский помещик, тайный советник Николай Василевич Обрезков, у котораго здесь был выстроен большой дом, перешедший, после смерти Обрезкова, в казну, под летнее помещение баталиона военных кантонистов; по уничтожении же этого баталиона, сад с домом были переданы, из военнаго ведомства, в собственность городу. Дом Обрезкова уничтожен в 1861 году, по ветхости. Верхняя часть сада, прилегающая к Садовой улице, представляет ровную местность и сдается под распашку, а остальная часть,

по склону горы и внизу ея, снимается в аренду, для пользования травой и плодами яблонных дерев. Обрезков сад несколько раз предполагалось эксплуатировать разными способами; здесь хотели устроить и кумысо-лечебное заведение и образцовую школу садоводства и даже скотобойни, но все эти попытки оказались без результатов. В последнее время сюда перевели собачий приют, помещавшийся за арестантским исправительным отделением. Три фруктовых городских сада на петропавловском спуске весьма невелики и сдаются в аренду для пользования плодами за незначительную плату. Принадлежащие городу несколько небольших огородов, находящиеся в разных местах города, приносят доход, не превышающий 200 рублей в год.

11) Мельницы. Городу принадлежат две водяные мукомольные мельницы: одна — за Волгой, на р. Ботьме, другая — на р. Свияге. Первая сдается в аренду за 25 руб. в год, а вторая прежде приносила 3000 руб. дохода, но последнее время город распоряжается ею хозяйственным способом и расходует на нее больше, чем она приносит дохода. ("Историч. обзор 25 летней деятельности Симб. город. обществ. управления, стр.23 и 47.)

12) Недвижимыя имения. В первой половине настоящего столетия сбор с недвижимых имений был главною статьею городских доходов; так, по росписи на 1831 год, этот сбор, в сумме 13, 113 руб. 24 коп., составляет 25% общей цифры доходов, в настоящее же время он колеблется около 7500 руб.

13) Документы на право торговли и промыслов. Эта статья дохода, отчасти характеризующия незначительное развитие в городе торговли, составляла наибольшую сумму в 80-х годах, когда она превышала 12,000 руб. в год; в настоящее же время она составляет около 8500 руб. В 1897 году в г. Симбирске было купцов 1-й гильдии — 6 лиц и 2-й гильдии — 150 лиц. На производство разного рода торговли, промыслов и открытие торгово - промышленных заведений выдано свидетельств: по гильдейским документам — 188 и по билетам на мелочной торг и промысловым 733.

14) Трактирные заведения, гостиницы, меблированные комнаты и постоянные дворы. Город Симбирск всегда изобиловал трактирами, но особенно много их развелось в конце 70-х годов, когда доход с них достиг 45,323 руб. 26 1/4 коп. (в 1879 г.) и составлял пятую часть всех городских доходов; нынче сбор с этих заведений значительно сократился и в среднем выводе, не превышает 18,000 рублей. На сколько плохи были Симбирские гостиницы в 30-х годах, в этом убеждают записки бывшего Симбирского губернатора И. С. Жиркевича, ("Русская Старина, 1878 г., сентябрь, стр. 35.) рассказывающаго, как он приехал в Симбирск, ночью с 30 на 31 марта 1835 года: "въехавши в город, я велел ямщику везти меня в лучшую гостиницу, строго запретив объявлять, что я губернатор. Подъехавши к каким-то воротам, принялись стучать, чтобы вызвать дворника; после долгих ожиданий, он явился и повел нас в номер, в котором не было даже зимних рам, а стояли одиночные, с разбитыми стеклами, заклеенными большею частью бумагою, да и та местами порванная. Холод и сырость в комнате были невыносимые. Все убранство ея состояло из трех, четырех просиженных соломенных стульев, из неокрашенной,

загаженной мухами и клопами кровати с соломенным тюфяком, железного сломанного ночника и стене, унизанных прусаками. Наконец, пришел хозяин, мещанин, в грязном сюртуке и растрепанный до-нельзя, объявивший с самодовольством, что это лучший номер в его гостиннице и что "самые хорошее господа завсегда у него притуляются".

Пожар 1864 года, преобразивший весь наш город, имел, и в этом отношении, благотворное влияние. С 1865 года в Симбирске начали возникать гостинницы, вполне удовлетворяющая потребностям приезжающей публики. Так, одною из первых была открыта в 1865 году гостиница "Пассаж и по ныне существующая на углу Большой Саратовской и Дворцовой улиц. Затем, среди различных номеров для проезжающих, с арфистками и "машинами, возникли, в 1868 году, солидные "Андреевские, "Языковские и "Вознесенские номера, а в 1877 году — Троицкая гостинница при театре, наилучшая в городе, обставленная на европейский лад и наконец, в 1892 году — Ново-Троицкие номера. Все эти гостинницы существуют в городе и в настоящее время.

15) Извозный промысел. До пожара 1864 года Симбирск хотя и имел достаточное число извозчиков и цена за провоз была не велика, но рессорных экипажей не существовало и публика ездила на долгушках и тарантасах, приспособленных к езде по грязным и неровным улицам. Тогда извозчики выезжали только на день, так что например клубы, для развоза своих гостей ночью по домами, держали особых извозчиков, обязанных довозить каждого седока за гривенник; это было довольно выгодно, потому что обыкновенно на одну долгушку или сани усаживалось человек по пяти. (Липинский, т. II, стр. 717.)

В настоящее время Симбирские легковые извозчики хотя и не отличаются щегольством, но у большинства из них лошади хорошие, а экипажи почти исключительно рессорные; прежние долгушки, и то в улучшенном виде, остались только у незначительного числа извозчиков, стоящих по окраинам города. Хорошему состоянию этого промысла Симбирске жители обязаны строгому надзору за извозчиками, как со стороны полиции, так и городского управления, которое выдает билеты только лицами, поведение коих одобрено полицией. к 1 января 1898 года в Симбирске было извозчиков: легковых — 389 и ломовых — 755. Сбор в пользу города взимается: с легкового извозчика — 2 руб. 14 коп.; а с ломового — 1 руб. 74 коп., так что эта статья городского дохода немалыми превышает 2000 рублей.

16) Разные акты. Сбор, взыскиваемый нотариусами и судебными установлениями в доход города с разных актов, при их совершении или при предъявлении ко взысканию, в последнее время едва превышает 2000 руб., а в конце 1870-х годов он был значительно выше 5000 рублей.

17) Клеймение мер и весов. За это города получал самый ничтожный доход (от 3 руб. 90 коп. до 117 руб. 64 коп. в год), но и тот совершенно прекратился с 1884 года.

18) Городские весы и меры, находящиеся на базарной и Александровской площадях, дают городу арендной платы, последнее время, по 1400 руб. в год.

19) Аукционная продажа имущества. Этот городской доход, как совершенно случайный, колеблется от 2 до 15 рублей и только в 1879 году он превысил 40 рублей.

20) Доходы мелочные и случайные. Эту статью дохода составляют, главным образом: а) пени по оброчным статьям и по оценочному сбору с недвижимых имущества, б) суммы, выручаемая от продажи разного городского имущества, а также в) плата за право учения детей в городских приходских школах и т. п. Несмотря на случайность таких доходов, большого колебания их не замечается и в общем выводе, за последние года, они составляют сумму около 5000 рублей.

21) Проценты от обращения сумм, поступающих в городскую кассу. До 1897 года в городской кассе находились более или менее крупные суммы, которые, для выгоды, обращались в билеты государственного казначейства (серии), а на текущем счету находились остальные суммы; эти операции составляли, в особенности в 80-х годах, довольно значительный доход, (свыше 6,000 руб.) но истощением средств городской кассы, серии проданы и остается ничтожный доход (около 250 рублей) от сумм, находящихся на текущем счету. (Смета доходов и расходов г. Симбирска на 1898 год, стр. 25.)

22) От прибылей городского общественного банка город получает весьма значительный доход, благодаря блестящему положению дел банка. В начале 80-х годов эта статья дохода составляла более 30,000 рублей, в настоящее же время, при общем упадке городских доходов, она не превышает 14000 руб.

23) Пособия городской кассе из казны, земства и других источников. Эта довольно крупная статья дохода (около 12,000 руб.) составляется, главным образом, из пособий: от казны — на возмещение расходов по расквартированию войск (2500 руб.) и в возврате издержек по взиманию государственного налога с владельцев недвижимых имущества, подлежащих этому налогу (800 руб.) и от земства — на содержание петропавловского спуска (6400 руб.).

8) Расходы города Симбирска.

1) Содержание личного состава Городской Управы и канцелярские расходы. На основании штата, Высочайше утвержденного 17 сентября 1881 года, на содержание городской думы казна расходовала только 643 р. 80 к. Тогда дума находилась в казенном управлении и была подчинена губернскому правлению, которое назначало секретаря (с жалованьем по 171 руб. 60 коп. в год), бухгалтера (жалованье — 143 руб.) и весь остальной штат канцелярии, (уделяя на канцелярские материалы только 68 руб. 64 коп. в год), должности же городского головы и гласных были выборные и без вознаграждения. С введением в действие городского положения 1870 года, содержание личного состава городской управы является одною из самых крупных статей расхода (более 12% всего бюджета) и составляет в настоящее время около 22,000 руб. в год. Городской голова получает 3000 рублей, три члена управы — по 1500 руб., городской секретарь — 1500 руб., городской архитектор — 1200 руб., городской инженер — 500 руб., таксатор, управляющий

заволжским городским имением — 1500 рублей, на канцелярию думы и управы и на канцелярские расходы — 10,500 рублей.

2) Содержание лиц городского управления, не входящих в состав городской управы. к этим лицам принадлежат: а) двое присяжных ценовщиков, получающих по 150 рублей каждый, б) торговая депутация, состоящая из трех лиц — по 300 рублей каждому и в) поверенный города, получающий 940 руб.

3) Расходы по ярмаркам составляют небольшую цифру и состоят их следующих статей: а) на вознаграждение ярмарочной комиссии и ее канцелярии расходуется, последние годы, около 1200 рублей, б) на наем сборщиков городских доходов за места, во время ярмарок — 485 руб., в) вознаграждение полицеймейстеру — 400 рублей и г) на уплату за усиленное окарауливание ярмарочных рядов, во время ярмарки — 300 рублей. Весь расход по ярмаркам не многим превышает 3500 рублей.

4) Содержание сиротского суда. До 1870 года весь расход на содержание сиротского суда заключался в жалованье его письмоводителю, в размере 293 руб. 6 коп. При новом городском положении, штат сиротского суда увеличен и на его содержание первоначально положено было 1000 рублей, но эта цифра, постепенно повышаясь, в настоящее время составляет сумму в 2364 рубля.

5) Расходы по медицинской части. Город Симбирск имеет, одного городского врача и одного ветеринарного врача, которые получают по 800 руб. и при каждом из них состоит фельдшер, с жалованьем по 240 руб. в год. Кроме того, около 1000 руб. расходуется на содержание двух городских акушерок и оспопрививательницы, а также на фельдшера, акушерку и покупку медикаментов для заволжских слобод.

6) Выдача пенсий, пособий и наград. Из городских сумм ежегодно расходуется около 2500 руб. на выдачу пенсий и единовременного пособия бывшим служащим по городскому управлению, их вдовам и сиротам, а также на награды к новому году ныне служащим в канцелярии управы, по найму.

7) Содержание городских зданий и лесов составляет одну из крупных статей расхода в городском хозяйстве, и за последние 12 лет равняется, в среднем выводе, 15,000 руб. в год. В настоящее время городу принадлежат следующие здания: а) дом, где помещается городское управление, б) дом полицейского управления и три дома полицейских частей, в) пожарный сарай с пристроями в слободе Канаву, г) старые казармы, д) пять домов в разных частях города, в которых помещаются городские приходские училища, е) дом на Покровской улице (бывший Языкова), ж) дом на Лосевой улице (бывший Мартышова), з) флигель на Большой Саратовский улице (бывший Алатырцева), и) дом позади Александровского сада, где помещается ассенизационный обоз, і) мытный двор с флигелем, к) ярмарочные ряды и семь лавок в гостинном дворе, л) часовня и караулка на городском кладбище, м) 23 полицейских будки, н) 24 водопроводных будки, о) помещение для собачьяго приюта в Обрезковом саду и п) мельница на реке Свяиге, с флигелем при ней.

8) Уплата по городским займам и обязательствам. На уплату государственного налога и земских повинностей с принадлежащих городу недвижимых имуществ ежегодно расходуется 9722 руб. 69 коп. Кроме того город выплачивает каждый год: а) по 120 руб. Троицкому кафедральному собору, взамен места, находящегося около дамбы, отошедшего в собственность города и б) по 2770 руб. наследникам потомств. почет. гражд. Егорова за купленный у него городом двухэтажный дом по Лосевой улице.

9) На народное образование. До 1870 года из городских сумм расходовалось только 214 руб. 29 коп. в год, на содержание открытого в 50-х годах приходского училища, чем и ограничивались тогда все издержки города на народное образование. С преобразованием же городского управления, этот расход, быстро увеличиваясь, в настоящее время достиг почти 30,000 руб. и составляет первую статью городских расходов (16% всего бюджета). Ныне город расходует на содержание 16-ти городских приходских училищ 20,084 руб. 90 коп. и Городской школы кройки и шитья — 1750 руб.; кроме того из городских сумм ежегодно выдаются пособия: а) классической гимназии, на содержание пригготовительного класса — 400 рублей, б) Мариинской женской гимназии — 2000 рублей, в) городскому трехклассному училищу, на содержание двух параллельных классов — 700 рублей и г) ремесленному училищу графа В. В. Орлова-Давыдова — 1200 рублей. Независимо от сего, город Симбирск имеет своих стипендиатов: а) 23 августа 1871 года дума учредила две стипендии имени Императора АЛЕКСАНДРА II, по 240 руб. каждая, в Казанском университете, в память посещения незабвенным Монархом гор. Симбирска; б) в память бракосочетания герцога и герцогини Эдинбургских, дума постановила, 12 января 1874 года, вносить ежегодно плату за учение пяти воспитанниц Мариинской женской гимназии; в) граждане г. Симбирска пожертвовали на учреждение двух стипендий в Мариинской женской гимназии: 2000 руб., в 1863 году, в память посещения г. Симбирска ныне в Бозе почивающим Наследником ЦЕСАРЕВИЧЕМ Николаем Александровичем и 1000 руб., в 1873 году, в память посещения гор. Симбирска Министром Внутренних Дел, генерал-адъютантом А. Е. Тимашевым и г) 23 июля 1897 года дума определила вносить плату за учение двоих воспитанников (по 35 рублей за каждого) из бедных жителей гор. Симбирска во вновь открытом тогда в Казани промышленном училище.

Наконец, перечисленными выше цифрами не ограничиваются городские расходы на народное образование. Дума выдает еще ежегодные пособия Карамзинской библиотеке — 150 руб., Гончаровской читальне — 500 руб., Ученой Архивной комиссии — 100 руб. и на устройство народных чтений — 200 рублей.

Таковы постоянные расходы города на народное образование. Кроме них, наш город производит единовременные пожертвования на нужды народного образования; так, в 1882 году, — 1000 руб. на стипендию имени генерала Скобелева, в 1883 году — 100 руб. на стипендию имени члена Московского университета Соловьева и в 1885 году — 700 руб. на стипендию имени Н. Д. Маляхинского.

10) Содержание благотворительных и других общепольных заведений. Сюда относятся: содержание городской бесплатной больницы, открытой в память 25-летия царствования Императора Александра II (около 5000 руб.) и ночлежного приюта (около 250 руб.), а также пособия: обществу Красного Креста (300 руб.),

обществу спасания на водах (300 руб.) и на содержание городского детского приюта (2000 руб.). Кроме этих постоянных расходов на благотворительность, городская дума была отзывчива и каждый раз, в исключительных случаях, именно: в 1877 году, во время Турецкой войны; город пожертвовал 25,000 рублей в пользу раненых воинов, в 1878 году — 10,000 руб. на приобретение судов добровольного флота, в 1880 году — 300 руб. на сооружение православного храма у подножья Балкан. Независимо от сего, были сделаны крупные пожертвования в пользу погорельцев: г. Моршанска — 2000 руб. (в 1875 году), г. Оренбурга — 1500 руб. (в 1879 году), г. Буинска — 1000 руб. (в 1881 году), гор. Сенгилея — 1000 руб. (в 1891 году) и 5000 руб. в пользу пострадавших, от пожара 1888 года, жителей города Симбирска.

11) Пособия казне. Эта статья расхода заключается в том, что из городских доходов отчисляется, ежегодно в пользу казны, на содержание: а) чинов городской полиции — 4100 руб., б) центральных управлений Министерства Внутренних Дел - 300 руб. и в) губернского по земским и городским делам присутствия - 650 руб.

12) Расходы по военной части. Прежде городские расходы по военной части составляли довольно значительную сумму, далеко превышая 10,000 руб., хотя в Симбирске никогда не было много войска. Это объясняется тем, что Симбирское население не несло квартирную повинность натурою, а постоянно городское управление нанимало квартиры для воинских чинов и их управлений, так что в Симбирске натуральная квартирная повинность была обращена в денежную, но с тем, чтобы в отправлении воинского постоя участвовали все владельцы имуществ, неосвобожденных от квартирной повинности и соразмерно оценке пмуществ. (Симб. Губ. Вед. 1873 г., № 56) Затем, Высочайше утвержденным 8 Июня 1874 года положением о преобразовании воинский квартирной повинности, все издержки по отправлению воинского постоя и других воинских потребностей, отнесены на счет государственного казначейства, при чем все распоряжения по найму, отоплению и освещению помещений для нижних чинов, штабов и других воинских управлений и заведений возложены были на распорядительные комитеты. С тех пор Симбирская городская управа заведывала лишь делами по квартирному довольствию той части войск, которая помещалась в домах, принадлежащих городским обывателям; вследствие сего городской расход по военной части уменьшился до ничтожной цифры. Однако это продолжалось недолго и 23 мая 1877 года все квартирные оклады были переданы из казны в доход города, почему и все расходы по этой части легли на городскую управу. Такое распоряжение сразу увеличило городской бюджет более чем на 30,000 руб., но не принесло городу большого дохода; а затем, когда казна построила в Симбирск казармы на северной окраине города, то городские расходы по военной части опять пришли в прежнюю норму. В настоящее время эти расходы несколько превышают 4000 руб., но более чем на половину возмещаются пособием, получаемым городом на сей предмет из казны.

13) Содержание тюрем. На основании 5 пун. 138 ст. городского положения, из городских доходов ежегодно отпускается около 2000 руб. на отопление и освещение в г. Симбирске губернской и центральной женской тюрем.

14) Содержание полиции. По штатам 1831 года, Симбирский полицеймейстер получал от города 343 руб. 20 коп. ассигн., при готовой квартире, (кроме 1200 руб. казенного жалованья), а квартальные надзиратели — по 85 руб. 80 коп. и на квартиру — по 42 руб. 90 коп. (кроме 300 руб. казенного жалованья); на канцелярию полиции полагалось 1693 руб. 30 коп., а содержание полицейской команды обходилось в 2003 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп. (будочник получал по 1 руб. в месяц), так что весь расход города на полицию составлял около 5500 руб. (Роспись на 1858 год (Симб. Губ. Вед. 1858 г., № 16). Это продолжалось до 1870 года, когда с введением в действие нового городского положения, полиция была преобразована и город стал расходовать на ее содержание в пять раз больше прежнего. В настоящее время полиция стоит городу Симбирску около 22,000 руб. в год. На разъезды выдается, согласно постановлению думы от 31 августа 1879 года, полицеймейстеру — 1500 руб., троим приставам — 1050 руб., помощнику пристава за Волгой — 200 руб. и пяти помощникам приставов — 500 руб. Кроме того, по постановлению думы от 6 марта 1892 года, отпускается на фураж: полицеймейстеру — на 4 лошади, троим приставам и помощнику пристава за Волгой — на 2 лошади каждому. Что касается до квартирного довольствия, то полицеймейстер, пристав и помощник пристава за Волгой, с их канцеляриями, помещаются в городских зданиях, занятых, вместе с тем, пожарною командою и полицейскими служителями, не размещенными по будкам, а пять помощников приставов получают по 120 руб. квартирных денег. Полицейская команда состоит из 44 старших и 73-х младших служителей, с содержанием: первые - по 180 руб., а последние — по 144 руб. в год; кроме того 16 служителей получают добавочное содержание по 4 руб. в месяц.

5) Содержание пожарной команды обходится городу несколько дороже, чем содержание полиции. Брантмейстер получает 900 руб., при готовой квартире, с отоплением и освещением; 4 старших служителя — по 180 руб., а 88 младших — по 120 руб. На покупку и содержание пожарных лошадей расходуется свыше 5000 руб., на ремонт и содержание обоза до 2000 руб.; кроме того, на содержание помещений для пожарных служителей, на обмундирование их и другие расходы полагается до 1200 руб. в год. В течении шести летних месяцев пожарный обоз

усиливается 15-ю бочками, что увеличивает расход на 850 руб. Таким образом весь ежегодный расход на содержание пожарной команды составляет сумму свыше 25,000 рублей.

16) Устройство и содержание улиц составило значительный городской расход только после пожара 1864 года, раньше же этого, как мы видели выше, городское управление очень мало обращало внимания на благоустройство улиц и ежегодно расходовало на это не более 600 — 700 руб. По смете 1831 года ассигновано было только на поддержание "Петропавловскаго взвоза", а об устройстве других улиц вовсе и не думали. (В 30-х годах нынешняго столетия Симбирск и Саратов считались самыми неопрятными городами по Волге. В 1840 году Симбирский Гражданский Губернатор довел до сведения Министра Внутренних Дел, что в Симбирске издавна существует обыкновение выпускать коров на улицу, как бы на пастбище, от чего, кроме нечистот и "помешательства в езде, происходили несчастные случаи. Хотя к прекращению такого беспорядка, со стороны городской

полиции были принимаемы меры, но все распоряжения оставались недействительными и коровы собирались на улицах стадами.

О таком "безобразии, несовместном с благоустройством губернского города" Министр Внутренних Дел входил с представлением в Комитет Министров и 17 июня 1841 года состоялось Высочайшее повеление: "во уважение изъясненных Симбирским Гражданским Губернатором затруднений к прекращению беспорядка, происходящего от выпускаемых на улицы коров, по примеру города Саратова, допустить и в Симбирске взыскание с хозяев, в пользу городских доходов, штрафа, за бродящий по улицам скот, в следующем размере: с крупного — по 10 копеек, с мелкого — по 2 копейки серебром со штуки, удваивая сей штраф каждый раз, когда хозяин подвергается оному снова". (Второе полн. собр. зак., т. XVI, ст. 14660). Весьма характерен указ Царя Петра от 9 апреля 1699 года "о соблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякаго помету на улицы и переулки.

Этот указ, являющийся первою правительственною мерою для уничтожения бывшей в то время чрезвычайной неопрятности на улицах, гласит еледующее: "на Москве по большим улицам и по переулкам, чтоб помету никакого и мертвечины нигде, ни против чьего двора не было, а было б везде чисто; и о том указал Великий Государь сказать на Москве всяких чинов людям. А буде на Москве всяких чинов люди кто станут по большим улицам и по переулкам всякий помет и мертвечину бросать, и такие люди взяты будут в земский приказ и тем людям за то учинено будет наказанье, бить кнутом, да на них же взята будет пеня. (Полн. собр. зак., т. III, ст. 1685). С введением в действие городского положения 1870 года, ремонт и вообще приведение в порядок городских улиц, составляет одну из крупных статей расхода. Так, на этот предмет израсходовано было: в 1872 году — 11,699 руб. 37 1/2 коп., в 1877 году — 24,147 руб. 79 1/2 коп., в 1878 году — 26,350 руб. 43 к., а в 1879 году — 29 058 руб. 3 коп. Благодаря этому, теперь немощенных или нешоссированных улиц осталось в городе очень не много. Усиленная поливка городских улиц в летнее время, введенная последние три года, много способствует благоустройству города, значительно уменьшена пыль.

17) Содержанье садов и бульваров. Город имеет постоянного садовника, получающего 360 руб. в год, нанимает на летнее время 6 человек караульщиков, платя им по 288 руб. и расходует ежегодно 500 рублей на ремонт и содержание садов и бульваров.

18) Освещение города. Правительство приняло на себя обязанность освещать улицы городов только в половине 18-го столетия; до того времени это считалось роскошью и предоставлялось вполне усмотрению самих городских жителей; каждый домохозяин имел право освещать улицу, около своего дома, как ему было угодно. (однако, редко кто из домохозяев пользовался таким правом и не ради экономии, а главными образом, не находя в этом надобности ни для себя, ни для других, так как наши предки ложились спать очень рано, почему, вскоре же по наступлении сумерек, город уже спал крепким сном, погруженный в совершенную темноту до разсвета.

Почин в этом деле был сделан в столицах. Указом Императрицы Анны Иоановны, от 22 ноября 1730 года, (Полн. собр. зак., т. VIII, ст. 5650.) повелено было: "в Москве, на больших улицах, для зимних ночей, поставить фонари на столбах, на

казенный счет и в тех фонарях зажигать масло конопляное, и быть в них огню до полуночи; а пока оные столбы и фонари будут сделаны, объявить на Москве, чтобы в те дни, когда от двора Ея Величества приказано будет, всяких чинов люди, которые по всем большим улицам дома свои имеют, те-б в окнах, по улице, ставили и зажигали свечи, по три и по четыре, а в малых по две; и гореть тем свечам до окончания полуночи. 22 апреля 1770 года, генерал-полицеймейстер г. С. Петербурга Чичерин доносил (Там-же, т., ст. 13451.) Императрице Екатерине II, что на сумму, отпущенную на построение фонарей для освещения улиц гор. С. Петербурга, поставлено 1257 фонарей и еще предположено к разстановке 1000 фонарей, но при этом встречено недоразумение в том, что "для чищения тех фонарей и зажигания в оных лампадов нет при полиции достаточного числа людей, почему "принуждено зажигать фонари только в 1-й части здешняго города и на знатных улицах, в прочих же частях и улицах, по неимнию людей к зажиганию фонарей, оные фонари хотя и разставлены, но от них пользы городу нет. Для устранения такого неудобства, установлен был, для Петербурга, особый штат фонарщиков, в 100 человек, комплект которых наполнялся ежегодно при рекрутских наборах; каждый фонарщик получал жалованья по 18 руб. в год, да на содержание фонарей "починкою, маслом и светильнями, отпускалось ему по 1 р. 20 к. в год на фонарь. Когда начали освещать фонарями улицы гор. Симбирска — неизвестно.

По смете расходов на 1831 год положено иметь в Симбирске 375 фонарей; однако в 1840 году их было только 250; они зажигались, в течении 8 месяцев, только до полуночи и на освещение их расходовалось 18 пудов сурепнаго масла, за все время. (Симб. Губ. Вед. 1840 г., № 42.) В течение последующих 15 лет, освещение Симбирских улиц улучшилось очень немного. Из росписи на 1856 год (Тоже 1856 г., № 31.) видно, что число фонарей, с 1840 года увеличилось только на восемь, но из общаго числа 258 фонарей, 140 пришли в совершенную ветхость, вместо которых в следующем году построены были новые, по образцу, присланному из Петербурга. Пресловутое "сурепное масло еще в 1853 году заменено, по предписанию Министра Внутренних Дел, спирто-скипидарною жидкостью, причем было прислано руководство как составлять такую жидкость; с тех пор фонари стали гореть светлее, но и городские расходы на сей предмет сразу поднялись до 1847 руб. 20 коп. (Роспись г. Симбирска на 1857 год. Симб. Губ. Вед. 1857 г., №№ 22 — 25). В 1861 году у нас было 302 фонаря, которыми освещались только четыре главных улицы (Большая Саратовская, Дворцовая, Московская и Покровская), Карамзинская площадь и Петропавловский спуск. (Липинский, т. II, стр. 717.) После пожара 1864 года освещение города стало постепенно улучшаться, так что при введении в действие городского положения 1870 года, в Симбирске было уже 400 фонарей, освещавшихся, с 1869 года, керосином и которые зажигались ежедневно, в течении целаго года, а не только восьми месяцев и горели всю ночь, а не только до полуночи. Новая городская дума прибавила, в 1872 году, 50 фонарей на одну лишь Б. Саратовскую улицу, которая до того времени освещалась 18-ю фонарями. (Роспись на 1876 год. (Симб. Губ. Вед. 1876 г., № 41). В постоянных заботах об улучшении внешнего благоустройства города, городская дума не оставляла без внимания вопрос об освещении города и постепенно увеличивая число уличных фонарей, довела их в настоящее время до 900,

(С 1880 г. в Симбирске было 500 фонарей (роспись на 1881 г.).

1883 г.	600 (роспись на 1884 г.).
1885 г.	616 (роспись на 1885 г.).
1887 г.	620 (Журн. Думы 19 ноября 1886 г.).
1888 г.	670 (Журн. Думы 30 октября 1887 г.).
1890 г.	690 (Журн. Думы 29 ноября 1890 г.).
1895 г.	900 (роспись на 1895 г.).

" " " на освещение которых расходуется 7513 руб. 68 коп. Наравне с этим, два раза возбуждался вопрос об устройстве в Симбирске газового освещения, но надо сознаться, оба раза об этом были только одни разговоры: первый раз, в 1868 году, губернатор граф В. В. Орлов-Давыдов, изыскивая средства для устройства в Симбирске водопровода, предполагал, одновременно с этим ввести, в городе и газовое освещение; (Симбирский сборник 1870 года, т. II, отд. 2,) второй раз, в 1877 году, в одном из заседаний городской думы было отложено обсуждение вопроса об увеличении числа фонарей в городе, вследствие заявления городского головы Н. Д. Маляхинского о том, что им, в скором времени, представлено будет на рассмотрение думы предложение об устройстве в Симбирске газового освещения; (Роспись на 1878 год (Симб. Губ. Вед. 1878 № 62.) однако, подобного предложения вовсе не последовало. Такие же результаты оказались и при возбуждении в 1893 и 1895 годах вопроса об электрическом освещении города; собранные городской управою сведения выяснили, что устройство электрической станции на 500 ламп, по 16 свечей, при готовой водяной силе в 50 лошадиных сил и при освещении только некоторых улиц, в количестве 266 ламп, обойдется в 33,609 рублей, а дальнейший ежегодный расход — в 5055 руб; (Журн. Думы 19 апреля 1895 года. стр. 63. г., № 62). но в виду полного отсутствия у города свободных сумм, вопрос этот до настоящего времени остается открытым.

19) Строительная часть. Этот расход, заключающийся в постройке новых и ремонте старых городских зданий, представляется весьма неравномерным, потому что зависит от различных случайностей, а главным образом от наличных средств города. Так, в 1877 на этот предмет было израсходовано 4946 руб. 29 коп., а в 1880 году — 34,566 руб. 10 коп., потому что в тот год ремонтировался дом городского общества и строился новый корпус лавок на базаре; в 1883 году — 8552 руб. 45 коп., а в 1885 году — 33 157 руб. 56 коп., из которых на ремонт одних только деревянных казарм израсходовано было 20,573 руб. 55 коп. Последние два года эта статья расхода, по скудности городской кассы, не вносилась даже в роспись. ("Историч. обзор 25-летней деятельности Симб. город. обществен. управления, стр. 43 и 45.)

20) Мельница на р. Свяге. Эта мельница существует давно, но точных сведений о времени ее постройки не имеется. В 1838 году она была значительно отремонтирована (Симб. Губ. Вед. 1839 г., № 25.) и после того сдана в аренду купцу Крылову, (Журн. Думы 27 августа 1886 года.) от которого перешла к купцу Ф. В. Красникову, с 1 ноября 1861 года, сроком на 24 года, по 3000 руб. в год. (Симб. Губ. Вед. 1876 г., № 41.) В 1887 году город принял мельницу от Красникова в таком виде, что за дальнейшее арендование ее предлагали только 800 руб., в виду чего дума поручила городской управе эксплуатировать мельницу хозяйственным способом, (Журн. Думы 3 декабря 1886 года.) но весной-же 1887 года мельничную плотину размыло и ремонт ее обошелся в 1604 рубля 67 коп. (Тоже, 12 июня 1887 года.)

Одновременно с этим, возник, по инициативе общества врачей, вопрос о совершенном уничтожении плотины городской мельницы, так как существование образовавшегося вследствие плотины пруда в Свияге признано вредным в санитарном отношении. С этим вполне согласились городская исполнительная санитарная комиссия и подготовительная комиссия по водопроводному делу, которая, по предложению городской управы, дали заключение, что уничтожение плотины крайне желательно для улучшения качества свияжской воды и вполне возможно без вреда для городского водопровода. (Журн. Думы 27 августа 1886 года.)

Однако городская дума 27 августа 1886 года постановила: вопрос о существовании мельничного пруда оставить открытым. Затем, в 1893 году Симбирское управление. общественными работами построило новую деревянную разборную плотину, с приспособлениями для пропуска льда и спуска воды, израсходовало на это 20,000 рублей, но по наступлении весеннего разлива Свияги, в 1894 году, эту плотину почти всю разломало (Тоже, 4 мая 1894 года.) и город возбудил ходатайство пред правительством о выдаче пособия на ее исправление. 27 декабря 1896 года последовало Высочайшее соизволение на ассигнование 15000 руб., в пособие городу, на починку плотины. (Тоже, 6 марта 1897 года.) Благодаря отсутствию аренды и очень частому ремонту, городской доход от эксплуатации мельницы значительно сократился и некоторые года доходил до ничтожной суммы; так, в 1888 году город получил с мельницы 200 руб., в 1889 году — 318 руб. 80 коп., а в 1893 году — 11 руб. 77 коп. Точно также и в последующие года, хотя доходы с мельницы значительно увеличились, тем не менее расходы на ее содержание превышают доходы, так что городская мельница работает себе в убыток. (Историч. очерк 25-летней деятельности Симб. город, управления, стр. 23 и 47).

21) Расходы по санитарной части. Сюда относятся: а) расходы по предупреждению и прекращению эпидемических болезней, на каковой предмет город тратит, в течении последних десяти лет, около 1000 руб. ежегодно, а в 1892 году, во время холерной эпидемии, этот расход достиг суммы в 23,437 руб. 59 коп., б) наем караульных для наблюдения за опрятным содержанием городских общественных ретиратов и за правильною свалкою нечистот в отведенных для сего местах, на что город расходует 700 руб. и в) меры к истреблению бродячих по городу собак, между которыми нередко попадаются бешеные. Практиковавшийся прежде в Симбирске способ истребления бродячих по улицам собак, посредством разбрасывания пилюль, содержащих ядовитые вещества, в 1892 году воспрещен и взамен его Министерством Внутренних Дел предложено было озаботиться организацией правильной ловли бродячих собак петлями, сетями или щипцами и пойманных таким образом животных, направлять, в особо приспособленных для этой цели крытых фургонах, в надлежащая изолированные помещения, где собаки могли бы быть, в случае надобности, умерщвлены возможно скорым и не мучительным для них способом. В виду этого, городская дума организовала артель ловчих, выработала для них особую инструкцию, приспособила помещение для приюта собак в городском здании, за исправительным арестантским отделением (В 1898 году собачий приют, переведен в Обрезков сад.) и заготовила инструменты для ловли и фургоны для отвозки собак в приют. (Журн. Думы 21 февраля 1896 года.)

Правила об истреблении собак введены в действие в 1896 году и с тех пор, город ежегодно расходует на этот предмет до 300 рублей.

22) Расходы на разныя городския надобности. Сюда причисляются: а) постоянные мелкие расходы по городскому хозяйству, которые не могут быть отнесены к приведенным выше статьям: как например: устройство помостов и амвонов для молебствий (100 руб.), плата за заводку городских часов на Вознесенской колокольне (100 руб.), заготовление извозчичьих значков (125 руб.), содержание на р. Свяге плота для водовозов и теплой платьемойни (180 руб.) и проч. и б) чрезвычайные расходы по каким либо экстренным обстоятельствам, например: празднование священнаго Коронования Их Императорских Величеств (6008 руб.), и столетия крещения России (220 руб.), встречи и проводы Калужскаго полка (6153 руб. 10 коп.) и т. д. Последнее время подобные расходы составляли цифру около 10,000 рублей ежегодно.

Городской водопровод

Совершенно отдельное место в смете городских доходов и расходов занимает городской водопровод. Хотя гор. Симбирск расположен на узком пространстве между двумя реками, Волгой и Свиягой, тем не менее городские жители страдают недостатком хорошей воды для питья. До развития на Волге пароходства, жители подгорной части гор. Симбирска пользовались волжскою водою, которая тогда была более вкусною и здоровою, чем свияжская вода; (*Липинский, т. II, стр. 717.*) в настоящее же время подгорные жители употребляют грязную волжскую воду только в крайних случаях, предпочитая ей жесткую известковую колодезную воду из местных родников. В другой окраине города, в „кирпичных сараях“, где до Волги и до Свияги очень далеко, куда водопровод провести крайне затруднительно, а местных колодцев почти нет, жители пользуются зимою снегом, в изобилии лежащем в многочисленных просторных ямах, сохранившихся от уничтоженных кирпичных заводов, а летом — дождевою водою, так что в безснежную зиму и летнюю засуху, обитатели кирпичных сараев сильно бедствуют от недостатка воды. Счастливое исключение, в этом отношении, составляет южная окраина гор. Симбирска, слобода Туть, расположенная на самом берегу р. Свияги, где глубина реки достигает наибольших размеров, почему здесь никогда не бывает недостатка в хорошей воде, тем более, что в слободе имеется, кроме того, большой колодезь с прекрасною водою.

Отсутствие хорошей воды и вообще недостаток ея в городе, давно уже породили мысль о необходимости устроить водопровод. Первый проект водопровода в Симбирске был составлен бароном Дельвигом еще в 1781 году и повторен в 1788 году, (*Симб. Губ. Вед. 1851 г., №№ 14 — 22.*) но вследствие значительных расходов на этот предмет, осуществление проекта оказалось невозможным для города. В половине нынешняго столетия снова поднялся вопрос о водопроводе и с 1850 года составлено было несколько проектов, сущность которых заключалась в том, чтобы провести воду из р. Свияги и из ключей озера Маришки, посредством паровой машины, в бассейны, поставленные внутри города. (*Памятная книжка Симбирский губ. 1862 — 1863 г.г. Отдел разных известий, стр. 27.*) Так, по проекту 1854 года, предполагалось произвести работы в течении трех лет (начать с 1 мая 1855 года и окончить к 1 августа 1858 года) и стоимость всех работ, за исключением труб и машин, исчислена была в 46,884 руб. 56 1/4 коп. (*Симб. Губ. Вед. 1854 г., № 11.*) Однако, проект этот остался без исполнения и повторенный в 1857 году, тоже не получил осуществления. (*Тоже 1856 г., № 46.*) Вслед за сим, в 1859 году, последовал новый проект, уже более грандиознаго водопровода: предполагено было устроить в городе три бассейна: на дворе городской больницы, у здания театра и у гостиннаго двора; но так как на все сооружения такого водопровода, по смете, исчислено было 69,185 рублей и кроме того, ежегодно на ремонт и содержание водопровода требовалось 7500 рублей, то, в виду столь значительнаго расхода, правительство (губернская строительная и дорожная комиссия) предложило самому городу обсудить вопрос о возможности устройства водопровода и городская дума отклонила это предложение за неимением средств у города, при настоятельной необходимости многих других капитальных сооружений. (*Памятная книжка на 1862 и 1863 г.г., стр. 27.*)

Наконец, в 1861 году, устроен был водопровод, весьма небольшой и исключительно только с пожарными целями, из озера Маришки во вторую полицейскую часть, на Казанском выезде; израсходовано было на него почти 3000 руб., но по освидетельствовании оказалось, что бассейн вмещает в себе лишь 756 ведер и после выкачивания пополняется весьма медленно (в полчаса только 47 1/3 ведер, *(Там-же.)*) так что, не смотря на значительные, сравнительно, затраты, этот водопровод не оправдал ожиданий. С тех пор город ограничился лишь устройством больших, неуклюжих, чанов на кирпичных столбах, сохранившихся и до настоящего времени, в некоторых местах по окраинам города. Устройство этих чанов город особенно усиленно занялся после большого пожара 1864 года. В период времени с 1865 по 1871 год было поставлено, для пожарных случаев, в разных местах города, 25 чанов, вместимостью от 4 до 8 тысяч ведер, которые, в течении всего лета, наливались водою; на ярмарочной площади были устроены два колодца с калифорнскими насосами, а в овраге р. Симбирки, близ Большой Конной улицы и около Тихвинского спуска, резервуары наполнялись водою из ближайших источников; при резервуаре на Тихвинском спуске устроен был небольшой фонтан. *(Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 21.)*

Устройством настоящего водопровода г. Симбирск обязан бывшему губернатору, графу В. В. Орлову-Давыдову. Благодаря его заботам, одна из самых насущных потребностей для Симбирска наконец-таки получила осуществление. Прежде всего был образован отдельный капитал, достаточный для исполнения этого предприятия; капитал составил из следующих сумм: 1) еще в 1853 году, с разрешения Министра Внутренних Дел, из городского запасного капитала отчислено 14,344. руб. 89 коп., на осуществление возникших тогда проектов водопровода, 2) в 1864 году отчислено, из сумм государственного казначейства, 35,000 руб. на издержки по улучшению пожарной части и 3) по Высочайше утвержденному 7 июля 1868 года положению комитета Министров, 40,232 руб. 54 коп., оставшейся от суммы, пожертвованной для раздачи лицам, пострадавшим в пожар 1864 года, обращены были на устройство водопровода. *(Роспись доходов и расходов г. Симбирска на 1876 год.)* Эти суммы, с накопившимися на них процентами, составили, к 1869 году, капитал свыше 100,000 руб., вполне достаточный для того, чтобы приступить к сооружению водопровода. По сделанному городом вызову, известные инженер-технологи братья Струве (собственники Коломенского машино-строительного завода), приняли на себя устройство водопровода из р. Свияги и заключили с городом, 21 августа 1869 года, контракт, в силу которого обязались окончить это сооружение в двух-годичный срок.

В течении означенного времени, они а) устроили на берегу р. Свияги, близ водоприемника, на отведенном городом месте, против Покровский улицы, особое каменное здание, где помещаются: фильтр, очищающий воду и паровые машины, передающая эту воду по трубам в главный резервуар, из которого она затем уже расходится по всему городу. Первоначально предполагалось устроить здание для резервуара на площади, против церкви Ильи Пророка, но затем было избрано другое, более высокое в городе место, с тем расчетом, чтобы высота резервуара вполне соответствовала назначению подъема воды из него в верхние этажи городских зданий; в силу этих соображений водопроводная башня построена на венце, у Владимирского сада; б) проложили трубы по улицам города, на протяжении 3500 саж., и в) по направлению линии водопровода, устроили, в определенных

контрактом местах города, восемь простых разборных колодцев, столько-же разборных колодцев с пожарными кранами и кроме того, восемь простых кранов, предназначенных собственно для пожарных случаев.

В силу контракта, братья Струве строили водопровод на свой счет, получив лишь от города в ссуду 90,000 руб., которые обязаны были возратить уплатою 6% в течении 40 лет и в продолжении этого срока им предоставлено было право эксплуатировать водопровод, а затем сдать городу его в должной исправности. (*Симбирский сборник 1870 года, стр. 107.*) Таким образом город приобретал капитальное сооружение, по истечении определенного срока, сохраняя все назначенные для сего капиталы, которые предполагалось употребить, впоследствии, на дальнейшее расширение водопровода. 5 июня 1872 года состоялось открытие водопроводных разборных колодцев, с построенными при них, от города, будками; по этому случаю было совершено на соборной площади торжественное молебствие. (*Симб. Губ. Вед. 1872 г. № 43.*) Однако, с устройством водопровода, Симбирские жители все таки не получили хорошей воды; это объясняют отчасти неправильным устройством фильтра, отчасти неудачным выбором места для постановки водоприемника в р. Свяге, очень близко к городской мельничной плотине, значительно задерживающей течение воды. В 1885 году санитарная комиссия, образованная для принятия предупредительных мер на случай появления в Симбирске холеры, таким образом охарактеризовала свияжский пруд, из которого берет воду водопровод: «он представляет стоячее озеро, имеющее лишь верхнее, узкое течение, между тем как самая значительная масса воды в нем не меняется, исключая времени водополюя.

Все, что приносится с значительной части города во время дождей, все стекающее из заводов, (*Рядом с водоприемником, на берегу р. Свяги, находится винокурный завод купца Сусоколова и общественные купальни, а несколько выше по течению — пивоваренный завод купца Сачкова.*) остается в котловине пруда и не находит отсюда выхода. Кроме того, весной весь лед, со всеми находящимися на нем нечистотами, садится на дно пруда и увеличивает собою ежегодно и без того огромный слой ила, образующий дно пруда. Во время весеннего разлива, в течении по крайней мере трех недель, мы пьем, вместо чистой речной воды, густой раствор навоза, не успевшего еще осесть на дно пруда. (*Симб. Губ. Вед. 1885 г., № 27 — 30.*) С первых же дней открытия водопровода начались различные пререкания, а затем и судебные процессы между строителями, братьями Струве и городским управлением, отказывавшимся принять водопровод, считая постройку его неоконченною. (*„Историч. обзор 25-летней деятельности Симб. город. обществ. управления“, стр. 10.*) Наконец, после долгих споров, дело окончилось в 1890 году мирною сделкою, в силу которой город приобрел водопровод в собственность, уплатив строителями его, братьям Струве, 159,781 руб. 78 коп. (*Яблоком раздора был фильтр и плотина городской мельницы. Городское управление справедливо признавало, что устроенный контрагентами фильтр не удовлетворяет своему назначению, так как сделан неправильно и представляет из себя ничто иное, как простую яму, да к тому же стены этой ямы пропускают значительное количество грунтовой воды, а дно ее чрезмерно возвышено. (Журн. Думы 13 марта 1887 года). Струве font-family: "Times New Roman">не менее справедливо утверждал, что все затраты на новый фильтр не принесут никакой пользы и составят непроизводительную трату денег, если не будет снесена мельничная плотина. (Там-*

же). Это же доказывал и врач С. Н. Яковлев, производивший химический анализ воды в мельничной запруде, где помещен водоприемный колодезь водопровода. (Симб. Губ. Вед. 1894 г., № 60).

Наконец автор последнего проекта коренного переустройства водопровода Алтухов, в основу своего проекта, положил непременно уничтожение городской плотины и вычислениями доказал полную возможность этого. (Там-же). По принятии водопровода в свое заведывание, городское управление нашло его несоответствующим потребностям населения города, почему пригласило инженера С.-Петербургских водопроводов Алтухова осмотреть водопровод и составить проект коренного его переустройства, соображаясь с действительной надобностью. Такой проект составлен, стоимость работ по нем исчислена в 424,299 руб. 38 коп., и городское управление уже приступило к выполнению проекта по частям: приобрело значительную партию чугунных труб (на 41,777 руб. 15 коп.) разных размеров, устроило в 1895 году, на северном выгоне, запасный напорный резервуар, вместимостью в 75 тысяч ведер (на 20,680 руб. 51 коп., (Там-же.) но по всей вероятности, еще не скоро городское население будет праздновать исполнение самой главной части коренного переустройства водопровода — возможность получать чистую связную воду. Чтобы пособить этому, в 1896 году, по инициативе бывшего городского головы А. Д. Сачкова, приступлено было к бурению артезианского колодца близ городской водокачки; но это доброе начинание дало печальные результаты: буровая скважина доведена до глубины 123 сажень, на что город израсходовал более 7500 рублей, а воды не оказалось. (Журн. Думы 26 августа 1896 года.)

Общественная жизнь в старину

История общественной жизни в Симбирске за первую половину настоящего столетия есть, прежде всего, история Симбирского дворянства. Развитие этой жизни, под влиянием дворянской среды, оставило видный след на характере созданных в то время учреждений, благодаря той сословной солидарности, которая служила отличительной чертой тогдашнего дворянского общества. Дворянству город обязан учреждением больницы, гимназического пансиона, Карамзинской библиотеки, постройкою летнего собора и основанием многих обществ, положивших начало местной благотворительности. Общность интересов местного дворянства, призванного законом к службе у себя, в губернии, и полное единодушие, при материальной обеспеченности, доставили ему в то время большое значение в вопросах внутреннего распорядка.

Общая дружба, скрепленная близким родством особенно отличали Симбирское дворянство и придавали ему огромную силу. Если когда действия кого либо из их среды были очевидно неправильны, то все общество, даже иногда в ущерб справедливости, принимало все меры к тому, чтобы как нибудь оправдать поступок виновного и вообще выгородить его; если же случалось кому нибудь из них быть обиженным, то гнев всего сплоченного общества обрушивался на виновника. Влияние этого единодушия рельефнее всего выразилось, в 30-х годах, на отношениях Симбирского дворянства к трем губернаторам: Загряжскому, Жиркевичу и Хомутову и имело результатом переход этих губернаторов в другие губернии, единственно (по крайней мере по отношению к Жиркевичу и Хомутову) по той причине, что они не могли ужиться с Симбирским дворянством. Загряжский был очень недурен собою, строен, всегда щеголь, воспитания светского, хороший актер и неисправимый ловелас. Избалованный дешевыми победами, он задумал устроить интригу с дочерью одного из наиболее уважаемых лиц Симбирского общества, и даже, как говорят, ходил к ней на свидание, нарядившись старухой, причем так хорошо загримировался, что сам отец, встретив случайно эту старуху, не узнал кто она и указал ей как пройти к дочери. Сам же виновник начал хвастаться своею мнимой интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось против него; стали грозить ему общим скандалом и даже кулачною расправою. Положение Загряжского, не только как губернатора, но и как человека, оказалось невозможными он должен был, далеко не почетно, удалиться из Симбирска. („*Воспоминания Э. И. Стогова*“ („*Русская Старина*“, 1878 г., Декабрь, стр. 647). Его сменил Жиркевич — совершенная противоположность Загряжскому во всех отношениях. Каким образом явился Жиркевич в Симбирске — никто этого не видал. Все как то вдруг узнали, что новый губернатор уже занимается делами. Жиркевич был типом прекрасного губернатора Николаевского времени. Он был высокого роста, красив, но лицо его имело не только серьезное, а суровое выражение; всегда очень вежливый, он, при малейшей несправедливости, выходил из себя и всплыв, уже не знал границ гнева. Много ходило рассказов по городу, как он гнался до крыльца за советником, или как собственноручно вытолкал из своего кабинета, архитектора. По рассказам современников (*Там-же, стр. 656.*) Жиркевича полюбить было очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его деятельности, его безкорыстия; он весь отдался службе; для него общества не существовало. При таких условиях Жиркевич не мог понравиться Симбирскому

дворянству, которое привыкло видеть в губернаторе члена своего общества. Они друг друга сторонились; а при таких отношениях конечно достаточно было самого ничтожного повода, для полного разрыва, и такой повод не замедлялся. В то время приводилось в исполнение Высочайшее повеление о передаче казенных крестьян в удельное ведомство. По этому поводу у Жиркевича возникли недоразумения с управляющим удельною конторою, местным дворянином А.В. Бестужевым и результатом этого столкновения был перевод Жиркевича в Витебскую губернию. Хотя правда и справедливость были безусловно на стороне Жиркевича, но он должен был уступить дружному заступничеству Симбирского дворянства. (*„Записки И. С. Жиркевича «Русская Старина», 1878 г., июль, стр. 416 — 422*).

Приехал в Симбирске новый губернатор, Иван Петрович Хомутов, человек вполне светский, любезный, веселый, но и у него вскоре, произошел разрыв с обществом, и причиной этому была губернаторша: особа маленькагороста, горбатая, но зато урождеиная Озерова, дочь зиамениаго в то время сочинителя трагедий. Она как-то неосторожновысказала, что для нея мелко Симбирское общество, что она, порождению своему, привыкла быть в высшем аристократическом кругу. Этого было достаточно, чтобы от нея отвернулось Симбирское общество, где не мало было и своих фамилий, носивших известныя имена: Карамзины, Тургеневы, Языковы, Дмитриевы и другие, а потому — что для них Озеров! Причина, оскорбившая Симбирских дворян, оказалась важиою и глубокою. Хомутов, узив это, смеясь сказал: „бабьи сплетни, я дам хороший бал и помиримся". Действительно бал был назначен, приглашения разосланы и кроме того Хомутов сам сделал визиты приглашенным. В назначенный день вечером, губернаторский дом блистал огнями; играл полный оркестр музыкантов; стол был накрыт для ужина на 80 персон, а гостей нет. В 10 часов услышали, что едут кареты; хозяйева засуетились встречать гостей, но кареты проехали мимо; не много погодя опять едут кареты — и опять мимо; то и дело стали ездить кареты, но все мимо губернаторскаго дома. Прошла полночь — а из гостей хоть-бы кто показался... На другой день выяснилось, что мимо губернаторскаго дома нарочно ездили пустыя кареты. Такая злая насмешка доказала, что разрыв общества с губернатором и непримирим, и менее чем через год, Хомутова перевели в Вятку. (*„Воспоминания Э. И. Стогова «Русская Старина», 1878 г., Декабрь, стр. 699 и 700*). В то время в Симбирск жило много почтенных и образованных семейств, сыновья служили преимущественно в кавалерии, некоторые в гвардии, и каждую зиму приезжали к родным, а дочери находились при родителях, пока не выходили замуж, в большинство случаев, за кого либо из своих-же молодых помещиков, так что Симбирские дворяне чуть ни все перероднились между собою, а это, конечно, еще более способствовало к упрочению между ними полного единодушия. Позимам безпрестанно бывали балы, обеды, катанья, так что не доставало дней в неделе, чтобы удовлетворять гостеприимных хозяев. Тогда Симбирские дворяне не вели счетов своим деньгам, и жили в полное удовольствие, так что Симбирск вполне заслуживал наименование дворянскаго города.

В блестящее царствование Императрицы Екатерины II, Симбирское дворянство не уступало дворянству других губерний роскоши и блеску, стараясь перещеголять друга друга. Такое повсеместное стремление к роскоши, замечавшееся, главным образом, между дамами, послужило поводом к изданию интереснаго указа от 23

октября 1782 года (*Полн. собр. зак., т. XXI, ст. 15556.*) о том, „чтобы все придворные дамы на платьях их никаких накладок из разных лоскутов сделанных, или ширедвух вершков, не носили; а на голове уборы носить не выше двух вершков, разумея от лба, наблюдая более простоту и умеренность в образе одежды". Одновременно этим, 24 октября 1782 года, Генерал-Прокурор по словесному повелению Императрицы, разослал всем Генерал-Губернаторам указ (*Там-же, ст. 15557.*) „к сбережению собственного их (дворяне) достатка на лучшее и полезнейшее и к отвращению разорительной роскоши", о дозволении дворянству обоего пола носить платье таких цветов, которые каждой губернии присвоены „стем, что могут они в таковом, одинаковом платье иметь приезд и в столицах во все публичные места и ко двору Ея Величеств". При определении цветов для платья, вся Российская Империя была разделена на три, полосы и каждой из них был присвоен свой особый цвет, с небольшими отступлениями, в подробностях, для губерний, в отдельности. Северная полоса (14 губерний) — кафтан светлосиняго сукна; средняя полоса (23 губернии) — кафтан Красный; полуденная полоса (4 южных губернии) — кафтан темновишневым. Симбирское наместничество входило в среднюю полосу и имело „красный кафтан голубыми воротником и косыми карманами и белыми, по обе стороны, пуговицами; подбой и камзол белые. (*Полн. собр. зак., т. XXII, ст. 15975.*)

Не малый интерес представляют сообщаемые современником („*Из записок о былом*", кн. *Баяшева (Москов. Ведом., 1883 г., № 293)*) сведения о наиболее видных представителях Симбирского дворянства первой половины настоящего столетия. Одною из древних фамилий Симбирской губернии считалась фамилия Ивашевых, представителем которой был Петр Никифорович Ивашев, Екатерининский генерал, сподвижник Суворова, герой Очакова и Измаила, женатый на дочери первого Симбирского гражданского губернатора, Вере Александровне Толстой. Имея свое хорошее состояние, он значительно увеличил его состоянием своей жены, за которую взял в приданое, между прочим, в Симбирском уезде, в 35-ти верстах от Симбирска, село Ундоры, расположенное в живописном ущелье приволжских гор, и богатое село Головино, в Сызранском уезде. Не смотря на то, что в Головине был большой каменный дом, с обширными хозяйственными постройками и садами, Ивашевы жили в Ундорах, куда съезжалось образованное общество не только местное, но часто из других губерний и столиц. Некоторые приезжали со специальною целью лечиться минеральным источником, открытым в Ундорах, хотя свойства источника не были исследованы. Здесь лечился, между прочим, бывший вице-президент академии художеств Александр Федорович Лабзин, известный издатель „*Сионского Вестника*" и многих других религиозных и мистических сочинений. В 1823 году он был сослан в Сенгилей, но потом переведен на жительство в Симбирск, где квартировал по Московской улице, в доме Назарьева. (*Ныне этот дом принадлежит Колотуевым.*) Он скончался в 1815 году и похоронен в Покровском монастыре.

Жизнь в Ундорах была роскошная до конца 1825 года, когда фамилию Ивашевых постигло большое несчастье: единственный сын Петра Никифоровича был замешан в заговоре 14 декабря 1825 года и сослан в каторжные работы. Одна из дочерей его вышла замуж за П. М. Языкова, брата известного поэта; на ее долю досталось село Головино и село Ундоры. Петр Никифорович Ивашев скончался в Ундорах 21 ноября 1838 года, на 72-м году жизни, и погребен в Симбирске, на кладбище

Покровского монастыря. Роскошь и веселье продолжались в Ундорах и в 50-х годах, когда владельцами этого богатого имения были — младой сын П. М. Языкова, Александр Петрович и его блестящая супруга Александра Ивановна, урожденная княжна Гагарина. Крестьянская реформа 1861 года положила предел этому веселью, и в настоящее время бывшее Языковское имение, приселе Ундорах, перешло уже в третьи руки к Самарскому богатому хлеботорговцу, купцу Шихабалову.

В 15 верстах от Симбирска, вблизи Казанской почтовой дороги, на р. Свяяге, расположено село Ишеевка, принадлежавшее старинному роду дворян Кротковых, одних из самых богатых помещиков Симбирской губернии. Богатство их значительно увеличилось во время Пугачевского бунта. После разгрома Пугачева в Казани, когда он переправился через Волгу и пошел на Алатырь и Пензу, шайки его разбрелись в разные стороны; одна из них пошла на Симбирск и уже была недалеко от него. Помещик и благоразумные крестьяне, при приближении пугачевцев, уходили в лес, забрав туда свое имущество, и там выжидали ухода разбойников. Так сделали Кротков со своими крестьянами, удалившись в лес между Свягой и Волгой. Пугачевцы сдеали на гумнах и огородах Ишеевки привал, но будучи застигнуты гусарами, бежали в беспорядке, оставив награбленное в Казани имущество, состоявшее большею частью из золотых и серебряных вещей, драгоценных тканей и мехов; гусары, в пылу преследования, не заметили этих богатств и все они достались Кроткову. (*„Из записок о былом“ кн. В. Баюшева.*)

По Московскому тракту, на 12-й версте от Симбирска, находится село Баратаевка, родовое имение князей Баратаевых, вышедших из Грузии, при Петре Великом, в лице князя Мелхиседека Баратаева, после которого осталось четыре сына, из коих трое были губернаторами: Оренбургским, Казанским и Симбирским. У последнего был сын Михаил Петрович, человек с большим умом и многосторонним образованием. Он служил в артиллерии, потом в гусарах, но в 1809 году вышел в отставку и поселился в Баратаевке. Состоя на службе, он сблизился с масонами и открыл в Симбирске масонскую ложу, под названием „Ключ к добродетели“. (*Симбирский сборник 1868 года, стр. 225.*) Цель этой ложи, как и вообще всех масонских лож, заключалась (*Еще прежде, в конце 18-го столетия Симбирский помещик, бригадир Иван Петрович Тургенев (отец знаменитого Александра Ивановича Тургенева) учредил в Симбирске масонскую ложу под председательством первого Симбирскаго вице – губернатора Голубцова, бывшего потом Министром Финансов, с 1807 по 1809 год (Симбирский сборник 1868 года, стр. 195),* в строгом соблюдении всех христианских добродетелей, в истинном почитании и выполнении закона Божественного, в верноподданической преданности Государю, в повиновении властям и в любви к ближнему и самому себе. Исполнение этой цели состояло в нравственных поучениях, читанных в собраниях; в истолкованиях обязанностей человека как к самому себе, так и к другим: в старании, поверяя свои поступки, как можно более приближать себя к великому существу, образовавшему человека по образу и подобию своему, гнущаяся страстей и пороков и прикрепляться к добродетели“.

Вследствие уважения, которым пользовался князь Баратаев, все лучшие представители современного ему Симбирскаго общества старались попасть в члены управляемой им ложи. Впрочем не все оправдывали доверие, оказанное им принятием в ложу и некоторые из них подвергались остракизму; так например: дворянин С. был изгнан из ложиза то, что разболтал какой-то секрет. (*Симбирский*

сборник 1868 года, стр. 195.) Собрания ложи какобыкновенные, так и экстренные (торжественное собрание бывало в ночь на Иванов день) происходили в гроте, (Этот грот сохранился и до настоящего времени. Он представляет из себя круглое помещение со сводом, вышиною около 5 аршин и в диаметр не более 3 сажень. Свет проникал туда, как видно, через три круглых окна, на которых два сохранили свою первоначальную форму, равно как и дверное отверстие с железными крючьями, на которых подвешена была, с овальным верхом, дверь. От бывшего перед входом сводчатого, каменного, извилистого корридора, устроенного легким скатом к гроту, остался только кирпичный пол и основание стен. Наружный выход грота, повидимому, имел лепные украшения символического характера. (Журн. заседания Симб. губ. учен. архивы. комиссии 1 августа 1895 г., стр. 8) устроенном в саду Баратаевки, где поставлен был гроб и разложены на столе: евангелие, меч, череп и разные символические знаки, а по стенам развешивались мантии отсутствующих членов и масонские атрибуты. При приеме в члены, читались правила и постановления ложи, а также присяга при открытом евангелии. По прочтении присяги, управляющий мастера спрашивал принимаемого члена, согласен ли он исполнять даваемый обет и получив утвердительный ответ — говорил: „дайтеруку, как честный человек" и брал его за руку особенным образом, так что пальцы правой руки одного, касались первого, сустава кисти правой руки другого — и затем выдавался знак той степени, в которую кто был принят. В какой мере масонство достигало своих возвышенных целей и влияло на нравы общества — определить трудно; во всяком случае собрания масонских лож были более совместными с достоинством образованных людей и могли благотворно действовать на общество, чем препровождение времени, например, за картами.

По ВЫСОЧАЙШЕМУ рескрипту, от 21 августа 1822 года, все масонские ложи в государстве были закрыты, так что тогда и Симбирская ложа окончила свое существование. (Симбирский сборник 1868 года, стр. 226.) Принадлежность к масонству не мешала князю Михаилу Петровичу заниматься и общественными делами. В 1816 году он был избран Симбирским уездным предводителем дворянства, а в 1820 году — губернским, и исполнял эту обязанность с честью и достоинством в продолжении пяти трехлетий. В 1835 году он перешел на службу по Министерству Внутренних Дел и вскоре же получил назначение начальником Закавказского таможенного округа. Там князь Баратаев написал на русском, французском и грузинском языках свое знаменитое сочинение „Нумизматические факты Грузии", за что удостоился избрания в члены С.-Петербургской академии художеств, а также академий Парижской, Берлинской и Копенгагенской и от многих Высочайших особ получил драгоценные подарки. Оставив службу в Грузии, он в 1844 году возвратился в Баратаевку и жил воспоминаниями о прошлом, ведя переписку с немногими оставшимися в живых друзьями. Он скончался в 1856 году и погребен в Покровском монастыре, близ могилы Лабзина. (Там же, стр. 229.)

В 40 верстах от Симбирска, в селе Знаменском (Карамзинка тож), на месте родины историографа Н. М. Карамзина, жил его родной брат Василий Михайлович Карамзин. (Деревянный барский дом Карамзиных только в 70-х годах был сломан и заменен ныне существующим.) Во время посещения Симбирска, в 1824 году, Александром Благословенным, Государь пожелал видеть его, но тот, по болезни, не мог воспользоваться счастьем представиться Государю. В. М. Карамзин не был женат, но имел воспитанницу Ольгу, которая вышла замуж за помощника Д. М.

Ниротморцева и за ней, в приданое, было дано село Знаменское. У Ниротморцевых было двое сыновей, красивых собою, но с дикими характерами; они не долго служили в военной службе, в 40-х годах вышли в отставку, и окончили свою жизнь весьма печально: один лишил себя жизни, а другой, по судебному приговору, отдан был в солдаты. (*„Из записок о былом“*, кн. В. Баюшева. (Москов. Ведом, 1883 г., № 293).

В селе К — е, Сызранского уезда, жили на разных концах, два помещика Т. и К.; у них кутежи, псовая охота, картежная игра, сменялись одно другим и сопровождались всегда какими либо эксцентрическими выходками. Например: у обоих из них было по пушке большого калибра и когда вздумается одному из них позвать другого к себе в гости, то он делал выстрел; если приглашаемый согласен, то отвечал тоже выстрелом, а если нет, то стрелял два раза, что означало приглашение к себе; но когда ни тот, ни другой, не хотел уступить, то перестреливались до тех пор, пока ни истощался запас пороха. Потом съезжались на половине пути и заключали договор куда ехать и чем потешаться. (*Там-же.*)

В 1822 году в Симбирске был губернатором барон Уманец, или правильнее, Умянцев, побочный сын Кагульского героя; у него жил его тесть, генерал-поручик Пиль, носивший всегда белый мундир. В это же время в Симбирске проживал какой-то проходимец, капитан Ростакровский, ходивший в особенном, им самим изобретенном вязаном костюме. Однажды они, не зная друг друга, встретились на улице и Пиль, удивленный костюмом Ростакковского, спросил: кто он? на что тот отвечал вопросом: „а вы кто“?

— Я генерал Пиль!

— А! ну в таком случае я — капитан „тубо“- дерзко ответил Ростакровский, и как ни в чем не бывало, пошел дальше. (*„Из записок о былом“*, кн. Баюшева.) Таковы разнообразные типы Симбирских дворян первой половины нынешнего столетия. К этому же времени относятся многие славные имена знаменитых государственных деятелей, ученых, писателей и поэтов, которыми Симбирская губерния, по справедливости, гордится, так как они были ее уроженцами. Сюда принадлежит, прежде всех, знаменитый историк Николай Михайлович Карамзин, родившийся 1 декабря 1766 года, в сельце Карамзинке (Знаменское тож), Симбирского уезда. До 17-ти летняго возраста Карамзин проживал в Симбирске, в пансионе Фовеля, а затем уехал в Петербург на службу, но пробывши менее года в преображенском полку, вернулся на родину и провел два года в Симбирске, а после этого уже окончательно оставил наш город.

Другом и родственником Карамзина был Иван Иванович Дмитриев, известный поэт и баснописец и Министр Юстиции, в начале нынешнего столетия (с 1810 по 1814 г.). Он родился в селе Богородском, Сызранского уезда, воспитывался в частном пансионе в Симбирске, но потом переехал на жительство в Петербург, а под конец жизни — в Москву, родной же город Симбирск посещал очень редко, хотя и имел здесь свой дом, на Лисиной улице. (*Ныне этот дом принадлежит Каврайским.*)

Несколько сродни и Карамзину и Дмитриеву была семья Тургеневых. Отец, Иван Петрович Тургенев, первый Симбирский масон — один, из просвещеннейших людей своего времени; он руководил Карамзиным на первых порах его деятельности. Старший сын Ивана Петровича — поэт Андрей Иванович, друг Жуковского и Мерзлякова, стоял, по отзыву современников, (*„Записки“ Вигеля.*) на

распутьи всех дорог, ведущих к славе, но смерть слишком рано похитила его — он скончался на 23-м году от рожденья. Брат его, Александр Иванович имел обширные познания, серьезный ум и симпатичный, общительный характер; он был одним из выдающихся деятелей конца царствования Императора Александра I; девизом ему служило изречение: „без боязни обличаху". Младший из Тургеневых, Николай Иванович — горячий поборник освобождения крестьян и автор известной книги «la Russie et les Russes». Все Тургеневы родились в Симбирске, но в малолетстве оставили его и жили то в Петербурге, то за границей.

к одной из лучших Симбирских фамилий принадлежали братья Петр и Николай Михайловичи Языковы. Первый из них — известный геолог, второй — знаменитый поэт Пушкинского времени. Оба они родились в Симбирске, и Петр Михайлович большую часть жизни провел на родине, *(Он жил в своем доме, по Спасской улице, где ныне гостиница для приезжающих, называемая, в память прежнего владельца, „Языковские номера".)* а поэт Николай Михайлович жил преимущественно в Москве и только пять лет (с 1833 по 1838 г.) пробыл в родовом имении, в селе Языкове, Симбирского уезда. Здесь два раза навещил его А. С. Пушкин, в 1833 году, проездом в Оренбурга и обратно. В письмах к своей жене, Пушкин пишет, что 12 сентября 1833 года, проезжая в Оренбург, он заехал к Языкову, но не застав его дома, переночевал и вернулся обратно в Симбирск, где принимал его Петр Михайлович. В конце того же месяца, Пушкин возвращался в свое Нижегородское имение, Лукояновского уезда, в село Болдино, и вторично заехал в с. Языково; на этот раз он застал всех братьев, отобедал с ними и переночевав, уехал к себе в деревню. *(О настоящем состоянии барской усадьбы в с. Языкове и памятниках пребывания там Пушкина, было сделано сообщение Председателем Симб. губ. учен. архивн. комиссии, в заседании ее 27 сентября 1896 года (см. Журн. VIII заседание, стр. 4 — 9).*

К более позднейшей эпохе принадлежат: а) поэт Дмитрий Петрович Ознобишин, родившийся в Карсунском уезде и долго служивший в Симбирске; б) знаменитый писатель Иван Александрович Гончаров, родившийся, воспитывавшийся и некоторое время служивший в Симбирске, *(По рассказам старожилов, И. А. Гончаров родился в сохранившемся до настоящего времени доме, на углу Большой Саратовской и Московской улиц, принадлежащем ныне наследникам купца К. И. Юргенс.)* но затем очень редко навещавший родину; в) поэты Минаевы, отец — Дмитрий Иванович и сын — Дмитрий Дмитриевич; оба они родились в Симбирске, *(Минаевы постоянно жили на Солдатской улице, хотя и не имели там своего дома; в память о них, городской думой возбуждено ходатайство о переименовании Солдатской улицы в „Минаевскую".)* окончили курс в местной гимназии, долго служили здесь и похоронены рядом на духовском кладбище; г) Иван Ильич Пушкарев, известный автор „Описания г. С.-Петербурга и губернии" и многих других историко-статистических сочинений, современник Минаевых: товарищ по гимназии Минаеву-отцу и сослуживец по Симб. Казенной Палате Минаеву — сыну. В 1834 году он вышел в отставку и перешел на постоянное жительство в Петербург; и д) Дмитрий Николаевич Садовников, поэт и собиратель народных сказок, песен и пословиц; он родился в Симбирске, в 1849 году, в доме своего отца, под горой, воспитывался в здешней гимназии и скончался в 1883 году. Обращаясь к общественной жизни в самом городе Симбирске, нельзя не заметить, что она

сосредоточивалась, главным образом, в дворянском клубе и собрании соединенного общества.

Дворянский клуб был открыт в Симбирске 21 января 1838 года, с разрешения Министерства Внутренних Дел, на точном основании правил, составленных в Министерстве. (*Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 2.*) По этим правилам клуб носил название „Симбирское Благородное Собрание" и имел целью „общественное препровождение времени и занятие благопристойными разговорами, дозволенными играми и чтением периодических изданий". Членами благородного собрания могли быть, кроме Симбирских дворян, не обличенных в дурном поведении или в каком либо не свойственном дворянину поступке, еще а) военные и гражданские чиновники, б) ученые, в) купцы, г) художники, д) иностранцы и е) артисты. Число членов было ограничено 150 лицами. Клуб помещался в доме, подаренном дворянству богатым помещиком Дурасовым (на месте нынешнего кадетского корпуса), а летом он переходил в так называемый „вокзал", нарочно для сего устроенный, в 1839 году, в Александровском саду, на углу площади и Садовой улицы. (*В 1850 году „вокзал" передан дворянством в Приказ Общественного Призрения; одно лето жил в нем губернатор князь Черкасский, а потом здесь устроено заразное отделение Александровской больницы.*)

До пожара 1864 года, когда Симбирское дворянское общество жило широко и открыто дворянский клуб процветал. Из его отчетов того времени видно, что ежегодные доходы клуба превышали 20,000 руб., из которых расходовалось лишь немногим более половины. Тогда же клубе велась азартная карточная игра, разорившая многих богатых помещиков и большая биллиардная игра; было много замечательных игроков; не только проигрывались тысячи, но нередко платили одного только штрафа за неурочное время игры — по 1500 рублей. (*Симб. Губ. Вед. 1893 г., № 76 и 1897 г., № 25. Кстати, приводим здесь весьма интересный указ Императрицы Елизаветы Петровны, от 11 марта 1747 года, безусловно запрещающий игру в карты на деньги: „Понеже поуказам, состоявшимся и в народ публикованным повелено: по первому, 1717 года, декабря 13, никому в деньги не играть, под тройным штрафом обретающихся денег в игре. По второму, 1733 года, января 23, чтоб никто, съезжаясь в партикулярных и вольных домах, как в деньги, так на пожитки и дворы и деревни и на людей, ни в какую игру отнюдь не играли; а ежели кто и затем запрещением такая богомерзкая противности чинить будет, таковых жестоко штрафовать, а именно: за первое преступление, по вышеуказанному, 1717 года, указу, тройным взятъем обретающихся денег и прочагов игре, из чего отдавать объявителю о том треть, а две трети на гошпитал; буде же кто в оном преступлении явится вторично, таковых, сверх онаго взятья, офицеров и прочих знатных людей, сажать в тюрьму на месяц, а подлых бить батогами нещадно; а за третье преступление, сверх взятья денежнаго, оное наказание умножить вдвое, а кто уже затем пойман будет, с таковыми поступать жесточее, смотря по важности дела, итого смотреть во всех полициях и в городах губернаторам и воеводам, а в армии главным командирам. По третьему, 1743 года, июня 9, дабы всякаго чина люди в партикулярных и вольных домах ни в какую игру в деньги, на пожитки и ни на какие вещи отнюдь не играли, под вышеизображенными в прежних указах штрафами без упущения, чего всего того смотреть полициям, губернаторам и воеводам, без всякаго упущения. А*

ныне в Правительствующем Сенате известно, что в противность всем вышеписанным выданным о запрещении картежной разорительной игры указам, и последняго, в 1743 году, июня 9, выданнаго указа, проигрывают в карты не малья деньги и в том проигрышевекселя дают. Того ради, по указу Ея Императорского Величества, Правительствующий Сенат приказали: в подтверждение вышеписанных прежних указов, еще публиковать указами, дабы всякаго чина люди в партикулярных и вольных домах ни в какую игру в деньги и на пожитки, и ни на какия вещи, и под деревни и дворы отнюдь не играли; а ежели кто и за сем Ея Императорского Величества указом и запрещением такая богомерзкия противности чинить будет, такие неотменно штрафованы будут, как вышеписанными Ея Императорского Величества указами повелено, без всякаго упущения, чего всего смотреть полициям, губернаторам и воеводам, а в армии главным командирам". (Полн. собр. зак., т. № II, ст. 9370).

Затем, большинство дворян разъехалось по своим имениям, а которые если и остались в Симбирске, то значительно сократили свой бюджет и не столько вследствие пожара, разорившаго город, а главным образом благодаря тому влиянию, которое оказала крестьянская реформа на материальное положение помещиков. Это обстоятельство неблагоприятно отразилось на доходах дворянского клуба, они с тех пор стали заметно сокращаться.

Некоторые из проживавших в Симбирске дворян - помещиков, после пожара 1864 года, временно поселились в Казани и продолжали там ту же веселую и роскошную жизнь, которую вели в Симбирске, чем вызвали в Казани небывалое оживление. Казанские дворяне, считавшие себя почему-то выше Симбирских, не желали отставать - и вот явилась оригинальная и весьма любопытная „бальная конкуренция". — Более всего соперничали туалетами и обстановкою. Конкуренция эта, как и следовало ожидать, окончилась полнейшим оскудением и тех и других. Посетители тогдашних балов рассказывают, что туалеты Казанских дам отличались необыкновенною роскошью и вместе с тем, полным отсутствием вкуса; между тем Симбирския дамы превосходили Казанских изяществом туалета и более красивою наружностью. Словом, Казань представляла тогда арену, где состязались, с одной стороны, казанцы с своим гонором, самомнением и татарским вкусом, а с другой — представители Симбирска, издавна русскаго и дворянскаго города, много более Казани усвоившаго себе европейские вкусы и обычаи. После такого сильнаго „бальнаго" возбуждения, продолжавшагося в течении трех зимних сезонов (1864 — 1867 г.г.), наступила реакция; как Симбирские, так и Казанские помещики, поспешили сократить расходы и для подкрепленья своих оскудевших ресурсов, старались пристроиться на государственной или земской службе. (Монастырский. „Иллюстрированный спутник по Волге", стр. 191.) В 70-х годах в дворянском клубе еще бывали еженедельно, по субботам, танцевальные вечера, (Симб. Губ. Вед. 1875 г., № 17.) но они редко удавались и для клуба ничего, кроме убытка, не приносили, так что решено было их прекратить. Продолжая существованье при неблагоприятных условиях, дворянский клуб постепенно шел к упадку и наконец, за неименьем средств, был закрыт в 1884 году.

Собрание соединеннаго общества переименовано в 1861 году из существовавшего прежде немецкаго собрания, (Тоже 1861 г., № 24) открытаго в 1853 году и помещавшагося, до пожара 1864 года, на Большой Саратовской улице, в

д. Родионова, где ныне отделение государственного банка. Членами этого клуба всегда были, по преимуществу, представители среднего чиновничества. В прежнее время, при малом развитии общественной жизни, этот клуб имел значение и привлекал к себе посетителей, но затем, благодаря резкому различию общественного положения между членами клуба, или по каким либо другим причинам, соединенное собрание перестало пользоваться расположением общества и сделалось достоянием лишь небольшого кружка старых завсегдатаев. Некоторое оживление стало заметно в клубе с 1897 года, когда в городском Владимирском саду было устроено прекрасное летнее помещение клуба, *(Вопрос об устройстве летнего помещения общественного собрания возбуждался, как было сказано выше, еще в 1865 году, когда, после пожара 1864 года, клуб остался вовсе без помещения. Тогда членам клуба предложено было снять Александровский сад в аренду на несколько лет и отделать находившийся там вокзал. Но, не смотря на то, что сад сдавался больницею за весьма недорогую цену (60 руб. в год) и что на возобновление вокзала и прочь исправления потребовалось-бы не более 400 рублей, члены клуба отклонили сделанное им предложение. (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 15.)* куда разрешили вход и дамам, которым, до того времени, это право предоставлялось только в исключительных случаях.

Среднее купечество и мелкое чиновничество разнообразили свою жизнь, летом, катанием на лодках по Свяиге и остановками на берегу, для чаепития, а также загородными прогулками, в праздничные дни, в Киндякову рощу (в 3-х верстах от города, по Сызранскому тракту) и в „колки“ (местность на северном выгоне, за военными казармами). В старину, излюбленным местом гулянья чиновников было „под кручей“, в двух верстах от гор. Симбирска, на берегу р. Свяиги, близ села Мостовой слободы, куда они отправлялись с утра, захватив с собою самовары и разную провизию. Возвращение гуляющих домой было очень веселое. *(Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 56.)* Подобные летние загородные прогулки практикуются и в настоящее время, с полным успехом, чему не мало способствует отсутствие дачных мест в окрестностях города. Дачи имеются единственно близ деревни „Поливный Враг“, в имении помещика С. А. Денисова, в 9-ти верстах от города. Эти дачи расположены близ берега Волги, по очень крутому склону оврага; небольшое число их не может вполне удовлетворить потребностям городского населения, тем более, что для удобства сообщения этой местности с городом не существует никаких приспособлений, кроме городских извозчиков, не смотря на то, что рядом с дачами устроена лагерная стоянка Симбирскаго кадетскаго корпуса.

В 1892 году некто г. Трут хотел устроить дачи и просил Городское управление сдать ему для этого, в аренду, городское место, не далеко от города, на северном выгоне; однако его предприятие осталось без результата, потому что дума хотя и признала, что место это не требуется ни для какой общественной надобности и вероятно, не скоро может потребоваться и в будущем, тем не менее согласилась на ходатайство г. Трута лишь с тем непременно условием, чтобы в случай надобности место было очищено от построек по первому требованию городского управления; *(Журн. Думы 24 января 1892 года)* подобная оговорка была равносильна отказу и предприятие г. Трута не состоялось. В последнее время среди чиновничества и купечества возбуждены были вопросы об устройстве в Симбирске клубов канцеляристов и приказчиков. В начале 1895 года местные чиновники предположили учредить в Симбирске „собрание служащих в правительственных и

сословных учреждениях", по примеру существующего уже такого клуба в Самаре, где имеется своя библиотека, устраиваются танцевальные и литературно-музыкальные вечера, специалисты по разным наукам читают популярные лекции и т. д., что дает возможность чиновнику, при его ограниченном бюджете, прилично и с пользою проводить свободное от службы время в тесном кругу товарищей и при известной семейной обстановке. К сожалению, такое симпатичное предположение не получило осуществления, и почти исключительно, по недостатку материальных средств. Более счастливыми, в этом отношении, оказались приказчики; к ним на помощь пришли богатые купцы, благодаря которым возникшие летом 1897 года предположения уже близки к осуществлению.

Весной 1898 года состоялось первое предварительное собрание учредителей „общества купеческих приказчиков вспомоществования частному служебному труду". С материальной стороны, а это самое главное, существование будущего общества обеспечено: в основной капитал его уже пожертвовано 9000 рублей и более 200 лиц заявили желание быть его членами. Остается только выработать устав общества, чем в настоящее время занята особая комиссия. (*Симб. Губ. Вед. 1895 г., № 13.*) У простого народа, в старину, в большом ходу были кулачные бои. Коноводами состояли приказные; бывало они до полночи дерутся с калачниками да с кузнецами, особенно в лунные ночи. Полиция уже и не вступалась; если азарт во время драки переходил границы, то высылали солдат с ружьями разгонять кулачников, но и солдаты оказывались иногда побежденными. (*Тоже 1898 г., № 24.*) Кулачные бои официально прекращены указом от 5 октября 1827 года, (*Тоже 1868 г., № 56.*) но и после этого они еще долго продолжали существовать. (*Полн. собр. зак., т. № XXXVIII, ст. 29,627.*) В то время в городе было сильно развито воровство, а в окрестностях разбойничьи шайки разгуливали свободно. Тогда на Волге пароходов еще не было и купцы ездили в Нижний-Новгород, на ярмарку, на лошадях. Бывало соберутся человек 20 — 30, наймут лошадей вплоть до Нижнего, да так, на долгих, караваном и едут; многие из них отправлялись в дорогу вооруженными; в одиночку же никто не решался ехать, так как рисковал быть не только ограбленным, но и убитым.

Главный притон мелких воришек приютился в овраге р. Симбирки, где в лачужках устроены были склады ворованных вещей. Смелость этих воров доходила до дерзости. Так например, в первые-же дни по приезде в Симбирск губернатора Хомутова, в 1836 году, у него из прихожей украли шубу и хотя она была розыскана полициею в тот-же день, но уже разрезанною на несколько частей. (*Воспоминания Э. И. Стогова. („Русская Старина", 1878 г., Декабрь, стр. 687).*) Кроме этого, в городе было еще много воровских и разбойничьих притонов; некоторые дома, в которых помещались гостиницы, трактиры, кабаки и т. п. были прямо приспособлены к грабежу; так, в доме, принадлежащем ныне купцу Зеленкову, по Большой Саратовской улице, где помещается губернская типография, еще в 1848 г. существовали разные западни и подземные комнаты, где грабили посетителей. (*Симб. Губ. Вед. 1893 г., № 17.*) Из разбойников, грабивших в окрестностях города, был особенно известен „атаман Безрукий". Сколько лет его ловили,—ничего не могли сделать, пока сам ни дался в руки. Этот Безрукий держал Симбирск как в осаде: на всех трактах разбойничал; станут его ловить на Саратовской большой дороге — он очутится на Казанской; поедут сыщики на Казанский тракт — а он уже на

Московском. Шайка у него была человек в двадцать. Он, со своей шайкой, смело приезжал на сельския ярмарки: подкатит на тройках прямо к кабаку, потребует ведра три водки и гуляет; исправник или становой тут-же на ярмарке, а показаться не смеет. У Безрукаго притон в Симбирске был на Лосевой улице, на постоялом дворе; там его и изловили — в 60 душах повинился, „может быть“, говорит „и больше убил, да не помню" (*Тоже 1868 г., № 56.*)

С легкой руки нашего знаменитого поэта Лермонтова, привыкли называть Симбирск «сонным» городом. В поэме „Саишка", Лермонтов говорит, что ... «сон и лень вполне Симбирском овладели.» Это прозвание дают ему и в настоящее время, но только те, которые все не имеют понятия о Симбирске в и его общественной жизни, а повторяют это с чужих слов, или те из Симбирских жителей, которые с полным удовольствием и увлечением пользуясь разнообразием местной жизни, тщетно стараются убедить других в том, что такая жизнь для них пуста, не удовлетворяет их, не дает им „пищи для ума". В действительности же, при беспристрастной оценке, Симбирск и по оживлению и по разнообразию общественной жизни, нисколько не уступает большинству провинциальных губернских городов, в чем не трудно убедиться как из целого ряда приведенных выше обществ и учреждений ученых, учебных и благотворительных, так и из дальнейшего перечня различных обществ разнообразного спорта.

2) Музыкальное общество.

Первое музыкальное общество в Симбирске возникло вскоре после пожара 1864 года, по инициативе Симбирскаго помещика Сергея Николаевича Нейкова и носило название „общество любителей музыки". Учредитель этого общества задался исключительно целью составить хороший постоянный городской оркестр и содержать его, так что это скорее было не общество любителей музыки, а нечто в роде компании на акциях для содержания оркестра. (*Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 14.*) Деятельность этого общества шла успешно, потому что тогда очень многие в Симбирске были проникнуты убеждением в необходимости для Симбирска постоянного оркестра. Раньше в Симбирске был прекрасный оркестр князя Трубецкого, который он приобрел, в полном составе, от известного любителя музыки, Пензенскаго губернатора Панчулидзева, но после пожара 1864 года тот оркестр распался и С. Н. Нейков, с большим усердием и знанием дела, принялся за восстановление его, что ему и удалось, так что в 1869 году, во время посещения гор. Симбирска Цесаревичем Александром Александровичем и Цесаревною Мариєю Феодоровною, этот оркестр, под личным управлением С. Н. Нейкова, играл на парадном обеде и за удачное исполнение пьес, удостоился личной благодарности Их Высочеств. (*Симбирский сборник 1870 года, стр. 92.*)

Долго-ли существовало общество любителей музыки и принадлежащий ему оркестр — сведений не сохранилось. В 1873 году другой любитель музыки, г. Черников, основал в Симбирске „общество музыкальной беседы", в видах распространения музыкальнаго образования и развития музыкальнаго вкуса среди Симбирскаго общества и с целью сближения любителей музыки и доставления им, в особенности молодым людям, приятнаго препровождения времени. (*Симб. Губ. Вед. 1873 г., № 34.*) Но, кажется, это общество существовало недолго; по крайней мере никто из старожилов не помнит, проявляло-ли оно в чем либо свою деятельность. После этого, в 1890 году несколько любителей музыки составили „Симбирское

музыкальное общество", привлекли много членов и задумали устроить дело в широких размерах, так как в 1892 году открыли музыкальную школу, где преподавалось сольное и хоровое пение, игра на скрипке, виолончеле, альте и фортепиано, а также теория и сольфеджио. (*Симб. Губ. Вед. 1892 г., № 82.*) Но дело это сразу пошло не бойко: общество дало несколько музыкальных вечеров, в школе учеников почти вовсе не было; возникли различные недоразумения и музыкальное общество, как-то само собою, распалось, от него осталось только: один рояль и два старика— купца, избранные, за щедрыя пожертвования, в „пожизненные" члены общества, еще при его основании. В конце 1897 года музыкальное общество снова возродилось; инициаторы этого дела собрали до 80 членов и составили комитет для управления делами общества, *Тожже 1897 г., № 77.*) так что есть основание ожидать, что это общество чем либо проявит свою деятельность и тем внесет оживление в Симбирскую общественную жизнь.

3) Общество изящных искусств.

Независимо от возродившагося музыкального общества, в Симбирске предполагается учредить, по инициативе местной интеллигенции, „общество изящных искусств", с отделами: драматическим, пения, музыки, зодчества, скульптуры и литературы. Цель этого общества заключается, главным образом, в том, чтобы служить сближению деятелей в области изящных искусств и оказывать помощь тем лицам, которые желают совершенствоваться в этих искусствах. Ради этого, общество будет стремиться давать каждому интеллигентному человеку возможность, при незначительной годовой плате и при малых затратах, проводить с несомненною пользою свободное от обычных занятий время. Средствами для достижения намеченной цели, общество ставит: устройство выставок, концертов, литературных, художественных и музыкальных вечеров, спектаклей, публичных лекций и чтений, а также издание книг и журналов, устройство библиотеки и т. п.; в случае же увеличения средств, общество предполагает открывать школы: живописи, пластики, музыки, декламации и сценического искусства, а также арендовать, в качестве антрепренера, городской и частный театры. (*Симб. Губ. Вед. 1896 г., № 77.*) Составленный проект общества не получил еще утверждения.

4) Общество охотников конского бега.

25 августа 1852 года, вследствие представления Симбирскаго Губернатора князя Черкаскаго, последовало Высочайшее соизволение на учреждение в Симбирске общества охотников конского бега, на основании тех же правил, на которых подобныя общества уже были открыты в Рязани и Орле. Таким образом Симбирское общество охотников конского бега, по старшинству лет, третье в провинции (не считая столичных). 14 декабря того же 1852 года, под председательством губернатора Н. П. Бибикова, было открыто это общество и тогда же г.г. коннозаводчики и любители конских бегов, в числе двенадцати человек, изъявили желание быть его действительными членами; звание действительнаго члена приняла, между прочими, и помещица Евгения Алексеевна Белякова, владевшая в то время лучшим в Симбирской губернии рысистым заводом, доставшимся ей после мужа ея, Афонасия Петровича Белякова, который первый из Симбирских коннозаводчиков основал рысистый завод, приобрета кровных Орловских лошадей. Первым вице - президентом общества был избран Симбирский помещик и

коннозаводчик Александр Львович Бычков. Бега начались 22 января 1853 года, на ипподроме, устроенном за городом, против чугунно-литейного завода Андреева и с тех пор, ежегодно, в мае месяце, бывали бега рысистых лошадей. В то время в Симбирской губернии было много рысистых заводов (например, в 1861 году — 38, в 1877 году — 58) и из них некоторые достигали весьма солидных размеров, именно: Мятлевых, в Алатырском уезде (43 производителя и 101 матка), А. П. Языкова (29 производителей и 55 маток) и Н. А. Мотовилова (18 производителей и 90 маток), в Симбирском уезде. Лучшую репутацию, как по красоте, так по резвости лошадей, пользовались тогда три завода: П. Б. Бестужева (в Сызранском уезде), Белякова и Бычкова (в Симбирском уезде). Их лошади, главным образом, участвовали в состязаниях на призы и всегда первенство оставалось за ними.

Государственное коннозаводство назначило Симбирскому обществу, в первый раз, приз только в 1855 году — в 250 рублей, который и был разыгран в том же году. По рассказу старожилов, рысистые бега проходили тогда очень весело; многие помещики приводили лошадей издалека и не всегда с надеждой взять приз, но зато с уверенностью весело провести время. Все обещало, казалось, для общества и продолжительное существование и блестящее дальнейшее процветание, но в действительности вышло совершенно иначе — в 1881 году общество было закрыто и только после девятилетнего перерыва возродилось 16 февраля 1890 года, на основании нового устава. Ипподром вновь был устроен почти на прежнем месте, уступленном городом безвозмездно, но деятельность общества уже не имела прежнего оживления. В настоящее время перспектива выигрыша большой суммы влечет многих наших коннозаводчиков туда, где эти призы крупнее. Заводы Симбирской губернии, не смотря на их многочисленность и солидность, почти не приводят на Симбирские бега своих лошадей, потому что они нынче считают ту лошадь в своем заводе лучшею, которая выиграла большую сумму; прежде же не размер приза привлекал заводчика на бега, а страсть к беговому делу. В общем, по уверению знатоков, Симбирское общество охотников конского бега, за все время своего существования, не дало видимых результатов и причина этому, по их мнению, кроется в самих заводчиках и будет существовать до тех пор, пока они сами не станут изучать бегового дела, пока они не перестанут доверять первому попавшемуся наезднику. *Симб. Губ. Вед. 1894 г., №№ 61 и 62. Симбирский сборник 1868 года, стр. 26. (Смесь). Липинский, т. I, стр. 463 и 464. Симбирский календарь на 1878 год, стр. 236.)*

5) Общество охоты.

Общество это существует в Симбирске с начала 1893 года. Согласно уставу, утвержденному 8 декабря 1892 года, цель общества заключается: 1) в ведении правильной охоты, в дозволенное законом время, 2) в охране дичи, через содействие местным властям в преследовании охоты, как в недозволенное время, так и запрещенными способами, 3) в распространении в народе понятий о правильной охоте, а также о полезных и вредных животных, 4) в истреблении хищных зверей и птиц, 5) в улучшении способа охоты и в особенности, в улучшении пород охотничьих собак, 6) в изучении местной дичи, ее образа жизни, нравов и привычек, в описании характера местности в край, где она преимущественно держится и 7) в упражнении в стрельбе. Действия общества ограничиваются пределами Симбирской губернии. Членами общества могут быть только лица,

избранныя в это звание в общем собрании большинством двух третей наличных голосов. Хотя программа деятельности Симбирского общества охоты весьма пространная, но в настоящее время оно занимается, как видно из отчета за 1896 год, почти исключительно, упражнением в стрельбе и ведением правильной охоты в дозволенное законом время; до сих пор общество еще не обратило внимания на весьма симпатичную сторону своей деятельности — распространение в народе понятий о полезных и вредных животных, об образе жизни, нравах и привычках местной дичи. В 1896 году в обществе было 5 почетных членов и 60 действительных. Ни основного, ни запасного капитала общество не имеет и действует себе в убыток.

б) Общество любителей рыбной ловли.

Симбирск расположен по берегам двух, параллельно, но в разные стороны, текущих рек — Волги и Свияги, изобилующих разнообразною рыбою. По этому в Симбирске много и промышленников и любителей рыбной ловли, но надзора за правильным производством ловли и заботе о сохранении и размножении полезных пород, ни с чьей стороны нет и не было. Это объясняется отчасти тем, что право рыбной ловли принадлежало многим владельцам, заботы большинства которых направлены, главным образом, к извлечению возможно большего дохода. В течении нескольких лет до 1889 года, четверо из Симбирских жителей, большие любители рыбной ловли, арендовали у удельного ведомства право ловли в водах р. Свияги, ближайших к г. Симбирску. Усердно боролись они с местным населением, не признававшим ничьих частных прав на ловлю рыбы и ловившим ее где и кто только желал, всякими законными и незаконными способами, без малейшего контроля. Четырем лицам борьба эта, конечно, была не по силам и они задумали учредить общество, для чего составили устав „Симбирского общества любителей рыбной ловли“, который и получил утверждение 23 ноября 1888 года, а общество открыло свои действия 29 января 1889 года. (Симб. Губ. Вед. 1898 г., № 36.) Согласно уставу, общество имеет целью: 1) доставлять своим членам способ и возможные удобства для разумной и правильной рыбной ловли, 2) охранять рыбные запасы в водах, принадлежащих обществу, от хищнических и запрещенных способов ловли и 3) заниматься, по мере возможности, разведением рыбы. (Здесь кстати упомянуть, что в Симбирске производились опыты искусственного разведения стерлядей. В 1896 году профессором Петербургского университета Овсянниковым предприняты были на Волге исследования по этому предмету; но они ограничивались научными опытами и при том им выведены были искусственно не чистые стерляди, а помесь стерлядей с шипами, с севрюгой и с осетрами. Весной 1870 года Министерством Государственных имуществ командирован был на Волгу, между Нижним-Новгородом и Самарою, специалист по рыбной эмбриологии, доктор Кох, который, в мае 1870 года, доставил в сельско-хозяйственный музей Министерства Государственных имуществ приготовленные им в Симбирске несколько тысяч оплодотворенных стерляжьих икренок и несколько сотен рыбок, вылупившихся уже из икры, на дороге до Петербурга. Большая часть этой икры и молоди, вследствие просьбы Английского правительства, была отправлена из сельско-хозяйственного музея в Шотландию, где с этою целью приготовлены были озера с проточною водою, свободная от хищных рыб и стерляжья молодежь отлично

перенесла семидневное плавание из Кронштадта до Эдинбурга. (Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 67.)

Действительные члены общества платят по 6 рублей в год, но к участию в рыбной ловле, наравне с членами общества, допускаются гости, с платою по 2 рубля в год. До настоящего времени общество, по незначительности своих средств, не имело возможности заниматься разведением рыбы, а направляло свою деятельность лишь к доставлению своим членам правильной рыбной ловли. Для сего оно арендовало у удельного ведомства воды р. Свяги, на протяжении 9-ти верст, от села Вырыпаевки до села Мостовой слободы, за плату: первые три года (1889 — 1891) по 75 руб., а последующие шесть лет (1892 — 1897) по 150 руб. в год. В четырех верстах от города, вверх по р. Свяге, на плотине Андреевской мельницы, общество выстроило избушку и барак с крытыми террасами, достаточно обмобилировав их. Здесь члены общества могут пользоваться лодками, рыболовными принадлежностями, самоваром, чайною и столовою посудою. С 1 января 1898 года общество сняло в аренду у удельного ведомства лишь незначительную часть Свяги (Андреевский пруд), на 12 лет, с платою по 30 руб. в год. В настоящее время в обществе состоит один почетный член, 15 действительных и 25 гостей. Незначительный капитал общества, состоящий из ежегодных взносов членов и гостей, едва хватает для покрытия расходов на общественные надобности.

7) Общество велосипедистов.

Это общество существует в Симбирске с 1894 года, на основании устава, утвержденного 28-го августа того года. Целью его заключается в сближении любителей велосипедной езды, в усовершенствовании такой езды и в распространении употребления велосипеда, как удобного, полезного, приятного и практичного средства передвижения. Для достижения такой цели, обществу предоставлено: а) приобретать недвижимую собственность, для устройства своих собственных мест для катанья, б) иметь учителей для обучения желающих ездить на велосипеде, в) устраивать прогулки и состязания и г) давать музыкальные и танцевальные вечера и вообще дозволенные увеселения. По уставу в это общество безусловно воспрещен вход лицам женского пола; оне не только не имеют права быть членами общества, но и не могут являться в помещение общества в качестве гостей. (См. параграф 3 и 7 устава общества.) Однако в действительности такой строгий остракизм женского пола обществом велосипедистов не соблюдается. 6 июля 1894 года городская дума сдала обществу в аренду на 12 лет, с платою по 20 руб. в год, для устройства велодрома, пустопорожнее место, более 2 1/2 десятин, противвоенных казарм; (Журн. Думы 6 июля 1894 года.) здесь, в половине августа того же 1894 года, велодром был уже готов и на нем начались состязания на велосипедах, сначала частные, для членов общества, а затем и публичные, с платою за вход. Таких состязаний было: в 1895 году — одно, в 1896 году — два, а в 1897 году — четыре, кроме того одна гонка на сто верст, без допущения платной публики: сто верст были пройдены в 4 часа, 5 минут, 32 секунды. В зимний сезон 1897/98 года общество устроило на пустыре, выходящем на Завьяловскую площадь, каток и ледяную гору. Капитал общества заключается в постройках на велодроме, оцененных в 957 руб. 65 коп., а получаемые обществом небольшие доходы идут, почти исключительно, на уплату долга, образовавшегося при

постройке велодрома. к 1 января 1898 года в обществе велосипедистов было членов:
5 почетных и 30 действительных.

Пожары в городе Симбирске

Город Симбирск не избежал участи очень многих русских городов — он неоднократно подвергался более или менее опустошительным пожарам. В 1671 году, Симбирск, тогда еще молодой город, не успевший оправиться после погрома Стеньки Разина, почти весь выгорел, так что „жители великое раззорение претерпели". Зерцалов. „Краткий очерк Симбирска", стр. 6.) В 1685 году пожар истребил, по всей вероятности, значительную часть гор. Симбирска, так как в актах того время про 193 (1685) год говорится: „в Синбирское пожарное время, как Синбирских жителей дома и Спасский монастырь горел". (Новоструев. „Описание Симбирскаго Спасскаго монастыря", стр. 26). Неизвестно вследствие ли этого пожара, или может быть после еще новаго, получена была 9 декабря 1694 года Царская грамота „о нестроении в Синбирске, после пожарнаго времени, торговых лавок близ крепости", а только на расстоянии от нея в 20 сажнях. Симбирский сборник 1870 г., стр. 55.) Восемнадцатое столетие прошло для Симбирска благополучно; по крайней мере о пожарах за это время нет никаких сведений; за то в 19-м веке Симбирску суждено было испытать большия бедствия. В 1828 году был пожар, большой или малый — неизвестно, но только от него в присутственных местах сгорели все подлинные документы бывших до того народных переписей (ревизий.) (Липинский, т. I, стр. 285.)

В 1842 году, по рассказам старожилов, в Симбирске сгорели; мясницкий мост через речку Симбирку, почти вся Лосевая улица и кварталы между нею и Б. Саратовскою улицею. Однако все перечисленные пожары представляются ничтожными, при сравнении с бедствием, обрушившимся на Симбирск в августе 1864 года, когда в течении 9 дней, сгорел почти весь город, уцелела едва четвертая, и притом худшая, его часть. С 13 по 21 августа город представлял потоки огня, гонимые страшною бурей с одного квартала на другой, так что не представлялось возможности спасти имущество. Самая буря, продолжавшаяся во все время пожаров, перепуганным жителям казалась не бывалою, по силе и непрерывности. Пространство до трех квадратных верст было совершенно уничтожено и среди этого, каким-то чудом, сохранились: дом купца Свешникова и лавка Кирпичникова (в гостинном дворе), не смотря на то, что были окружены пламенем; рабочий дом спасен был находчивостью смотрителя и добросовестным усердием содержащихся в том доме арестантов. (Арестанты, защищавшие рабочий дом от пожара, удостоились Монаршей милости: 25 ноября 1864 года Государь Император Высочайше повелел соизволил: тем арестантам, которые должны были оставаться в рабочем доме еще более 6-ти месяцев — сократить срок содержания на 6 месяцев, прочих содержащихся немедленно освободить из под стражи, а тем из сих арестантов, которым срок уже окончился — объявить благодарность Начальства за их похвальныя действия. (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 3.)

Первый пожар, 13 августа, начался на Дворцовой улице, близ базара и в тот день уничтожен был целый порядок, вплоть до Большой Саратовской улицы, в том числе часть базара и гостинный двор. 15 августа ветер дул в другую сторону и что жар, начавшийся на Лосевой улице, уничтожил остальную часть базара и все постройки вплоть до ярмарочной площади. На третий день сгорела почти вся Покровская улица. 18 августа та же участь постигла часть Большой Саратовской, Стрелецкую, Мартынову и Шатальную улицы.

Но самый ужасный день был 19 августа, когда сгорела лучшая часть города — Венец. Пожар начался на Панской улице около полудня, почти одновременно в нескольких местах и через три или четыре часа, весь Венец представлял из себя сплошное море огня; горели: женский монастырь, дом городского общества, гимназия, губернаторский дом, дворянское собрание, присутственные места, архиерейский дом, два собора и другие церкви. По рассказам очевидцев, этот день был поистине ужасен. Потоки огня захватывали на своем пути все, что им попадалось, с страшною, поразительною быстротою; рев бури, набатный звон, стоны и вопли погорельцев — все это пронизывало не воздух, а облака дыма и огня и сливалось в одном звуке, диком, ужасном. (Симб. Губ. Вед. 1893 г., №№ 54 и 55.) Страшная огненная масса, обхватившая кругом все здания при ужаснейшей буре, поднявшей огненную пыль с улиц и площадей, жгла, залепляя глаза и закрывая собою дневной свет. Все, с громом и треском, рушилось и летело, так что едва можно было спасти жизнь, о спасении же имущества нечего было и думать.

Сгорело все, как оставшееся в домах, так и вывезенное, за несколько дней, на соборную площадь; никто не успел и не мог спасти ни казенного, ни своего достояния. (Безгин. „Симб. губер. гимназия“, стр. 178.) В кладовых Троицкого собора погибло много старинных вещей из церковной утвари, жалованных Царями Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем, а также знамена ополчений 1812 и 1855 годов; много драгоценностей уничтожено огнем и в других храмах. Ужас охватил население, при виде полного, беспощадного уничтожения всего своего достояния и ужас этот дошел до высшей степени напряжения, когда по городу распространился слух, что, по окончании пожара, начнут резать жителей. Таинственность этой угрозы заставляла безропотно, без борьбы, ждать чего-то нового, более ужасного. Многие готовились к смерти, прощались друг с другом и священники торжественно исповедывали, напутствуя несчастных в вечность. (Симб. Губ. Вед. 1893 г., № 54.) По рассказу очевидцев, действительно было отчего придти в полное отчаяние. На каждом шагу встречались картины, одно воспоминание о которых наводит ужас. На улицах лежали обгорелые трупы людей, оплакиваемые родственниками; многие пропали безследно, сделавшись вероятно добычею огня; из груды дымящихся развалин выходили люди полунагие, в обгорелом платье, искалеченные огнем, с тусклым безумным взором; всюду слышались раздирающие душу вопли несчастных, розыскивавших детей, жен, отцов.... (Там-же, № 55.)

После 19-го августа найдено было в городе 130 обгорелых трупов, которые долго лежали не убранными, за отсутствием полиции впервые три дня после этого пожара. (Там-же, № 84.) Никто не сомневался в том, что пожары происходят от поджогов, так как еще задолго до начала пожаров находили подметные письма с угрозами, что город будет сожжен и заподозрены были в этом, главным образом, поляки и чины квартировавшего тогда в Симбирске пехотного полка; на них и направлена была злоба обезумевшего народа; жертвами этой злобы сделались два офицера этого полка: один был убит, другой страшно изувечен. (Тоже 1893 г., № 78.) Печальную картину представляла город Симбирск после такого опустошительного пожара; церкви стояли обгорелые; вместо прежних красивых зданий, торчали каменные стены, деревянные же постройки были уничтожены без малейших остатков и только груды кирпича указывали на места, где были дома. Образовался огромный пустырь. Общей гибели избежала лишь незначительная часть города, прилегающая к р. Свияге и подгорье. Из присутственных мест уцелела только

Удельная Контора. Всего сгорело: казенных зданий — 27, (Помещение полиции и „съезжий" дом 2-й части сгорели, и полция устроилась временно в сохранившемся здании 1-й полицейской части, а 1-я и 2-я части — в частных домах. Казенная и Контрольная Палаты — тоже в частных домах. Губернское правление, Уголовная и Гражданская Палата — в здании арестантских рот. Дума — в помещении Николаевского дома призрения неимущих, для которого нанята была временная квартира в частном доме, по Московской улице.) общественных — 3, церковей — 12, (Два собора — Троицкий и Вознесенский, пять приходских: монастырская, Ильинская, Троицкая, Никольская и Германская и пять домовых: Крестовая, в мужской и женской гимназиях, в духовной семинарии и в епархиальном женском училище.) и частных домов — 1480; итого 1522 здания. (Симбирский сборник 1868 года, стр. 37.) Убыток достиг 5-ти миллионов рублей, хотя стоимость погибшего имущества едва-ли возможно было определить сколько нибудь точно. (Симб. Губ. Вед. 1893 г., № 55.)

Положение жителей было ужасное. Большинство из них выбралось за город и расположилось бивуаком на окрестных полях и островах Волги. В первые дни ощущался недостаток продовольствия, так как уцелевшие запасы хлеба были незначительны, а из ближайших селений хотя и привозили хлеб, но очень немного. Затем привоз хлеба увеличился, так что оставался даже в запасе, потому что его стали подвозить не только из подгородных селений, но из Самары и Казани. Для предупреждения развития болезни среди народа, проводившего холодные ночи на открытом воздухе, губернское начальство распорядилось готовить горячую пищу, для чего немедленно были устроены в поле бараки с печами. На первых же порах был учрежден комитет для вспомоществования погоревшим. По Высочайшему повелению а) присланы были 10,000 рублей, для раздачи наиболее нуждающимся, б) служащим всех ведомств выдали, не взычет, годовой оклад содержания и в) сложено недоимок по налогу с недвижимых имуществ и государственной земской повинности — 27,756 руб. 27 коп. (Впоследствии, указом, от 31 декабря 1865 года, отменено было производство предстоявшего, в января 1866 года, рекрутского набора с Симбирских мещан и сложена числившаяся на мещанском обществе недоимка, по прежним наборам, в 35 рекрут „во внимание к исключительному и бедственному положению обывателей гор. Симбирска, пострадавших от бывших там пожаров". (Второе полн. собр. зак., т. XL, ст. 42842), Комитет, получая постоянные пожертвования от частных лиц, имел возможность поддержать, на первое время, существование многих пострадавших.

Отзывчивость русского человека к горю и нужде оказалась, в этом случае, значительная услуга — со всех концов России стали поступать пожертвования. (По 1 мая 1865 года поступило в комитет всего пожертвований деньгами 193,628 руб., кроме Высочайше разрешенных 70,000 рублей. (Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 22). Но, не смотря на это, средства комитета были далеко недостаточны для того, чтобы обезопасить будущность погорельцев. Надо было озаботиться о размещении на зиму громадной безприютной толпы народа. Уцелевшая часть города была слишком незначительна для того, чтобы укрыть всех от зимней стужи. Многие семейства покинули Симбирск, другие, менее требовательные, поместились в наскоро вырытых землянках, или в подвальных этажах сгоревших каменных зданий. Такую неутешительную картину представлял Симбирск до весны 1865 года, когда усиленно приступлено было к возобновлению города. Прежде всего начали строиться в

улицах, ближайших к базару и к ярмарочной площади, на которой уже с осени шла спешная постройка новых ярмарочных рядов. К весне были исправлены четыре церкви (Ильинская, Троицкий собор, Никольская и Вознесенская) и возобновлено старых и выстроено вновь до 300 частных домов, преимущественно в торговой части города, так что положение погорельцев значительно улучшилось. Тем не менее долго Симбирск не мог вполне оправиться от постигшего его разорения, зато оправившись, он стал не только значительно красивее прежнего, но и вообще преобразился во всех отношениях. Пожар 1864 года имел огромное влияние на все оттенки Симбирской общественной жизни, так что несомненно он составляет эру в истории города Симбирска.

Для исследования причин Симбирских пожаров 1864 года был командирован, по Высочайшему повелению, генерал-адъютант барон Врангель. Сомнения не было, что пожары произведены злоумышленниками, но они так ловко действовали, что не смотря на все усилия, не удалось раскрыть их. Между тем народ считал виновниками несчастья, как было упомянуто выше, солдат квартировавшего в Симбирске пехотного полка и открыто требовал наказания виновных. Настроение ожесточенного несчастьем населения было таково, что представлялась необходимость, во что бы то ни стало, найти виновных и производившая расследование комиссия их нашла — двое солдат были приговорены к смертной казни. Этот печальный и торжественный акт правосудия был совершен, за Александровским садом, по пути в Киндяковку. жажда народного мщения была удовлетворена, но колоссальность злодеяния, беспощадность и ловкость, с которыми оно производилось, слишком убедительно говорят, что это дело рук, не каких-то двоих солдат, бывших, может быть лишь послушным орудием чего-то более сильного, загадочного, сумевшего скрыть свои следы. (Симб. Губ. Вед. 1893 г., № 55.)

Барон Врангель недолго пробыл в Симбирске; он отказался от дальнейшего ведения следствия, по его бесплодности, и был отозван, а вместо его прибыл сенатор Семен Романович Жданов. Он привез с собою полную канцелярию крупных и мелких чиновников и сыщиков, занял под свое помещение весь обширный дом Симбирской Удельной Конторы, а впоследствии переселился на дачу в Киндякову рощу. Началось деятельное следствие; очень многие из Симбирских жителей были привлечены в качестве обвиняемых; в тюрьмах не хватало места для арестованных. Пробыв в Симбирске почти два года, сенатор Жданов виновных не открыл и выехал в Петербург, но на пути скоропостижно скончался в Нижнем-Новгороде. (Симб. Губ. Вед. 1898 г., № 83.) Посленого прибыл генерал Владимир Иванович Ден, который тотчас же освободил из тюрьмы всех лиц, заподозренных сенатором Ждановыми и тем прекратилось расследование причина страшных Симбирских пожаров. (В записках В. Л. Дена „Русская Старина“, 1890 г., июль, стр. 188 — 192), говорится, что целью его командировки в Симбирск, в качестве председателя особой комиссии смешанного суда, было разъяснить в чем именно могли обвиняться одиннадцать человек, четыре года содержавшихся под стражею, заподозренных в поджогах сенатором Ждановыми, в бумагах которого, после его смерти, не было найдено ни уважительных причин к арестованию этих и других лиц, еще томившихся в заключении, ниулик, подкреплявших предположения Жданова в их виновности.

При первом же знакомстве с делом, В. И. Ден убедился, что Жданов, прибывший в Симбирск слишком поздно, чтобы иметь возможность захватить действительных поджигателей, тщетно делая розыски в течении двух лет, наконец решил, (для удовлетворения своего самолюбия и для сдержания легкомысленно данного слова жителям г. Симбирска — не покинуть развалины несчастного города, не обнаружив преступников) создать виновных посредством ложных наговоров и мнимых обличений, в чему ему усердно помогали иекоторые из приставленных к нему чиновников,) 1 августа 1869 года дело это, содержащее в себе 15,000 листов, докладывалось в Московском 6-м департаменте Правительствующаго Сената, где и определено было предать его забвению.

Последний большой пожар в Симбирске был 29 июня 1888 года. В тот день происходило погребение преосвященного Евгения, бывшего епископа Симбирскаго и Сызранскаго. По этому случаю публика, со всех концов города, начала, с утра, стекаться к собору, так что ко времени отпевания, в соборе и на площади собралось несколько тысяч народа. Во время отпевания, около часа дня, при сильном ветре, перешедшем затем в бурю, вспыхнул пожар, начавшийся на Дворцовой улице, близ Молочнаго переулка, в квартире столяра, от неосторожнаго обращения с огнем. Огонь быстро охватил все здание и затем распространился на соседния строения. Отсюда горящая головни ветром перекидывало в соседния улицы, так что через час горело уже в нескольких местах и в разных улицах.

Пожаром, окончившимся лишь на следующий день вечером, уничтожено 186 домов на улицах: Дворцовой, Сборной, Лосевой, Старо-Казанской, Мало-Казанской, Мартыновой, Шатальной и Верхне-Набережной. Убыток исчислен в 782,061 рубль. Хотя большинство домов было застраховано, но жившие в них квартиранты — бедняки, лишились всего своего имущества, спасти которое не имели возможности, так как многие из них, во время пожара были на соборной площади и возвратились домой, когда имущество их уже было в огне. (Симб. Губ. Вед. 1888 г., № 48.) Губернскими начальством немедленно был образован комитет для оказания помощи погорельцам и открытая подписка на сбор пожертвований, лишь в пределах губернии, дала, в короткое время, столь блестящие результаты, что не только все погорельцы были удовлетворены, но еще образовался остаток в 582 рубля 34 коп., который передан комитетом в распоряжение Симбирскаго городского общественного управления и вместе с поступившими вновь пожертвованиями, составил сумму в 702 руб. 34 коп., образовавшую особый фонд для оказания вспомоществования жителями города Симбирска и заволжских слобод, в случае истребления их имущества пожаром, каковой фонд находится и по настоящее время в распоряжении городской управы, совместно с организованною для этой цели комиссиею. (Журн, Думы 12 мая 1889 года.)

1) Исторический очерк.

В первое время существования г. Симбирска все бывшие в нем церкви и монастыри причислены были к патриаршей области, находились в полной зависимости от казенного патриаршего приказа и составляли, вместе с церквями, построенными в селениях Симбирского уезда, Симбирскую „десятину т. е. особый церковно-административный округ патриаршей области. *(В старое время, при основании селения на пожалованном или купленном месте, прежде всего, строили церковь, а возле нея „усад для помещика и наконец ставили избы для крестьян. Так как одновременно с построением г. Симбирска, около него было пожаловано много поместий, то неудивительно, что в первый же год, в Симбирской десятине уже числилось 18 церквей и 3 часовни. (Арх. Мин. Юст., Патриарш. Казен. Прика., кн. 9). (Должно быть в этом году окончена постройка первой церкви в г. Симбирске - соборной Троицкой.)* В патриаршем управлении термин „десятина обозначал не столько известный территориальный округ, сколько совокупность приходов, предоставленных, в административно-финансовом отношении, ведению „поповского старосты. Этим делением области на более мелкие административно-финансовые единицы облегчался поповским старостам надзор за жизнью и деятельностью духовенства, и сокращались разъезды их для сборов денежной дани, которою была обложена каждая церковь, а для приходских священников деление на десятины делало менее обременительными сношения их с местными административными центрами. Из документов, хранящихся в архиве Министерства Юстиции видно, что в 1651 году гор. Симбирск был присоединен к патриаршей области, по отписке и переписным книгам соборного протопопа Сергея. *(Арх. Мин. Юст., Патриарш. Казен. Приказ, кн. 29, л. 988.)*

В 1657 году Симбирская десятина отдана митрополиту Казанскому и Свияжскому Лаврентию, с условием взноса в патриаршую казну ежегодно по 50 рублей, но у митрополита с духовенством „учинился спор и Симбирской десятины попов челобитье. Причиной спора оказалось, по всей вероятности, требование дани в большем размере, чем священники платили раньше патриарху. В виду этих недоразумений, в 1559 году состоялся Царской Указ, в силу которого г. Симбирск с уездом был изъят из Казанской митрополии и приписан обратно к патриаршей области. В книгах казенного патриаршего приказа г. Симбирск числится до 1667 года, после чего снова утверждается за Казанскою митрополиею. *(Арх. Мин. Юст. Патриарш. Казен. Приказ, кн. 42, л. 571 — 573; кн. 46, л. 585; кн. 49, л. 596.)*

27-го ноября 1681 года царь Федор Алексеевич, по совету патриарха Иоакима, издал указ, о том, чтобы архиереям именоваться „по степеням и каждому архиерею иметь в своей епархии подвластных ему епископов (викарных), при чем определено было в каких именно городах должны быть викарные епископы и какое и где иметь им довольствие. По этому указу, в городе Симбирске дано Казанскому архиепископу „на удовольствие, из Богородицкого (Успенского) монастыря, 200 дворов. *(Полн. собр. зак., т. 11, ст. 898.)* В таком положении духовное управление г. Симбирска и его уезда находилось до конца 18-го столетия. Затем, 16 октября 1799 года последовал указ о приведении епархиальных границ сообразных границ губерний и об учреждении новых епархий; в этом указе, между прочим, сказано: „во

второклассной Казанской епархии быть губернии Казанской, да по ближайшей смежности с оною и удобности, губернии Симбирской; а так как по соединении двух губерний в одну епархию, число церквей в ней должно значительно увеличиться, то „не находя надобности учредить в Симбирской губернии особаго архиерея, полагается управлять епархиею местному Казанскому архиерею, с пособием викарнаго епископа, которому иметь пребывание в первоклассном Свяжском монастыре, в гор.Свяжск, с получением положеннаго по званию архимандрита того монастыря жалованья и с прибавкою, сверх того 1000 руб. и 12 человек служителей. А именоваться архиерею „Казанским и Симбирским." (*Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 19156.*) Однако, викарный епископ Казанской епархии вскоре же (указом от 27-го января 1802 года (*Там же, т. XXVII, ст. 20124.*)) был упразднен, так как при открытии новых, Оренбургской и Саратовской епархий, от Казанской отошло много церквей.

Наконец 10-го февраля 1832 года состоялось учреждение самостоятельной **Симбирской епархии**. Синод, в докладе своем об учреждении этой епархии, приводит следующие соображения и цифровыя данныя, послужившия основанием к отделению Симбирской губернии от Казанской епархии: „количество народонаселения и пространство земли, которое признается достаточным для того, чтобы составить отдельную губернию, по тем же соображениям, должно быть принято за основание при учреждении отдельной епархии; а для правильного однообразия в распределении частей управления и для удобства сношений между духовным и светским начальствами, следует наблюдать, чтобы пределы губернии совпадали с пределами епархии. По этим началам были открываемы, постепенно, архиерейския кафедры в тех губерниях, которыя их не имели и наконец осталась только одна Симбирская губерния без самостоятельной епархии, между тем как в этом представляется настоятельная необходимость. В Казанской губернии в то время было 406 приходских церквей, а церковных причтов 607, в Симбирской же губернии было 603 церкви и 788 причтов — количество, для одной епархии обременительное, а для образования двух, вполне достаточное. При этом в Казанской губернии было 213 приходов из разных племен новокрещенных, требовавших особеннаго и ближайшаго попечения об утверждении их в вере, и в Симбирской губернии было 109 таких приходов; кроме того совсем непросвещенных светом евангелия было: в Казанской губернии 115,682 души одного только мужскаго пола и в Симбирской — 34,503 души. Между тем число ученых священников, в сравнении с неучеными, весьма незначительно, в особенности в Симбирской губернии, так как с одной стороны, духовенство этой губернии, по отдаленности, затруднялось отдавать детей в Казанскую семинарию, а с другой — окончившие курс в той семинарии охотнее размещались, по церквам, ближайшим к месту пребывания епархиальнаго начальства.

На основании приведенных соображений Синод определил: 1) открыть новую Симбирскую епархию, которой, в порядке епархий, быть в третьем классе, после Оренбургской; 2) епископу сей епархии именоваться „Симбирским и Сызранским" 3) пребывание Симбирскому епископу иметь в Симбирске, где для помещения его, со всем архиерейским штатом и консисторию, построить в третьеклассном Покровском монастыре приличный дом, на счет казны, а до устройства онаго, иметь ему жительство в монастырских настоятельских кельях; 4) штат Покровскаго монастыря, обращаемаго в архиерейский дом, перевести в Сызранский

Вознесенский монастырь; 5) что касается до открытия семинарии в Симбирской епархии, то предоставить будущему архиерею войти о сем с особыми представлением, а до того времени детям священно и церковно-служителей сей епархии продолжать обучаться в Казанской семинарии.

Это определение Синода удостоилось Высочайшего утверждения 10-го февраля 1812 года. (*Второе полн. собр. зак., т. VII, ст. 5147.*) По штату новоучрежденного архиерейского дома, положено было архиерею жалованья 1000 рублей и ему же „за хлеб и за прочую всякую собственно для него принадлежащую провизию, также и на содержание экипажа, 1600 рублей. При архиерейском доме в назначены: эконоом, духовник, два крестовых иеромонаха, ризничий (он же казначей) и при нем копиист, два иеродиакона, житенный (он же сушилейный), чашник, два архиерейских келейника, четыре служителя при архиерее и 40 человек разной прислуги (истопников, хлебников и проч.). Там же штатом учрежден хор архиерейских певчих в 24 человека (три станицы — по 8 человек в каждой) и определено иметь при архиерейском доме богадельню на 25 лиц обоего пола. (*Там же, приложение к ст. 5147.*) Однако эта богадельня не была вовсе открыта, вследствие тесноты и неудобства помещений в Покровском монастыре, ассигнованныя же на ее содержание деньги (250руб. в год) раздавались бедным лицами духовнаго звания.

В состав Симбирской епархии вошла вся тогдашняя Симбирская губерния, включавшая в себе 10 уездов; восемь, составляющих Симбирскую губернию в настоящее время и кроме того Самарский и Ставропольский уезды, которые с 1851 года отошли к вновь образованной тогда Самарской губернии, где была учреждена самостоятельная епархия.

2) Симбирские архипастыри.

Первым архипастырем новооткрытой Симбирской епархии был *архиепископ Анатолий*, смиренный и благочестивый старец, весьма много потрудившийся при устройстве епархии и открытии учебных заведений духовнаго в ведомства. Из послужнаго списка его видно, (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 140.*) что он родился в 1766 году, в местечке Усовке, Переяславскаго уезда, Полтавской губернии, где отец его был священником; в мире он именовался Андреем Ивановичем Максимовым и на десятом году от рождения, взят был старшим братом своим, Петербургским прототереем Степаном Ивановичем, в Петербург, где и получил образование в семинарии. По окончании курса наук, в 1790 году, он состоял, первоначально священником, а потом и протоиереем Петербургскаго собора во имя Нерукотвореннаго Спаса, что на сенной площади, где прослужил около 20 лет. Овдовев, он поступил, в 1809 году, в монашество, принял имя Анатолия и получил назначение инспектора Петербургской духовной семинарии, а затем перешел ректором в Тверскую семинарию. В 1812 г. преосвященный Анатолий был назначен на родину епископом Полтавским и Переяславским; в 1814 г. перемещен на кафедру Минской епархии; в 1816 г. возведен в сан архиепископа, а в 1832 году назначен на вновь открытую Симбирскую кафедру, которою управлял в течении десяти лет. В 1842 году, вследствие преклонности лет и по разстроенному здоровью, архиепископ Анатолий уволен был на покой в Сызранский Вознесенсий монастырь, где и скончался 14-го февраля 1844 г.; он погребен в городе Сызрани, в церкви Федоровской Божьей Матери. Во время управления им Симбирскую

епархией, в Симбирске открыта духовная семинария. Вторым архиепископом Симбирский и Сызранский, *преосвященный Феодосий*, управлял Симбирской епархией с 1842 года по 1858 год. Он родился в 1797 году; отец его был священником в селе Косицах, Верейского уезда, Московской губернии. В мире Федор Андреевич Озеров, первоначальное образование получил в Московской семинарии, потом перешел в С. Петербургскую духовную академию, где окончил курс со степенью магистра и затем поступил в монахи, приняв имя Феодотия. В 1823 г. он был назначен инспектором Вифанской семинарии; с 1828 по 1837 год, в сане архимандрита, он состоял ректором, сначала Уфимской, потом Рязанской семинарии; в 1827 году назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской митрополии, а в 1842 году перемещен в Симбирск, на самостоятельную кафедру. Преосвященнейший Феодотий присутствовал в святейшем Синоде, с 1855 по 1857 г. и участвовал 26-го августа 1856 года, в священном короновании Императора Александра Николаевича, в каковой день возведен был в сан архиепископа. Он скончался 20 августа 1858 года и погребен в Симбирском кафедральном Николаевском соборе. (*Симб. Губ. Вед. 1859 г., №36.*) Энергичный и ревностный архипастырь, преосвященнейший Феодотий весьма много потрудился для блага Симбирской епархии во время шестнадцатилетнего управления ею. Он особенно заботился о благоустройстве и украшении Симбирского кафедрального собора и построил церковь в духовной семинарии; на изысканные им средства было открыто, при Симбирском Спасском женском монастыре, училище для девиц духовного звания. Он же перевел архиерейский дом из Покровского монастыря в нынешнее его помещение. По желанию Симбирских граждан, он исходатайствовал разрешение приносить ежегодно в Симбирск, из Жадовской пустыни, чудотворную икону Казанской Божией Матери, чем возстановил обедневшую и пришедшую в упадок Жадовскую пустынь. Его заботами и стараниями устроен Сызранский Вознесенский монастырь, с богадельней для престарелых священно-церковно-служителей и возведен из третьеклассного в первоклассный; он же вновь открыл и женский Сызранский монастырь. При нем были обращены и крещены в православную веру до 1000 мальчиков евреев из контонистов, а также свыше 4000 язычников и магометан из удельных крестьян. Среди забот по управлению епархией, преосвященный Феодотий находил время заниматься и духовно-поучительными сочинениями; он написал несколько поучений и речей и издал их под общим заглавием „Утро священнослужителя, кроме того особая „беседа о вере и церкви и составил памятную книгу или катихизис для новообращенных из евреев. (*Симбирский сборник 1868 г., стр 1410.*) Третий епископ Симбирский и Сызранский, *преосвященный Евгений*, в мире Макар Сахаров, родился в 1814 году, в селе Урене, Варнавинского уезда, Костромской губернии, где отец его был причетником. По окончании курса в Костромской семинарии, а потом в Московской духовной академии, со степенью магистра, он, в 1838 году, постригся в монахи и поступил бакалавром богословских наук в Московскую духовную академию; в 1842 году он был назначен инспектором той-же академии, а в 1843 году возведен в сан архимандрита. В 1847 году, по получению должности ректора Вифанской семинарии, он вместе с тем, состоял настоятелем Московского Златоустова монастыря, членом Московского комитета духовной цензуры, и членом правления Московской духовной академии. В 1849 году архимандрит Евгений переведен ректором Московской семинарии, а в 1853 году получил должность ректора

Московской духовной академии, откуда, в 1857 году, назначен епископом, Дмитровским, викарием Московской митрополии, а 13 октября 1858 года переведен на епископскую кафедру в Симбирск. Рассказывают, что митрополит Филарет, содействовавший назначению Евгения на Симбирскую кафедру, по смерти архиепископа Феодотия, говорил некоторым из своих приближенных, „посылаю в Симбирск ангела мира и действительно, в продолжении шестнадцатилетнего управления Симбирскою епархией, преосвященный Евгений, кротко и мирно исполнял свое святительское служение. Благодаря аскетическому характеру, он не обладал качествами живого, практического деятеля, а был преимущественно кабинетным тружеником. Он поучал свою паству не столько словом, сколько примером своей благочестивой жизни. Испытавши на себе все невзгоды сиротства и бедности, преосвященный Евгений особенно заботился об участии вдов и сирот духовенства; привыкши к лишениям, он проводил жизнь уединенного подвижника, щедро помогая всем, кто заявлял ему о своих нравственных и материальных нуждах. 7 декабря 1874 года преосвященный Евгений, по разстроенному здоровью, уволен был на покой и остался жить в Симбирске, в Покровском монастыре, занимая там небольшое помещение из двух комнат, в общем братском доме. Жизнь его на покое была исполнена лишений: пищу он употреблял самую простую и в малом количестве, только для поддержания сил; одежда у него была тоже самая простая, получаемую же из казны пенсию он раздавал неимущим. 28 июня 1888 года преосвященный Евгений скончался и погребен в Симбирском кафедральном Николаевском соборе. (*Симб. Губ. Вед. 1888 г., №№ 46 — 64.*) Четвертый епископ Симбирский и Сызранский, **преосвященный Феокист**, родился 6-го февраля 1826 года, в селе Старом Салтове, Волчанскаго уезда, Харьковской губернии, где отец его был священником. В мире он именовался Федором Апполоновичем Поповым. Десяти лет он поступил в Харьковское духовное училище, откуда перешел в Харьковскую семинарию и все время учения отличался выдающимися способностями и прилежанием, так что на 21-м году от роду он уже поступил в Киевскую духовную академию. Окончив курс академии, Федор Попов, в августе 1851 г., перешел в монашество, при чем принял имя Феокиста и в скором же времени был назначен преподавателем богословских наук, сначала в Воронежскую, а затем, в 1853 году, в Киевскую семинарию, где несколько раз исправлял должность инспектора, а в 1856 году утвержден в этой должности. В конце 1859 года, уже в сане архимандрита, Феокист назначен был ректором Тамбовской духовной семинарии и вместе с тем настоятелем Козловскаго Троицкаго монастыря, но менее чем через год, его переметили на ту же должность в Киевскую семинарию и определили настоятелем Киево-пустынно-Николаевскаго монастыря, а также редактором журнала „Руководство для сельских пастырей. В 1868 году, оставаясь в должности ректора Киевской семинарии, архимандрит Феокист был вызван в Петербург, для участия в комитете по преобразованию учебной части духовных академий и 19 мая 1869 года получил назначение епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии, а 7 декабря 1874 года переведен на самостоятельную кафедру в Симбирск. Во время восьмилетнего управления Симбирскою епархией, преосвященный Феокист учредил благочиннические советы, устроил епархиальные и окружные съезды представителей духовенства, учредил братство Трех Святителей при Симбирской духовной семинарии и миссионерский комитет, для борьбы с расколом; при нем начали издаваться

Симбирския епархиальные ведомости. Но самым крупным делом преосвященного Феоктиста было преобразование Симбирского училища девиц духовного звания в епархиальное училище. 28 сентября 1882 года преосвященный Феоктист был переведен на архипастырскую кафедру в Рязань, где и скончался 2 декабря 1894 года, в сане архиепископа. („*Церковные Ведомости за 1894 г., № 50.*“) Пятый епископ Симбирский и Сызранский, **преосвященный Варсонофий**, родился 17 марта 1830 года в селе Красном, Лебедянского уезда, Тамбовской губернии, в семье местного дьякона и в мире назывался Яковом Охотиным. Первоначальное образование он получил в Тамбовской духовной семинарии, а затем, в 1850 году, поступил в Казанскую духовную академию, где, в 1853 году, пострижен в монашество и наречен Варсонофием. По выходе из академии, со степенью магистра богословия, он поступил преподавателем в Казанскую духовную семинарию, а в 1855 году назначен инспектором той же семинарии. Затем, в 1861 году, он возведен был в сан архимандрита и определен настоятелем Кизического монастыря, а в 1864 году получил должность ректора Казанской духовной семинарии и вместе с тем, настоятеля Казанского Иоанно-Предтеченского монастыря. В 1875 году он был вызван в Петербург, на год, на чреду священнослужения и состоял членом С.-Петербургской духовной Консистории, а в 1876 году назначен епископом Екатеринбургским, затем перемещен, в 1877 году, на кафедру в Старую Руссу и наконец, 4-го ноября 1882 года, прибыл в Симбирск, на архипастырское служение. В течении двенадцатилетнего управления Симбирскою епархией, преосвященный Варсонофий много содействовал к улучшению местных духовных учебных заведений. При нем выстроено новое прекрасное здание для духовного училища, а в прежнем его помещении открыто семинарское общежитие; деятельность братства трех святителей им значительно расширена и из благотворительного учреждения для бедных учеников семинарии преобразовано в духовно-просветительное общество для всей епархии, с каковою целью устроен при семинарии книжный склад братства. В частной жизни, преосвященный Варсонофий отличался благотворительностью; каждую субботу нищие наполняли его двор и получали щедрое подаяние; ежегодно некоторые из недостаточных воспитанников семинарии получали от него пособие на содержание, точно также как многие из вдов и сирот, духовенства; особенно обильна помощь его была в голодное время, в 1891 и 1892 годах. Преосвященный Варсонофий скончался 12 августа 1895 года и погребен в Симбирском кафедральном соборе, рядом с преосвященными Феодотием и Евгением. (*Симб. Губ. Вед. 1895 г., № 58.*) Шестой епископ Симбирский и Сызранский, **преосвященный Никандр**, бывший ректор С.-Петербургской духовной академии, назначенный на настоящую кафедру в августе 1895 года, вступил в управление Симбирскою епархией 20 сентября того же года. Весть о назначении в Симбирск преосвященного Никандра встречена была, не только местным духовенством, но и всем обществом, с живейшею радостью и светлыми надеждами, которые вполне оправдались с первых же дней его деятельности, благодаря симпатичным душевным качествам преосвященного.3) Духовная консистория. Духовное управление Симбирскою епархией сосредоточивается в Симбирской Духовной Консистории, находящейся при архиерейском доме. При открытии епархии, в 1832 году, духовная консистория помещена была в ветхом двух-этажном каменном корпусе, в Покровском монастыре, около ворот монастырской ограды. Затем, в 1844 году, стараниями преосвященного Феодотия, был куплен для

архиерея каменный двух-этажный дом, на венце, принадлежавший княгине Хованской, построенный еще дедом ея, бывшим Симбирским губернатором Александром Васильевичем Толстым. *(Еще в 1832 году архиепископ Анатолий возбудил вопрос о постройке отдельного дома, в Покровском монастыре, для собственного помещения, со своим многочисленным штатом, и для консистории. По составленному плану, на построение надлежащаго архиерейскаго дома, с двумя флигелями, исчислена была сумма в 148,329 рублей ассиг. Проект и смета посланы были в Синод, но там дело затянулось на долгое время и в конце концов, не получило разрешения, потому, главным образом, что сумма исчислений была выведена очень внушительная для того времени. Неболюбов. „Учреждение архиерейской кафедры в г. Симбирске, стр. 63 и 64).* Консисторию поместили на дворе этого дома, в деревянном флигеле; но по неудобству и тесноте помещения, в 1859 году, построили отдельный для консистории каменный, тоже двух-этажный дом, в котором она находится и по настоящее время. Симбирская епархия разделяется на 40 благочиннических округов, которые, по уездам, распределены такими образом: в Симбирском уезде— 5 округов, в Сызранском — 7, в Карсунском — 6, в Буинском — 4, в Сенгилеевском — 4, в Алатырском — 4, в Ардатовском — 6 и в Курмышском — 4. Первый благочиннический округ Симбирскаго уезда составляют следующие Симбирския городския церкви: три собора, два монастыря, 11 приходских и 15 домовых церквей.

4) Соборы.

Кафедральный Троицкий собор,



одно из вещественных доказательств проявления патриотического чувства Симбирского дворянства. Тяжелая година отечественной войны 1812 года на Симбирске отразилась может быть более, чем на многих других русских городах: сюда съехалось из Москвы и ее окрестных городов, много дворянских семей, испытавших на себе все ужасы войны и во все время ее находившихся под свежим впечатлением пережитых ими лишений. Под влиянием этого, Симбирское дворянство, на выборах 1815 года, при получении известия о возвращении из за границы Государя, движимое усердием своим и приглашением губернатора Н. П. Дубенского, единодушно постановило возобновить храм Симбирского Троицкого собора, посвятив оный имени св. Александра Невского, с приобщением к нему двух приделов: одного для сохранения имени существующего храма, а другого для помещения полковой церкви бывшего Симбирского ополчения. Для сего дворянство отчислило 50,000 рублей, из сумм, оставшихся свободными от бывшего ополчения и вместе с тем, открыло подписку на пожертвования между всеми сословиями Симбирской губернии. Составленный план представлен был на рассмотрение учрежденного при Министерстве Внутренних Дел строительного комитета и удостоился Высочайшего утверждения, но затем, при дальнейшем обсуждении подробностей этого плана, встречены были различные технические затруднения, которые делали невозможным приведение плана в исполнение, а посему комитет предложил дворянству, вместо перестройки соборной церкви, выстроить новый храм во имя Живоначальной Троицы, с приделами: св. благоверного князя Александра Невского и св. Предтечи Иоанна, во имя которого устроена была церковь при Симбирском ополчении. Дворянство согласилось с предложением комитета и поручило архитектору Михаилу Петровичу Коринфскому, составление плана нового храма, а место для постройки его избрало на большой городской площади, близ старого собора. По преданию, на этом месте, был прежде крепостной арсенал, построенный в первые года существования г. Симбирска. Закладка храма была приурочена ко времени посещения нашего города Императором Александром Благословенным и состоялась 7 сентября 1824 года, *(На доске, помещенной внутри собора, день закладки означен ошибочно 2-го сентября 1824 года.)* в воскресенье, в 6 часов утра, для какового торжества был приглашен преосвященнейший Амвросий, архиепископ Казанский и Свияжский. Осчастливив закладку храма своим присутствием, Император Александр 1-й собственноручно положил в его основание камень и известку, нарочно приготовленную для сего случая серебрянную вызолоченную лопаткою, которую поднес Государю губернский предводитель дворянства, князь М. П. Баратаев. 22 декабря 1825 года дворянство учредило, особый комитет, который, получив в свое заведывание все суммы, в первом своем заседании, 13 января 1826 года, решил, прежде всего, сделать приглашение к пожертвованиям, *(Из книги, заведенной комитетом для вписывания имен жертвователей, хранящейся и по ныне в архиве Троицкого собора, видно, что по 1-е мая 1832 года, на построение храма, поступило пожертвований (кроме 50,000 руб. дворянских) 98695 руб. 54 коп. и что в числе наиболее крупных жертвователей были: Петербургский купец Иван Кувшинников (6480 руб.), поручик Тимофей Дурасов (4717 руб.), Симбирское мещанское общество (4000 руб.) и крестьянин Мисаил Яковлев (2000 руб.).* к действительному же производству работ приступить лишь 25 июня 1827 года, после торжественного молебствия. Наружное сооружение храма окончено в 1832 году, на что израсходовано 117,956 руб.45 1/2

коп., дальнейшие же работы были приостановлены, за неимением средств. В 1837 году, после посещения города Симбирска Императором Николаем Павловичем, получено было от Министра Внутренних Дел предписание о скорейшем окончании храма; между тем, на лицо к 1 января 1837 года состояло соборного капитала только 1500 руб., остальная же сумма (почти 57,000 руб.) находилась в долгах и не смотря на принятые комитетом меры, немедленно собрать ее с должников не представлялось возможным, так что признано было необходимым испросить ссуду из приказа общественного призрения, в размере 35,000 руб., по получении каковой, работы по постройке храма стали подвигаться вперед, однако довольно медленно, так что только через 7 лет после закладки, именно 15 сентября 1841 года, состоялось освящение храма, совершенное преосвященнейшим Анатолием, первым архиепископом Симбирским и Сызранским. Преемник его, преосвященный Феодотий, обратился, в 1844 году, к Симбирскому дворянству, через губернского предводителя, с воззванием (*См. приложение, № 16.*) о пожертвовании капитала, процентами с коего можно было бы поддерживать благолепие храма и производить ремонты его. Результатом этого воззвания было постановление дворянства о выдаче на поддержание собора по 185 руб. сер. в год, из частных губернских сборов с дворянских имений; впоследствии, к этому пособию прибавилось 120 руб., выдаваемых и по ныне ежегодно, на содержание собора из городских сумм. По наружному очертанию, Троицкий собор немного напоминает Исаакиевский собор в Петербурге, хотя по отделке и богатству, между ними, конечно, не может быть сравнения. Наш собор тоже крестообразный и окружен колоннадами, над коими покоится величественный купол; но малых куполов нет, равно как не существует и отдельной для сего храма колокольни; как снаружи, так и внутри, отделка очень проста, даже бедна для соборного храма губернского города. В соборе три придела: главный — во имя Св. Троицы, на южной стороне - во имя третьяго обретения главы Иоанна Предтечи (празднуется 25 мая), в память походной церкви Симбирскаго ополчения 1812 года; на северной стороне — во имя св. великаго князя Александра Невскаго (празднуется 30 августа), имя котораго носит державный вождь русскаго народа во время отечественной войны 1812 года. В пожар 19 августа 1864 года Троицкий собор совершенно обгорел, при чем погибло не мало хранившихся в нем памятников старины. Он возобновлен доброхотными даяниями, в течении четырех лет. Главный придел вновь устроен заботами почетнаго гражданина г. Симбирска графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова; по его заказу все три иконостаса составлены академиком Гейдике, иконы писаны в Петербурге, придворным иконописцем Пешехоновым; Правый придел возстановлен на пожертвования Симбирских купцов и мещан, а левый — иждивением бывшаго соборнаго старосты, купца Козьмы Яковлевича Жаркова, прослужившаго в этой должности более 25 лет. Освящение главнаго придела преосвященным Евгением, епископом Симбирским и Сызранским, последовало 28 июля 1868 года; затем, в том же году, были освящены и боковые приделы: во имя Александра Невскаго — 11 августа и во имя Иоанна Крестителя — 1 сентября. Летом 1883 года, епископ Варсонофий привез из Казани частицы мощей двух просветителей средняго поволжья, Казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия и с тех пор эти святыни хранятся в Троицком соборе. В 1887 и 1888 годах был произведен капитальный наружный и внутренний ремонт, собора, на поступившия от разных лиц и учреждений пожертвования, из коих главныя были: от купца А. П. Кирпичникова

(4000 руб.), от губернского земства (3000 руб.) и от городской думы (1000 руб.); всего же было собрано на сей предмет, стараниями церковного старосты Жаркова, 11,117 рублей 63 коп. (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 151. Симб. Губ. Вед., 1868 г., № 84 и 98; 1883 г., № 52 и 1888 г., № 7. (Липинский, т. II, стр. 381 и 723. Отчет Симбирскаго губернскаго предводителя дворянства за 18 36/37 г., стр. 8, 10 и 36.)* а постройка окончилась около 1712 года. *Симбирский календарь на 1877 год, стр. 19.)* Николаевский Кафедральный собор воздвигнут на месте прежней деревянной Троицкой соборной церкви, построенной одновременно с основанием города Симбирска. После победы, одержанной в 1670 году над разбойником Стенькой Разиным, Симбирский воевода и его ратные люди дали обещание построить в Симбирске церковь во имя знамения Пресвятой Богородицы, святителя Николая чудотворца и преподобного Сергия Родонежскаго и уже собрали деньги на это „церковное строение, но царь Алексей Михайлович, узнав о таком их намерении, прислал со стольником Федором Львовичем Волконским (посланным в 1671 году объявить царскую благодарность защитникам Симбирска) указ, по которому „той церкви до указа Великаго Государя строить не велено и Великаго Государя указ о том церковном строении будет вскоре, как ту церковь строить. (См. приложение, № 5.)

Вследствие этого постройка церкви замедлилась и только при Петре Великом вопрос о ней разрешился в смысле возобновления обветшавшаго деревяннаго Троицкаго собора, возведением на его месте новаго каменнаго храма, закладка котораго состоялась 2 июня 1704 г., (*Симбирский календарь на 1878 год, стр. 49*) Каменная церковь освящена была во имя св. Троицы, с приделом во имя Знамения Пресвятой Богородицы. При церкви тогда устроили, отдельно, деревянную „звонницу, а под нею небольшую церковь во имя св. Николая Чудотворца. Эта звонница существовала до 1855 года и в ея Никольской церкви хранилась походная церковь Симбирскаго ополчения 1812 года. По ветхости, звонница и в ней церковь, были разобраны и 30-го августа 1855 года состоялась торжественная закладка новой каменной колокольни, с церковью в ней во имя св. Иоанна Воина. (*Симб. Губ. Вед. 1855 г., № 38 и 42.*) Колокольня окончена в 1857 году и уже впоследствии соединена под-одно с самою церковью, после чего собор принял тот вид, в котором он находится и в настоящее время. Николаевский собор именовался Троицким до 1841 года, когда освящен был новый кафедральный собор во имя Св. Троицы; с тех пор старый собор стали именовать Николаевским, а иногда и Александро-Невским. В нем в настоящее время два придела: главный во имя Св. Николая Чудотворца (празднуется 6 декабря) и на северной стороне во имя Знамения Пресвятой Богородицы (праздника 27 ноября), заново переделанный в 1898 году, и кроме того в колокольни отдельный придел во имя св. мученика Иоанна Воина (праздник 30 июля). В этом соборе хранятся древния иконы и священные предметы: 1) напестолный серебрянный позолоченный крест с мощами, пожалованный Царем Алексеем Михайловичем и Царицею Мариею Ильинишнею в 1648 году, при построении города Симбирска; (*Липинский, т. II стр. 382 и 704.*) на ковчеге этого креста сохранились следы от пули, пущенной из лагеря Стеньки Разина, когда во время осады им г. Симбирска, совершен был, вокруг города, крестный ход, 2) пожалованные тоже Царем Алексеем Михайловичем, присланные из Москвы в 1653 году с протопопом Василием Афонасьевым, церковные книги, ризы и колокола; (*В строельной книге г. Синбирска (стр. 77) значитя: „по Государеву, Цареву и*

Великаго князя Алексея Михайловича, всея России, указу, прислано из Москвы в Симбирск, в соборную церковь, с протопопом Василием Афонасьевым, книг печатных в переплете: кормчая, Ефрем Сирин, часослов, потребник, служебник, псалтирь малая, кононник нового выходу, ризы, праздничныя камчатныя, стихарь подризный, патрахель, да поручи, отлас золотной, пояс шелковый, да три колокола, весу в них двенадцать пудов. И то Государево жалованное церковное строение, по Государеву указу, отдано соборной церкви протопопу Василию Афонасьеву с ростискою.) значительная часть этого „церковнаго строения уничтожена в пожар 1864 года, 3) на престолный крест и церковная утварь, перенесенныя в собор из бывшей под горой Преображенской церкви; 4) Чудотворные образа Божьей Матери Смоленской и „Умиление сердец, в богатых серебрянных ризах, присланные, по преданию, Императором Петром Великим, вскоре после посещения. им г. Симбирска в 1723 году и 5) часть ризы Господней, перенесенная из бывшей под горой Успенской церкви. Причт Симбирской соборной церкви пользуется, на праве собственности, частью чувичинскаго острова (носящаго самостоятельное название „Борковскаго острова, лежащаго на р. Волге, у самага города Симбирска) в размере 1500 десятин сенных покосов, с одиннадцатью озерами, пожалованною причту еще в 1649 году Царем Алексеем Михайловичем. В тоже время была дана соборному причту в вотчину, деревня Протопоповка, близ Симбирска, с крестьянами и пахатною землею, но до настоящего времени эта вотчина за соборным причтомне сохранилась. (Владенныя выписки на чувичинский остров и деревню Протопоповку, см. приложение № 2.)

Спасо-Вознесенский Собор.

Вскоре после построения города Симбирска, служилые и ратные люди поселившиеся слободами вокруг „рубленнаго города,. построили себе небольшую деревянную приходскую церковь во имя Вознесения Господня, с погостом. Однако эта церковь не просуществовала и 50 лет, как стала, вельми ветха, почему, в 1694 году, причт и прихожане построили на ея месте, с благословения Казанскаго Митрополита Маркелла, новую, деревянную же церковь, но более обширную, во имя Вознесения Господня, с приделом Рождества Богородицы. Эта церковь просуществовала только до 1729 года, когда получено было разрешение Казанскаго Митрополита Силиверста строить, на старом погосте, каменную церковь, в „то-ж именованье, но в два этажа: вверху холодную, во имя Вознесения Господня, а внизу теплую, во имя Рождества Богородицы, с приделом во имя св. великомученика Иоанна Воинственника. Постройка этой церкви продолжалась очень долго, так что только в 1769 году последовало освящение главнаго престола, во имя знесения Господня, в верхнем этаже. Каменная колокольня пристроена впоследствии и по скудности средств; постройка ея продолжалась 23 года; она была окончена в 1829 году. Но еще ранее этого, в 1824 году, иждивением местной помещицы Елизаветы Николаевны Пазухиной, к церкви пристроен придел во имя Воскресенья Христова. Указом Святейшаго Синода от 26 июня 1844 года,

Вознесенская церковь возведена на степень собора, вместо упраздненнаго собора в Спасском девичьем монастыре. Вследствие этого храм был несколько расширен и верхний ярус колокольни изменен. В пожар 1864 года Вознесенский

собор значительно пострадал, но усердием прихожан исправлен к осени того же года. В настоящее время он пришел в ветхость, так что учрежденное недавно церковно-приходское попечительство признало необходимым не только капитально отремонтировать собор, но значительно расширить и, вообще совершенно заново перестроить по плану, составленному еще в 1847 году, однако недостаток средств, не смотря на пожертвования, не позволяет привести это намерение в исполнение. Ныне в Вознесенском соборе шесть приделов. В верхней, холодной, церкви главный придел — во имя Вознесения Господня, на южной стороне — во имя Воскресенья Господня, а на северной стороне во имя св. Иоанна Воина (праздник 30 июля). В нижней, зимней, церкви главный придел во имя Рождества Богородицы (праздник 8 Сентября), на южной стороне — во имя Божьей Матери всех скорбящих радости (праздник 24 октября) и на северной стороне — во имя евангелиста Иоанна Богослова (праздник 26 сентября). Из икон, хранящихся в этом храм в замечательны. 1) образ Богоматери-Скоропослушницы — копия с чудотворной иконы, хранящейся на Афоне, в Дахиарском монастыре; этот образ особо почитается не только горожанами, но и окрестными жителями; 2) запрестольная икона Знамени Пресвятыя Богородицы и образ св. Николая Чудотворца, сохранившаяся от первоначального храма; 3) иконы. Вознесения Господня и Богоматери Виленской — обе в богатых ризах, с драгоценными украшениями; 4) нерукотворенный образ Спасителя, греческого письма; древность его относится к временам отдаленным; кто и когда пожертвовал его в Вознесенский собор — неизвестно. *(Приведенные сведения о Вознесенском соборе заимствованы из подробного „описания Симбирского Спасо-Вознесенского собора, сост: свящ. П. Мальховым.)* В первой половине нынешняго столетия жил в приходе Вознесенской церкви **блаженный Андрей Ильич**. Беспомощный сирота, сын беднаго мещанина Огородникова, Андрей Ильич родился в 1763 году, под горой. До трехлетнего возраста он был, как говорится, „сиднем — пил и ел из чужих рук; потом стал ходить, но всю жизнь ничего не говорил, кроме слов „мама — Анна. Сначала родители одевали его как следует, но с 7 лет, сбросив с себя обувь и верхнее платье, он стал бегать, зимою и летом, по улицам города, босиком и в одной только длинной рубахе, которая шилась для него с сумкою на груди, куда многие опускали милостыню, но он ею не пользовался, а раздавал другим. Лишенный, повидимому, всех даров природы, скорченный, имевший жалкий вид, Андрей Ильич принял на себя подвиг юродства и молчальника на всю жизнь. После смерти родителей, он, с сестрой Натальей, служившей ему до его кончины, приютился в хижине, построенной для него в 1813 году помещицею Е. А. Мильгуновою, на Панской улице; но сюда он приходил только ночевать, а целые дни проводил на улице. Одним из обыкновенных его занятий было стоять на одном месте, по целым часам, перекачиваясь с ноги на ногу. В жизни юродиваго Андреюшки встречалось не мало поводов, для народной молвы, чтобы считать его праведником, так как многие из его деяний были невозможны для обыкновеннаго человека; так целые дни, а иногда и ночи, он стоял на церковной паперти, или на колокольне, в трескучий мороз, босиком, в одной рубахе; вытаскивал голыми руками чугунные горшки из пылающей печи; целовал кипящий самовар, при чем случалось, что обливался кипятком — и все это не имело никакого влияния на его здоровье. Особенное внимание современников обращал на себя несомненный дар прозорливости Андрея Ильича; все, что ни подавал он встречавшимся с ним, имело значение и смысл: кому

даст деньги — тот разживался и богател, кому предлагал щепку или землю — тот вскоре же умирал; перед переходом дома в чужия руки, или перед пожаром, он приходил с метлой и начинал мести двор хозяина. Торговцы считали за счастье, когда Андрей Ильич, пробегая мимо лавки, возьмет от кого либо из них подаяние — в тот день торговля этого счастливица шла необычайно успешно. Скончался Андрей Ильич 27-го Ноября 1841 года, от старости. По рассказам очевидцев, хотя тело его шесть дней покоилось в тесной хижине, где день и ночь толпился народ и служили панихиды, однако смерть не оставила на нем своих следов: старческое лицо покойника отражало радость и умиление, тление не касалось блаженных останков и запаха не было. 3-го Декабря 1841 года торжественно перенесли тело в Вознесенский собор, а на следующий день, в сопровождении необычайной толпы народа, отнесли останки Андрея Ильича в Покровский монастырь, где и опустили в могилу, рядом с собором, у южной стороны его. В настоящее время на могиле Андрея Ильича поставлен прекрасный памятник-часовня, с его портретом во весь рост. (См. „Блаженный Андрей Илья (См. „Блаженный Андрей Илья Матвеев, соч. Герасима, епископа ревельскаго и „Описание Вознесенскаго собора, П. Мальхова. В верхнем ярусе колокольни Вознесенскаго собора помещаются башенные часы, с механизмом для часоваго боя в большой церковный колокол,— подарок городу Симбирску его почетным гражданином, бывшим С.-Петербургским Губернским Предводителем Дворянства, графом Владимиром Петровичем Орловым-Давыдовым, отцом бывшего Симбирскаго Губернатора, графа Владимира Владимировича Орлова-Давыдова. Эти часы изготовлены в Англии, известным в свое время механиком Куке, за 10,000 рублей и поставлены на колокольне весною 1869 года (Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 118 и 1870 г., № 80). Они имеют два циферблата: один обращен к югу, другой — к северу. Устройство их цилиндрическое, с двумя гирями, ходовою (часовою) и боевою; эти гири весьма солидных размеров и значительнаго веса: часовая — $3/4$ аршина вышины и 4 вершка в диаметре, весит 12 пудов, а боевая — $1\ 1/3$ аршина вышины и 5 вершков в диаметре, весит до 20 пудов; она вся состоит из отдельных круглых плиток, которыя накладываются на стержень по мере надобности; зимой, в сильные морозы, когда требуется увеличить тяжесть боевой гири, накладывают наибольшее число плиток, так что вес ея доходит до 25 пудов. Обе гири вешат на проволочных струнах, толщиной в $1/4$ дюйма; при полном заводе, действующем в течении пяти дней, гири опускаются: ходовая — на 3 сажени, а боевая — на 12 сажен; но так как устройство колокольни не допускает такой длинной осадки гири, то ход их значительно укорочен, посредством особой системы блоков и кроме того, часы заводятся не через пять дней, а два раза в неделю. Молоток, который, при бое часов ударяет в колокол, весит 2 пуда. Этот интересный механизм наших часов, по конструкции довольно простой, но так как он постоянно находится под меняющимся влиянием различных атмосферных явлений, то требует самого тщательнаго за ним ухода; кроме того, металлические струны, на которых висят гири, через 15 лет теряют свою устойчивость. В 1883 году боевая гиря два раза обрывалась и прошибала свод колокольни, так что городская управа, в предупреждение опасности, устроила, над сводом, балку с рельсами.)

5) Монастыри.

Покровский Монастырь.



Подробное историческое описание Покровскаго монастыря составлено проф. Е. Невоструевым и напечатано в Сим. Губ. Вед. за 1870 г., №№ 54 — 66.) основан в конце 17-го столетия, проживавшим в городе Симбирске канцеляристом Петром Ивановичем Муромцевым. В 1697 году Муромцев обменял у посадскаго человека Якова Крашенинникова небольшой участок земли, на правом берегу р. Свяиги, в двух верстах от тогдашняго города Симбирска и построил здесь деревянную церковь, во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, с монастырскими зданиями при ней, почему в документах 1701 года эта церковь называется уже ново-построенным Благовещенским мужским монастырем. В 1722 году первоначальная церковь сгорела и Муромцев на ее месте выстроил каменный храм, во имя Благовещения же, но с двумя приделами: во имя Покрова Богородицы и Московских святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа. К этому храму, несколько позднее, пристроена каменная колокольня. *(Старожилы рассказывают, что в верхнем ярусе монастырской колокольни были прежде боевые часы, на подобие тех, которые ныне устроены на колокольне Вознесенскаго собора.)* Муромцев был не только создателем монастыря, но и полным его хозяином, хотя сам не был пострижен в монахи. На его средства содержался монастырь до 1724 года, когда сюда переведены были монахи из упраздненнаго Успенскаго монастыря, и вместе с тем Покровский монастырь получил землю и содержание от казны, то самое, которое производилось Успенскому монастырю: 2 руб. 50 коп. в год настоятелю и по 1 руб. каждому монаху. Владея имуществами и получая от правительства жалованье, монастырь обязан был, на свой счет, помещать у себя и содержать инвалидов, с их

семействами. Так, в 1764 г. на его иждивении находились: один офицер и 14 нижних чинов. Однако на покрытие всех расходов не доставало средств и монастырь прибегал, для увеличения доходов к коммерческим предприятиям: он, например, снимал у казны перевоз через р. Волгу под Симбирском. С введением новых штатов, в 1764 году, Покровский монастырь лишился всех своих имуществ, но вместе с тем монастырская братия была увеличена переводом сюда нескольких монахов из разных упраздненных монастырей, между прочим, из Соловецкой пустыни, бывшей на правом берегу р. Волги, в 15 верстах выше Симбирска. Монастырь начал бедствовать, но в конце прошлого столетия доходы его увеличились от устроенного тогда, в монастырской ограде, кладбища, на которое, стали хоронить именитых лиц из Симбирских обывателей, преимущественно богатых дворян, за что монастырь получал большие деньги. В 1832 году, с учреждением самостоятельной Симбирской епархии, Покровский монастырь, как было сказано выше, преобразован в архиерейский дом, а штат его перенесен в Сызранский, Вознесенский монастырь, бывший до того времени за штатом. Еще в 1785 году в монастырской ограде построен существующей и до настоящего времени деревянный одноэтажный дом, на каменном фундаменте; в нем с тех пор постоянно жили настоятели, а с открытием епархии в этом доме имел пребывание епископ Анатолий, который в 1836 году устроил здесь домовую церковь, во имя святителя Митрофана Воронежского (при епископе Варсонофии престол вновь освящен во имя св. Варсонофия). В этом же доме жил и преосвященный Феодотий, до 1844 года, пока не был куплен новый архиерейский дом, на венце. (*Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 57.*) Скончавшийся в 1895 году епископ Варсонофий, завещал капитал в 10,000 руб. на устройство в Покровском монастыре богадельни для престарелых лиц духовного звания, но к устройству богадельни до сих пор еще не приступлено.

Спасский женский монастырь.



Начало этого монастыря, по всей вероятности, современно основанию г. Симбирска. На это указывает то обстоятельство, что игуменья монастыря Улея (Юлия), в 1663 году, просила у царя Алексея Михайловича увеличить штат монастыря с 80 стариц на 100, с положением каждой из них „прежняго жалованья: игуменье — по два рубля, да по две чети ржи и по две чети овса в год, а рядовым старицам — по полтора рубля, да по полторы чети ржи, овса потому-ж. Первоначально в монастыре была одна только небольшая деревянная церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса; но вскоре же она стала мала и на ее месте построена в 1678 году, иждивением Симбиренина Степана Трофимова сына Протопопова, новая деревянная же церковь в то же именование, но с приделами во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и Архидиакона Стефана, а прежняя церковь перенесена на другое место, в том же монастыре и перестроена во имя Рождества Христова. В пожар, бывший в Симбирске в 1685 году, церковь, построенная Степаном Протопоповым, сгорела и на ее месте сооружена в 1693 году, иждивением прихожан, каменная церковь с деревянною колокольнею, тоже во имя Нерукотвореннаго Спаса, но уже с другими приделами: один во имя Рождества Иоанна Предтечи, другой во имя Алексея Митрополита Московскаго. В 1696 году эта церковь называется в актах вторым собором (первый собор Троицкий). Вместе с тем, Симбиренин гостинной сотни Иван Андреев получил в 1693 году благословение Казанскаго Митрополита Маркелла на постройку в монастыре особой каменной церкви, во имя св. Алексея Митрополита Московскаго, которая и освящена в 1698 году; вокруг всей церкви была устроена, каменная паперть. В 1710 году, против этой паперти, с западной стороны, Симбиренин гостинной же сотни Михаил Осипов Твердышев построил каменную колокольню, а в 1713 году первоначальный создатель храма, Иван Андреев, соединил колокольню с церковью и кроме того, при трапезе, с южной стороны, построил, особо, небольшую больницу, но в 1734 г. эта больница была перестроена, иждивением Симбирскаго воеводы Ивана Ивановича Немкова, и обращена в приделную церковь, во имя Трех Святителей: Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. В нижнем этаже помянутой каменной колокольни устроена была небольшая церковь во имя св. Николая Чудотворца, но около 1790 года она упразднена и из нея иконы перенесены в часовню, находившуюся у святых ворот, когда ограда была еще деревянная. Помянутая каменная церковь во имя Нерукотвореннаго Спаса, возобновленная после пожара 1864 года, существует и до настоящаго времени, а церковь во имя св. Алексея Московскаго, с колокольней, в 1861 году, по ветхости, разобрана. Первоначально все не церковныя здания в монастыре, а также и ограда вокруг монастыря, были деревянные; по этому, как рассказывают старожилы, Спасской женский монастырь назывался тогда „деревянным, в отличие от „каменнаго Покровскаго монастыря. В деревянной ограде, на северной стороне, были въездныя ворота, называвшаяся „водяными, а на южной стороне — росписныя ворота и при них деревянная часовня, с большим резным распятием и иконами. Умершие в 1784 году, Симбирский уроженец Коллежский Ассесор Яков Борисович Твердышев и жена его Наталья Кузьминишна, по завещанию, оставили значительный капитал на постройку каменной монастырской ограды, с каменными же кельями около нея и других монастырских зданий. Когда в 1787 году приступлено было к этим постройкам, Симбирский и Уфимский генерал-губернатор барон Осип Андреевич Игельстром отдал монастырю находившееся на северной

стороне, за деревянною оградю, пустое место, до линии по улице, для постройки на этом месте, за монастырскою стеною, каменных домов с флигелями и службами, с тем, чтобы сдавать их в наем и этим увеличить монастырский доход. Означенныя постройки были окончены в 1789 году и большинство из них существует до настоящего времени. Тогда же в башне, на северо-восточном углу ограды, была устроена часовня, в которую перенесены, из прежней деревянной часовни, резное распятие и иконы. *(Приведенныя сведения заимствованы из подробнаго „Описания Спасскаго девичьяго монастыря, К. Новоструева.)* В 18661 году игуменья Серафима, весьма много потрудившаяся для пользы Спасскаго монастыря, исходатайствовала разрешение на сломку старой церкви во имя св. Митрополита Алексея и склонившейся на бок колокольни и на устройство новаго храма, во имя Иверской Божией Матери, с приделами: во имя святителя Московскаго Алексея на южной стороне и св. Тихона Воронежскаго на северной. Прекрасный пятиглавый храм в византийском стиле, с высокою колокольнею и с тремя алтарями в ряд, был вчерне отстроен в 1864 году, заказан был и иконостас, но пожар 19 августа 1864 года, уничтожив все деревянные строения монастыря, значительно повредил и храмы его; монастырь опустел; сама игуменья Серафима переселилась в Рыбинский первоклассный Софиевский монастырь, где и скончалась 16 сентября 1869 г. Преемница ея, игуменья Евпраксия (в мире Андреева) возстановила почти уничтоженный пожаром монастырь в прежнем его благолепии и на дворе развела сад. Возобновив сперва Спасскую церковь, она, к концу 1870 года, отстроила и новую церковь 29 ноября 1870 года был освящен главный престол, 13 декабря того же года — оба приделанные престола. Особенно замечателен в новом храме великолепный, устроенный в Москве, иконостас, почти весь позолоченный; иконы писаны тоже в Москве. *(Симб. Губ. Вед. 1867 г., № 99; 1870 г., № 89 и 93.)* По величине и благолепию, монастырский храм Иверской Божией Матери — один из лучших храмов г. Симбирска. [Археологические находки 2005 г.](#)

б) Приходския церкви.

Никольская церковь построена в 1791 году архитектором Бенземаном и состоит из двух храмов, холоднаго и теплаго; в холодном — престол во имя св. Николая Чудотворца (праздник 6 Декабря) в теплом тоже один престол, во имя Казанской Божьей Матери (праздник 8 Июля и 22 Октября). Эта церковь построена или на месте, или недалеко от прежней Казанской, существовавшей еще в 17-м столетии. В окладных книгах патриаршаго казеннаго приказа (кн. 29, л. 938) значится. «7159 (1651) Августа 31 дня, по отписке и по переписным книгам Синбирскаго города соборной церкви Живоначальныя троицы протопопа Сергея, прибыла вновь церковь Пресвятой Богородицы Казанская, в города, в стрелецких слободах. *(Холмогоров. „Материалы для истории Симбирскаго Края, стр. 1.)* Из „строельной книги г. Синбирска видно, что стрелецкия слободы были там, где теперь Мартынова и Фатальная улицы; из этого следует заключить, что прежняя Казанская церковь должна быть впоследствии перенесена на место нынешней Никольской, находящейся на Стрелецкой улице. Император Николай 11, во время пребывания в Симбирске, в 1836 году, слушал обедню в Никольской церкви (в память чего пожалованы тогдашнему настоятелю, протоиерею Мизерандову, золотыя карманныя часы) и выразил желание, чтобы эта церковь была соединена под-одно с

губернаторским домом и обращена в домовую. (*Записки И. С. Жиркевича. („Русская Старина, 1890 г. июль, стр. 124)* 9 Мая 1875 года при этой церкви было учреждено братство св. Николая Чудотворца, которое, с 1878 года, причислено к домово́й церкви Симбирскаго Кадетскаго Корпуса. Всесвятская церковь одна из старинных городских церквей. Во время построения города Симбирска, на западной стороне, за городской стеной, отведено было место для кладбища, где тогда же построена церковь во имя Всех Святых. Первоначально эта церковь была деревянная, небольшая; затем, на ее месте, построили каменную церковь, которая, простояв более столетия, пришла в ветхость, так что грозила разрушением; однако местные прихожане недопустили до этого и в 1860 году стараниями, главным образом, настоятеля, священника Ивана Федоровича Поликарпова, Всесвятская церковь совершенно заново отремонтирована и внутри прекрасно украшена. Колокольная пристроена к ней в недавнее время. Первоначально Всесвятская церковь имела только один придел, во имя всех святых. В 1859 году известная благотворительница Елизавета Николаевна Пазухина устроила еще придел, во имя св. мученицы Елизаветы, но он должно быть недолго существовал, так как в 1861 году, при полном ремонте обветшавшей церкви, его уже не было. Затем, в 1861 году, купец Матвей Михайлович Загряцков, бывший в то время Симбирским городским головой, пристроил к этой церкви третий престол, на южной стороне, во имя Архистратига Михаила, в память своего отца. Наконец, в 1863 году, был освящен третий придел, на северной стороне, во имя св. Дмитрия Мироточиваго (праздник 26 Октября). В 1874 году, по закрытии здесь кладбища, Всесвятская церковь обращена в приходскую.

Троицкая церковь построена в 1792 году на средства известной богачки того времени, жены кол. асс. Наталии Кузьминишны Твердышевой и долгое время служила ей домашнею церковью, так как была почти под-одно с ее домом.



Твердышева делала большия пожертвования в эту церковь. (*Липинский, ит. 11, стр. 383.*) По преданию, на месте этой церкви, вскоре после построения г. Симбирска, был построен небольшой деревянный храм, с одним приделом во имя преподобного Сергия Радонежского, с погостом. Позднее, деревянный храм был заменен каменным, но малых размеров и с низким куполом, почему, в И792 году, Твердышева его совершенно перестроила. (*Яхонтов. Описание церквей г. Симбирска. (Епарх. Вед. 1898 г., № 9).*) Ныне Троицкая церковь имеет три придела: главный — во имя Св. Троицы; на южной стороне — во имя преподобного Сергия Радонежского (праздник 5 июля и 25 сентября), и на северной стороне — во имя св. Николая чудотворца (праздник 9 мая и 6 декабря). Эта одна из богатых городских церквей, благодаря многочисленным пожертвованиям, особенно в прежнее время; в нейпрекрасный хор певчих.

Тихвинская церковь



считается построенною в 1749 году, но из документов, хранящихся в архиве Симбирскаго Покровскаго монастыря, видно, что она уже существовала в ? году, а может быть даже и ранее того. (*Там -же № 7.*) В настоящее время она имеет два придела: главный — во имя Тихвинской Божией Матери (праздник 26 июня) и на южной стороне — во имя Божией Матери всех скорбящих радости (праздник 24 октября). Прежде был еще на северной стороне придел — во имя преподобного Макария, Унженскаго чудотворца, (праздник 25июля), но по тесноте помещения он упразднен в 1880 году. В этой церкви хранится образ Тихвинской Божией Матери,почитаемый чудотворным.

Петро-Павловская церковь построена в 1754 году, на том месте, где, по преданию, останавливался, в подгорье города Симбирска, Петр Великий, проезжая, в 1722 году, по Волге, в Астрахань. Она имеет два придела: один во имя Св. Апостолов Петра и Павла (праздник 29 июня), другой — во имя Успения Божией Матери (праздник 15 августа). Второй придел пристроен в 1858 году, после

закрытия прихода Успенской монастырской церкви, когда оттуда были перенесены в Петропавловскую церковь все иконы и церковная утварь. (*Симбирский сборник 1870 г., стр. 59. Литинский, т. 11, стр. 384.*)



В ограде этой церкви высится кедр, посаженный, по рассказам старожил, Императрицею Екатериною, во время посещения ею г. Симбирска, в 1767 году.

Смоленская церковь



Вскоре после основания Симбирского Успенского монастыря, игумен этого монастыря Макарий, построил, недалеко от Успенской церкви, в небольшой долине, на берегу Волги, каменную церковь, освятив ее во имя Смоленской иконы Божией Матери. Ея первоначальное назначение было служить не отдельною, самостоятельную церковью, а только скитскою или пустынною, для тех из монастырской братии, которые обрекли себя на подвижническое житие; впрочем, на летнее время, переходила к этой новой церкви вся монастырская братия, благодаря прекрасному местоположению. При осаде Симбирска Стенькой Разиным, Успенский монастырь был разорен, а Смоленская церковь уцелела, но монахи не переселились к ней, а уединились в глухое и дикое место, на берегу реки Волги, верст на 15 выше Симбирска и тем положили начало пустыни, которая впоследствии стала известна под именем Соловецкой. Когда, после разгрома 1670 года, возобновили Успенскую монастырскую церковь, Смоленская церковь была отделена от монастыря и обращена в обыкновенную приходскую. В 1751 году, Симбирский купец Иван Иванов Воронцов приделал к холодной Смоленской церкви теплую, небольших размеров, каменную же церковь, по одной линии с прежнею и новый придел был освящен тоже во имя Смоленской Божией Матери (праздник 28 июля). Торжество наименования престолов дало повод считать 1751 год, годом построения вообще Смоленской церкви. При упразднении Соловецкой пустыни, в 1764 году, вся церковная утварь и многие иконы из той пустыни были перенесены в Смоленскую церковь, почему к сей последней пристроен тогда второй придел, во имя св. Зосима и Савватия, Соловецких чудотворцев (праздник 17 апреля и 27 сентября). Кроме старинных икон и церковной утвари бывшей Соловецкой пустыни, в Смоленской церкви хранится икона Смоленской Божией Матери, особенно чтимая прихожанами. (*Яхонтов. Описание церквей г. Симбирска. (Епарх. Вед. 1897 г., № 7 — 12).*)

Богоявленская (Иоанна Предтечи) церковь построена в 1654 году, близ реки Свияги, в бывшей Свияжской слободе конных казаков, отстоявшей тогда от города Симбирска на две версты, (*Холмогоров. „Материалы для истории Симбирского Края, стр. 3.*) а ныне здесь кончается Московская улица и начинается Богоявленский спуск к Свияге. В 1734 году эта церковь была значительно расширена и к ней пристроена под-одно каменная теплая церковь. В настоящее время в ней два придела: главный — во имя Богоявления (праздник 6 января) и малый — во имя Усекновения Главы Иоанна Крестителя (праздник 7 января и 29 августа). В этой церкви, в последнее время совершенно заново отремонтированной, хранится образ св. Иоанна Крестителя, старинного письма, принесенный в Симбирск Свияжскими переведенцами, конными казаками, в конце 17-го столетия, а евангелие, пожалованное царем Алексеем Михайловичем в 1683 году, передано недавно, для дальнейшего хранения, в музей Симбирской Ученой Архивной Комиссии. Воскресенская (Германовская) церковь.

В 1677 году Казанский Митрополит Маркелл благословил жителей гор. Симбирска образом Св. Германа, Казанскаго чудотворца, с мощами сего святителя. По повелению царей ИОАННА И ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧЕЙ, встреча мощей святителя Германа была торжественная. Городское духовенство, с иконами, вышло за город, совершило там всенощное бдение и „молебное благодарение, а затем святые мощи отнесли в собор. На месте встречи была выстроена, первоначально,

часовня, а впоследствии, в конце 18-го столетия, небольшая деревянная церковь, во имя Св. Германа, куда перенесена и икона сего святителя. (*Липинский, т. 11, стр. 383 и 705.*) В начале нынешняго столетия, вместо деревянной церкви, поставили каменную. В пожар 1864 года эта церковь сильно пострадала и кроме того она, по тесноте своей, не могла вмещать всех богомольцев обширнаго прихода, почему, усердием прихожан, на ея месте построена, в 1879 году, новая большая каменная церковь, с тремя приделами: главный — во имя обновления храма Воскресения Господня в Иерусалиме (праздник 13 сентября); на северной стороне — во имя Св. Апостолов Петра и Павла (29 июня) и на южной во имя Гурия, Варсанофия и Германа, Казанских чудотворцев (праздник 4 октября и 6 ноября). При Германской церкви основано в 1877 году церковное попечительство, а 5 октября 1897 года открыта церковно-приходская школа, в доме, построенном и пожертвованном одною из прихожан, г-жею Ховриною.

Владимирская (Ильинская) церковь



построена в 1725 году, по преданию, на том месте, где были главныя крепостныя ворота, в первые годы существования города Симбирска. По всей вероятности на этом месте, или близ него, стояла Владимирская церковь еще в конце 17-го столетия; по крайней мере о ней упоминается в документах того времени. (*Загоскин. „Архив кн. Баюшева, стр. 227.*) Арка, соединяющая колокольню с церковью, устроена в 1832 году, когда колокольня, бывшая прежде под-одно с церковью, перенесена на противоположную сторону Спасской улицы. Этот храм более других пострадал в пожар 1864 года, но за то скорее других и был восстановлен, благодаря щедрым пожертвованиям благотворителей; именно: Великая Княгиня Елена Павловна пожертвовала полное облачение для богослужения, митрополит

Московский Филарет прислал церковную утварь и богослужебные книги, местные прихожане собрали много пожертвований деньгами. Благодаря этому, уже 20 декабря 1864 года был освящен придельный храм, во имя св. Архистратига Михаила, совершенно сторевший 19 августа 1864 года. (*Симб. Губ. Вед. 1865 г., № 2.*) В настоящее время в Ильинской церкви три придела: главный — во имя Владимирской Божией Матери (празднуется 21 мая); на северной стороне — во имя Св. Пророка Илии (праздник 20-го июля) и на южной — во имя Архистратига Михаила (праздник 8-го ноября). Здесь хранится чудотворный образ Владимирской Божией Матери и напрестольный серебряный крест с частицею ризы Богоматери и мощами многих святых. (*Симбирский календарь на 1877 г., стр. 20. Липинский, т. 11, стр. 383.*)

Успенская (единоверческая) церковь



построена на настоящем месте, на Ново-Казанской улице, в 1866 году, из материала древней Успенской монастырской церкви, бывшей под горой, церковные же вещи и утварь, а равно и иконы — новые. В ней три придела: главный, в холодной церкви, — во имя Успения Божией Матери (праздник 15 августа), другие два в теплой церкви, на южной стороне — во имя Покрова Пресвятыя Богородицы (праздник 1 октября), на северной стороне — во имя Св. Николая Чудотворца (праздник 6 декабря). (*Липинский, т. 11, стр. 384. Симбирский календарь на 1877 г., стр. 21.*) При этой церкви построена небольшая каменная часовня, в которой хранится икона Св. Николая Чудотворца, почитаемая чудотворною. Казанская церковь, за р. Волгой, в слободе Канаве, построена в 1854 году. Она переделана из старинной Преображенской церкви, бывшей под горой и в настоящее время имеет три придела: главный — во имя Казанской Божией Матери (праздник 8 июля), на южной стороне — во имя Св. Николая Чудотворца (праздник 6 декабря), и на северной стороне — во имя Св. Дмитрия Мироточиваго (праздник 26 октября). (*Там*

же.) Кроме перечисленных выше церквей, еще строится одна приходская церковь, в заволжской слободе Часовне, во имя Св. Николая Чудотворца, на средства жителей этой слободы, в память избавления ныне благополучно царствующаго Императора Николая Александровича от опасности, грозившей ему 29-го апреля 1891 года, во время проезда через город Отсу, в Японии. 7) Домовые церкви. Крестовая церковь, в архиерейском доме, построена в 1844 году, одновременно с переводом архиерейскаго дома из Покровскаго монастыря в настоящее его помещение, на венце, по Сенной улице. В пожар 1864 года эта церковь сгорела и возобновлена лишь в 1867 году. Она имеет престол во имя Тихвинской Божией Матери (праздник 26 июня). Сергиевская церковь, в мужской классической гимназии, устроена в 1867 году, заботами и на средства местнаго помещика, отставнаго инженер-штабс-капитана Александра Николаевича Денисова и жены его Марии Петровны; престол этой церкви освящен во имя преподобнаго Сергия Радонежскаго (праздник 25 сентября). Великий князь Сергій Александрович пожертвовал в эту церковь запрестольную икону „Спасителя, благословляющаго детей, каковая икона была привезена в Симбирск местным иоменщиком Михаилом Авксентьевичем Исаковым и передана им в гимназию 3 мая 1868 года.

Трех Святителей церковь, при духовной семинарии, на семинарском дворе, перестроена из флигеля, где была ученическая столовая, она освящена в 1854 году, во имя святителя Петра, митрополита Московскаго. После пожара 19 августа 1864 года эта церковь совершенно заново возстановлена, значительно расширена и устроена особенно изящно: иконостас весь вызолоченный; иконы, в полувизантийском стиле, исполнены лучшими местными мастерами и пожертвованы преосвященным Евгением, бывшим Симбирским епископом. Возобновленная церковь освящена 8 ноября 1870 года, во имя трех святителей: Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоуста (праздник 30 января). (*Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 84.*) Украшения этой церкви, исполненные в течении последних лет и прекрасный хор воспитанников семинарии, сделали ее лучшею домовою церковью в городе. Мариинская церковь, в женской гимназии, во имя св. равноапостольной Марии Магдалины, устроена в 1871 году, вместо бывшей в Елизаветинском училище церкви, во имя св. царицы Александры, сгоревшей в пожар 1864 года. От прежней церкви сохранились только антиминс и сосуды, вся же церковная обстановка, частью пожертвована, частью приобретена на пожертвованныя деньги. Новая церковь освящена 14 января 1873 года, с одним престолом, во имя св. Марии Магдалины (праздник 22 июля). В этой церкви обращают на себя внимание иконы в иконостасе, работы академика Васильева, пожертвованныя, как и весь иконостас, с хоругвями и плащаницею, помещиком Михаилом Авксентьевичем Исаковым. (*Тоже 1873 г., № 8.*)

Николаевская церковь, в кадетском корпусе, с престолом во имя св. Николая чудотворца (праздник 6 декабря), устроена одновременно с постройкой казеннаго корпуснаго здания и освящена 6 декабря 1877 года. Введенская церковь, при епархиальном женском училище, во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы, построена, заботами преосвященнаго Феофиста, в 1876 году. Кирилло-Мефодиевская церковь, при духовном училище, освящена 9 января 1894 года, с престолом во имя святителей Кирилла и Мефодия (праздник 11 мая). Церковь эта

устроена на пожертвования купца А. П. Конурина. Церковь Сошествия Св. Духа, при чувашской школе, освящена 20 января 1885 года. Устройство ее обошлось в 7711 руб., из коих 1000 руб. пожертвованы Православным Миссионерским Обществом, 1609 руб.— частными лицами и 5102 руб. отпущено из казны.

Успенская церковь, в женском приюте, за р. Свягой, близ Конно-Подгородной слободы, построена, по распоряжению удельного ведомства, в 1849 году, с престолом во имя Успения Божьей Матери (праздник 15 августа). Скорбященская церковь, в главном флигеле губернской земской больницы, построена в 1850 году, с престолом во имя Божьей Матери всех скорбящих радости (праздник 24 октября). Александро - Невская церковь, во дворе той же больницы, построена почти одновременно с постройкой самой больницы, в 1808 году, с престолом во имя св. великого князя Александра Невского (праздник 30 августа). Александро - Невская церковь, в Николаевском доме призрения неимущих и городском проюте малолетних сирот, построена на средства, пожертвованные Симбирским купцом А. П. Кирпичниковым и освящена 19 октября 1886 года, содним престолом во имя св. великого князя Александра Невского (праздник 30 августа). (*Симб. Губ. Вед. 1880 г., № 79.*)

Александро - Невская церковь, в губернской тюрьме, построена в 1852 году, с престолом во имя св. великого князя Александра Невского (праздник 30 августа) Казанская церковь, в исправительном арестантском отделении. До 1896 гола при исправительном отделении, в среднем этаже главного корпуса, была только небольшая часовня, во имя Казанской Божией Матери, в которой священником губернской тюремной церкви, в праздничные дни, совершалось утреннее богослужение, а накануне праздников всенощное бдение; в великом же посту арестанты говели и приобщались св. таин в тюремной церкви. Так как религиозно - нравственное воздействие на арестантов составляет одну из главных мер их исправления, то, в виду этого, попечительство над исправительным отделением признало необходимым устроить, взамен часовни, домовую церковь. Частные пожертвования на это дали капитал в 2749 руб. 30 коп. и церковной утвари на 1300 руб., благодаря чему в верхнем этаже главного корпуса устроена церковь, которая освящена 19 октября 1896 года, с одним приделом во имя Казанской Божией Матери (праздник 22 октября). 6 декабря 1894 года епископ Варсонофий разрешил Симбирскому землевладельцу Ивану Васильевичу Вишневному устроить в принадлежащем ему доме, по Покровской улице, церковь во имя св. Иоанна Крестителя, каковая церковь и освящена 3 января 1895 года.8) Предположения к постройке церкви. Кроме. в существующих в Симбирске в церкви, предположены к постройке еще две церкви: 1) Александро-Невская, на базарной площади и 2) на новом кладбище. 19 марта 1881 года городская дума постановила построить, на базарной площади гор. Симбирска, храм, во имя св. благоверного великого князя Александра Невского, в память в Бозе почившаго Императора Александра Николаевича, отчислила на этот предмет 10,000 руб. из средства города и открыла подписку на пополнение этого основного капитала. Однако, такому благому намерению, повидимому, не суждено осуществиться, потому что частные пожертвования на постройку этаго храма, уже с самага начала, стали поступать в очень незначительном количестве, а затем и вовсе прекратились, не достигнув даже

1000 рублей. В виду этого, в городской думе возникали неоднократно вопросы о том, чтобы означенному капиталу дать какое либо другое назначение. Так, в 1884 году, предполагалось употребить его на содержание причта вновь строившейся тогда домовою церкви при Николаевском доме призрения неимущих; (*Журн. Думы 20 апреля 1884 года.*) в 1887 году — на устройство богадельни для неизлечимых больных, предполагавшейся к открытию в доме, пожертвованному городу А. И. Зотовым; (*То же 20 марта 1887 года.*) в 1896 году, когда этот капитал уже возрос до 16,000 руб.— на открытие реального училища. (*То же 21 февраля 1896 года.*) Однако все эти предположения не осуществились, и вопросы о постройке храма на базарной площади остается до сих пор открытым. В городскую думу был представлен, в 1895 году, проект плана храма, вместимостью в 500— 700 человек и приблизительная смета на его постройку исчислена, вместе с иконостасом, в 30,443 руб., но дума тот проект не одобрила. (*То же 19 августа 1895 года.*) Мысль о постройке церкви на новом кладбище возникла вскоре же после открытия этого кладбища, в 1874 году; причем предполагалось возвести храм в середине кладбища, а помещение для причта устроить в особом здании, по дороге, между городом и кладбищем, при проектированной к постройке в этом месте городской богадельне. Для составления капитала на постройку храма, городская дума установила сбор за погребение тел на городском кладбище. Однако мысль об устройстве кладбищенской богадельни была оставлена после того, как купец Кирпичников пожертвовал городу и дом и капитал на богадельню, (*Журн. Думы 20 марта 1877 года.*) на постройку же кладбищенской церкви стали поступать пожертвования от частных лиц; так например, тот же Кирпичников отказал, по завещанию, на постройку этого храма 3000 руб., мещанин Валов пожертвовал колокол, в 1895 г., мещанка Е. Г. Кузнецова 1000 руб. (*То же 17 января 1896 года.*) Тем не менее к постройке церкви нельзя приступить и до настоящего времени, так как хотя сбор за погребение и составил уже значительный капитал, но почти половину его пришлось израсходовать в 1801 г. на расширение кладбища.

9) Прежде существовавшие церкви.

Успенский мужской монастырь.

(*Подробныя сведения о бывшем Успенском монастыре помещены в Симбирском сборнике 1870 года, стр. 52 — 72.*) Время основания этого монастыря и построения в нем первоначальной деревянной церкви, во имя Успения Пресвятой Богородицы, в точности неизвестно. Во всяком случае он получил начало не позже основания города Симбирска и находился под горой, на берегу р. Волги. В настоящее время на месте бывшей Успенской церкви стоит небольшая каменная часовня, на правой стороне Успенскаго спуска к р. Волге. Во время осады Симбирска Стенькой Разиным, Успенский монастырь был разорен и сожжен бунтовщиками, но затем вскоре же возстановлен. В 1670 году в нем была построена каменная Успенская церковь. Однако, с возникновением Покровскаго монастыря, с начала 18-го столетия, положение Успенскаго монастыря изменилось к худшему: доходы стали уменьшаться и монашествующая братия начала нуждаться в средствах к существованию. Это привело к тому, что монастырь был закрыт в 1724 году,

наличную братию перевели в Покровский монастырь, а монастырскую Успенскую церковь обратили в приходскую. В 1853 году приход этой церкви уничтожен и она отдана старообрядцам, присоединившимся к православной церкви на правах единоверия, а в 1866 году единоверческое Симбирское общество перенесло Успенскую церковь на гору и возстановила ее, по новому плану, на Ново-Казанской улице. Преображенская церковь была под горой, недалеко от Успенского монастыря. Время построения ее относится к первым годам существования города Симбирска. В строельной книге г. Синбирска (стр. 78) упоминается, что в 1653у году окончена была постройка церкви „на посаде во имя Преображения Господня и в том же году прислано из Москвы, по государеву указу, с попом Арефою, для той церкви „церковное строенье, заключавшее в себе, царские двери, местный образ Преображения Господня, евангелие и другия церковныя служебныя книги, колокол в три пуда, церковные сосуды оловянные и кадило медное. Затем, в 1695 году патриарх Андреян пожертвовал в эту церковь напрестолный крест, который после закрытия церкви перенесен в Николаевский зимний собор. *(В архиве Симбирскаго Покровскаго монастыря хранится копии весьма интереснаго послания от Казанскаго митрополита Маркелла игумену Симбирскаго Успенскаго монастыря Гурию и Троицкаго собора протопресвитеру Захарию Дементьеву, при котором прислан был означенный крест: „В нынешнем 203 году, июля в 29 день, Синбирскаго града церкви боголепнаго Преображения иерей Артемий Софронов приехал с Москвы в Казань и привез с собою многия утвари церковныя на украшение святыя церкви; из них же утвари предражайшее сокровище честный и животворящий крест Господень кипарисный, среброкованный и позлащенный и различными драгими камнями маргаритый украшенный, на поклонение и просвещение и изъявление вам православным христиаам с верою приходящим, в нем же по благословению великаго господина святейшаго Кир Андреяна, архиепископа Московскаго и всея России и всех северных стран патриарха, положися часть жнвотворящаго креста Господня и многих святых Апостолов и мучеников, преподобных отец, многоцелебныя мощи. И как к вам сия грамота придет и вам бы сказать всем градским, Спасскому протоиерею, и всем уездным близ города живущим священникам и диаконам, чтобы животворящий крест Господень стретить с подобающею честью, в облачении, с пением, всенародно и встретить животворящий крест Господень в церкви Смоленской Божия Матери, где преж сего монастырь бывал, и нести тот животворящий крест Господень во град, со свещи и кадилы и с пением, на блюде, на голове, игумену или соборному протопопу и быти статьям во храме Преображения Господня; и из храма Преображения Господня нести крест на иордан, где будет устроен, и освятить воду тем животворящим крестом, Августа в первое число, на происхождение животворящих древ, и по освящении воды, нести его во град; а другой статьи быть пред храмом Казанской Богородицы, третьей статьи быть пред градскими враты, четвертой статьи быть в соборной церкви, а на тех статьях во екатениях Господа Бога молить и Пресвятую Богородицу и всех святых о победе на враги и умножение плодов земных; переменясь с тем крестом ходить по всему граду, по мирским домам, со святою водою и молебны петь ради всенароднаго просвещения и обнести по всему граду, поставить тот животворящий крест Господень в церкви благолепнаго Преображения Господня; егда же придет празднество всемирнаго Воздвижения Господня, тогда тот животворящий крест поднять ради действия в*

соборную церковь и быть ему в соборной церкви до отдания праздника на налое и как праздник отдастся и тот животворящий крест Господень паки отнести в Преображенскую церковь. (Яхонтов. Описание церквей г. Симбирска, Епарх. Вед. 1897 г., № 7). В этой Преображенской церкви была икона Богородицы „Неопалимая купина“, которая теперь хранится в Вознесенском соборе и ежегодно 4 сентября приносится в гостинный двор, для служения молебна. Преображенская церковь перенесена в 50-х годах нынешняго столетия, как сказано было выше, за реку Волгу, в слободу Канаву, а на ее месте теперь (рядом с Петропавловским спуском, наискось полицейскаго дома 3 части города Симбирска) поставлены три небольшая каменные часовенки. 14 октября 1888 года в городской думе обсуждался вопрос о постановке большой часовни на этом месте, но в виду недостаточности свободных городских сумм, вопрос этот остался открытым. Существовали еще, в старое время, в Симбирске, церкви:

а) во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и б) во имя Сошествия Святаго Духа,

но о них сохранились в народном предании, (О существовании этих церквей упоминается в топографическом описании Симбирскаго Наместничества Масленицкаго.) только весьма краткия сведения. По рассказам старожилов, обе церкви были деревянные и находились под горой: Введенская, с приделом Симеона Столпника, недалеко от Петропавловской, а церковь св. Духа — на кладбище, около чувича; эта последняя церковь была уничтожена до основания в тридцатых годах настоящаго столетия, после того как ее престол был осквернен неизвестными негодьями. 10) Крестные ходы. 1) В город Симбирск ежегодно приносится, с особою торжественностею, из Жадовской пустыни, Карсунскаго уезда, чудотворная икона Казанской Божьей Матери. Эта икона считается в Симбирской губернии одною из древнейших. Она явилась в конце 17-го столетия, в первые годы царствования Петра Великаго, на источнике, протекающем в двух верстах от села Жадовки, Карсунскаго уезда. Нашел икону, как говорит предание, местный крестьянин Тихон, страдавший долгое время болезнью ног и после обретения иконы получивший совершенное исцеление. Вскоре после этого, с разрешения Казанскаго митрополита Тихона, на источнике, где найдена икона, была устроена деревянная часовня, а на горе, над источником, сооружена Богородицкая мужская пустынь, с каменным храмом во имя Казанской Божией Матери и приделом во имя св. Тихона Амафунтскаго — в память о крестьянине Тихоне, нашедшем икону и в честь ангела митрополита Тихона, благословившаго устроить обитель. На Жадовскую пустынь, в половине 18-го столетия, напали разбойники и разграбили ее, вследствие чего она была упразднена в 1764 году и церковь ее приписана к селу Жадовка. В таком положении запустения оставалась обитель до 1847 года, когда Синод, по ходатайству архиепископа Феодотия, с Высочайшаго соизволения, последовавшаго 28 июня 1847 года, (Второе полн. собр. зак., т. XXII, ст. 21376.) разрешил приносить явленную икону Казанской Божией Матери, ежегодно, в Симбирск, на один месяц, с 15 мая по 15 июня, если эти дни будут воскресные, в противном же случай принесение и изнесение Св. иконы должно быть в первый, после этих чисел, воскресный день. Икона встречается всем городским духовенством, с крестами и хоругвями, на Московском тракте, в трех верстах от города, где поставлена каменная часовенка, около которой нарочно устраивают, к тому времени, возвышенный амвон. В день встречи, с разсвета, толпы богомольцев спешат к этой часовне; в 8 часов утра туда

же отправляется духовная процессия. Самая встреча иконы вполне торжественная: сплошная масса народа в несколько тысяч человек, увидав издали икону, падает на землю. Архиерей, приняв икону в свои руки, осеняет ею с амвона, крестообразно, все четыре стороны. Отслужив здесь краткое молебствие, икону торжественно несут в город, по особому церемониалу, в котором участвуют представители города и всех сословий, начальники отдельных частей, учебные заведения и войска. Прежде, при встрече участвовала и военная музыка, игравшая во время церковного пения гимн „Коль славен, что придавало больше торжественности, но преосвященный Варсонофий признал, что, при подобном торжестве, музыка неуместна. Процессия сопровождается огромным стечением народа, приходящего заблаговременно в Симбирск для встречи иконы, не только из окрестных селений, но и из других губерний. По прошествии месячного пребывания иконы в городе, когда она обойдет, по очередно, все приходские и домовые церкви и почти все дома в городе, ее износят из города, по Саратовскому тракту, с такою же торжественностью как и внесли, по такому же точно церемониалу и провождают до Киндяковской рощи, за 4 версты от города. Праздник этот установлен, главным образом, для возбуждения в народе религиозности и отвлечения его от влияния раскольников, но вместе с тем, он служит большой поддержкой архиерейскому дому и Жадовской пустыни, так как сбор от служения молебнов перед иконою, в течении месяца, достигает, ежегодно до 10,000 руб. Со дня первой встречи чудотворной иконы Казанской Божией Матери прошло уже 50 лет, а число богомольцев с каждым годом не уменьшается. Симбирск обыкновенно оживляется за несколько дней до встречи; пестрые группы богомольцев гуляют по улицам города, ночуют под открытым небом, около церковных папертей, если у кого нет в городе знакомых. (*Липинский, т. II, стр. 377, 390 и 725. Симб. Губ. Вед. 1877 г., № 35.*) 2) Более 200 лет существует в Симбирске народно-церковный праздник, установленный в память избавления Симбирского края от разбойничьих шаек Стеньки Разина и поражения его под стенами гор. Симбирска. 20 мая 1670 года до Сибирска дошла первая весть о том, что Стенька Разин, с донскими казаками, перебрался с Дона на Волгу и там принялся разбойничать. На другой же день, 21 мая, во всех городских церквях было совершено молебствие, с крестным ходом вокруг города, об избавлении от нашествия разбойников — и молитва Симбирских жителей была услышана: хотя Стенька Разин подошел к Симбирску и осаждал его, но под стенами города был разбит на голову. С тех пор, в воспоминание этого события, крестный ход, вокруг старого города, совершается ежегодно 21 мая. В этот день иконы и хоругви из всех городских церквей, приносятся к летнему кафедральному собору и отсюда, по окончании литургии, церковная процессия направляется вокруг (приблизительно) старинного „рубленного города: из собора, — по венцу, мимо присутственных мест, к архиерейскому дому; затем, по Сенной улице идет до Большой Саратовской, по которой направляется до Вознесенского собора, а отсюда, поворачивает на Московскую улицу, и возвращается к кафедральному собору.11)

Иноверческие храмы.

Католический костел.

(*Липинский, т. II, стр. 725.*) Жители гор. Симбирска, исповедующие римско-католическую религию, до 1874 года принадлежали к Казанскому приходу, который

тогда состоял из семи губерний: Казанской, Нижегородской, Вятской, Пермской, Симбирской, Самарской и Пензенской; но с 1874 года, Симбирская губерния сделалась самостоятельным приходом. Еще в 1852 году ксендз Лямовский устроил в Симбирск, в своей квартире, молитвенный дом, украсил его образами и снабдил необходимыми принадлежностями для богослужения, но в 1874 году, при учреждении прихода, по распоряжению Могилевского католического архиепископа был прислан особый курат, настоятель прихода. С того времени содержание прихода и церковного причта легло на малочисленных и в большинстве небогатых прихожан, которые несколько раз обращались с просьбами о материальной помощи, но их ходатайства оставались без удовлетворения и богослужения совершались в тесных квартирах, арендованных в частных домах. В 1886 году стараниями синдика прихода А. В. Миллера была построена в Симбирске деревянная каплица, но таковая администрацией прихода не была принята. Умерший в 1893 году отставной штабс-капитан Карл Пашкевич завещал приходу свой деревянный дом, с усадебным местом по Шатальной улице, который, при помощи пожертвований, перестроен в костел и 2 октября 1894 года освящен во имя обретения св. Креста Господня. С тех пор католическое население г. Симбирска получило возможность отправлять свои богослужения с подобающим благолепием. (*Синб. Губ. Вед. 1897 г., № 35.*)

Лютеранская церковь.



Лютеранская Церковь.
Eglise luthérienne.

Симбирскъ.
Simbirsk.

(Сведения о лютеранской церкви получены от члена лютеранского церковного совета Э. Э. Рингс.) Симбирское евангелическо-лютеранское общество ведет свое начало еще с 18-го столетия. Первые достоверные сведения об этом относятся к 1777 году. Первоначально лютеранское общество было немногочисленно, своего молитвенного дома не имело и с 1818 года, отправляло богослужение в одной из зал гражданской гимназии и то не постоянно, а лишь по временам, когда Казанские

пасторы, наездом, посещали Симбирск. В 1821 году, Симбирское евангелическое общество считало в своей среде уже 208 лиц обоего пола и тогда в Симбирске учрежден был самостоятельный „церковный совет, с подчинением его Саратовской евангелической духовной консистории. Первою заботою церковного совета было изыскание средств на постройку в Симбирске деревянного молитвенного дома. В 1841 году, когда пожертвования достигли суммы в 4600 руб., исходатайствовано было Высочайшее разрешение на постройку деревянной церкви. Просьба о даровом отводе, в лучшей части города, места для церкви, не увенчалась успехом, а потому общество купило, за 11250 руб. Пока шли переговоры и приготовления, продолжавшиеся пожертвования дали настолько хорошие результаты, что представилась возможность построить не деревянную, а каменную церковь; смета была составлена архитектором Бенземаном в 4751 руб. сер. и по получении нового Высочайшего разрешения, к постройке каменной церкви приступили в 1843 году, а 25 мая 1847 года последовало ее освящение во имя св. Марии, к каковому дню ученик академии художеств Юнг нарисовал и пожертвовал запрестольный образ, удачную копию с знаменитой картины Бруни „Моление о чаше. Однако вновь построенная церковь долгое время оставалась без пастора, несмотря на усиленные ходатайства евангелического общества, и только в 1860 году назначен был в Симбирск первый пастор, Фридрих Мейер. Для помещения пастора, церковный совет купил, рядом с церковью, небольшой деревянный дом с дворовым местом, у одного из своих прихожан и усердного жертвователя П. Ф. Фее, израсходовав на это более 3000 рублей. В пожар 1864 год этот дом сгорел, хотя церковь уцелела. На страховую премию и на усиленные пожертвования, полученные главным образом из прибалтийских губерний, Симбирское лютеранское общество построило, в 1872 году, новый каменный двух-этажный дом, употребив на это 19537 рублей. В последнее время, заботами нынешнего пастора Августа Егоровича Лейсте и его предместника М. А. Курц, на собранные ими, по подписке, деньги, куплен новый прекрасный орган, за 1089 рублей и почти одновременно с этим, в 1895 году, пожертвован бароном Стремфельдт церковный колокол, а то, в течении 48 лет, в церкви отправлялось богослужение без подобающего колокольного звона. 25 Мая 1897 года Симбирским евангелическо-лютеранским обществом скромно отпраздновано пятидесятилетие существования своего самостоятельного прихода.

Татарская мечеть



До 1853 года татары гор. Симбирска, тогда еще немногочисленные, совершали свои повседневные моления в частном доме местного купца Ильясова, а для нижних воинских чинов магометанского закона, еще в 1838 году, нанят был, от казны, мулла, с жалованьем по 100 рублей ассигн. в год, при готовой квартире в казармах батальона внутренней стражи. (*Второе полн. собр. зак., т. XIII, ст. 11642.*) В 1853 году богатый Симбирский купец Курамша Абдуллович Акчурин построил, на Лосевой улице, отдельный каменный молитвенный дом, который в 1865 году, после пожара, переделан в мечеть, пристройкою к нему минарета, на средства сына первоначального жертвователя, купца Тимербулата Курамшевича Акчурина. В 1874 году, когда татарское общество в Симбирске уже значительно увеличилось, явилась необходимость расширить мечеть, что и было исполнено, на средства того-же Тимербулата Акчурина: внутреннее помещение мечети увеличено, по обеим боковым сторонам, на три сажени. Таким образом, в настоящее время магометанская мечеть в Симбирске может вместить свыше 300 молящихся.

Еврейская синагога.

До 1840 года в Симбирске жило много евреев, но в том году, по распоряжению правительства, все они были разосланы по местам их приписки; однако с 1843 года евреи снова стали селиться в Симбирске. В 1878 году, по распоряжению городской думы, построена была, на средства города, деревянная еврейская молельная, на Малой Казанской улице, но в пожар 1888 года она сгорела и на ее месте, еврейское общество построило, на свои средства, каменную синагогу, которая обошлась обществу в 6000 руб. В 1894 году эта синагога закрыта, по поводу произведенного в ней, самими евреями, скандала и на основании закона, недопускающего устройства еврейских молелен в городах, где евреев менее 300 душ — в Симбирске же их несколько менее — 158 мужчины и 71 жен. Вследствие такого распоряжения, еврейское общество продало свою синагогу (ныне этот дом, по Малой Казанской улице, принадлежал г-же Азовцевой) и отправляет богослуженье в частных квартирах своих членов.¹²⁾ Часовни. Часовня на базаре. В 1691 году игумен Успенского монастыря Гурий, с братиею, просили Великих Государей ИОАННА и ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧЕЙ: „в прошлых годах построен монастырь наш, под горой, подле Волги реки, а на горе в Симбирске у нас, под часовню и под монастырь, двора, для приезда молебного пения, не отведено, а есть в Симбирске, подле кремля города, что была прежде таможня, среди гостинных рядов, порожнее место, мерою 15 сажень в длину и 14 сажень поперек, а потому они просили себе это место под часовню и под монастырской двор. Приведенная челобитная вызвана была тем, что монашествующих часто приглашали для молебнов, из под горы, в гостинные ряды. Царскою грамотою от 23 апреля 1691 года велено было осмотреть просимое место и если не окажется о нем спор, отдать в монастырь под часовню и двор. По осмотре места, оно оказалось застроенными амбарами и лавками гостинной сотни Осипа Твердышева и рыбных прасолов, кроме 3 кв. саж., где стояла прежде самая таможня, вся вследствие чего монастырю были даны, в 1695 году, только 3 кв. саж., под часовню. Тогда монашествующие снова подали челобитную об отводе им земли, не только под часовню, но и под монастырский двор, каковое их ходатайство было удовлетворено в 1697 году. (*Симбирский сборник 1870 г., стр. 55.*) Построенная на означенном месте часовня стояла более 80 лет и только в 1780 году, когда торговые ряды переведены с Венца за мост, часовня тоже была перенесена на новый торг и поставлена на то место, где существует и по настоящее время — на базаре, против

Лосевой улицы. При епископе Феоктисте, деревянная часовня, за крайнюю ветхостью, была сломана и на ее месте построена обширная каменная часовня. В 1894 году она еще более расширена и обращена в церковь, с престолом во имя Казанской Божией Матери (праздник 8 июля) и с особым причтом от архиерейского дома; для причта устроено помещение в подвальном этаже часовни. В этой церкви обращает на себя внимание очень большое распятие древняго письма, сохранившееся еще от первоначальной часовни, когда она была на месте нынешняго губернаторскаго дома.

Часовня на ярмарочной площади сооружена торговцами на базаре гор. Симбирска, в память священнаго коронования Государя ИМПЕРАТОРА Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны, и 22 июля 1896 года, освящена преосвященным Никандром, соборне с духовенством кафедральнаго собора и других городских церквей. В этой часовне находятся, на аналое, иконы св. Николая чудотворца и царицы Александры; на оконных стеклах, с трех сторон, написаны иконы тех же святых и кроме того „Моленное о чаше. Бывший ректор Симбирской духовной семинарии Николай Васильевич Охотин, ныне присутствующий в Синоде Смоленский епископ Гурий, прислал, ко дню освящения часовни, икону Скорбящей Божией Матери, точную копию чудотворной иконы, находящейся в церкви около стекляннаго завода в С.-Петербурге. В этой часовне производится продажа церковных свечей.

13) Кладбища.

Город Симбирск изобилует кладбищами, как старинными, ныне уже официально закрытыми, так и незакрытыми.

Кладбище Покровскаго монастыря находится в ограде этого монастыря и существует с половины 18-го столетия. Оно издавна служит местом последняго успокоения преимущественно для Симбирскаго благороднаго дворянства; по этому Покровское кладбище считается аристократическим. Цены за места для погребения на нем очень высоки, доходят до 200 рублей. В настоящее же время оно настолько переполнено, что на нем разрешают хоронить только тех лиц, у которых уже покоятся здесь кто либо из родственников. Покровское кладбище, как и сам Покровский монастырь, находится в ведении архиерейскаго дома и служит источником его доходов.

Всехсвятское кладбище, упраздненное с 1874 года, расположено рядом с ярмарочною площадью, при церкви Всех Святых. Это самое старинное кладбище устроено почти одновременно с построением города Симбирска; на нем очень много едва заметных следов древних могил, которые в настоящее время имеют вид небольших бугров, поросших травой; следов каких либо памятников, или крестов на них, совершенно не имеется, так что на этом кладбищ собственно очень много свободнаго места, но хоронить здесь запрещено, на том основании, что кладбище находится в черте города. Прихожане Всехсвятской церкви хотели утилизировать бывшее кладбище, посадить его деревьями и таким образом обратить в место летней прогулки; в 1892 году они подали об этом прошение в городскую думу, которая

ассигновала 200 рублей, да некоторые из прихожан пожертвовали от себя еще столько же, так что для засаждения кладбища деревьями был потрачен довольно значительный капитал, но или от неумелого ведения дела, или по другим каким либо причинам, на Всехсвятском кладбище все таки очень мало растительности; между тем посадка здесь деревьев весьма желательна, так как эта часть города почти непосредственно подходит к скотобойням, вследствие чего находится, в гигиеническом отношении, в невыгодном положении.

Городское кладбище. В 1869 году, в виду предстоявшего тогда упразднения Всехсвятского кладбища, было отмежевано, для нового городского кладбища, 5 десятин земли из дачи общества крестьян Конно-подгородной слободы, рядом с городской землей, на скате Симбирской горы к р. Свияге. На устройство здесь кладбища и каменной часовни, городом израсходовано 723 рубля и самое кладбище открыто в 1874 году; тогда же устроено к нему шоссе от Дворцовой улицы, что обошлось городу в 1865 рублей. Симбирское население не успело еще воспользоваться новым кладбищем, как уже возник вопрос об его закрытии. Причиной этому была напугавшая все поволжье, в 1878 году, появившаяся в Астраханской губернии ветлянская чума. Образованная в Симбирске подготовительная комиссия для принятия мер против занесения к нам заразы, признала необходимым перенести городское кладбище на другое какое либо место, потому что оно устроено на глинистой почве, не пропускающей воды и имеет склон к р. Свияге, вследствие чего вода, омывающая трупы, может заразить воду Свияги. (*Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 11.*) Однако трудность и дороговизна исследования кладбища, в связи с сознанием того, что дорого стоящее исследование может установить неосновательность высказанных комиссией опасений, а главное, энергичные действия графа Лорис-Меликова на месте появления „ветлянки“, недопустившие дальнейшего ее распространения, решили участь нового Симбирского кладбища - оно осталось на-прежнем месте и стало быстро пополняться, так что в 1885 году уж признано было необходимым его расширить. Нежелание крестьян подгородной слободы войти по этому поводу в соглашение с городом, понудило городское управление приступить к выкупу у крестьян 10 десятин земли, прилегающей к кладбищу, путем экспроприации; однако до этого дело не дошло и вопрос о расширении кладбища, в конце концов, был разрешен миролюбивым соглашением. (*Журн. Думы: 1-го июня 1883 г., 13-го ноября 1885 г., 8-го января 1890 г. и 16-го сентября 1891 г.*) Еще при открытии городского кладбища, по постановлению думы, от 4 июня 1874 года, назначена плата за погребение, с разделением кладбища на четыре отдела: в 1-м отделе — 25 руб., во 2-м отделе — 10 руб, и в 3-м отделе — 3 руб., 4-й же отдел предоставлен для бесплатного погребения. Поводом к установлению платы за погребение было изыскание средств как на содержание кладбища, так, главным образом, на построение на нем храма. В 1887 году, вследствие ходатайства Симбирского кадетского корпуса на городском кладбище отведен участок в 100 кв. саж., для погребения на нем исключительно воспитанников корпуса. (*То же 18 декабря 1887 г.*)

Подгорное кладбище, в приходе Смоленской церкви, устроено на берегу р. Волги, непосредственно за садом исправительного приюта, в местности называемой

„дубки и занимает площадь, не многим более полдесятины. Основание этого кладбища, по антропологическим исследованиям Чугунова, (*Чугунов. „О раскопках древних кладбищ в гор. Симбирске, стр. 12.*) относится к началу 19-го столетия. Кладбище Св. Духа находится под горой, на поляне близ берега волжского протока, называемого „Чувич. Это кладбище хотя официально и незакрыто, но на нем погребения бывают очень редко; к нему ведут два узких, крутых, неудобных спуска, каждый протяжением не менее полуверсты (*Макинский*, начинающийся от Введенского переуллка, в конце Саратовской улицы, у бараньей слободки, и *Мингалевский*). Здесь похоронены отец и сын Минаевы, знаменитые Симбирские уроженцы. Могилы их находятся в полном запустении. Над прахом отца, Дмитрия Ивановича Минаева, лежит чугунная доска на низком кирпичном фундаменте, с короткою надписью: „Дмитрий Иванович Минаев. 1802 — 1876 г. Рядом могила поэта Дмитрия Дмитриевича Минаева: плита из цельного сераго мрамора, тоже с лаконическою надписью — «Дмитрий Дмитриевич Минаев. 1835— 1889 г.», вокруг надписи рельефно выточен лавровый венок. Между могилами небольшой вяз, своими ветвями, почти совершенно закрывает оба памятника. Общая деревянная ограда уже довольно ветха; калитка с петлей упала и лежит тут же, у ограды. На этом кладбище, стояла церковь во имя Св. Духа, построенная в первые годы существования города Симбирска, когда устроено и кладбище, но в настоящее время не видно следов этой церкви. Кладбище не имеет никакой ограды; на нем летом беспрепятственно пасется скотина окрестных городских обывателей. Военное кладбище. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР 111, одобряя принятые, в войсках гвардии и Петербургскаго военного округа, меры относительно устройства военных кладбищ и упорядочения похорон умерших нижних чинов, выразил желание, чтобы подобныя же меры, сообразно с местными условиями, были применены в войсковых частях и военных учреждениях и заведениях всех прочих военных округов. Получив сведения о таковой Высочайшей воле, Симбирская городская дума, в 1887 году, отвела, в распоряжение местнаго военного начальства, участок земли, около десятины, на северном городском выгоне, рядом с почтовою Казанскою дорогою, в разстоянии версты от новых казарм, для устройства на нем отдельнаго военного кладбища, так как до того времени нижних воинских чинов хоронили на городском кладбище, в особо отведенном для того участке. Согласно ходатайству думы, военное начальство пыталось отведенное место засадить деревьями, но эта попытка не удалась, так что пришлось ограничиться лишь ограждением кладбища кругом небольшим валом со рвом. (*Журн. Думы 18 декабря 1887 г.*)

Больничное кладбище. Для погребения умерших в губернской земской больнице издавна существовало особое кладбище, по склону Макиной горы, к чувичу, около так называемого „Стрижова оврага, недалеко от самой больницы. В 1885 году оно было увеличено, прирезкою к нему городскаго пустопорожняго места, мерою в 1/2 десятины, так что кладбище подошло к принадлежащему городу Обрезкому саду. Во время холерной эпидемии 1892 года, это кладбище оказалось переполненным и кроме того дальнейшее погребение на нем умерших от холеры представлялось неудобным, так как распространяясь вниз, оно могло оказаться ниже уровня весенних вод. Вследствие сего под больничное кладбище отведено было новое место, в размере около трех десятин, в недалеком разстоянии от прежняго,— ближе к Андреевскому заводу. (*Тоже 7 июня 1885 г. и 26 августа 1892*

года.)Единоверческих кладбищ два. Одно находится на берегу чувича, рядом с **кладбищем св. Духа**, по другую сторону Мингалевского спуска; место под это кладбище пожаловано староверам ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ 1, в начале нынешняго столетия. **Другое** — отведено городом в 1866 году, в размере 600 кв. саж., **на северном выгоне**; ныне оно находится непосредственно за военными казармами.

Лютеранское и Католическое кладбище. До 1874 года лютеране и католики не имели своего отдельнаго кладбища; их хоронили на Всесвятском кладбище, наряду с православными. С устройством новаго городского кладбища, Симбирская городская дума отвела и огородила на нем отдельный участок собственно для лютеран, согласно их ходатайству, но в этом же участке стали хоронить и католиков, так что в настоящее время нет возможности разграничить лютеранское кладбище от католическаго. Татарское кладбище с давних пор существует за городом, в стороне от Казанскаго тракта, рядом с местностью, называемою „Кирпичные сараи. До пожара 1864 года это кладбище не было обнесено рвом, как ныне, и занимало значительно большее пространство. По рассказам татар, погребения у них производятся таким образом: голый труп с руками, вытянутыми вдоль туловища, обвертывают несколько раз холстом; могилу вырывают в сажень глубиной и если земля осыпается, то трупы опускают прямо на дно могилы и засыпают, при твердом же грунте, делают, в южной стороне могилы боковую нишу, дно которой покрывают тонким слоем угля и в нее опускают труп, на правый бок; сверху трупа кладут тонкую доску, чтобы его не засыпало землей, а вход в нишу закрывают толстой доской и затем на могиле делают небольшую насыпь; с покойником никаких вещей не опускают и никогда не хоронят сидя. (Чугунов. „О раскопках древних кладбищ в Симбирске, стр. 14.)

Еврейское кладбище находится на берегу „чернаго оврага, в местности между городским кладбищем и скотобойнями. Оно занимает небольшой квадратный участок земли (по 40 сажень каждая сторона), отведено городом бесплатно и существует уже давно, но с котораго именно времени — старожилы определить не могут. В старину оно было обведено рвом, а ныне огорожено забором.

Кроме приведенных выше одиннадцати кладбищ, в Симбирске существуют, в разных местах города, следы нескольких **древних кладбищ**. Так, в 1878 году, Чугунов (*Там же, стр. 1 — 64.*) производил раскопки и антропологическия изследования: а) на площади „Стараго Венца, б) в полугоре по Завьяловскому спуску к р. Волге, в) под горой у берега р. Волги, г) на месте, где была прежде Преображенская церковь, под горою, д) близ Смоленской церкви, у берега Волги) на кладбище „в дубках. На всех этих местах оказались следы погребений более или менее старинных. Независимо от сего, в недавнее время, при прокладке и починки водопродных труб, находили костяки на „Венце, по Никольской и Стрелецкой улицам и близ губернаторскаго дома. Нам кажется, что столь многочисленныя случаи нахождения костяков объясняются, в особенности в местностях, близких к р. Волге, не только существованием здесь древних кладбищ, но также и тем фактом что, при осаде Симбирска Стенькой Разиным, в 1670 году, после разгрома его полчищ, много было убитых, которых зарывали тут же, на месте битвы, а кроме того

более 600 взятых в плен разбойников и предавшихся им жителей, без различия пола, были повешены на берегу Волги и тут же зарыты.

Классическая гимназия



(Сведения о гимназии извлечены, главным образом, из обширного труда И. Г. Безгина „Симбирская губернская гимназия, изд. 1888 года.) Мысль об народном, а не сословном, образовании возникла в России, впервые, в царствование Императрицы Екатерины Великой и ею же приведена была в исполнение. Великая Государыня думала об образовании всего русского народа; это видно как из самого названия открытых в ее царствование учебных заведений, которые в губернских городах получили название „главных народных училищ, а в уездных городах — „малых народных училищ, так и из того, что в эти училища открыт был доступ детям всех классов общества. По уставу народных училищ, утвержденному Императрицею 5 августа 1786 года, в каждом губернском городе должно быть главное народное училище, состоящее из 4-х разрядов или классов. В Симбирске такое училище было открыто 2 сентября 1786 года, в день коронации Екатерины II-й, и помещалось в том же здании, в котором и до сего времени помещается гимназия — на Карамзинской площади, против сквера. По одним сведениям, (Липинский, т. II, стр. 406.) это здание построено приказом общественного призрения, ко дню открытия народного училища, на деньги 20,000 руб. ассигн., пожертвованныя Симбирским дворянством; другие же (Симбирский сборник 1868 г., стр. 189.) рассказывают, что этот дом существовал еще раньше и принадлежал известным Симбирским богачам начала прошлого столетия, Твердышевым, один из потомков которых, Николай Александрович Дурасов, устроил в этом доме собственный театр.

Во всяком случае, Симбирское дворянство, построивши или купивши этот дом, имело в виду удовлетворить не одним только образовательным целям, что видно из того, что при открытии в нем народного училища, здесь помещалось: 1) дворянское собрание, с квартирою эконома, 2) приказ общественного призрения, с лавкою для продажи игральных карт, 3) губернская типография и 4) главное народное училище,

с квартирами директора и учителей. Дом был, как видно, большой, но помещение в нем для народного училища было весьма плохое; а вместе с тем, и учебная часть училища находилась в крайне неудовлетворительном состоянии, потому что подчинялась приказу общественного призрения, который, имел в виду только поддержание материальной части, ради чего назначал смотрителями училища купцов и мещан, людей состоятельных, но не имевших никакого образования. Участие частных лиц и дворянства, в деле общественного образования, выражалось, точно также, только в пожертвованиях на устройство материальной части училища, а не в развитии саамого образования, на которое в то время мало обращали внимания. По указу об учреждении народных училищ, высшая власть над ними сосредоточивалась в руках наместников, а затем, при образовании губерний, в 1797 году, их заменили губернаторы, но как те, так и другие, занятые делами по управлению губерниею, не входили непосредственно во внутреннее управление народным училищем, а предоставляли в этом случае полную свободу действий приказу общественного призрения и директору училища.

При открытии в Симбирске главного народного училища, в 1786 году, в него поступило 53 ученика и определено было 4 учителя; но затем, так как ученики поступали в училище большею частью не умея ни читать, ни писать, то приказ общественного призрения, для приготовления их к слушанию курса училища, должен был открыть, в 1800 году, приготовительный или прибавочный класс. При таком положении дела, результаты учебной деятельности, Симбирскаго народного училища, были далеко не блестящими. По свидетельству современников, (*Чашков. „Краткая историческая записка об училищах Симбирской губернии.“*) число желающих оставить училище почти всегда превышало число желающих поступить в него; процент окончивших курс с аттестатом постоянно был ничтожный, а в некоторые годы таковых и вовсе не оказывалось. Причину столь равнодушнаго отношения к получению свидетельств об окончании курса, Христофоров (*Симб. Губ. Вед. 1874 г., №№ 69 — 79.*) видит в том, что такого рода аттестация не давала особенных преимуществ ни в общественной жизни, ни на службе. Одни только дети приказных (а их было очень мало) интересовались аттестатом, так как они не имели права поступить на службу, не получив свидетельства об окончании курса. Ученики же из крепостнаго сословия, составлявшие значительное большинство, не могли извлечь никакой выгоды от окончания курса, потому что поступали в училище не по своему желанию, а по воле своих господ, для которых грамотный человек, конечно, мог быть полезнее неграмотнаго, но получал-ли он аттестат, или выходил неокончившим курс — это не имело большого значения для помещика.

Недолго существовали народные училища; учебная реформа состоялась 5 ноября 1804 года, когда был Высочайше утверждено Императором Александром 1-м новый устав учебных заведений, об открытии университетов, гимназий и уездных училищ. По этому уставу, в каждом губернском городе должна быть гимназия, „чтоб приготовить юношество или к слушанию университетских наук, или сообщить ему сведения, необходимыя для всякаго благовоспитаннаго человека. Открытие Симбирской гимназии несколько замедлилось и последовало, при торжественной обстановке, лишь 12 декабря 1809 года. Симбирское купечество и мещанство отнеслись с большими сочувствием к открытию гимназии и сделали вклад: купцы — 1000 руб., мещане — 500 руб. Гимназия осталась в том же помещении; директора и учителя остались прежние, только состав учителей был значительно пополнен;

существенные же изменения произошли в следующем: 1) вместо 4-х классов народного училища, гимназия была открыта только с тремя классами. Так как учеников, способных слушать гимназический курс оказалось очень мало (в I-й класс поступило — 13 человек, а во II-й — 12 человек), то, по ходатайству первого директора гимназии, Захара Лаврентьевича Острожского, при гимназии были открыты еще три класса: два приготовительных и один прибавочный.

Польза этих дополнительных классов немедленно выяснилась: в 1810 году в них поступило — 148 учеников, тогда как в трех классах гимназии было только 38 учеников и 2) прибавлено было много новых учебных предметов: древние и новые языки и так называвшееся тогда, „высші науки: история, мифология, эстетика, риторика, право естественное и народное, политическая экономия, технология и торговля. Впоследствии программа учебных предметов несколько раз изменялась. Из учителей гимназии, за первое время ее существования, двое приобрели, впоследствии, громкую известность и высокое общественное и служебное положение, именно: 1) Дмитрий Матвеевич Перевошиков, учитель математики и физики, с 1809 по 1816 год, был потом экстраординарным академиком Императорской академии наук, по отделению чистой математики, в каком звании и скончался в 1880 году и 2) Матвей Михайлович Карниолин - Пинский, учитель истории и статистики, с 1816 по 1821 год, был затем первым первоприсутствующим сенатором в Уголовн. Кассацион. Департ. Правит. Сената и на этой должности умер в 1866 году. Из учеников Симбирской гимназии приобрели громкую известность — отец и сын Минаевы и в позднейшее время (1867 г.) писатель Дм. Ник. Садовников.

В 1830 году последовало открытие при гимназии „благотворительнаго учреждения Симбирскаго дворянства, переименованнаго в 1843 году в „гимназической пансион. Поводом к его открытию послужило ходатайство о том Симбирских дворян, которые, с одной стороны, не желали, чтобы дети их сидели, в классах, вместе с детьми других сословий, а с другой — некоторые из них, по бедности, не имели средств содержать детей в губернском городе. Первоначально комплект дворянских пансионеров определен был в 10 человек, а потом увеличен до 20 воспитанников. Мысль об открытии в Симбирске пансиона для бедных дворянских детей возникла еще в 1815 году, когда на дворянских выборах, постановлено было открыть на сей предмет добровольную подписку; однако первое время подписка шла довольно вяло, так что на выборах 1822 года, дворянство постановило: всем дворянам, имеющим в губернии населенныя имения, вносить, по числу состоящих за ними душ, на устройство пансиона, по 6 коп. с души в год. Благодаря такому постановлению, капитал быстро увеличился, так что, в 1829 году, явилась возможность приобрести для пансиона отдельный дом, который и был в том же году куплен у купца Мангушева, за 14,797 руб. ассигн., а со следующего, 1830 года, начали поступать пансионеры, и на содержание их отчислялось, ежегодно, из дворянских сумм, по 4500 руб. ассигн. (*Отчет Симб. губ. предводителя дворянства за 1836/37, г., стр. 19.*)

С увеличением средств явилась возможность не только удвоить комплект пансионеров, но и построить для них новый, обширный, трех-этажный дом, возле гимназии; однако постройка новаго дома продолжалась довольно долго, так что пансионеры были переведены туда только с учебнаго 1846/47 года. Наряду с устройством пансиона не забыта была и самая гимназия. Крайнетесное и неопрятное помещение для нея в дворянском доме, при увеличении числа воспитанников, стало

положительно невозможным, так что, в 1839 году, Министерство Народного Просвещения взяло дворянская деньги в свое распоряжение, ассигновало из них 67,566 руб. 80 коп. ассигн. (*Симб. Губ. Вед, 1839 г. № 1.*) на капитальную перестройку дома, для помещения в нем одной только гимназии, и немедленно же привело это в исполнение, так что, с 1841 года, гимназия получила просторное и удобное помещение, едва ли не лучшее, по отзыву тогдашняго учебного начальства, во всем округе, и по наружности и по внутреннему устройству.

В пожар 19 августа 1864 года сгорели здания гимназии и пансиона. Гимназия помещена была, временно, в доме Мейера, на Лисиной улице, где пробыла два года и в октябре 1866 года возвратилась во вновь отстроенное прежнее помещение, уже преобразованною в классическую гимназию, согласно уставу 19 ноября 1864 года. Гимназической пансион, после пожара оставался закрытым, по неимению помещения, два года и вновь был открыт лишь 22 декабря 1866 года, когда, согласно новому уставу, разрешено было принимать в пансион детей всех сословий. Возобновленная после пожара, на новых началах, Симбирская гимназия успешно продолжала развивать свою деятельность. В 1866 году при гимназии устроена домовая церковь, иждивением и усердием Симбирских дворян Денисовых, а в 1868 году состоялось открытие братства преподобнаго Сергея.

В 1871 году, вследствие переполнения гимназии учащимися (при комплекте в 200 учеников она вмещала их до 400) возник вопрос об открытии в г. Симбирске прогимназии, но после продолжительной переписки, от этой мысли пришлось отказаться и ограничиться открытием параллельных отделений для некоторых классов, ради чего признано было необходимым увеличить здание гимназии особою пристройкою. При помощи пожертвований от казны (18,000 руб.), губернского земства (15,000 руб.) и городской думы (5,000 руб.), новое помещение, в пристрое, было открыто 6 ноября 1883 года. В последнее время, заботами нынешняго директора гимназии, Евгения Степановича Котовщикова, открыты: 1) гимназическое общежитие, в отдельном доме, против гимназическаго пансиона (в 1895 году) и 2) гимназическая санатория, для летняго отдыха учеников слабого здоровья.

Санатория устроена в память священнаго Коронования Их Императорских Величеств, на пожертвования, в сумме 300 рублей, собранныя среди служащих гимназии и ея воспитанников. Получив разрешение попечителя, директор гимназии озаботился приисканием дачи для помещения санатории. Так как в окрестностях Симбирска очень мало дач, тем более таких, которыя могли бы вместить предполагавшееся учреждение, с необходимым комплектом служащих, то пришлось остановиться на даче, отстоящей в 22 верстах от Симбирска и находящейся в имении графини Остен-Сакен, при деревни Линевке, Симбирскаго уезда, где и состоялось торжественное открытие санатории 16 июня 1896 года. Первый год средства позволили принять в санаторию только 13 воспитанников, а затем, когда были получены пособия: от губернскаго земства — 500 руб. и от города — 300 рублей, тогда явилась - возможность, на следующий 1897 год, увеличить комплект санаторов до 25 человек. Отдаленность дачи от города, влияющая в значительной степени на увеличение расходов, понудила начальство гимназии переменить помещение санатории, и в 1898 году она устроена в имении купца Арацкова, при селе Ишеевке, Симбирскаго уезда, в 15-ти верстах от Симбирска. К январю 1898 года в гимназии было 455 учеников, из коих: 60 пансионеров и 395 приходящих; из

числа пансионеров воспитывались: на счет казны — 7, на дворянские суммы — 21, на счет Симбирского уездного дворянства — 1, на счет Карсунского земства — 1 и своекоштных — 30. Из числа приходящих — 30 воспитанников было в общежитии.

2) Кадетский корпус



В 1871 году военное начальство предположило перевести Пермскую прогимназию в какой либо приволжский город. Вследствие сего, директор помянутой прогимназии просил Симбирского губернатора сообщить ему, нет-ли в Симбирске, или в другом приволжском городе Симбирской губернии, подходящего помещения для закрытого учебного заведения на двести воспитанников, с двадцатью квартирами для служащих, но с тем условием, чтобы это помещение, или достаточно обширное место для постройки онаго, можно было приобрести выгодно для казны. Губернатор передал ходатайство директора Пермской прогимназии в городскую думу и в губернскую земскую управу. Городская дума, находя, что переход Пермской прогимназии для Симбирска полезен, постановила уступить казне безвозмездно, для устройства прогимназии, то место, со всеми на нем строениями, где был до пожара почтамт. (*Симб. Губ. Вед. 1871 г., № 47.*)

Губернское земское собрание, в сессии 1872 года, отклонило ходатайство директора Пермской прогимназии, так как пришло к тому убеждению, что открытие в Симбирске прогимназии недостаточно, что следует открыть военную гимназию, т. е. учебное заведение с полным общеобразовательным курсом, подобно гражданским гимназиям, но только без преподавания древних языков и с тем неперменным условием, чтобы в нее могли поступать дети лиц всех сословий, на тех же основаниях, на которых допущен прием их в гимназии Министерства Народного Просвещения. По сим соображениям земское собрание постановило

ходатайствовать об открытии в Симбирске военной гимназии и при этом высказало, что если это ходатайство будет удовлетворено вполне согласно с основаниями, указанными собранием, то земство назначает, на содержание гимназии, ежегодную субсидию в 12,000 рублей и на первоначальное обзаведение, единовременно, 250 руб. (*Симб. Губ. Вед. 1873 г., № 6.*)

Таким образом Симбирское земство, по справедливости, может гордиться тем, что оно явилось инициатором в деле открытия средняго учебного заведения новаго типа, до того времени неизвестнаго, военных гимназий, которыя в скором же времени привились, по всей России, с полным успехом. Главное управление военно-учебных заведений сочувственно отнеслось к предложениям Симбирскаго губернскаго земства и 21 апреля 1873 года состоялось Высочайшее Повеление об устройстве военных гимназий, для приходящих учеников, в тех местностях, где это признается более удобным и выгодным. Военный совет разрешил открыть, прежде всего две таких гимназии: в Петербурге и Симбирске, каждую на 300 человек и на условиях, вполне согласных с указаниями Симбирскаго земства. Вследствие сего, все распоряжения относительно устройства военной гимназии в Симбирске были сделаны с таким расчетом, чтоб она могла быть открыта к 1873/74 учебному году и действительно, 7 сентября 1873 года последовало открытие Симбирской военной гимназии.

Первоначально приняты были воспитанники только в 1-й класс, в который поступило 48 учеников, затем 2-й и 3-й классы открыты несколько позже, а следующие классы открывались постепенно, по одному с наступлением каждаго последующаго учебнаго года. (*То же - № 68.*) Первым директором Симбирской военной гимназии был полковник Федор Константинович Альбедиль. Военная гимназия первоначально помещалась, бесплатно, в доме городскаго общества, занимая весь верхний этаж этого зданія. Со втораго года существования гимназии, с августа 1874 года, тоже, по инициативе Симбирскаго губернскаго земства, учрежден был, при гимназии, пансион на 70 учеников, в виде опыта, на три года (*Симбирский календарь на 1878 г., стр. 195.*) и помещался в частном доме, по Спасской улице, (где ныне Языковские номера), но вскоре же признано было полезным оставить пансион навсегда, почему, 12 августа 1878 года, последовало Высочайшее Положение Военнаго Совета, о преобразовании Симбирской военной гимназии в заведение с интернатом и ей присвоен был новый штат (350 интернов и 100 экстернов) и табель, которыя введены в действие с учебнаго 1877/78 года. Вместе с сим, Симбирскому губернскаму земству, предоставлено было, в виду уплачиваемой им субсидии в 12,000 руб., замещать в интернате гимназии 40 вакансий детьми всех сословий. (*Второе полн. собр. зак., т. LIII, ст. 58796.*) Но еще ранее этого, для гимназии, было выстроено от казны большое каменное зданіе, на уступленном городом месте, по Троицкому переулку, близ церкви св. Троицы, в каковое зданіе гимназия перешла 9 октября 1877 года. Затем, Симбирская военная гимназия, на общем основании, по положению, Высочайше утвержденному 14 февраля 1886 года, преобразована в кадетский корпус, а 16 апреля 1887 года (*Третье полн. собр. зак., т. VII, ст. 4357.*) комплект кадет интернов сокращен и от земства отнято право на замещение сорока вакансий пансионеров. С весны 1895 года началась постройка, на углу Покровской и Комиссариатской улиц, новаго большого флигеля для кадетскаго корпуса, на 28 офицерских квартир; работы окончены осенью 1896 года и тогда же новый флигель занят квартирантами —

служащими при корпусе офицерами, священником и доктором. Оба здания кадетского корпуса могут считаться одними из лучших городских зданий.

3) Духовная семинария.

Симбирская губерния, до 1832 года, входила, как мы видели выше, в состав Казанской епархии и сыновья священно и церковно-служителей, проживавших в Симбирской губернии, до 1840 года, воспитывались в Казанской семинарии. Первый архиепископ Симбирский и Сызранский Анатолий, прибыв в 1832 году на Симбирскую кафедру, озаботился устроить для новооткрытой епархии свою семинарию. Преосвященный желал выстроить здание, для помещения семинарии, близ Покровского монастыря, обращенного в архиерейский дом, где помещался и сам архипастырь. С этою целью куплено было пустопорожнее место на Покровской улице; но намерение преосвященного не исполнилось и после продолжительной переписки, состоялось, в 1840 году, покупка дома для семинарии на большой Саратовской улице, у купца Косолапова, в каковом доме 2 сентября 1840 года последовало открытие семинарии. *(Высочайший указ об открытии в Симбирске духовной семинарии последовал 23 августа 1840 года, но Свят. Синод еще ранее сделал надлежащая распоряжения к тому, чтобы все необходимое было, ваблаговременно, подготовлено к открытию семинарии в начале учебного 1840/41 года. (Второе полн. собр. зак., т. XIV, ст. 13737.)*

Первым ректором ее назначен был настоятель Казанского Зилантова монастыря, архимандрит Гавриил. Однако дом Косолапова был крайне запущен и ветх, так что потребовал значительного ремонта и многих перестроек, продолжавшихся несколько лет. Каретники, бывшие на том месте, где в настоящее время находится семинарская церковь, по ветхости своей, были разобраны и на месте их поставлено отдельное каменное здание для ученической столовой с кухнею и кладовою; это здание послужило впоследствии основанием для семинарской церкви. Преосвященный Феодотий, в 1843 году, перестроил главный семинарский флигель, где помещались воспитанники, а также приспособил к потребностям учебного заведения и другие здания, построенные на семинарском дворе. В пожар 19 августа 1864 года сгорели все семинарские постройки, но затем, при епископе Евгение, семинария восстановлена в значительно лучшем виде, по новому плану, составленному в главном управлении публичных зданий. К ученическому корпусу сделан был, с северной стороны, значительный пристрой, с квартирами для служащих; кроме того, как на нем, так и на главном флигеле надстроено по этажу, через что здания эти стали поместительнее и красивее; Все службы вытянуты в одну линию, по Чебоксарской улице; на дворе корпус с столовой и кухней уничтожен, почему двор стал просторнее. *(Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 84.)* Главный корпус и флигель для должностных лиц были прекрасно отделаны и внутри и снаружи; но между этими двумя зданиями, выходящими на Большую Саратовскую улицу, оставалось незначительное расстояние, которое весною 1896 года застроено, и таким образом оба флигеля образовали одно грандиозное здание, отчего наружный фасад семинарии значительно выиграл и внутреннее помещение несколько увеличилось, во всех трех этажах. к 1 января 1898 года в семинарии было 328 воспитанников.

4) Духовное училище.



Духовное училище одно из старейших учебных заведений г. Симбирска. В 1803 году была переведена в гор. Симбирск из г. Саранска, Пензенской губернии, гимназия (духовно-учебное заведение) и тогда же переименовано в „русское училище. Оно было помещено в Покровском монастыре, в верхнем этаже особаго каменнаго двух-этажнаго корпуса (ныне несуществующаго). *Симб. Губ. Вед. 1870 г. № 57.*) Начавшееся в 1809 году преобразование учебных заведений духовнаго ведомства достигло Симбирска только в 1818 году, и тогда Симбирское „русское училище переименовано в „духовное училище, а открытие его, в преобразованном виде, последовало 25 ноября 1818 года. До 1822 года училище помещалось в помянутом выше корпусе Покровскаго монастыря, а затем перешло в особый дом, пожертвованный, по предложению преосвященнаго Амвросия, архиепископа Казанскаго, игуменію Спасскаго женскаго монастыря, и находившийся в монастырской ограде. Дом этот, для многочисленнаго (до 500 человек) Симбирскаго духовнаго училища, оказался крайне неудобным по тесноте комнат, так как он,

при постройке, предназначался для монастырских келий. Архіепископ Казанскій Филарет (Амфитеатров, впоследствии Кіевскій митрополит), при обозрениі епархіи, убедился в неудобстве для училища пожертвованнаго в Спасском монастыре дома и в 1831 году предложил комиссіи духовных училищ купить продававшееся тогда каменное зданіе, на углу Большой Саратовской и Панской улиц, принадлежавшее приказу Общественнаго Призренія, где помещался до того времени воспитательный дом. Зданіе это было куплено за 12,00 рублей и в теченіи двух лет приспособлено к помещенію училища, которое и перешло в него 8 апреля 1833 года. С тех пор духовное училище более 60 лет (до 16 августа 1893 года) помещалось в этом зданіи и только два раза, временно, выходило из него. В 1859

году производилась капитальная ремонтная работа училищного здания, на что израсходовано 18,718 рублей 31 1/2 коп., (*Тоже 1859 г., № 2.*) а на время работ, для помещения учеников, был нанят дом, в Чебоксарской улице.

В злополучный для г. Симбирска 1864 год духовному училищу пришлось не только выбраться из стен своего обгорелаго здания, но даже вовсе переселиться из Симбирска в г. Сызрань, в Сызранский Вознесенский монастырь, где для училища оказалось прекрасное помещение, так что духовное начальство, одно время, предполагало навсегда оставить духовное училище в г. Сызрани, тем более, что Симбирск долго не мог оправиться после пожара 1864 года; однако эту мысль пришлось оставить, вследствие настоятельных просьб духовенства всей губернии, выразившаго желание, чтоб духовное училище находилось в Симбирске, как центре губернии. (*Симбирский сборник 1868 г. „Смесь, стр. 14, примеч. 12*) Возвратившись из Сызрани в Симбирск, в 1868 году, училище, до 1870 года, помещалось, временно, на Лисиной улице, в доме Щеглова (рядом с нынешним училищным зданием), пока в его доме, уже отделанном вновь после пожара, помещалась духовная семинария, здание которой еще не было приведено в порядок. Настоящее новое, прекрасное и обширное, трехэтажное каменное здание училища, на Николаевской площади, против Покровскаго монастыря, на углу Лисиной улицы, было торжественно заложено 12 мая 1891 года, а училище переведено в него 16 августа 1893 года, прежнее же помещение отдано под семинарское общежитие. Ныне при училище имеется свое общежитие, для комплекта в 150 учеников, а на обширном дворе устроен плодовый сад и в нем несколько аллей из деревьев разных лиственных пород. к 1 января 1898 года в духовном училище было 194 воспитанника.

5) Мариинская женская гимназия с Елизаветинскими пансионом.



2 мая 1820 года, заботами общества христианского милосердия и на его средства, с разрешения Императрицы Елизаветы Алексеевны, было открыто первое в Симбирске закрытое женское учебное заведение, под именем „дом трудолюбі, для воспитания девиц, остающихся без призрения в бедности и сиротстве, преимущественно дворянского происхождения и дочерей чиновников военной и гражданской службы. (*Второе полн. собр. зак., т. XVI, ст. 14668.*) Вследствие ходатайства тогдашняго Симбирскаго губернскаго предводителя дворянства, князя М. П. Баратаева, Императрица прислала, ко дню открытия училища, портрет свой (*Этот портрет, писанный с натуры живописцем Залесским, сгорел во время пожара 1864 года.*) и икону Захария и Елизаветы, из собственной образницы.

Во все время, пока дом трудолюбия находился в заведывании общества христианского милосердия, это учебное заведение считалось образцовым, во всех отношениях, как по внутреннему управлению, так и по системе образования. Так как воспитанницы, поступающая туда, принадлежали к бедным семействам и по выходе из училища, им приходилось жить в нужде, то вся роскошная обстановка, какая обыкновенно встречалась в женских учебных заведениях, в доме трудолюбия была устранена; в нем соблюдалась во всем самая строгая чистота, поддерживаемая самими воспитанницами, по очереди. Мебель, кровати, постельное белье были самая простая; еда — тоже простая, но сытная, а главное внимание было обращено на то, чтобы девицы исполняли все иныя и необходимыя работы собственноручно, ничего не поручая служанкам, кроме, конечно, самой черной работы. Занятия заключались преимущественно в рукоделиях и в изучении предметов, необходимых для того, чтобы стать порядочной гувернанткой; были также уроки новейших языков и музыки, а уроки танцев имели скорее значение как гигиеническое средство, в виде усиленного мациона. (*Записки И. С. Жиркеевича („Русская Старина, 1878 г., Сентябрь, ст. 40).*

На содержание дома трудолюбия, с 1836 года, отпускалось, из приказа общественного призрения, ежегодно, по 4000 руб. ассигн. и Императрица ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА назначила по 600 руб. в год, на содержание двух воспитанниц имени Ея Величества. (*Второе полн. собр. зак., т. XVI, ст. 14668.*) Высочайшим повелением от 30 ноября 1839 года, на дом трудолюбия были распространены преимущества по квартирной повинности, дарованныя ранее того только Киевскому и Белостокскому институтам благородных девиц, т. е. здания, принадлежащая ему, или занимаемая им по найму, равно как и дома всех чиновников, служащих в нем по учебной части, освобождались от постоя. (*Там-же, т. XIV, ст. 12942.*) Вследствие прекрасной репутации, установившейся за домом трудолюбия, воспитанницы его имели счастье неоднократно приветствовать у себя Высочайших Особ Императорского дома. Так, в 1824 году, Император Александр 1-й посетил дом трудолюбия и выразил председательнице общества христианского милосердия, Вере Александровне Ивашевой, свое удовольствие, за найденный им порядок. Государь Николай Павлович, в 1836 году, тоже остался очень доволен домом трудолюбия и высказал губернатору Жиркевичу по этому поводу: „Не удивляюсь, что ты так любишь это заведение — ничего лучше онаго я не нашел. (*Записки И. С. Жиркеевича („Русская Старина, 1890 г. Июль, стр. 125).*) В следующем 1837 году, Наследник Цесаревич Александр Николаевич посетил доме трудолюбия, и сообщил Августейшей Родительнице своей, прямо от себя, самый лестный отзыв о порядке, найденном Его Высочеством в этом заведении,

осчастливив воспитанниц принятием от них изделий их трудов и пожаловав им 500 руб. (*Симб. Губ. Вед. 1838 г., № 44.*)

В сороковых годах настоящего столетия дому трудолюбия предоставлены были права женских Институты 2-го разряда и тогда же, по воле ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ, он был переименован в трехклассное „Елизаветинское училище, в память Августейшей основательницы его. Существовавшее на средства частного общества (*Помощь казны заключалась лишь в том, что в пользу училища отчислялось 8% с карточного сбора по Симбирской губернии. (Памятная книжка Симб. губернии на 1862/3 г.г., стр. 47)* и будучи закрытым учебным заведением, Елизаветинское училище никогда не имело большого числа воспитанниц; так, в первый год существования училища, в нем было только 10 пансионеров, в 1837 году — 23, а в 1861 году, во время процветания этого училища — 30. Елизаветинское училище помещалось на Покровской улице, в собственном каменном, двухэтажном доме, с садом, построенном в 1820 году, на сумму, дарованную Государем Императором и на месте, приобретенном для него обществом христианского милосердия. (*Второе полн. собр. зак., т. XVI, ст. 14668. „Краткий исторический очерк о деятельности Симб. общества христианского милосердия, с 1817 по 1894 год.*)

В этом доме, но только значительно расширенном, помещается в настоящее время Мариинская женская гимназия. 27-го декабря 1859 года открыто в Симбирске, на городские средства, (*Симбирское городское общество постановило, 24 октября 1858 года, собрать, на учреждение женского училища, одновременно, с купцов 1-й гильдии — по 60 руб., 2-й гильдии — по 30 руб. и 3-й гильдии — по 15 руб., а с мещан по 25 коп. с каждого. (Памятная книжка Симб. губ. на 1861 год, стр. 200).* Кроме того, на открытие этого училища, из городских сумм израсходовано было 2000 рублей, каковая сумма послужила основанием к ежегодному пособию, выдаваемому городом и по настоящее время на содержание женской гимназии.) трех-классное женское училище 2-го разряда, с приготовительным классом, а 24 марта 1860 года состоялось Высочайшее соизволение на принятие этого училища под Августейшее покровительство Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ Марии Александровны и на дарование ему наименования «Мариинского», в честь Августейшего имени Ея Величества. (*Второе полн. собр. зак., т. XXXV, ст. 35596.*) Это училище, получившее вскоре же права училищ I-го разряда, было открыто исключительно для приходящих учениц всех сословий и в первый год его существования в нем было уже 177 воспитанниц.

Первоначально Мариинское училище находилось в ведомстве Министерства Народного Просвещения, но в 1863 году, вследствие ходатайства местного начальства, оно принято в число учреждений Императрицы Марии и затем с 1 декабря 1864 года 1 декабря 1864 года преобразовано в гимназию. (*Хотя гимназия открыта 1-го декабря, но день ее открытия празднуется, ежегодно, 27 ноября, на том основании, что телеграфное известие о разрешении открыть гимназию было получено 27 ноября 1864 года.*) Помещалось оно в частном доме, нанимавшемся на городские средства, по Большой Саратовской улице, рядом с духовною семинариею (ныне дом купца Красникова). Первым начальником Симбирской Мариинской женской гимназии был статский советник Иван Василевич Вишневецкий, занимавший в то же время должность директора училищ Симбирской губернии, а

первою главною надзирательницею была дочь статскаго советника Надежда Ивановна Некрасова.

В пожар 1864 года здания, где помещались оба женских учебных заведения, сгорели. Мариинское училище, как располагавшее болшими средствами, и при пособии от города, было возстановлено в том же году, и временно помещалось в доме, где ныне устроено гимназическое общежитие, а к концу года, к дню преобразования училища в гимназию, оно было переведено во вновь, отделанное, и расширенное здание Елизаветинскаго училища, которое, после пожара, фактически было закрыто, хотя оффициально продолжало существовать, но воспитанницы его, разъехавшияся по домам после пожара, более уже не возвращались, новых же не принимали, за неимением помещения. Такое неопределенное положение Елизаветинскаго училища продолжалось до 20 августа 1872 года, когда последовало Высочайшее повеление (*Второе полн. собр. зак., т. XLVII, ст. 51234.*) о преобразовании этого училища в пансион при Мариинской гимназии, с сохранением пансиону наименования „Елизаветинские, при чем определен штат пансионерок в 50 девиц. Открытие пансиона при гимназии состоялось 7 января 1873 года. (*Симбирский календарь на 1877 г., стр. 101. Симб. Губ. Вед. 1860 г., № 19; 1865 г., № 10; 1872 г., № 82 и 1890 г., № 3.*)К 1 января 1898 года в семи классах гимназии, при чем в старшем классе было параллельное отделение, состояло воспитанниц: пансионерок — 34 и приходящих — 289, всего 323; из числа пансионерок воспитывались: на счет казны — 4, на капитал ИМПЕРАТРИЦЫ Елизаветы Алексеевны — 2, от С.-Петербургскаго Николаевскаго Сиротскаго Института — 1, на счет дворянства — 5, на счет удельнаго ведомства — 3 и своекоштных — 19. В числе приходящих было 10 городских стипендиаток, 8 бесплатных, 17 воспитывались на счет благотворительных капиталов и 254 — на счет родителей.

б) Епархиальное женское училище.



Преосвященные Феодотий, архиепископ Симбирский и Сызранский, заботясь об улучшении быта духовенства своей епархии, между прочим, обратил внимание на положение сирот женскаго пола, духовнаго звания, оставшихся, вследствие смерти

родителей, без воспитания и образования и предпринял меры к изысканию денежных средств для открытия женского училища. Бывшая в то время настоятельницею Спасского женского монастыря игуменья Серафима изъявила согласие устроить, за умеренную плату, помещение для училища, в одном из монастырских флигелей, а также предложила свой надзор за сиротами и обучение их, при помощи монашествующих сестер, рукоделиям и домашнему хозяйству; местные священно-служители и некоторые из наставников семинарии вызвались на безвозмездное преподавание уроков, штатный врач семинарии взял на себя безвозмездное лечение, а содержатель волной аптеки в г. Симбирске согласился отпускать даром потребное количество медикаментов. Общество также отнеслось к этому делу сочувственно, доставив пожертвование на 6844 рубля.

С такими небольшими средствами, архиепископ Феодотий, открыл октября 1847 года „Симбирское училище девиц духовнаго звани в качестве приюта при Спасском женском монастыре. Затем, благодаря доброхотным жертвователям, училищный капитал постепенно увеличивался: в 1848 году уже было 10,000 руб., в 1852 году — 17,500 руб., но это далеко не удовлетворяло необходимым нуждам и потребностям училища. В 1864 году училищное здание совершенно сгорело; однако, вследствие заботливости епископа Евгения, вскоре после пожара, в Спасском же монастыре и на прежнем месте, было устроено новое деревянное училищное здание, на что израсходовано, из основнаго училищнаго капитала, около 6000 руб. Между тем пожертвования и сборы с церковей и причтов Симбирской епархии продолжались и капитал увеличивался, так что в 1876 году он состоял из 24000 руб.; на проценты с него (960 руб.) содержалось училище до его преобразования. Число воспитанниц всегда было небольшое: в 1848 г.— 20, в 1864 г.— 27, в 1875 г.— 32; скудность материальных средств и размеры училищнаго здания не позволяли увеличивать комплект учениц. Обучение находилось в незавидном положении: все учились в одной комнате, без определенной программы; преподаватели очень часто пропускали уроки. Однако, с другой стороны, духовное училище обращало на себя внимание образцовою чистотою; с которою оно содержалось и кроме того тем, что цель его состояла не только в том, чтобы воспитать, но также чтобы и пристроить сирот; обыкновенно выходящих из училища девиц старались выдавать замуж за лучших воспитанников семинарии, которым, при выпуске, давали приходы, а за невестам — небольшое приданое.

Таким образом это заведение было разсадником жен для священнослужителей. В начале 1875 года вступил в управление Симбирскою епархией преосвященный Феофан и на первых же порах своей деятельности, возымел намерение дать девицам духовнаго звания образование, одинаковое с девицами других сословий, почему приступил к преобразованию духовнаго училища в епархиальное, с правами женских гимназий и одинаковой с ними программой, за исключением обязательнаго изучения новейших языков. Старания преосвященнаго увенчались успехом: 16 августа 1876 года состоялось открытие „Симбирскаго епархиальнаго женскаго училища, трех-класнаго, с двухгодичным курсом, и для девиц православнаго исповедания всех сословий, а не исключительно только для духовнаго звания, при чем с детей духовенства никакой платы не взималось и ныне не взимается, а за учење других воспитанниц установлена небольшая годичная плата. Училище помещено было в отдельном каменном двухэтажном доме с садом, на соборной площади, купленном духовным ведомством у Симбирскаго

землевладельца Карпова, за 21,000 руб. В этом доме, впоследствии значительно расширенном, епархиальное женское училище помещается и в настоящее время. При открытии училища, в него были переведены из преобразованного духовного училища — 32 пансионерки, да принято вновь 66 учениц. (*Симб. Губ. Вед. 1876 г., №№ 73, 74 и 75. Липинский, т. II, стр. 374*).

Начальницею епархиального училища состоит, со дня его открытия и по настоящее время, г-жа Надежда Лукинишна Лукашевич. Так как на основании Высочайше утвержденного 20 сентября 1873 года устава епархиальных женских училищ, воспитанницы, окончившие полный курс в этом училище призываются к педагогическому поприщу домашних и сельских учительниц, то при Симбирском епархиальном училище была устроена воскресная школа, главным образом, для практического ознакомления воспитанниц старшего класса с приемами преподавания в начальных народных школах. Для классов воскресной школы, а вместе с тем и для квартиры инспектора, в 1887 году возведен, по Тихвинской улице, новый каменный пристрой. Занятия в воскресной школе производились под наблюдением преподавателя педагогики, который заблаговременно назначал воспитанницам тему каждого урока, а затем давал руководящие наставления относительно выполнения урока; учились в воскресной школе, преимущественно, дети самых бедных родителей, которые не имели средств поместить их в городская школы. В 1892 году эта воскресная школа прекратила свое существование, а с учебного 1892/93 года открыта образцовая женская церковно-приходская школа. В то же время, с февраля 1892 года, введены в училище уроки теоретического и практического изучения кройки и шитья церковного и домашнего одевания священнослужителей. Симбирское епархиальное женское училище воспитало в своих стенах немало образованных учениц; многия из них теперь служат с пользою делу народного образования, в качестве сельских учительниц. к 1 января 1898 года в училище было всего 283 воспитанницы, из коих а) пансионерок — 213 (в том числе 51 стипендиатка) и приходящих — 70 и б) дочерей лиц духовного звания — 232, дворянок — 4, дочерей чиновников — 24, купеческого звания — 4, мещанок — 12 и крестьянок — 7.

7) Городское трехклассное (бывшее уездное) училище.

Когда главные народные училища, существовавшая в губернских городах преобразованы были, на основании Высочайшего указа от 24 января 1803 года, в гимназии, тогда же предписано было и малые народные училища, бывшие в уездных городах, преобразовать в уездные училища. Переписка об этом началась с 1809 года, и в городе Симбирске уездное училище было вновь открыто (так как малаго народного училища в Симбирске не существовало) только 27 апреля 1811 года и первым смотрителем его был назначен учитель прибавочного класса гимназии Григорий Никитич Сапожников. Уездное училище предназначалось для приготовления учеников, долженствующих поступить в гимназию, содержалось на счет казны и помещалось, первоначально, в здании гимназии, а в последствии переведено в отдельный дом, на углу Большой Саратовской и Покровской улиц. Из ведомости о состоянии училищ в Симбирской губернии, за 1818 год, видно, что в Симбирском уездном училище было три класса, в которых обучалось — 159

учеников, но из них, в течении 1818 года, переведено в гимназию только — 4 человека.

Главный контингент учеников уездного училища постоянно составляли дети мелких чиновников, хотя училось немало детей и местных бедных дворян. С августа месяца 1869 года, при Симбирском уездном училище, были открыты педагогические курсы, для приготовления сельских учителей. В 1881 году Симбирское уездное училище преобразовано в трехклассное городское училище и осталось в том же доме, при чем на капитальный ремонт и перестройку помещения израсходовано городом более 6000 рублей. Когда, 28 октября 1894 года, в городской думе обсуждался вопрос о том, каким достойным образом городское управление должно почтить память в Бозе почившаго Государя ИМПЕРАТОРА Александра Александровича, то некоторые гласные, между прочим, возбудили вопрос об открытии в г. Симбирске второго трехкласснаго училища, так как существующее училище переполнено воспитанниками на столько, что в дальнейшем приеме приходится отказывать. Однако такое предложение не прошло и дума ограничилась тем, что постановила преобразовать городское трехклассное училище в пятиклассное расширить занимаемое им помещение на столько, чтобы оно могло вместить свободно до 400 учеников (теперь их около 300 человек), для чего ассигновала 6000 рублей единовременно и по 1650 руб. ежегодно; (*Симб. Губ. Вед. 1875 г., № 18; 1881 г., № 52; 1894 г., №№ 76 и 78. Журн. Думы 28 октября 1894 года. Липинский, т. II, стр. 407 и 421.*) но это постановление думы не приведено еще в исполнение, за неимением у города средства.

8) Ремесленное училище графа В. В. Орлова-Давыдова.



В октябре месяце 1868 года, бывший Симбирский губернатор граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов пожертвовал в распоряжение Симбирской городской

думы 11,000 рублей, с тем, чтобы на этот капитал было открыто в г. Симбирске ремесленное училище, для воспитания детей бедных городских жителей всех сословий. Дума предполагала первоначально учредить, на означенное пожертвование, три городских ремесленных школы: одну для девочек и две для мальчиков: но эта мысль была скоро оставлена, потому что в мае 1870 г.; отец жертвователя, С.-Петербургский губернский предводитель дворянства, тайный советник граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов, в память только что скончавшагося тогда своего сына, присоединил к его пожертвованию еще капитал в 22000 руб., с тем чтобы устроить одно ремесленное училище, но с более обширною программю. (*Второе полн. собр. зак., т. LIV, ст. 59595.*) Вслед затем тот же граф В. П. Орлов-Давыдов еще пожертвовал 8000 рублей, на приобретение инструментов и вещей для училища.

Городская дума составила проект устава ремесленного училища, который и был утвержден Симбирским губернским правлением 23 сентября 1870 года, а открытие училища последовало 7 апреля 1871 года. Первоначально училище помещалось в доме городского общества, но затем дума предоставила для него отдельный каменный дом, по набережной р. Свияги, между улицами Малой Конной и Кривой, где помещалась прежде удельная больница, (*В 1839 году удельное ведомство купило этот дом у губернского предводителя Юрлова и устроило в нем больницу на 20 кроватей, с квартирою врача.*) каковой дом удельное ведомство уступило городу, с целью открыть в нем женское училище, но дума признала более удобным поместить женское училище в другой дом, а бывшую удельную больницу отдала под ремесленное училище, и при этом постановила выдавать ежегодно, на содержание училища, по 1200 рублей и кроме того одновременно ассигновала, на ремонт дома, 2400 рублей.

По уставу училища полный курс учения наукам и ремеслам назначен шестилетний: два года для общего образования и четыре — для специального. С 3 класса ученики занимаются уже в учебных мастерских, которых всего шесть: токарная по дереву, токарная по металлу, столярная, кузнечная, слесарная и паяльная. Первым директором училища был потомственный почетный гражданин Михаил Василевич Андреев. В 1878 году ремесленное училище значительно преобразовано и к прежним средствам, на которые оно содержалось, прибавлено еще от казны по 16000 рублей ежегодно. В 1882 году, по ходатайству почетнаго попечителя графа В. П. Орлова-Давыдова, ремесленное училище принято под Высочайшее Его Императорскаго ВЕЛИЧЕСТВА покровительство. (*Симбирский календарь на 1877 г., стр. 108. Симб. Губ. Вед. 1870 г., № 30; 1871 г., №№ 27 и 47; 1878 г., № 39; 1882 г., № 42. Ростись гор. Симбирска на 1876 год.*) В настоящее время (к 1 января 1898 г.) в училище 173 воспитанника, из них: 101 — приходящих и 72 — пансионера. По сословиям, это число учеников распределяется так: детей дворян и чиновников — 10, духовнаго звания — 4, мещан — 60, крестьян — 56 и детей военных нижних чинов — 43.

9) Ремесленное училище для сирот, основанное Михаилом Василевичем Лебедевым, 28 июня 1893 года отставной коллежский ассесор Михаил Василевич Лебедев подал в Симбирскую городскую думу заявление следующего содержания: (*Считаем необходимым привести почти целиком содержание этого заявления, потому что оно характеризует выдающуюся из ряда обыкновенных личность*

замечательного жертвователя, Высочайше пожалованного, за эту заслугу, орденом св. Анны 2-й степени.) „Со времени поступления на службу в 1840 году, я ревностно желал сделать что либо для пользы общества. Неусыпными трудами, строгою жизнью и ограничением себя во многом, наконец, с помощью Божию, достиг этой задуманной мной цели. В настоящее время, находясь хотя еще в силах, но сознавая свои лета (72 года), близко приближающихся к упадку сил, к тому-же не имея вблизи себя родственников, которые могли бы призреть меня в старости, я решился принадлежащий мне капитал, всего на сумму, с продажей моего дома, с садовым местом, по Мартыновой улице, в 66000 рублей слишком, не оставляя нисколько для себя, пожертвовать, на вечныя времена, для открытия в Симбирске ремесленного училища для сирот...

Далее Лебедев перечисляет условия пожертвования; именно: 1) чтоб училище было открыто в том же 1893 году и озаглавлено на вывеске так: „Ремесленное училище для сирот, основанное Михаилом Василевичем Лебедевым, в 1893 году, 2) чтобы был приспособлен для училища принадлежащий городу дом по Старо-Казанской улице, в котором ранее помещалась 2-я полицейская часть, 3) чтобы в училище введены были ремесла: сапожное, портняжное и столярное, а также обучение живописи, 4) чтобы его назначили попечителем училища, 5) чтобы выдавали ему из городских сумм, на содержание по 42 рубля в месяц (500 руб. в год), так как за передачу городу 66000 руб. на училище, у него денег ничего не остается и 6) когда он умрет, то чтоб город озаботился его похоронами, потому что родственников у него никого нет. Городская дума приняла пожертвование Лебедева, с указанными им условиями, и постановила ходатайствовать о предоставлении ему звания почетного гражданина гор. Симбирска и о разрешении иметь портреты его в зале думы и в ремесленном училище. (*Журн. Думы 12 июля 1893 года.*) к подготовительным работам по устройству училища было приступлено немедленно же, но дело затянулось, так как вопрос о типе училища не был еще разрешен подлежащим начальством. Министерство народного просвещения предложило открыть школу ремесленных учеников и город изъявил на то согласие, но оказалось, что на содержание пансиона нехватит средств; тогда Министерство разрешило открыть ремесленное училище, на условиях, указанных жертвователем, но с тем, чтобы пожертвованный Лебедевым капитал был передан в распоряжение Министерства. Дума и на это согласилась, оставляя за городом право распоряжаться училищем.

На основании составленного городской управою, принятого думою и утвержденного попечителем Казанского учебного округа, устава, Симбирское ремесленное училище имени М. В. Лебедева имеет целью давать безвозмездно профессиональное образование круглым сиротам мужского пола, преимущественно воспитывавшимся в Симбирском детском приюте, а равно прошедшим курс начальных народных училищ. Курс обучения продолжается 4 года, в течении которых каждый воспитанник, проживая в училище, обязан основательно ознакомиться с каким либо одним ремеслом: столярным, сапожным, портняжным или живописью. Общее число учащихся не должно превышать 32 мальчиков, т. е. по 8 человек на каждое ремесло. Когда средства и помещение училища позволят, то к обучению могут быть приглашаемы и вольно-приходящие ученики за плату, устанавливаемую городской управою. Лучшим ученикам, по окончании курса в училище, при желании их открыть мастерскую, выдается пособие до 50 рублей.

(Тот же 25 августа и 30 декабря 1894 года.) Устав утвержден 9 февраля 1895 года, а 30 сентября того же года последовало торжественное открытие училища. *(Симб. Губ. Вед. 1894 г., № 67.)* к 1 января 1898 года в училище было 24 ученика; из них, дворян — 1, мещан — 15, крестьян — 4 и солдатских детей — 4.

10) Фельдшерская школа.

Симбирское губернское земское собрание 1868 года, озабочиваясь улучшением медицинской помощи в губернии, приняло составленный земскою управою проект устройства фельдшерской школы при Симбирской губернской земской больнице. По этому проекту, ученики школы разделялись на три разряда: 1) полные стипендиаты, в числе не более 8 человек, получающие от земства квартиру, полное содержание и научные пособия, 2) получающие только пищу и 3) вольные слушатели, пользующиеся в школе только обучением. Курс учения — три с половиною года. Полные стипендиаты обязывались семилетнею службою Симбирскому земству, а неполные — службою в течении трех с половиною лет. По утверждении проекта Министерством Внутренних Дел, фельдшерская школа была открыта 15 августа 1869 года.

Однако уже с 1872 года появились, против расходов на школу, протесты, сначала слабые, а затем все более и более усиливавшиеся; стали жаловаться, что на земскую службу поступает не более половины оканчивающих курс в школе, а между тем, каждый выпущенный из школы фельдшер, стоил земству 1000 рублей; от уездных земств поступали заявления, что они не нуждаются в кандидатах на замещение мест фельдшеров. В виду этого, губернское земское собрание 1880 года, признало нецелесообразным расход на фельдшерскую школу и постановило ее закрыть, по окончании курса последними учениками. Таким образом, в 1882 году, был произведен последний выпуск учеников Симбирской фельдшерской школы. Между тем недостаток опытных фельдшеров с каждым годом чувствовался сильнее и вызывал справедливое недовольство населения и врачей, вынужденных даже самостоятельные фельдшерские участки предоставлять в заведывание лицам мало сведущим, не получившим должного образования. Некоторые уездные земства возбуждали вопрос об открытии вновь фельдшерской школы, но губернское собрание каждый раз отклоняло подобныя предложения.

Только эпидемии холеры и сыпного тифа, показавшая недостаточность и неудовлетворительность подготовки служебнаго земскаго фельдшерскаго персонала, убедили губернское собрание 1893 года, в необходимости вновь открыть собственную школу. Разрешение на это было получено в 1894 году, а открытие школы состоялось 16 сентября 1895 года, при чем было принято 30 учениц и 10 учеников, из коих большинство окончило курс в трех-классном городском училище, в женской гимназии и в епархиальном училище. Преподавателями в школе состоят все врачи и провизор Симбирской губернской земской больницы, которые заботятся, главным образом, о практической подготовке учеников, что, несомненно, имеет весьма важное значение для последующей деятельности кончивших курс в школе. *(Симб. Губ. Вед. 1869 г., № 7 и 44; 1894 г., № 89; 1895 г., № 69; 1896 г., №№ 59 и 60.)*

11) Симбирская учительская чувашская школа.

Чувашская школа возникла в Симбирске в по инициативе Ивана Яковлевича Яковлева, нынешняго Инспектора чувашских школ Казанскаго учебного округа. Первоначально эта школа имела совершенно частный, семейный характер. В 1868 году, несколько мальчиков из чуваш, едва умевшие кое-как говорить по русски, были приглашены И. Я. Яковлевым, тогда еще учеником Симбирской гимназии, (*Статский советник И. Я. Яковлев, сын крестьянина, из чуваш, окончил курс в Симбирской гнмназии в 1870 году, с золотою медалью.*) для образования в Симбирске. Здесь, проживая на частной квартире, они ознакомились с русским языком, под руководством и попечением И. Я. Яковлева, а затем, по его же старанию, этих мальчиков поместили в Симбирское уездное училище. Благодаря такому началу, в Симбирск стали прибывать из чувашских деревень и другие мальчики, так что, в 1870 году, их собралось уже 9 человек; все они жили на одной квартире; трое из них обучались в уездном училище, а остальные — дома.

Осенью, 1870 года, эти ученики возникавшей чувашской школы представлены были, директором гимназии, Попечителю Казанскаго учебного округа П. Д. Шестакову, ревизовавшему тогда учебныя заведения в г. Симбирске и Попечитель, ознакомившись с положением школы, исходатайствовал для нея постоянное денежное пособие, из сумм Министерства Народнаго Просвещения. Таким образом только с 1871 года началось официальное существование чувашской школы в Симбирске. Эта школа—закрытое заведение и имеет целью воспитывать учителей для начальных училищ крещеных и не крещеных чуваш Казанскаго учебного округа. Обучение в школе, в объема курса начальных народных училищ, ведется, в младшем классе, на чувашском языке, или с помощью его, но по мере усвоения чувашскими мальчиками русскаго языка, преподавание всех предметов происходит на этом последнем. Для облегчения преподавания, некоторыя книги духовнаго содержания переведены на чувашский язык, именно: а) букварь для чуваш, с приложением русской азбуки, б) начальное учение православной веры, в) главные церковные праздники, г) пасхальная служба, д) священная история Ветхаго и Новаго Завета и е) евангелие. Однако все эти книги напечатаны, хотя и на чувашском языке, но русскими буквами, так как только в таком виде допущено их печатание Министерством Народнаго Просвещения. (*Симб. Губ. вед. 1874 г., № 74*)

В школу принимаются крещеные и не крещеные чувашы, а также крещеные татары, и первое время не было ограничения возраста, хотя, обыкновенно, поступающие бывали не моложе 11 лет и не старше 18 лет; впоследствии вопрос о возрасте был урегулирован на общем основании. За право учения в школе никакой платы не взимается; кроме того, все воспитанники бесплатно пользуются от школы квартирою, содержанием и даже необходимыми учебными пособиями. (*Симбирск. календарь на 1877 г., стр 106.*) Школа содержится на средства Государственнаго Казначейства, с значительным пособием от земства, а также от частных лиц и обществ. Первоначально школа помыкалась в наемной квартире, а с 1877/78, учебного года, она переведена в собственный каменный дом, находящийся на набережной р. Свияги, рядом с ремесленным училищем графа Орлова-Давыдова, купленный казною, за 5400 рублей, у купца Красникова.

С переходом в новое помещение, при чувашской школе открыто было, стараниями И. Я. Яковлева, и даже почти исключительно на его средства, женское

отделение. Но, до 1881 года, обучение чувашских девочек шло очень туго, главным образом за неимением достаточных на это средств; учителя не получали вознаграждения за свой труд; одной только помощнице начальника, специально приглашенной для этой цели, положено было жалованья 150 руб. в год, но содержание она получала от И. Я. Яковлева. В 1881 году Министерство Народного Просвещения назначило женскому отделению чувашской школы ежегодное пособие в 1975 руб. и эта субсидия дала возможность расширить программу отделения и преобразовать его по образцу двухклассных Министерских училищ. Однако в 1890 году едва не пришлось закрыть женскую школу, так как ассигнованные на ее содержание 1975 руб. были включены в сумму, отпускаемую из казны на мужскую школу; но к общему благополучию, в 1881 году Обер-Прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев лично посетил чувашскую школу и заметив критическое положение женского отделения, пожертвовал на ее содержание 2000 руб.; — с тех пор содержание женской школы обеспечено. (*Сим. Губ. Вед. 1893 г. № 62 и 80*) Весною 1898 года учредитель чувашской школы И. Я. Яковлев арендовал у Симбирского общества сельского хозяйства ферму на берегу р. Свияги, близ с Вырыпаевки, в 7 верстах от Симбирска, для практических занятий учеников сельским хозяйством, но в 1896 году эти занятия на ферме прекратились. к 1-му января 1898 года в чувашской школе было 168 воспитанников и в женском училище — 63 воспитанницы.

12) Городския Приходския училища.

До пожара 1864 года в городе Симбирске было только одно приходское училище, содержавшееся на счет городского общества и только для мальчиков. Первоначально оно помещалось по Московской улице, в городском доме, против гимназического пансиона, где теперь гимназическое общежитие, а в последствии переведено в частный дом, на Лисиную улицу. В 1861 году в этом училище было, при трех учителях, 223 воспитанника, город расходовал на его содержание 450 руб. в год, но после пожара, разорившаго город, число учащихся в училище уменьшилось до 51 человека. (*Липинский т. II, стр. 421. Сим. Губ. Вед. 1865 г. № 8*) Более деятельное участие Симбирского городского управления в деле народного образования начинается лишь после введения в гор. Симбирске городского положения 16 июня 1870 года. Новая городская дума, совместно с городской управою, на первых же порах своей деятельности, возбудила вопрос об устройстве одного женского и трех мужских приходских училищ. „Женское народное училище было открыто 5 апреля 1871 года; для него удельное ведомство подарило городу особый дом на набережной реки Свияги, в котором была прежде удельная больница, но городское управление тот дом отдало открывавшемуся тогда ремесленному училищу графа В. В. Орлова-Давыдова, (*Сим. Губ. Вед. 1871 г., №№ 21, 47 и 82.*) а женское училище поместило в городском доме, по Панской улице.

После этого, заботы городского управления об образовании городского населения уже не только не прекращались, но прогрессивно увеличивались, благодаря чему в настоящее время наш небольшой город может смело поспорить, в этом отношении, с лучшими поволжскими городами. В 1873 году были открыты два училища:

мужское и женское. В 1875 году тоже два, в заволжской слободе Канаве. И затем последовательно, были открываемы по два училища: (мужское и женское) — в 1876, 1878 и 1880 годах; наконец в 1881 году открыто шестое (не считая заволжскаго) женское училище, а в 1883 году.— шестое мужское. 15 сентября 1897 года после большого перерыва, открыто училище на Тути, а 1 ноября того же года — смешанное училище в слободе Часовне и наконец в августе 1898 года - смешанное училище в кирпичных сараях. Таким образом, в настоящее время в г. Симбирске существует 17 городских приходских училищ; в них обучается 794 мальчика и 832 девушки, и на содержание этих училищ городское управление расходует ежегодно более 20000 рублей..Подробныя сведения о городских приходских училищах представляются в следующем виде:

Название приходских училищъ.	Когда открыто.	Въ 1897 году.			
		Число учениковъ		Городъ расходуетъ на содержание училища въ годъ.	
		Мальчиковъ.	Дѣвушекъ.	Руб.	Коп.
Мужскія:					
Первое	Ранѣе 1860 г.	94	—	1185	10
Второе	Въ 1873 г.	98	—	1824	70
Третье	13 октября 1876 г.	51	—	1222	10
Четвертое	15 сентябр. 1878 г.	120	—	1792	60
Пятое	7 октября 1880 г.	124	—	1593	30
Шестое	Въ 1883 г.	151	—	1310	20
Канавинское	6 января 1875 г.	98	—	980	10
Женскія:					
Первое	5 апрѣля 1871 г.	—	224	2615	80
Второе	Въ 1873 г.	—	120	1416	60
Третье	13 октября 1876 г.	—	52	838	60
Четвертое	15 сентябр. 1878 г.	—	82	1306	60
Пятое	7 октября 1880 г.	—	162	1429	55
Шестое	25 октября 1881 г.	—	112	1189	55
Канавинское	6 января 1875 г.	—	32	980	10
Смѣшанныя:					
На Тути	15 сентябр. 1897 г.	21	10	400	—
Часовенское	1 ноября 1897 г.	37	38	—	—
Итого		794	832	20084	90

13) Городская школа кройк и шитья.

Городская училищная комиссия, признавая полезными распространение ремесленных знаний между девушками, обучающимися в городских начальных школах, составила проект правил об открытии в г. Симбирске женской учебной мастерской, для обучения девочек кройке и шитью, и представила его, в 1888 г., на утверждение городской думы. По этому проекту, в школу принимаются девочки не старше 14 лет и не только грамотныя, но преимущественно воспитанницы Симбирскаго детского приюта или окончившия полный курс приходскаго училища.

Курс обучения продолжается три года и ученицы, наряду с кройкой и шитьем, занимаются повторением учебных предметов и черчением, применительно к изучаемому ремеслу. За обучение никакой платы не взимается, а наоборот, лучшие ученицы, на третий год пребывания в школе, получают особое вознаграждение, в размере 50% с цены, назначенной за работу известной вещи. Городская дума приняла изложенный проект в заседании 28 октября 1888 года, но открытие школы последовало лишь 2 октября 1889 года. Первоначально школа помещалась на частной квартире, по Покровской улице, в доме провизора Филиппа, а затем, в июле 1892 года, она переведена в нижний этаж городского дома, где находится и по настоящее время. (*Журн. Думы 28 октября 1888 года; 21 апреля и 11 августа 1889 года.*) В последнее время, кроме кройки и шитья, в школе введено обучение вышивке и мелким рукодельям. к 1 января 1898 г. в этой школе было 121 ученица.

14) Швейная мастерская для обучения бедных девушек.

15 февраля 1881 года была открыта в г. Симбирске швейная мастерская, для обучения шитью бедных девушек. Эта школа возникла по инициативе трех дам, членов Александровского попечительного общества о бедных: Н. В. Терениной, А. Р. Денисовой и М. О. Разказовой. Цель школы заключалась в том, чтобы дать приют безприютным девушкам и обучать их шитью; она существовала единственно благотворительностью, потому что заказы поступали самые незначительные. Школа помещалась на частной квартире и первоначально в ней жили, на полном содержании, 10 девочек и столько же было приходящих, которых кормили обедом и давали чай, а умеющая уже шить получали, кроме того, по 20 коп. в день, за работу. В течении года швейная мастерская окончательно устроилась, так что на втором году ее существования в ней уже жили: две надзирательницы, три швеи, 22 ученицы пансионерки и кроме того, было 7 приходящих учениц. Система обучения была исключительно практическая, без применения каких либо теоретических указаний. (*Симб. Губ. Вед. 1881 г., № 82; 1882 г., № 22.*) В настоящее время этой школы уже не существует; в 1894 году она закрыта, за неимением средств, и часть учениц возвращена на попечение родителей, а часть отдана в женский приют, находящийся за р. Свиягой.

15) Городская школа садоводства.

В 1885 году городская дума обратила внимание на то, что жители заволжских слобод, имея значительные огороды, распахивают их почти исключительно под овощи, садоводство же в слободах хотя и существует, но основано на самых примитивных началах, а хмелеводство вовсе не существует. Желая поднять экономическое состояние жителей слобод, ознакомлением их с рациональным ведением садоводства и развитием у них хмелеводства, дума, в том же 1895 году учредила одну городскую стипендию в Петровицкой (Пензенской губернии) школе плодоводства и хмелеводства, с тем, чтобы городской стипендиат, по окончании в той школе полного курса, имел возможность передать приобретенные им сведения ученикам заволжского городского училища. Для сего, в 1888 году, дума предположила отвести за Волгой особый участок земли, где и развести образцовый сад и устроить питомник. (*Журн. Думы 30 ноября 1888 года.*)

Затем, при дальнейшем обсуждении этого вопроса, с участием училищной комиссии, дума остановилась на том соображении, что хотя жители заволжских слобод и занимаются садоводством, но существуют также сады и у многих городских обывателей, при чем, для жителей подгородной местности, сады составляют главнейший источник существования, так что, при значительном числе учащихся в городских школах, устройство питомников в городе принесет большую пользу и не только тем детям, родители коих имеют сады, но и всем вообще, желающим обучаться садоводству. *(Тоже 23 февраля 1890 года.)* В силу этих соображений, в 1890 году, городская дума постановила открыть в Симбирске практическую школу садоводства на воздухе, предоставив, для устройства питомника, принадлежащий городу „Обрезков сад“, а на покупку семян и необходимых инструментов ассигновала 200 рублей; вместе с тем нанят был учитель и выдано еще 500 рублей, на покупку фруктовых деревьев. Затрачен был капитал, сделано в Обрезковом саду более 1000 новых насаждений, при чем выкорчевано около 12 десятин старых непригодных растений; устроены парники. и фруктовый сарай; учениками были назначены мальчики из старших отделений городских приходских училищ — словом, все было подготовлено к успешной деятельности школы садоводства, но дело это не пошло; потому ли что приглашенный учитель не оправдал ожидание, или новый состав городской думы отнесся к этому учреждению холодно — причина неизвестна, но только городская школа садоводства, на которую так много возлагали надежд, не была даже открыта и теперь все устроенные для нея приспособления стоят в Обрезковом саду заброшенными, фруктовые деревья почти все посохли, *(Тоже 25 мая и 21 сентября 1890 г. и 22 февраля 1891 года.)* а деньги, ассигнованные на содержание городского питомника, расходуются, в небольшом количестве, на наем караульщиков и на посев в саду картофеля.

16) Воскресные школы.

Первая воскресная школа открыта была в Симбирске в 1860 году, с разрешения попечителя Казанского учебного округа, „для распространения грамотности и развития нравственности среди ремесленников. Школа помещалась в здании мужской гимназии и желающих обучаться в ней, сразу явилось очень много, так что в первый же год ее существования в ней насчитывалось — 127 человек учащихся. Такой успех воскресной школы объясняется как охватившему в то время городское население, под влиянием крестьянской реформы, стремлением к самообразованию, так равно и тем, что в объявлении об открытии воскресной школы было упомянуто, что преподавание в ней приняли на себя двое пользовавшихся тогда заслуженною репутациею прекрасных педагогов: Михаил Васильевич Арнольдов (впоследствии редактор неофициальной части Симбирских губернских ведомостей и секретарь губерн. стат. комитета) и Николай Александрович Гончаров, учитель словесности в гимназии (брат знаменитого писателя). Однако, несмотря на такое блестящее начало, Симбирская воскресная школа просуществовала менее двух лет и в 1862 году, наравне со всеми бывшими тогда в России многочисленными воскресными школами, была закрыта, по распоряжению Министерства Народного Просвещения. Через шесть лет, в Симбирске, вновь открылась воскресная школа, но уже совершенно на иных основаниях. В силу указа Святейшаго Синода от 29 февраля

1868 года, при Симбирской духовной семинарии, была открыта, в том же 1868 году, воскресная школа, где занятия происходили не только по воскресным, но и по праздничным дням, с 11 час. утра и продолжались не менее 1 1/2 часа. Предметами занятий были закон Божий, русская грамота, письмо и арифметика, а также рассказы по русской истории и географии.

Преподаванием в воскресной школе занимались все воспитанники высшего отделения семинарии. Эта школа, как и предыдущая, сразу привлекла много учеников всех сословий и возрастов. В течении 1868 года приходили в школу 1269 учеников, из коих обучались закону Божию — 95 человек, русской грамоте — 252 человека, чистописанию — 535 человек, арифметике — 379 человек, а истории и географии только — 8 человек. С течением времени, эта воскресная школа обращена в образцовую церковноприходскую школу, каковая существует при духовной семинарии и по настоящее время.— В 1880 году, в одном из заседаний городской думы, когда обсуждался вопрос о взимании платы за обучение детей в приходских училищах, возникла мысль об открытии одной вечерней и одной воскресной школ, каковой вопрос тут же был разрешен утвердительно и 1 августа 1881 года последовало открытие, в виде опыта вечерних и воскресных классов при 4-м мужском училище. Однако такой опыт оказался неудачным — классы просуществовали не более года и затем были закрыты. (*Симб. Губ. Вед. 1869 г., № 32; 1870 г., №№ 8, 60 и 63, Безгин. „Симбирская губ. гимназі, стр. 174. Журн. Думы 30 августа 1881 года.*) Наконец 28 сентября 1897 года опять была открыта воскресная школа, но на сей раз уже для лиц женского пола, с преподаванием, кроме общеобразовательных предметов, еще и рукоделия. Школа эта идо сих пор существует в помещении 5 и 6 женских городских приходских школ. (*Симб. Губ. Вед. 1897 г., № 70.*)

17) Частные школы.

До открытия учебных заведений от правительства, образование в Симбирской губернии, как и в других местностях России, получалось двояким способом: те, кому нужно было научиться только читать и писать, учились у разных лиц духовного звания, у подъячих, у отставных солдат и у другого грамотного люда, а кто хотел получить кой какие научные сведения и особенно познание в иностранных языках, тот поступал в пансионы, содержавшиеся обыкновенно иностранцами. Таким образом, частные школы или пансионы были первыми разсадниками просвещения. В Симбирской губернии обучение детей грамоте частными лицами существовало, несомненно, с тех пор, как поселились здесь русские. В те давние времена грамотность понималась как необходимое, в известных случаях, ремесло и обыкновенно передавалось от отца к сыну; например, лица духовного звания сами учили своих детей грамоте, если желали приготовить их к тому же званию. Тогда существовало общее нерасположение к образованию, даже среди высшего сословия, так что правительство принуждено было прибегать к понудительным мерам.

Так, Петр Великий издавал строгие указы относительно обязательного обучения дворянских и чиновничьих детей. Чтоб заставить учиться, приказано было „послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтобы учить дворянских детей, кроме однодворцев, приказного чина цифири и геометрии и

положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего выучится. И для того, о том к архиереям писать, дабы памятей венчальных не давали, без соизволения тех, которым школы приказаны (указ царя Петра, от 20 января 1714 года. *Полн. собр. зак., т. V, ст. 2762*) Такого же содержания указ последовал 6 ноября 1719 года и относительно детей „разнаго сословная, опричь дворянских. *(Там-же, ст. 8447.)* Кроме того, по указам Петра, дворянские недоросли, от 16 до 21 года, являлись на смотр в Сенат ежегодно, в январе месяце и распределялись на службу лично ЦАРЕМ ПЕТРОМ; тех из них, которые были обучены грамоте и цифири, определяли в коллегии и канцелярии, к приказным делам, а неграмотных брали в солдаты. Императрица АННА ИОАННОВНА, подтверждая распоряжения Петра, указом от 19 февраля 1737 года, даровала некоторыя льготы неграмотным недорослям, в возрасте от 16 до 21 года — она разрешила отпускать их домой, для обучения грамоте до урочных лет, т. е. до 21 года, если же они и тогда оказывались неграмотными, то приказано было брать их в матросы «на вечно, без всякаго произвожденья.» *(Там-же, т. X. ст. 7182.)*

Императрица ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА также принимала принудительныя меры к народному образованию; при ней все дворяне и разночинцы были обязаны учить детей русской грамоте с молодых лет, а кто этого не исполнял, тот подвергался штрафу по два рубля. Императрица ЕКАТЕРИНА II действовала в этом случае более гуманными средствами: она разрешила принимать детей бедных дворян, на казенный счет, в гарнизонныя школы, хотя последние были учреждены собственно для одних солдатских детей (указ от 17 января 1774 года). Однако, относительно сыновей приказных служителей, Императрица поступила строго (указ от 13 июня 1774 г.), разослав во все присутственныя места, указы „дабы всем приказным служителям наистрожайше было наивсегда подтверждаемо, чтобы они в изучении своих детей грамоте имели прилежнейшее и усерднейшее попечение; а если и после сего у кого окажутся дети грамоте неумеющия, таковых не токмо в военную, но и ни в какую службу отнюдь не определять. Общее нерасположение к образованию несколько уменьшилось только после того, как с конца прошлого столетия, стали заводиться школы по инициативе правительства, но и тогда безсмертный тип фовизинскаго Митрофанушки представлял обычное явление.

С начала русское общество отнеслось несочувственно к казенным школам, потому что содержание детей в школе требовало больших издержек, чем обучение дома, и кроме того нередко соединялось с разлукою с детьми и другими неудобствами, а поэтому не только лица других сословий, но даже духовные, откупались от обязательнаго обучения детей в казенных школах, как от рекрутчины. Когда, в начале нынешняго столетия, правительство обратило внимание на это, то стало подчинять частныя школ контролю начальства казенных школ, вследствие чего частные учителя грамотности должны были или прекратить свою деятельность, или скрывать ее. О существовании первоначальных школ грамотности в г. Симбирске не сохранилось ни официальных сведений, ни преданий.

Частные пансионы, по всей вероятности, стали появляться в Симбирске во второй половине прошлого столетия; по крайней мере сведения о них не восходят ранее этого времени. Подполковник Свечин (*Зерцалов. „Краткий историко-географический очерк г. Симбирска, стр. 7,*) в рапорте, поданном в Сенат в 1765 году, упоминает, что в городе Симбирске имеется школа французскаго и немецкаго языков, в которой воспитывается до 30 человек благороднаго юношества. В 1769

году в Симбирске уже были два пансиона: один — отставного офицера французской службы Лорансена, другой — отставного русского поручика Кабрита. В это же время, из Казани перешел в Симбирск пансион французского мещанина Манженя, в котором поэт Ив. Ив. Дмитриев обучался французскому языку, арифметике и рисованию. Несколько позднее упоминается в Симбирске пансион какого-то Ковеля, где учился историограф Н. М. Карамзин. С открытием главного народного училища, в 1786 году, необходимость в частных пансионах в г. Симбирске не прекратилась и они, по прежнему, продолжали свое существование. Дворяне не хотели отдавать своих детей в народное училище, так как там новые языки не преподавались, да и детям их унижительно было сидеть рядом с мещанскими и крестьянскими ребятами, а по этому частные пансионы, пользовались сочувствием общества; в них дети Симбирских дворян оканчивали образование и затем, обыкновенно, поступали на военную службу, но далеко по службе не уходили, а получив третий, много четвертый чин, а то и после первого чина, выходили в отставку, возвращались в родовые имения и принимались там за практическое изучение сельского хозяйства. В 1799 году в Симбирске был пансион иностранца Карла Адриани. В 1803 году разрешено было содержать в Симбирске пансион „для дворянства иностранцу Франциску фон-Гемден. В декабре 1804 года был открыт новый пансион, эстляндским дворянином Карлом фон-Кноблох. Содержатели частных пансионов того времени, повсеместно в России, были исключительно иностранцы, с успехом для своего материального благополучения эксплуатировавшие, господствовавшую в русском обществе конца прошлого и начала нынешнего столетий, страсть к французскому языку.

Правительство обратило внимание на зло, причиняемое частными пансионами иностранцев и приняло меры к их искоренению. Министр Народного Просвещения граф Завадовский, в Высочайшем докладе 25 мая 1811 года, писал: „В отечестве нашем далеко простерло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором людей, одною собственною корыстью занятых, презирающих все неиностранный, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний. Следуя дворянству и другия состояния готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев... Все почти пансионы в Империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиянина образуют иностранца... Для преподавания наук они избирают иностранцев же, что усугубляет вред, воспитанием их разливаемый и скорыми шагами приближает к истреблению духа народного. Воспитанники их и мыслят и говорят по иноземному, между тем не могут несколько слова правильно сказать на языке отечественном. (*Полн. собр. зак., т. XXXI ст. 24647.*) Результатом правительственных мер было постепенное, хотя и медленное, сокращение иностранных пансионов. В 1815 году в Симбирске было два частных учебных заведения: „благородный пансион г-жи Марии Пото и „школа губернского секретаря Андреева. Школа Андреева — это первое официально признанное в Симбирске частное учебное заведение, для детей бедных родителей всех сословий; здесь иностранных языков не преподавали, а по отзыву современников, „трудолюбиво и добропорядочно обучали чтению, письму, арифметике, катехизису

и пасхалиям; по праздниками, Андреев читал, престарелым и бедным, евангелие и апостола.

В половине нынешняго столетия, когда правительство так удачно избрало гимназию типом среднего учебного заведения, когда стали появляться кадетские корпуса, реальные училища и т. и., в истории, частных учебных заведений замечается поворот в пользу народных школ, а „благородные пансионы постепенно исчезают, если же и открываются новые, то уже совершенно на иных, более скромных, началах: для приготовления учеников к поступлению в средния или высшия казенныя заведения. Частныя народныя школы процветали в 60-х годах. Тогда число их в Симбирске доходило до 20-ти. Наряду с ними успешно действовали безконтрольныя школы доморощенных грамотеев, не признававших нужным оффициально заявлять о своей педагогической дьятельности. Такие педагоги пользовались большим успехом у простолюдинов, которые почему-то чуждались казенных учебных заведений и охотнее посылали детей к „учителю“. Этому способствовала также и отдаленность некоторых частей города от казенных училищ. Так например: жителю заволжских слобод приходилось два раза в день переплывать Волгу, чтобы попасть в город, в учебное заведение; при таких неудобствах он, конечно, не станет посылать сына в город, а отдаст его на выучку какому нибудь грамотному солдату или дьячку, живущему тут же, за Волгой. Деятельность частных народных школ в Симбирске совершенно прекращается в 70-х годах, когда последовало коренное преобразование городского самоуправления и наша городская дума энергично принялась за открытие приходских училищ. (*Симб. Губ. Вед. 1874 г., №№ 69 — 79. Симбирский сборник 1868 г., стр. 51, 194 и 203, Липинский, т. II, стр. 406.*)

18) Сельско-хозяйственная школа.

В 1896 году общество сельскаго хозяйства проявило свою деятельность открытием, 6 октября того года, нисшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда, на принадлежащей обществу ферме, близ с. Вырыпаевки. Общество уже несколько лет стремилось учредить подобную школу, которая должна принести пользу как крупному землевладению, так и среднему, а равно и крестьянскому населению, давая подготовленных практически и теоретически опытных работников по сельскому хозяйству и его отраслям. Школа открыта при ежегодном пособии от казны, по 3500 рублей, в течении 12 лет; земство же ассигновало на ея содержание по 4230 руб. в год. На первых порах было принято только 26 учеников, но затем, 26 октября 1897 года, помещение школы расширено и обставлено надлежащим образом — классы и квартиры преподавателей размещены в особых, вновь выстроенных, зданиях. (*Симб. Губ. Вед. 1897 г. №№ 64 и 77.*) В нашей губернии это первая сельско-хозяйственная школа и так как она, конечно, не в состоянии удовлетворить потребностям края в подготовленных к ведению хозяйства работниках, то надо надеяться, что примеру губернскаго земства последуют и уездныя земскія собрания. (*Тоже 1896 г., №№ 71 и 77.*)

19) Татарская школа.

Из иноверческих учебных заведений, в гор. Симбирске существует татарская медресе (нисшая школа), открытая в 1872 году; она помещается в особом флигеле, на дворе, при мечети. Здесь обучаются дети татар, проживающих не только в Симбирске, но и в соседних уездах. Ученье в медресе имеет чисто религиозный характер, так как цель его — ознакомление учащихся с исламом; для сего учат читать и писать по татарски и по арабски, проходят арабскую грамматику, изучают коран, который при этом объясняется муллами словесно, знакомят учеников с преданиями, обрядами мусульман и выучивают наизусть молитвенник. Кроме того, муллы рассказывают своим слушателям разные священные истории и повести, а также нравоучительные басни. Главное внимание обращено на изучение арабского языка, на котором существует вся богословская литература магометан; на нем написан коран, на нем говорятся проповеди и читаются молитвы. Так как за обучение никакой определенной платы не установлено, а принимается посильный взнос, то в учениках медресе никогда недостатка не замечается. (*Симбирский календарь на 1879 год, стр. 239.*) к 1 января 1898 года в Симбирском медресе было 130 учеников.

20) Землемеро-таксаторские классы.

При Симбирской губернской гимназии, в течении 8 лет, существовали землемеро-таксаторские классы, под главным надзором инспектора гимназии. Открыты они были в 1861 году, по требованию управляющего межевым корпусом, на основании ВЫСОЧАЙШАГО повеления от 22 октября 1859 года, с целью образовывать искусных съемщиков и таксаторов, так как в то время, когда только что состоялось освобождение крестьяне от крепостной зависимости, в землемерах представлялась значительная надобность, для размежевания земель между помещиками и крестьянами. В эти классы принимались ученики всех сословий, не моложе 15 лет, и на содержание их отпускалось, из казны, по 5000 рублей в год, при пособии от земства. Однако на 1866 год Симбирское губернское земство не ассигновало никакой суммы на содержание землемеро-таксаторских классов, так как признало, что расходы, употребленные земством, в течении шести лет, на эти классы, не отвечают той пользе, которую классы принесли губернии. Вследствие сего, земство постановило ходатайствовать о закрытии землемеро-таксаторских классов, как не оправдавших ожидавшейся от них пользы. Это ходатайство было уважено и в том же 1866 году состоялось распоряжение управляющего межевым корпусом о немедленном прекращении дальнейшего приема учеников, а находившимся в этих классах молодыми людям предоставлено было окончить курс. Закрытие Симбирских землемеро-таксаторских классов последовало в 1868 году; книги, оставшиеся по закрытии этих классов, переданы в Карамзинскую библиотеку, а инструменты проданы с торгов. (*Безгин. «Симбирская губ. гимназия», стр. 155 и 187.*)

21) Предположения об открытии в гор. Симбирске прогимназии.

В 1870-х годах, вследствие значительного переполнения Симбирской гимназии учащимися, местным начальством возбуждено было ходатайство об устройстве в Симбирске четырех-классной прогимназии. Министерство Народного Просвещения вполне согласилось удовлетворить такое ходатайство, но с тем лишь условием, если земство и город примут участие в расходах на содержание этого учебного заведения. Однако, ни с той, ни с другой стороны материального участия в этом не последовало. Симбирское губернское земское собрание 13 января 1877 года нашло, что оно уже достаточно сделало для просвещения края, дав пособия Алатырской прогимназии и Симбирской военной гимназии и что пособие для устройства новой прогимназии в Симбирске должно лежать на обязанности города, жители коего преимущественно воспользуются новым заведением, а потому в пособии отказало. (*Симбирская Земская Газета 1877 г., № 25.*) Симбирская городская дума признала, что весьма желательно было бы принять участие в расходах по содержанию прогимназии и тем содействовать к открытию этого необходимого учебного заведения в гор. Симбирске, но так как город уже расходует ежегодно на народное образование более 15000 рублей и свободных сумм не имеет, то и лишен возможности принять участие в расходах по содержанию прогимназии. (*Симб. Губ. Вед. 1878 г., № 62 (ростись г. Симбирска на 1878 год).*) Подобное положение дел поставило Министерство Народного Просвещения в невозможность открыть в Симбирске прогимназию.

22) Предположения об открытии в г. Симбирске реального училища.

Вопрос об открытии в Симбирске реального училища первоначально возник еще в 1865 году. Когда предстояло введение в Симбирской губернии гимназического устава, Высочайше утвержденнаго 19 ноября 1864 года, попечитель Казанскаго учебного округа пожелал, предварительно, узнать по этому предмету мнение Симбирскаго общества. У нас мнения разделились: дворянство высказалось за классическую гимназию, а городское общество полагало, что местные нужды и условия требуют в Симбирске реального училища. Хотя желание дворянства восторжествовало, тем не менее городское общество, отстаивая свое мнение, не без основания обратило внимание на то, что, при первом взгляде на нашу губернию, всего более бросается в глаза богатство производительных сил природы и в то же время бедность знания и умения воспользоваться этими силами. Несомненно, что для усиления знания, могущаго дать надлежащей ход нашим естественным богатствам, нужны вовсе не знатоки латинскаго и греческаго языков, а люди обладающие реальными знаниями. (*Тоже 1865 г., № 12.*)

Этого же мнения продолжали держаться представители Симбирскаго городского общества и до последняго времени, не оставляя мысли об открытии в Симбирске реального училища. Симбирская городская дума, празднуя 25 февраля 1896 года двадцатипяти-летний юбилей деятельности городского управления, постановила, в память этого события, ходатайствовать об открытии в Симбирске реального училища с коммерческими классами, имени Императора Александра II, с устройством при училище в домово́й церкви во имя Св. Александра Невскаго; при этом дума обязалась отвести для училища подходящий городской дом, или вообще

устроить удобное помещение, придти на помощь в содержании классов, путем внесения, ежегодно, в роспись расхода, в размере 5000 руб., а также для этой цели исходатайствовать, где следует, о том, чтобы капитал в 17915 руб., хранящийся на сооружение храма в память Императора Александра Николаевича, было разрешено употребить на сооружение домово́й церкви при реальном училище. (*Журн. Думы 25 февраля 1890 года.*) Однако реальному училищу, повидимому, не суждено быть в Симбирске, так как в последнее время значительный перевес пред этим предположением получила мысль об открытии в Симбирске коммерческого училища.

23) Предположения об открытии в г. Симбирске коммерческого училища.



В начале 1896 года среди Симбирского купеческого общества возникла мысль об открытии в Симбирске коммерческого училища. Поводом к этому послужили газетные известия о том: 1) что при Департаменте Торговли и Мануфактур предстоит образование особой комиссии, для обсуждения вопроса о том, как и на что употребить капитал, образовавшийся от отчисления из доходов Волжско-Камского Коммерческого Банка известного процента на нужды по волжской торговле. Отчисления эти делаются со дня основания Банка, по мысли учредителя его, покойного Кокорева, и достигли в настоящее время суммы свыше 500,000 рублей и 2) что Министерство Финансов, сочувственно относящееся к открытию коммерческих учебных заведений, командирует в поволжские города, в том числе и в Симбирск, главного инспектора по учебной части, для выяснения вопроса об устройстве учебных заведений этого типа. Симбирский купеческий староста передал доклад купеческого общества об открытии коммерческого училища, на рассмотрение городской думы. Затем, к ходяйству купеческого общества присоединилось и Симбирское мещанское общество. Эта мысль первоначально

несочувственно была принята городской думою, потому что тогда преобладало мнение о необходимости открытия реального училища и уже состоялось, как мы видели, определение, в этом именно смысле, во время юбилейного заседания. Однако, по приезде в Симбирск главного инспектора по учебной части Министерства Финансов, выяснилось, что означенное Министерство озабочено распространением в России коммерческого образования, путем открытия средних и низших учебных заведений этого типа, а потому г. Симбирск, при возбуждении ходатайства об открытии коммерческого училища, может рассчитывать на пособия как от казны, так и из Кокоревского капитала. (*Журн. Думы 25/26 августа 1896 года.*) В виду этого дума отнеслась к настоящему вопросу более серьезно и для всестороннего обсуждения его образовала особую комиссию. Как бы то ни было, а при разрешении вопроса, о том быть ли в Симбирске реальному училищу или коммерческому, самое существенное значение имеет то обстоятельство, что ни у городского, ни у купеческого общества нет для этого достаточного наличного капитала.

24) Предположения об открытии в Симбирске народной аудитории.

Симбирская городская дума, обсуждая в заседании 18 апреля 1896 года вопрос о том, что должно быть сделано городом по случаю предстоявшего 14 мая того года священного коронования Их Императорских Величеств, между прочим постановила построить новое каменное здание, на Завьяловской, площади, для народной аудитории с читальней, на что ассигновала 14000 рублей. (*Тоже 18 апреля 1896 года.*) Однако это постановление думы до сих пор не приводится в исполнение, за неимением у города свободных сумм, так как по составленному городским архитектором плану и смете, постройка здания для народной аудитории, при самых скромных требованиях, обойдется не дешевле 30000 рублей.

1) Театр

Когда был построен в Симбирске в первый театр, об этом никаких документальных сведений не сохранилось. В начале нынешнего столетия в зале гимназии была театральная сцена, для драматических представлений; учителя гимназии нередко давали здесь спектакли с благотворительной целью и Симбирскому обществу эти спектакли очень нравились; но в 1820 году попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий (бывший Симбирский губернатор) предписал убрать сцену из зала гимназии и прекратить представления. (*Симб. Губ. Вед. 1875 г., № 11.*) Сторожилы рассказывают, что в 30-х годах настоящего столетия в Симбирске уже был театр и помещался в особом деревянном здании, напминавшем, по внешнему виду, простой досчатый сарай; внутри он был обит войлоком, и на зиму ставились, для отопления его, железные печи. Театр находился на углу Бараньей слободки и Александровской площади, наискось Александровского сада. Постоянной труппы тогда не было. Представления давались, по временам, артистами, приезжавшими на короткое время, и почти исключительно летом. В театре был один ярус лож, и только три ряда кресел, цена которым была одинаковая; за креслами следовали: места за креслами, потом „партер“, и наконец галерея, помещавшаяся сзади лож, против сцены. (*В библиотеке архивной комиссии хранятся весьма интересные, современные афиши двух бенефисных спектаклей, данных в этом театре 6 и 20 Июня 1840 года приезжими актерами.*)

Театр в бараньей слободке продолжал свое существование до 1846 года, когда был продан на слом, потому что к этому времени окончилась постройка теплого деревянного театра на площади, в конце Большой Саратовской улицы, между Лисиной и Театральной улицами. Строителем теплого театра был местный кондитер, мещанин Слепнев, а расходы по постройке приняло на себя Симбирское дворянство, которое потом подарило театр Слепневу. Спектакли открылись в этом театре с осени 1846 года. Кто был первым антрепренером Симбирского театра — неизвестно; точные сведения о сем кончаются только с сезона 1854/55 г., когда антрепризу держал Борис Климович Соловьев, (*Симб. Губ. Вед. 1855 г., № 4.*) в труппе которого был знаменитый певец Бантышев. Однако здание театра было, должно быть, недостаточно прочно, так как уже в 1869 году возник вопрос о необходимости капитального его ремонта, потому что произведенным, по распоряжению начальства, осмотром театра установлено было в нем: холод, грязь, сквозной ветер, скрипящая под ногами доски, двери, оставляющая на руках занозы и много других более или менее существенных неисправностей, при существовании коих оказалось опасным давать в театре какие либо представления. (*Тотже 1871 г., № 48.*)

Тогдашние собственники театрального здания, наследники мещанина Слепнева, отказались произвести какой либо ремонт и здание театра было запечатано. В виду такого ненормального положения, возник вопрос о том, что в интересах городского населения, было бы несравненно выгоднее, если бы здание театра перешло из частных рук в собственность города, так как частный владелец, при отсутствии

конкуренции, становится монополистом и приобретает полную возможность безконтрольно эксплуатировать городских жителей; между тем город сдавал бы театр антрепренерам за возможно низшую сумму, предоставляя себе известный контроль над действиями антрепренеров и тем ограждая публику от произвольной с их стороны эксплуатации, не, говоря уже о том, что устройство театров везде составляет одну из главных задач городского хозяйства, так как служит к удовлетворению наиболее серьезной потребности городского населения. Однако эти соображения не получили практического осуществления и театр Слепневых был куплен, за 2000 рублей, местным помещиком, любителем музыки и театралом, Сергеем Николаевичем Нейковым.

Гарантировав себя обещанием получить право пользоваться городским местом в течении 12 лет, Нейков израсходовал на ремонт театра до 3000 руб., но все таки исправления не довел до конца, потому что обещанной гарантии не получил и поспешил продать здание театра князю Н. С. Вяземскому, который, как любитель, принялся за театральное дело горячо, но вскоре же у него явилось желание избавиться от этой неприятной заботливости, в виду чего он предложил городской думе купить у него здание театра, в собственность города, и отделав, сдавать в аренду, (*Тоже 1871 г., № 47.*) но дума не приняла это предложение и здание театра, переходя от одного собственника к другому, продолжало существовать еще около десяти лет, пока не был построен на Спасской улице каменный театр, существующий и по ныне. С окончанием сезона 1878/79 г., представления в деревянном театре прекратились, (*Симбирский календарь на 1880 г., стр. 190.*) а летом 1879 г. он был продан на слом и разобран; купил его город у Прасковьи Ивановны Языковой, за 3000 рублей и лес употребил на перестройку казармы для Калужскаго полка. С тех пор площадь, на которой находилось здание театра, называется „театральною“. Существованием обширного и удобнаго каменного театра Симбирск обязан бывшему помещику, гвардии штабс-капитану Митрофану Федоровичу Прянишникову (умер в 1891 г.), употребившему все свои средства на постройку театра. Первое представление в каменном театре было 23 ноября 1879 г.; (*Симб. Губ. Вед. 1879 г., № 88.*) 22 января 1881 года театр перешел в собственность купца В. М. Булычева и теперь принадлежит его наследникам. Городская дума обсуждала, 19 сентября 1884 года, вопрос о театре и при этом обратила внимание на то, что наш театр построен частным лицом, которое всегда может обратить это здание для других целей, город же своего театра не имеет; в виду этого дума признала нужными назначить в городе место для постройки театра, на случай если когда либо город признает возможным осуществить неоднократно уже возникавший вопрос о городском театре; таким местом назначена думою Завьяловския площадь. (*Журн. Думы 19 сентября 1884 года.*)

2) Карамзинския библиотека.

(*История Карамзинской библиотеки подробно изложена: а) в „Симб. юбилей Н. М. Карамзина“, изд. 1867 г., стр. 221- 255 и б) в „Пятидесятилетнем существовании“ сей библиотеки (Симб. Губ. Вед. 1898 г., №№ 19 и след.)* В 1830 году президент Императорскаго вольно-экономическаго общества граф Н. С. Мордвинов возбудил вопрос об учреждении в губернских городах публичных библиотек, на местныя средства, помимо пособия от казны. Тогдашний Министр

Внутренних Дел, граф Закревский, сочувственно отнесся к этой мысли и предписал начальникам всех губерний разработать этот вопрос, совместно с губернскими предводителями дворянства, начальниками местных учебных заведений и любителей просвещения из дворян и купечества. В Симбирске тогда был губернатором Александр Яковлевич Жмакин, а губернским предводителем дворянства князь Михаил Петрович Баратаев; они совместно решили и представили в Министерство, что 1) помещение для библиотеки может быть отведено в доме дворянского собрания, 2) деньги, потребные на первоначальное обзаведение библиотеки можно позаимствовать из дворянских сумм, и 3) капитал для поддержания библиотеки предполагалось образовать из пожертвований благотворителей. Однако это доброе начинание осталось без всяких последствий.

В 1838 году губернатор Иван Петрович Хомутов, через губернского предводителя дворянства Григория Васильевича Бестужева, внес в дворянское собрание вопрос об учреждении в Симбирске публичной библиотеки; дворянство сочувственно отнеслось к этому и постановило открыть между Симбирскими дворянами подписку на учреждение библиотеки, которую назвать Карамзинскою, в память знаменитого Симбирского уроженца, но подписка дала печальные результаты: только четверо дворян подписали всего 95 руб. ассиг. Такое неутешительное явление отняло всякую охоту к делу и до 1846 года вопрос об учреждении публичной библиотеки оставался без движения, хотя для будущей библиотеки уже стали поступать от разных лиц и обществ пожертвования книгами и журналами; 24 сентября 1846 года состоялось Высочайшее соизволение на наименование библиотеки Карамзинскою и утвержден был ее устав, составленный губернатором Николаем Михайловичем Булдаковым, губернским предводителем Михаилом Михайловичем Наумовым и дворянином Богдановым. В силу этого устава, действующаго в главных чертах и в настоящее время, цель библиотеки состоит в том 1) чтобы собрать и хранить рукописи и документы, рассеянные по губернии и постепенно истребляющиеся от времени и небрежности тех, кому они принадлежат и 2) чтобы доставить всем жителям города, без различия сословий, возможность иметь безвозмездно полезное чтение. *(С учреждением в Симбирске ученой архивной комиссии, главная цель Карамзинской библиотеки — соби́рание и хранение рукописей и документов, — потеряло значение, и теперь она имеет целью только доставлять городским жителям полезное чтение.)* Для помещения библиотеки отведены были комнаты во вновь выстроенном доме Симбирского дворянства, в каковом помещении библиотека находится и по ныне. Управление библиотекою возложено на особую комиссию, из 12 членов, которые из своей среды выбирают председателя, на один год.

Первым председателем был избран местный помещик, гиттен-фервалтер Петр Михайлович Языков, известный ученый — геолог, брат еще более известного поэта, Николая Михайловича Языкова и с тех пор председательствовал в комитете Карамзинской библиотеки, в течении полувека, сделалось достоянием фамилии Языковых, вплоть до 1896 года, когда умер последний из Симбирских представителей этой фамилии — Александр Петрович Языков, родной сын первого председателя. При энергии П. М. Языкова, дело устройства Карамзинской библиотеки пошло чрезвычайно успешно: стали поступать обильные пожертвования и деньгами и книгами: в один день, 17 мая 1847 года, на дворянских выборах, подписка дала более 1000 руб., а к 1-му декабря того-же года пожертвованных книг собралось более 4000 томов, в 2000 названий, по разным отраслям науки и на

разных языках; в том числе библиотеки: покойного поэта Н. М. Языкова,— 2325 томов и помещика Петра Никифоровича Ивашева — 546 томов. *(Впоследствии, в 1862 году, в Карамзинскую библиотеку отдана была отличная библиотека, по части естественных наук, в количестве более 2000 томов, оставшаяся после Петра Михайловича Языкова.)* Открытие Карамзинской общественной библиотеки последовало 18 апреля 1848 года, при торжественной обстановке. С тех пор это учреждение стало общим достоянием Симбирской публики. Не переставая увеличиваться, Карамзинская библиотека, в августе 1864 года, имела уже 10,953 тома различных книг и изданий и украшена была бюстами: Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Н. М. Языкова и портретами: Н. М. Карамзина, Н. М. и П. М. Языковых, Н. И. и А. И. Тургеневых, И. А. Гончарова, Д. В. Давыдова и других.

Все это богатство Карамзинской библиотеки безследно уничтожено в пожар 19 августа 1864 года. Однако, благодаря щедрости Государя и Особ Императорского дома, библиотека очень скоро была восстановлена, конечно, насколько это представилось возможными, так что, 1 декабря 1864 года, она уже была открыта для публики. Как только стало известно, что Карамзинская библиотека, в пожар 1864 года, погибла, так, со всех концов России, начали поступать многочисленные пожертвования и деньгами и книгами, при чем, взамен уничтоженных пожаром редких изданий, поступило в библиотеку много не менее редких экземпляров; так Государь Александр Николаевич соизволил повелеть выслать в библиотеку по одному экземпляру всех изданных II отделением Собственной Его Величества канцелярии исторических материалов. В Бозе почивающий Цесаревич Николай Александрович пожаловал, из собственных сумм 1000 руб., Наследник Цесаревича Александр Александрович пожертвовал 520 томов из своей библиотеки, в том числе 120 томов экземпляров, составляющих весьма дорогую редкость.

К столетнему юбилею дня рождения Н. М. Карамзина, отпразднованному 1 декабря 1866 года, всюю просвещенною Росиею, а в Симбирске, особенно торжественно, *(Подробное описание празднования этого юбилея в Симбирске см, «Симбир. Юбилей Н. М. Карамзина», изд. 1867 г., стр. 1 — 163.)* Государь Император пожертвовал на библиотеку 2000 рублей, Императрица — 1000 руб., а в 1868 году Наследник Цесаревич и Государыня Цесаревна приняли библиотеку под свое покровительство. В 1881 году передано в библиотеку все собрание книг скончавшагося почетнаго члена ея, сенатора Владимира Николаевича Карамзина, сына историографа; в числе принадлежавших ему 2100 томов, были редкия издания амстердамския, итальянския и парижския 17-го и 18-го столетий. *(Симб. Губ. Вед. 1880 г., № 4.)* Еще при жизни своей, сенатор В. Н. Карамзин прислал в дар Карамзинской библиотеке, вместе с денежным пожертвованием, поясной портрет своего родителя, копию с знаменитаго оригинала академика Варнека. *(Тоже 1866 г., № 133.)* Затем, Александр Михайлович Языков, по завещанию, отказал библиотеке более 3000 томов. В 1885 году вдова полковника Е. А. Винтер, пожертвовала коллекцию японских вещей, состоящую из платья, обуви, монет, бумажных денег, японских газет, фотографий и видов Японии. *(Тоже 1886 г., № 2.)* В 1894 году пожертвована библиотека Николая Петровича Соловцова, состоявшая почти из 5000 томов. Эти пожертвования, не прекращающиеся и до сих пор, указывают на то — какое богатое книгохранилище представляет из себя в настоящее время Карамзинская библиотека, имеющая своего запаснаго, неприкосновеннаго, капитала более 16 тысяч рублей и 16314 названий, в 33949 томах, разных книг и изданий.

Этот материал долгое время лежал заброшенным, неразобраным и только в последнее время приводится в порядок.

С января 1867 года, при библиотеке было учреждено комиссионерство для продажи книг и подписки на журналы и газеты, без взимания с подписчиков почтовых расходов на пересылку денег. Однако многие из лиц, подписывавшихся чрез библиотеку на газеты и журналы, вовсе не получали их, не смотря на неоднократные подтверждения, со стороны комитета библиотеки, каковыя подтверждения оставались вовсе без ответа. (*Тоже 1870 г., № 12*). Такая неисправность послужила основанием к тому, что комиссионерство при библиотеке действовало вяло и вскоре же само собою прекратилось.

В 1870 году член комитета библиотеки В. В. Черников обратился в комитет с просьбою доставить ему возможность устроить в Карамзинской библиотеке особый отдел классических музыкальных произведений, с целью выдавать ноты желающим, на тех же основаниях, на которых выдаются для чтения книги, т. е. под залог известной суммы, без всякой платы за пользование музыкальными сочинениями. Такое участие г. Черникова в распространении музыкального образования в Симбирске было одобрено комитетом Карамзинской библиотеки и принято в обществе с полным сочувствием, так что вскоре же любители стали являться в музыкальное отделение библиотеки за нотами. Капитал для музыкального отдела образовался из сбора от устроенного Черниковым концерта любителей, пожертвований частных лиц и главным образом, самого Черникова. В 1873 году музыкальный отдел библиотеки заключал в себе 1175 номеров музыкальных сочинений, (*Симб. Губ. Вед. 1873 г., № 34.*) но далее этого не пошел, он держался исключительно энергиею и стараниями его основателя, а когда тот перестал о нем заботиться, то и в обществе постепенно ослабело сочувствие к нему, так что музыкальный отдел, в настоящее время хотя и существует, но не пополняется, по недостатку средств и отсутствию требований на ноты.

3) Бесплатная народная библиотека-читальня в память И. А. Гончарова.

Мысль об устройстве в гор. Симбирске народной библиотеки-читальни в память знаменитого писателя, Симбирского уроженца, Ивана Александровича Гончарова, принадлежат Симбирской землевладелице Александре Александровне Знаменской, немало и успешно потрудившейся в деле местного народного образования. Она возбудила об этом ходатайство, получила разрешение, собрала пожертвования деньгами и книгами, выхлопотала у города и пособие и даровое помещение. Согласно уставу, утвержденному в декабре 1892 года, библиотека-читальня имеет целью доставить полезное чтение тому классу городского населения, который, не имея средств на покупку собственных книг, не может в то же время, по степени своего развития, пользоваться библиотеками, предназначенными для среднего образованного класса; каковы, например, лица, окончившая курс начальной школы, учащиеся в низших и средних учебных заведениях. Пользоваться книгами библиотеки имеет право всякий желающий, читая их в читалне, или получая на дом; в последнем случае, в обеспечение возвращения и целости книг, читающие должны представить поручительство учреждения или лица, известного библиотекарю, или залог от 10 коп. и выше, смотря по стоимости получаемой книги. Открытие библиотеки-читальни последовало 17-го января 1893 года. Так как бюджет ея,

первое время, был более чем скромный, то первоначально она помещалась в частной наемной квартире, состоявшей всего из двух небольших комнат, но затем, в конце 1893 года, городская дума отвела для нея отдельное, достаточно просторное; помещение в принадлежащем городу доме, находящемся на Лосевой улице. (*Симб. Губ. Вед. 1892 г., № 90 и Отчет библиотеки-читальни за 1898 год.*) Благодаря пожертвованиям и постоянному щедрому пособию со стороны городского управления, библиотека-читальня получила возможность вполне удовлетворять своему назначению. к 1 января 1898 года в ней было 2605 томов разных книг, преимущественно беллетристического содержания и 21 журнал, из допущенных к обращению в народных библиотеках.

4) Народные чтения

24 декабря 1876 года были Высочайше утверждены правила для устройства народных чтений в губернских городах. Применение этих правил на практике не заставило себя долго ждать. Едва они были получены в Симбирске, как тогдашний директор военной гимназии, полковник Ф. К. Албедиль, вместе с преподавателями гимназии, горячо сочувствуя этому новому для провинции способу, указанному правительством, для распространения в народе здравых и разумных понятий, незамедлил испросить надлежащее разрешение на открытие народных чтений в Симбирске и 16 марта 1877 года состоялось первое народное чтение, в зале городского общества, где тогда помещалась военная гимназия. Цена за места была назначена самая доступная для народа: нумерованные места — 5 коп., нenumерованные — 3 коп. Чтение сопровождалось туманными картинками на нем присутствовало не мало представителей Симбирской интеллигенции и высшего общества, а народ наполнил все зало. Затем, чтения происходили в каждый воскресный и праздничный день, что продолжалось до конца учебного года. Такое прекрасное начало народных чтений обещало успешное продолжение этого дела; однако, оно пользовалось успехом только первое время, очевидно как новинка. Так, в учебный сезон 1879/80 года, интеллигенция и высшее общество уже охладели к народным чтениям, простой народ тоже очень неохотно посещал их и слушателями были почти исключительно ученики городских приходских школ, так что после каникулярного времени 1880 года, народные чтения уже не возобновлялись. Еще в 1878 году городская дума ассигновала 450 руб. на покупку волшебного фонаря и на выписку картин, но эти деньги так и остались в кассе городской управы, потому что инициатор этого дела, полковник Албедиль, переведен был на службу в Москву, а с его отъездом не нашлось руководителя народными чтениями, которых по этому были забыты до 1890 года, когда городская дума, в заседании 24 октября, поручила училищной комиссии вновь организовать народные чтения. По получении надлежащего разрешения, чтения были открыты в 1892 году и первое время опять посещались очень охотно, но так как они велись без всякой системы и без туманных картин, то уже в 1893 году привлекали небольшое число слушателей и опять-таки почти исключительно учеников городских школ. Совершенно изменились отношения публики к народным чтениям с конца 1884 года, когда руководителем этого дела стал председатель городской училищной комиссии Александр Иванович Алатырцев (ныне уже умерший). Его опытность и любовь к делу поставили народные чтения на столько хорошо, что зало городского общества часто не могло

вместить всех слушателей. Благодаря умелой организации, народные чтения и после кончины А. И. Алатырцева, последовавшей в 1890 году, продолжают, до настоящего времени, интересовать публику. (*Симбирский календарь: на 1879 г., стр. 291; на 1880 г., стр. 190. Сиб. Губ. Вед. за 1879 г., № 19; за 1880 г., № 18; за 1893 г., № 8; за 1895 г., № 4. Журн. Думы 24 октября 1890 г. и 22 февраля 1891 года.*)

В 1865 году была произведена попытка к основанию «Симбирского попечительства о женском образовании в простонародии». Летом того года приезжал в Симбирск секретарь комитета грамотности В. А. Половцев, с целью возбудить в Симбирском обществе вопрос о женском образовании и положить основание, означенному попечительству, ради чего им была прочитана в зале дворянского собрания, публичная лекция о том, чем была, есть и будет русская женщина. Однако попытка г. Половцева не увенчалась успехом, чему главным образом способствовало несвоевременное возбуждение этого вопроса, так как население г. Симбирска еще не успело тогда оправиться от последствий пожара 1864 года и было всецело поглощено изысканием средств к удовлетворению самых насущных потребностей. (*Сиб. Губ. Вед. 1865 г., № 27.*)

5) Периодические издания.

Симбирския Губернския Ведомости.

Относительно положения периодической прессы, г. Симбирск представляет невыгодное для него исключение в ряду других поволжских городов — он до настоящего времени не имеет своей газеты, тогда как все губернские города по Волге, а в последнее время и многие уездные (Царицын, Вольск и др.) имеют по два, по три провинциальных издания. Правда, были попытки и в Симбирске основать местную прессу, но таким благим намерениям, по некоторым обстоятельствам, не пришлось осуществиться. В виду этого, показателем культурности местного края является лишь официальный орган — Симбирския Губернския Ведомости. Но Губернския Ведомости прежнего времени только до некоторой степени касались проявлений общественной жизни, так как он скорее носил характер археологический, охотно открывая свои страницы вопросам этнографическим, статистическим, историческим и т. д., и в этом отношении он представляют богатый и ценный материал для изучения истории местного края. Симбирския Губернския Ведомости издаются при Губернском Правлении, с 1838 года.

Согласно Высочайше утвержденному 3 Июня 1837 года положению, Губернския Ведомости, первоначально, состояли из двух частей: официальной и прибавлений, выходили один раз в неделю (первую половину 1838 года по четвергам, а затем по субботам) и печатались в формате восьмой доли печатного листа, на толстой бумаге, крупным шрифтом, с изображением двуглавого орла на заглавной странице. С 1840 года двуглавый орел заменен гербом губернии. Первое время эта газета печаталась по числу подписчиков, в весьма незначительном количестве экземпляров и каждый номер был снабжен собственноручною подписью губернатора Хомутова, но с 1840 года цензура возложена на вице-губернатора. Первые два года подписная цена на Губернския Ведомости была определена в 10 рублей ассиг., а затем, когда счет денег пошел на серебро — 3 рубля. В официальной части помещались распоряжения начальства, казенные объявления и извещения не только местных, но и иногородных присутственных мест, а в прибавлениях перепечатывались из других

газет различные общепользные сведения, преимущественно по сельскому хозяйству, частные объявления, в весьма ограниченном числе, и сведения о всех лицах, прибывших в Симбирск и выехавших из него в течении недели. С июля 1845 г. в издании Губернских Ведомостей произошли значительные изменения к лучшему: 1) официальная часть была разделена на два отдела: а) на общий, „когда статьи предназначаются для всеобщаго по государству сведения" и 2) на местный, в коем, печатались статьи к сведению по одной только Симбирской губернии; кроме того, в виде особых прибавлений, прилагались, от времени до времени, объявления о сысках и 3) прибавления были преобразованы в неофициальную часть, назначение которой заключалось в том, чтобы с одной стороны, знакомить местный край с новейшими открытиями и улучшениями, удобоприменимыми к местности по части сельского хозяйства, фабрик, заводов и проч., а с другой стороны, печатать статьи, характеризующая местность и по интересу тесно связанные с современным требованием науки и общественной деятельности, именно: материалы, содержащие в себе сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические и проч. (*Симб. Губ. Вед. 1859 г., № 47.*)

До 1851 года обе части Губернских Ведомостей, как официальная, так и неофициальная, находились в заведывании одного редактора, чиновника губернского правления, а затем, по Высочайше утвержденному 27-го февраля 1851 года положению Комитета Министров, (*Второе полн. собр. зак., т. №XXVI, ст. 24979.*) рекомендовано было поручить редактирование неофициальной части отдельному лицу, преимущественно из профессоров или училищных чиновников, по усмотрению Попечителя учебного округа и утверждению Министра Народного Просвещения. Такое распоряжение, казалось, давало возможность к дальнейшему развитию программы неофициальной части, однако в Высочайшем повелении от 22 февраля 1855 года (*Второе полн. собр. зак., т. XXX, ст. 29059.*) подтверждалось, что „сообщаемая в неофициальной части известия и сведения не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел, или не принадлежащая к предмету обстановка, каковы повести, рассказы и т. п. Со второй половины 1865 г. Симбирския Губернския Ведомости, под редакторством М. Арнольдова, начали выходить уже не по одному разу в неделю, а три раза — по вторникам, четвергам и субботам, и вместе с тем размер их увеличился более чем вдвое; он принял формат одинаковый с другими ежедневными газетами, подписная же цена осталась прежняя — 3 рубля. Но недолго Губернския Ведомости выходили так часто; начиная с 1869 года они стали выходить только по вторникам и субботам, а затем вторник был заменен средою. Приведенное преобразование коснулось лишь внешней стороны Губернских Ведомостей: программа же их оставалась прежняя, как в 1845 году, и только в начале 70-х годов на Симбирския Губернския Ведомости распространено было право, дарованное Высочайшим повелением от 15 ноября 1863 года только некоторым Губернским Ведомостям, (*Там же, т. №XXXVIII, ст. 40271.*) перепечатывать из всех существующих в России официальных изданий политическая известия и вообще правительственные распоряжения, а также заимствовать из них руководящая статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления.

Первым редактором Симбирских Губернских Ведомостей был Трубников (с 1838 по 1852 год); (*Вестник Императорского Русского Географического 1860 г., кн. 7, Отд. IV, стр. 68.*) при нем неофициальной части еще не существовало. К

сожалению, не сохранились сведения кто был первым редактором неофициальной части, которая, впрочем, первоначально не была богата материалом и ограничивалась сведениями и частными объявлениями. Некоторое оживление стало заметно в издании Губернских Ведомостей с 1865 года, когда редактором неофициальной части был назначена М. Арнольд, секретарь Губернского Статистического Комитета; при ком начали появляться статьи экономическая, монографии городов и населенных мест нашей губернии и другие заметки, не лишены некоторого местного интереса: В связи с постепенным развитием общественной жизни, улучшалось, хотя очень слабо, и внутреннее содержание нашего губернского издания, единственного выразителя нужд и интересов края. Этому, отчасти, содействовали последующие редакторы неофициальной части Губернских Ведомостей: В. П. Юрлов, И. Я. Христофоров и другие. Нельзя не заметить, что учреждая в каждой губернии местную газету, правительство имело в виду усилить средства к всестороннему изучению каждой местности; из подобных частных изучений само собою составилась бы общая картина, верно изображающая бытовые условия всего государства.

Кроме громадной пользы, какую извлекала бы из Губернских Ведомостей государственная администрация, он в то же время служили бы и для самого общества чрезвычайно удобным средством к изучению своего обширного отечества. По мысли законодателя, Губернские Ведомости должны служить, так сказать, складочным местом всех материалов для изучения как прошедшего, так и настоящего той местности, в которой он издаются. Все, что относится до истории края, все данные, из которых слагается статистика известной местности, должны составлять неприменную принадлежность Губернских Ведомостей. На сколько позволяют средства, все эти материалы должны быть в них разработаны и распространяемы при их посредстве. Таким образом ни один вопрос, какой бы могла предложить государственная администрация или отечествоведение, не должен оставаться без посильного ответа в Губернских Ведомостях. (*Народная Газета 1866. г., № 4.*) Так именно понял значение Губернских Ведомостей настоящий редактор неофициальной их части, Д. Л. Горчаков. Благодаря умелому и добросовестному ведению дела, неофициальная часть Симбирских Губернских Ведомостей, в настоящее время, выделена в самостоятельную газету, с отдельной от официальной части подпискою и на сколько возможно для правительственного издания, успешно старается быть выразителем нужд и интересов края.

Симбирския Епархиальные Ведомости.

Издание Симбирских Епархиальных ведомостей началось с 1 января 1876 года, вследствие представления преосвященного Феофиста, епископа Симбирского и Сызранского, по программе, утвержденной Правительствующим Синодом. Ведомости эти, в течении двадцати лет своего существования, имели лишь специальный интерес, потому что заключали в себе один только официальный отдел, в котором помещались: узаконения и распоряжения правительства, касающаяся духовного ведомства, распоряжения местного епархиального начальства; отчеты о состоянии учебных заведений духовного ведомства, о заседаниях съездов духовенства и т. п. С 1 января 1896 года Епархиальные Ведомости стали издаваться хотя и по прежнему, два раза в месяц (1 и 15 числа), но интерес их значительно увеличился, потому что разрешено было издание неофициальной части; с тех пор в

Епархиальных Ведомостях часто помещаются труды преподавателей местной духовной семинарии, заключающие в себе немало сведений, имеющих общий интерес для истории Симбирского края.

Вестник Симбирского Земства.

5 сентября 1876 года Симбирская губернская земская управа начала издавать „Симбирскую Земскую Газету“, по программе, утвержденной Министром Внутренних Дел 21 апреля того года. В этой газете помещались официальные сведения (узаконения и правительственные распоряжения), касающиеся земства, подробные отчеты о заседаниях губернского и уездных земских собраний и другие сведения о деятельности Симбирского земства, а также разные статьи исторические и этнографические, относящиеся до Симбирской губернии. В виде приложения, при Земской Газете издавалась „Летопись Симбирского земства за истекшее десятилетие“. Земская Газета выходила еженедельно по воскресеньям, под редакцию председателя губернской земской управы; подписная цена ее была 5 рублей 50 коп. (*Симбирский календарь на 1879 г., стр. 287.*) С 1 июля 1886 года Земская Газета была заменена ежемесячным изданием: „Вестник Симбирского Земства“, хотя и по новой программе, утвержденной 16 апреля 1886 года, но по содержанию мало чем отличающимся от прежней газеты. (*Симб. Губ. Вед. 1896 г., № 38.*) С мая 1896 года, при Вестнике Симбирского Земства издается, в виде приложения, Врачебно-Санитарный Листок.

Журнал Городской и Сельский Учитель.

Инспектору народных училищ Симбирской губернии А. И. Анастасиеву, главным управлением по делам печати разрешено было издавать в Симбирске, с 1894 года, под предварительной цензурой, педагогический журнал, под названием „Городской и Сельский Учитель“, по следующей программе: 1) правительственные распоряжения по городским и сельским начальным училищам; 2) статьи по вопросам воспитания и обучения в городских и сельских школах, 3) педагогическая хроника, 4) критика и библиография. Целью этого издания было удовлетворять потребности учителей начальных школ в специальном самообразовании и в то же время служить справочным руководством; в виду этого подписная цена была назначена очень небольшая (по 2 руб. 50 коп. в год, при 6 — 8 выпусках. (*Симб. Губ. Вед. 1893 г. № 82.*) Первая книжка этого журнала вышла в конце января 1894 года, объемом в 9 печатных листов. В 1896 году издание „Городской и Сельский Учитель“ переведено в Казань, куда перешел на службу редактор-издатель этого журнала.

Симбирский проповеднический листок

В 1885 году священник Симбирского Вознесенского собора о. Павел Михайлович Мальхов. (*Священник П. М. Мальхов принадлежал к числу лучших Симбирских проповедников и состоял членом Симб. губ. ученой архивн. комиссии; он скончался в 1897 году.*) начал издавать, с разрешения духовной цензуры, „Симбирский проповеднический листок“, — сборник поучений, для воскресных чтений при церквях. Приступая к изданию проповеднического листка, о. Мальхов высказал, что его побудили к этому следующие соображения: масса народа, по своим недосугам и другим причинам, не бывает при богослужении, а потому и остается в праздничные

дни без всякаго назидания; вместе с тем, с грамотностью развивается в народе и потребность назидательнаго чтения; задача „Проповедническаго листка" заключается в удовлетворении этой священной потребности и кроме того, в привлечении духовенства Симбирской епархии к сотрудничеству в распространении тех поучений, коими оно с издавна назидает своих прихожан. (*Симб. Губ. Вед. 1885 г., № 80.*) Однако, не смотря на полную благонамеренность издания и ничтожную стоимость его (1 руб. в год, а отдельными листками — 1 коп.), труды о. Мальхова не увенчались успехом. Его „Проповеднический листок" просуществовал не более года и за неимением материала, должен был прекратиться, не оправдав ожиданий автора обеспечить этим изданием весьма желательный способ даровой раздачи проповедей при церквах, в противодействие распространения в народе пустых и бесполезных изданий.

Волжский Вестник.

В 1860 году была сделана попытка к изданию в гор. Симбирске сельскохозяйственнаго журнала, под названием „Волжский Вестник", где должны были помещаться труды членов Симбирскаго общества сельскаго хозяйства. Однако, недостаток материала и малое число подписчиков, принудили прекратить это издание в том же году, заменив его единовременным выпуском двух книжек. (*Липинскій, т. II, стр. 433.*) С 1 января 1879 года возобновилось издание Волжскаго Вестника, но уже не в виде журнала, а газеты и по совершенно новой программе, утвержденной Министром Внутренних Дел 7 августа 1878 года; редактором-издателем этой газеты был надворный советник Василий Васильевич Черников, в типографии котораго она и печаталась. Но, 18 июля 1879 года, типография сгорела, издание газеты (*Симбирский календарь за 1880 г., стр. 189.*) приостановилось и в Симбирске уже не возобновлялось, а было продано Черниковым Казанскому профессору Загоскину, который продолжал издание Волжскаго Вестника в Казани, где эта газета и по настоящее время пользуется успехом.

б) Типографии.

Губернская типография открыта в Симбирске в 1799 году, вскоре же как Симбирское Наместничество было переименовано в губернию. Она первоначально помещалась в одном здании с главным народным училищем (*Безгин. „Симбирская Губернская Гимназия", стр. 10.*) (ныне гимназия), затем была переведена в отдельный флигель, находившийся на месте нынешняго дворянскаго дома, (*Симбирский календарь на 1879 г., стр. 282.*) потом переместили ее в дом, где ныне устроено гимназическое общежитие (*Липинскій, т. II, стр. 725.*) и наконец, с 1866 года, она существует в частном доме, по Большой Саратовской улице, против духовной семинарии. Кроме печатания Губернских Ведомостей и многих других казенных работ, Губернская типография исполняет и частные заказы; она имеет свою переплетную мастерскую, со всеми необходимыми приборами и инструментами. Первое время своего существования Губернская типография работала на одном ручном деревянном станке; с 1 января 1838 года, когда началось издание Губернских Ведомостей, типография выписала себе два металлических печатных станка. Затем, в 40-х годах, ея обстановка значительно пополнилась,

вследствие пожертвования всей частной типографии помещика Николая Еремеевича Струйского. находившейся в селе Рузаевке, Пензенской губернии. В настоящее время в Губернской типографии 3 скоропечатных машины и 5 ручных станков. Рабочих: наборщиков — 19, машинистов—3, накладчиков — 2, вертельщиков — 5, печатников — 5, батырщиков — 3 и переплетчиков — 5, всего 42 человека. Ежегодные доходы Губернской типографии простираются, приблизительно, до 25000 руб. и почти все уходят на ее содержание.

Типография Мураховской.

Эта типография первоначально открыта в 1859 году губернским секретарем Черниковым, после смерти которого, в 1887 году, перешла к его дочери, Мураховской. В настоящее время в этой типографии, кроме мелких работы по частными заказам, печатается Вестник Симбирского Земства. Работает она на одной скоропечатной машине и на двух ручных станках, при следующем состав в рабочих; наборщиков — 10, вертельщиков (они же батырщики) — 2, печатников (они же накладчики) — 2 и один из них машиниста, кроме того 6 учеников. Годовой оборот типографии около 5000 рублей.

Типография Хапкова.

25 сентября 1875 года отставной артиллерии капитан Н. Г. Анучин открыл в Симбирске типографию и при ней переплетную, дела которой сразу пошли очень хорошо: типография имела три скоропечатных машины, два ручных станка и полный комплект рабочих; в ней печатались Симбирския Епархиальные Ведомости и поступало в год до 6000 частных заказов. Однако не прошло и десяти лет, как пришлось почти ликвидировать дела типографии, потому что, вследствие тяжелой болезни владельца, за деятельностью рабочих не было надлежащего надзора. Долгое время эта типография находилась почти вовсе без дела и лучшие машины были проданы. В 1896 году ее приобрел нынешний владелец, купец Хапков. В настоящее время в ней одна скоропечатная машина и два ручных станка; она исполняет только частные заказы и при годовом обороте в 2500 руб., имеет рабочих: наборщиков — 6, вертельщиков — 2, печатников — 2, накладчиков—2, батырщиков — 2, один машинист и 8 учеников.

Типография Токарева.

1-го Июля 1885 года, была открыта типография А. Т. Токарева, на углу Большой Саратовской и Сенной улиц, в доме Зонова. Одновременно с типографией, А. Т. Токарев открыл переплетную мастерскую и единственную в Симбирске литографию. В течении тринадцатилетней деятельности этой типографии, в ней были напечатаны следующие отдельные издания: 1) М. Барсова „Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению четверо-евангелия“, 2) Его же „Деяния св. Апостолов с Апокалипсисом“, 3) Анастасьева „Народная школа“, 4) Его же журнал «Городской и Сельский учитель», 5) П. Мартынова „Таблица подсудности судебных установлений 12 июля 1889 года“, три издания и 6) На чувашском языке: букварь, часослов; молитвенник, священная история и евангелие. В настоящее время, при массе, более или менее крупных, частных заказов, в типографии Токарева печатаются Симбирския Епархиальные Ведомости и журналы заседаний городской думы. Типография имеет 6 скоропечатных машин и 2 ручных

станка, при следующем числе рабочих. наборщиков — 22, машинистов — 1, печатников — 5, вертельщиков—5, накладчиков — 4. При литографии работают: 2 гравера, 2 печатника, 3 накладчика и 2 вертельщика, а в переплетной — 10 переплетчиков и один линовальщик.

7) Губернская Ученая Архивная Комиссия.

Археологическая наука, хотя и имеет своим предметом изучение древностей, чем либо связанных с прошлым человека, тем не менее принадлежит к числу новых наук, ставших в ряд самостоятельных знаний только с конца прошлого столетия. Не смотря однако, на такое короткое время, развитие ее шло быстрыми шагами. В средние века не только не занимались изучением древностей, но и вся вообще история находилась в пренебрежении. Только в эпоху возрождения проявился интерес к изучению памятников классической древности; однако, как горячо за это принялись, так же скоро и охладели. Отцом археологии считается германский ученый Винкельман, живший в прошлом столетии. С его почина начинается изучение не одних только классических памятников, но и прошлого всех вообще древних народов. Возбуждению археологического интереса не мало способствовали возникшие тоже в конце 18-го столетия новые науки: геология и палеонтология. Геология, занимаясь изучением строения земного шара, показала, что разнородные пласты земли лежат, большею частью, в определенном порядке, представляя известную постепенность в своем образовании. Параллельно с этим, палеонтологические исследования обнаружили целый мир жизни животного и растительного царства, погребенный в пластах земли, о чем прежде никому и во сне не снилось. С остатками первичных форм ископаемых нашли и следы первобытного человека. Исследования, относящиеся к памятникам этой отдаленнейшей эпохи человеческой жизни, принято называть археологией „до исторической“, в отличие от другой, исторической археологии, когда на помощь вещественным памятникам являются памятники писанные. Здесь начинается история, и археология идет с нею рука об руку, взаимно друг друга дополняя и объясняя. (Поливанов. „Задачи археологии“ (Симб. Губ. Вед. 1894 г., №№ 15 и 16).

Основателем русской археологии был граф А. С. Уваров; по его мысли созданы всероссийские, археологические съезды, а затем сенатором Н. В. Калачевым открыт Императорский археологический институт, отпраздновавший 15 января 1898 года двадцатилетие своего существования. Одною из видных отраслей деятельности археологического института являются заботы по сохранению архивных документов и дел, находящихся в правительственных архивах, для какой цели институтом учреждаются в губернских городах местные ученые архивные комиссии. На обязанности этих комиссий лежат: а) приведение в ясность и описание провинциальных древностей, б) организация исторических, архивных и местных музеев; в) наблюдение за сохранностью местной старины и г) издание важнейших архивных и археологических материалов и исследований. До настоящего времени учреждено 13 архивных комиссий, в городах: Калуге, Костроме, Нижнем-Новгороде, Оренбурге, Орле, Перми, Рязани, Саратове, Симбирске, Симферополе, Тамбове, Твери и Ярославле. (Симб. Губ. Вед. 1898 г. № 9.) Мысль открытия в Симбирске ученой архивной комиссии давно занимала ревнителей местной старины. Первая попытка в этом направлении была сделана в 1890 году нынешним

ея председателем В. Н. Поливановым, но по недостатку имевшихся в виду денежных средств, пришлось отложить ее осуществление до более благоприятного времени. Только в 1894 году, при сочувственном содействии Симбирского губернатора В. Н. Акинфова и благодаря субсидиям земских и общественных учреждений, обеспечивших материальное положение комиссии, явилась возможность ходатайствовать об ее открытии, и на этот раз не безуспешно. В 1895 году получено было разрешение и 30 июля того же года состоялось открытие архивной комиссии и первое ее заседание, в котором председателем комиссии единогласно был избран энергичный инициатор этого дела В. Н. Поливанов. В течении трех лет Симбирская архивная комиссия имела 17 заседаний. Результатом деятельности ее членов, за это время, были следующие издания: 1) А. И. Зерцалова «Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы» 1665—1667 гг., 2) Его же „Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века“, 3) П. Л. Мартынова „Остатки старины в Симбирском уезде“, 4) Его же „Книга строельная города Симбирска“, 5) Ф. В. Виноградова „Следы язычества в домашнем обиходе чуваш“, 6) В. И. Холмогорова „Описание Симбирской и Карсунской десятин патриаршей области“ и 7) В. Н. Поливанова и В. Э. Красовскаго „Собрание актов XVII и начала XVIII столетий, относящихся до истории Симбирского края“. Кроме того, в напечатанных журналах заседаний комиссии заключается очень много разнообразных сведений, касающихся истории Симбирского края. к 1 января 1898 года состояло членов архивной комиссии: почетных — 19 и действительных — 121. В библиотеке комиссии было книг: 860 названий, в количестве 1196 томов, а в музее находилось 4620 древностей и 3490 монет. Капитал комиссии заключался в сумме 1251 руб. 95 коп.

8) Общество врачей в г. Симбирске.

Частное общество врачей существовало в гор. Симбирске еще в 1861 году. (*Липинский*, т. II, стр. 577.) На сколько можно судить по тем незначительным сведениям, которые сохранились до настоящего времени, деятельность этого общества ограничивалась тогда почти исключительно обобщением различных полезных сведений между местными врачами; хотя, впрочем, в 1863 г. возникал у них вопрос о необходимости учредить в Симбирске больницу или приемный покой, куда могли бы обращаться бедные больные за советами и по возможности, даже за бесплатным получением медикаментов; но эта мысль долгое время оставалась без надлежащего практического осуществления.

Правильную организацию Симбирское общество врачей получило лишь в 1868 году, благодаря заботам и энергии доктора Николая Александровича Глассон, бывшего тогда врачебным инспектором, и деятельность этого общества началась устройством, в том же году, бесплатной лечебницы для бедных. На ряду с этим, общество врачей постоянно отзывчиво относилось ко всем вопросам общественной жизни, имевшим какое либо отношение к его специальности, принимая меры к предотвращению эпидемических болезней, собирая и разрабатывая статистические данные о заболеваемости в городе и в губернии. Неоднократно общество поднимало вопрос об улучшении водоснабжения в гор. Симбирске, очисткою реки Свияги, при чем производило химические анализы воды; равным образом настойчиво указывало на пункты в гор. Симбирске, служащие источниками заразы; и благодаря этим

указаниям, городское управление многое уже предприняло для улучшения санитарного состояния Симбирска. Кроме того вопросы об устройстве приемных покоев, бактериологической станции, фельдшерской школы, дезинфекционной камеры и многие другие были возбуждаемы обществом врачей, и если не все мероприятия для оздоровления города могли быть выполнены, то не по вине общества, а преимущественно по финансовым причинам. Имея в виду, главным образом, практические результаты своей деятельности, Симбирское общество врачей не забывает, вместе с тем, следит и за развитием медицинской науки. Целый ряд научных наблюдений, из врачебной практики, нередко служит предметом, для обмена мыслей и вызывает в заседаниях общества оживленные прения. (*«Юбилейное заседание общества врачей г. Симбирска», стр. 5 и 6.*) С 1886 года общество почти ежегодно печатает протоколы заседаний и сообщений и своими изданиями обменивается с изданиями почти всех русских медицинских обществ. к 1 января 1898 года в обществе было членов: почетных — 12, действительных — 30 и членов корреспондентов — 7.

27 августа 1895 года, при обществе врачей, открыто „Симбирское отделение С.-Петербургскаго врачебнаго общества взаимной помощи и суда чести“. Цель этого общества заключается, согласно уставу, утвержденному 31 мая 1890 года, в попечении о пользе и нуждах своих членов; для чего оно 1) производит материальную поддержку членам общества и их семействам, в случай происшедшаго с ними какого либо несчастий, 2) учреждает, по мере возможности, приюты и богадельни для вдов и сирот своих членов и 3) защищает законные интересы общества и его членов, через свое правление, пользующееся правом юридического представительства. Действительными членами общества могут быть только лица, имеющие право медицинской практики. Для разбора недоразумений, между членами общества, а равно обвинений их в предосудительных и несовместных с званием врача поступках, собирается суд чести, по требованию котораго каждый член общества обязан давать объяснения и безапелляционно подчиняться его приговору. До настоящаго времени суд чести в Симбирске еще ни разу не собирался. к 1 января 1898 г. во врачебном обществе взаимной помощи состоял 41 член.

9) Общество сельского хозяйства.

Это общество открыто в гор. Симбирске 20 декабря 1859 года, по инициативе бывшего богатаго Симбирскаго помещика, графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова и учреждено в видах распространения в губернии сельско-хозяйственных сведений и для содействия землевладельцам к усовершенствованию их хозяйств, посредством изыскания средств, способствующих к введению легчайших и удобнейших способов обработки земли. Для достижения такой цели, общество купило участок земли в 150 десятин, за 7500 руб., в шести верстах от г. Симбирска, на берегу р. Свяяги, против села Вырыпаевки и устроило здесь опытную ферму, (*Симбирскій сборник 1868 г., стр. 55. Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 8.*) предполагая на ней вести хозяйство по разным системам полеводства и луговодства, а также, по мере средств, вводить скотоводство улучшенных пород и этими опытами указывать землевладельцам на то, что выгодно и что убыточно, с объяснением причин и того и

другого. (*Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 8.Липинский, т. II, стр. 433.*) Однако деятельность этого общества долго не приносила желаемых результатов.

По удостоверению старожил, годовые отчеты общества, за первое время его существования, показывали, что серьезное ученое направление им не было усвоено. (*Симб. Губ. Вед. 1868 г., № 8.*) Само общество, после более двадцатилетней деятельности, в отчете за 1881 год, признало положение свое ненормальным, (*Симб. Губ. Вед. 1882 г., № 13.*) так как оно все время имело в виду исключительно помещичье хозяйство; этим была обусловлена вся его деятельность, которая, в конце концов, оказалась почти несостоятельной. Сообразно условиям экономической жизни, общество, по собственному признанию, должно было бы иметь более широкий горизонт — народное хозяйство, потому что только с поднятием уровня такого хозяйства, могут, без риска и твердо, идти вперед отдельные хозяйства землевладельцев.

Сознавая настоятельность этого экономического условия и принимая в соображение, что главною поддержкою существования общества является земство, общее собрание членов общества, в 1881 году, признало необходимым изменить свой устав в том смысле, чтобы предоставить земству непосредственное участие в делах общества и для того установило: 1) что губернскому земскому собранию предоставляется ежегодно приглашать в состав общества сельского хозяйства по два представителя сельских хозяев от каждого уезда, которые пользуются бесплатно правами действительных членов, 2) что все председатели уездных земских управ Симбирской губернии, по званию своему, состоят действительными членами общества, 4) что годовые собрания общества открываются одновременно с заседаниями губернского земского собрания. (*Там же.*) Однако приведенные изменения устава общества нисколько не повлияли на дальнейшую деятельность его и не дали благоприятных результатов. Это можно заключить из отчетов о состоянии сельско-хозяйственной фермы, с 15 марта 1893 года по 1 января 1894 года, за первый год нахождения этой фермы в ведении дирекции Симбирской чувашской школы; (*Симб. Губ. Вед. 1894 г., № 71.*) из приведенного отчета видно, что ко дню приема в заведывание чувашской школы, хозяйство фермы было сильно разстроено: живой инвентарь состоял из трех лошадей, четырех коров и нескольких телок, а сельско-хозяйственные орудия и строения требовали значительного ремонта.

В настоящее время чувашская школа уже не хозяйничает на ферме — ее приняло в свое заведывание губернское земство, которое, 6 декабря 1896 года, открыло на этой ферме нисшую сельско-хозяйственную школу 1-го разряда, дав, таким образом, ферме назначение, можете быть наилучшее за все время ее существования. С мая месяца 1897 года Симбирское общество сельского хозяйства фактически преобразовано в „Губернский сельско-хозяйственный Совет“, учрежденный при губернской земской управе и имеющий свой исполнительный орган, называемый „справочное сельско-хозяйственное бюро“. В состав сельско-хозяйственного совета вошли все члены совета общества сельского хозяйства и еще четыре члена, по избранию губернского земского собрания. Ближайшая задача этого совета, также точно как и общества сельского хозяйства, состоит в выяснении сельско-хозяйственных и экономических нужд и мер для их удовлетворения, среди населения Симбирской губернии.

В виду этого, совет занимается всесторонней разработкой различных вопросов, тесно связанных с ведением сельского хозяйства, а именно: а) о способах улучшения

земледельческой культуры, б) о распространении среди населения улучшенных земледельческих орудий, машин и семян, в) о мерах к улучшению местного скотоводства и к развитию и усовершенствованию кустарных промыслов, г) об устройстве выставок сельских произведений и скота и д) об организации более доступного мелкого кредита сельско-хозяйственному населению губернии. Состоящее при совете справочное бюро выдает, безвозмездно, справки сельским хозяевам губернии, уездным земским управам, крестьянским обществам и другим учреждениям по вопросам сельского хозяйства, берет на себя комиссионное посредничество между покупателями и товаровладельцами, при выписке предметов живого и мертвого инвентаря, оказывает содействие по организации временных курсов по сельскому хозяйству и отдельным отраслям его: садоводству, огородничеству, пчеловодству и молочному хозяйству, в различных пунктах губернии, вырабатывая программы таких курсов и ходатайствуя о приглашении специалистов и т. п. В связи с деятельностью общества сельского хозяйства находится и неоднократное устройство в Симбирске сельско-хозяйственных выставок.

В 1835 году в гор. Смоленске была устроена выставка изделий той губернии, заключающая образцы фабричной, заводской, ремесленной и всякого рода произведений местной промышленности. Эта выставка имела большой успех и обратила на себя внимание Императора Николая Павловича, который, признавая учреждение подобных выставок вообще полезным, приказал устроить выставки местных произведений во всех губернских городах, тем более, что „они, сверх пользы, могут заслужить особое внимание Наследника Цесаревича, при предстоящем путешествии его по России". В силу такого Высочайшего повеления, последовавшего 25 августа 1836 года, (*Второе полн. собр. зак., т. № I, ст. 9485.*) в Симбирске была устроена выставка, в день приезда Цесаревича Александра Николаевича, 24 июня 1837 года. На эту выставку были доставлены, между прочим; а) образцы шиффера (каменного угля), найденного на берегу р. Волги, близ деревни Городищи, Ундоровской волости, Симбирского уезда и попадающегося на всем протяжении правого берега Волги, от Казанской до Саратовской губернии; (*Симб. Губ. Вед. 1839 г., № 26.*) б) рог допотопного оленя, и часть скелета ихтиозавра, найденные на берегу р. Бирюча, близ села Нагаткина, Симбирского уезда, выставленные известным геологом Петром Михайловичем Языковым, и в) чучело белуги, весом в 90 пудов, пойманной в водах Волги. (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 156 и 236.*) Как видно Симбирская выставка 1837 года не могла похвалиться разнообразием экспонатов.

9 декабря 1842 года последовал Высочайший указ об учреждении, по губерниям, выставок скота и произведений земли и сельских ремесел, ради поощрения сельских хозяев к улучшению земледелия и распространению сельской промышленности. (*Второе полн. собр. зак., т. VII, ст. 16307.*) Означенным указом повелено было приступить, в течении 1843 года, к устройству выставок, первоначально в Новороссийских губерниях, а затем распространить эту меру и на губернии средней полосы. Распоряжение выставками поручено было особому, в каждой губернии, комитету, составленному из губернского предводителя дворянства, управляющего палатой государственных имуществ и трех помещиков, по приглашению губернского предводителя. Вследствие такого указа, в Симбирске была устроена, в 1845 году, вторая выставка, ничем, не отличавшаяся от первой. На ней

фигурировали те же остатки допотопного ихтиозавра, тот же шиффер с берегов Волги. (*Липинский, т. I, стр. 59.*) Вообще трудно ожидать успеха от выставок, устраиваемых во что-бы то ни стало, а Симбирские выставки тем более не могли дать блестящих результатов, так как у нас сельская промышленность, не только в 40-х годах, но даже и по настоящее время, находится почти в первобытном состоянии, что доказали дальнейшие попытки к устройству выставок. Первые две выставки устроены были, так сказать, официально, на казенный счет, без участия общества сельского хозяйства, тогда еще несуществовавшего; но и потом, когда инициатива в этом деле перешла к специально преследующему эти цели обществу, дело подвигалось вперед очень и очень медленно, без заметных результатов.

Симбирское общество сельского хозяйства, на первых порах своей деятельности, устроило выставку в 1862 году, но по рассказам очевидцев, (*Симбирский сборник 1868 г., стр. 22. Смесь*) она, с первого же взгляда, поражала своею бедностью и неполнотою. На ней было не более 200 предметов, доставленных из Симбирской и соседних губерний. Особенное внимание обращали на себя: сукна фабрики Селиверстова (Карсунского уезда), и земледельческие орудия, выставленные Симбирским заводчиком Зотовым. Остальные отделы фабричной, заводской и ремесленной промышленности имели очень немного ничем не выдававшихся образчиков. Разные сорта хлебов экспонировали в очень ограниченном количестве, а отдел скотоводства был особенно беден, по причине бывшего тогда в Симбирске падежа скота. (*Там же.*)

Затем, в годовом собрании общества сельского хозяйства, в феврале 1873 года, высказана была мысль устроить в Симбирске выставку, что и было приведено в исполнение в сентябре того же года. Чтобы придать более интереса и возбудить более сочувствия к этому предприятию, решено было, вместе с выставкой крупного рогатого скота, устроить выставку и сельско-хозяйственных произведений, а также земледельческих машин и орудий. Цель такой выставки заключалась, главным образом, в том, чтобы убедиться, как отнесутся сельские хозяева к подобному предприятию и можно-ли будет, на основании этого опыта, приступить к ежегодному устройству выставок, в более обширных размерах, так как необходимость польза сельско-хозяйственных выставок не подлежат сомнению. Однако, опыт вышел не удачным. На устройство выставки получено было только 100 руб., да город предоставил безвозмездно, под помещение выставки, два сарая на мытном дворе. Это помещение оказалось вполне достаточным, так как по примеру прежних лет, выставка 1873 года не представляла большого разнообразия. *Симб. Губ. Вед. 1874 г., № 7.*)

Не смотря на целый ряд неудачных опытов, общество сельского хозяйства в 1887 году вновь возбудило вопрос об устройстве в Симбирске сельско-хозяйственной промышленной выставки и на этот раз еще более неудачно. Предположено было устроить выставку летом 1888 года и в широких размерах, собрав на ней произведения не одной только Симбирской губернии, но и соседних. Казанской, Самарской, Саратовской и Пензенской. (*Тоже 1887 г., № 39.*) Выставка должна была состоять из 9 отделов: 1) скотоводство, 2) коневодство 3) пчеловодство, 4) произведения земледелия, 5) огородничество, садоводство и цветоводство, 6) земледельческие и другие машины, 7) фабричная и заводская промышленность, 8) кустарные произведения и 9) предметы искусств и городских ремесл. Губернское Земское Собрание ассигновало на выставку 3000 рублей, городская дума 500 руб. и

предоставила обществу избрать подходящее место в городе, где можно было-бы удобно устроить выставку. (*Журн. Думы 29 мая 1887 года*). Наконец, было уже получено разрешение, но — летом 1888 года совет общества сельского хозяйства объявил во всеобщее сведение, что открытие выставки последует в 1889 году. (*Симб. Губ. Вед. 1888 г., № 59*) Между тем так широко задуманная выставка вовсе не состоялась.

Последний раз вопрос об устройстве в Симбирске выставки возбужден обществом сельского хозяйства 1-го мая 1896 года. Предположено было устроить, в сентябре 1897 года, - местную губернскую сельско-хозяйственную и кустарную выставку, которая обнимала бы собою, по возможности, все отрасли местного сельского хозяйства и все виды кустарных промыслов губернии, а также чтобы она включала в себе научный отдел, оказывающий естественные и хозяйственные условия, в которых находится сельское хозяйство губернии и школьное дело, на сколько оно имеет связь с сельским хозяйством. (*Симб. Губ. Вед. 1896 г., № 46.*) Составлен был распорядительный комитет предстоящей выставки, но самой выставки не последовало и все предположения об ее устройстве разрешились тем, что, взамен ее, Министром земледелия и государственных имуществ отпущено Симбирскому обществу сельского хозяйства пособие в 1000 рублей, на устройство, в 1898 году, целого ряда ярмарочных выставок, по отдельным отраслям сельско-хозяйственной промышленности, тем, чтобы обществом выработан был известный план в отношении распределения этих выставок по губернии, а равно правила для их организации и чтобы на каждую из этих выставок, из означенной суммы обращено было не менее 100 рублей, на вещественные награды для экспонентов из крестьян. (*Тоже 1897 г., № 60.*)

Очередное губернское земское собрание 1897 года ассигновало для этой цели, на 1898 год, 1000 рублей, в дополнение к субсидии, выданной от казны и предположило устраивать по две таких выставки ежегодно, в главных пунктах сбыта сельско-хозяйственных произведений, (*Тоже №№ 81 и 87.*) усматривая главное основание успеха таких выставок в правильной повторяемости их в том или другом пункте губернии, а также в правильном подборе экспонатов, которые должны состоять из обычных продуктов хозяйства, предназначенных для сбыта на рынки. Этим путем предполагается достигнуть две цели: наглядное изображение постоянного, а не временного сельско-хозяйственного и кустарного производства данного района и сближение производителей с потребителями, посредством устройства, после выставки, аукционов и базаров выставленных экспонатов. Сообразно с этими задачами составлены и общия правила для устройства выставок, принятая губернским собранием; каждая выставка должна ограничиться только известным районом данных волостей, при чем экспонаты других волостей выставляются только вне конкурса; при назначении наград, обращается внимание на размер производства, продолжительность времени занятия им, условия сбыта изделий, способ производства и значение их для данной местности. Награды предполагаются, кроме медалей и похвальных листов, еще денежные, распределенные на 4 разряда: в 10 руб., в 55 руб., в 50 руб., и в 75 руб., а также вещественные, в виде предметов сельско-хозяйственного инвентаря и орудий производства; при этом денежные и вещественные награды присуждаются исключительно за экспонаты крестьянского хозяйства. Продолжительность выставок в ярмарочных пунктах — в течении всей ярмарки, а в других местах

выставка не должна продолжаться более 3 — 4 дней. (*Биржевые Ведомости 1898 г., № 72*) В 1898 году Симбирское губернское земство назначило две ярмарочные выставки: в селе Прозине, Алатырского уезда, с 6 по 8 июля и в Симбирске — с 6 августа по 1 сентября.

10) Метеорологическая станция.

Начало метеорологическим наблюдениям в Симбирске положено в 1812 году бывшим тогда учителем математики Симбирской гимназии, Дмитрием, Матвеевичем Перевошиковым (впоследствии экстраординарным академиком Императорской Академии наук). Он, в качестве любителя, вызвался производить эти наблюдения и выписки из них доставлял в Казанский университет. С выходом Перевошикова из Симбирской гимназии, в 1816 году, прекратились метеорологические наблюдения и затем только в 1834 году они были введены в гимназиях Казанского учебного округа, как обязательные занятия преподавателей физики. Бывший тогда попечитель округа М. Н. Мусин-Пушкин поручил профессору Кнорру, вследствие его предложения, установить постоянные метеорологические обсерватории при некоторых гимназиях и уездных училищах округа, в особенности же в городах по р. Волге, снабдить их необходимыми инструментами и дать наблюдателям должную инструкцию для производства наблюдений. По разсылке инструментов, сам профессор Кнорр, в 1836 году, посетил все метеорологические станции, лежащие на Волге; на этих станциях он занимался сравнениями инструментов и определениями высоты места наблюдений и лично руководил в производстве наблюдений, которые с этого времени приняли правильный ход. Наблюдения производились по плану профессора Кнорра и состояли в определении высоты барометра, термометра и замечаний направления ветра и состояния неба, по четыре раза в день в 9 час. утра, в полдень, в 3 и 9 час. вечера. (*Безгин. „Симбирская Губернская Гимназия“, стр. 40 и 122.*) Пожар 1864 года положил конец метеорологическим наблюдениям при Симбирской гимназии, и только после десятилетнего перерыва, они снова начаты с 1 января 1876 года (*Симбирский календарь за 1879 г., стр. 72.*) и производятся по настоящее время частными лицами, в качестве корреспондентов главной физической обсерватории, согласно инструкции, составленной для метеорологических станций бывшим директором этой обсерватории, академиком Вильде.

А. Олеарий. 1636 г. Путешествие по Волге

...Волга от Нижнего до Казани большею частью направляется к востоку и юго-востоку, а затем до Астрахани и Каспийского моря обыкновенно к югу. В дальнейшем на Волге находятся много плодородных мест, но ради казаков и разбойников, встречающихся здесь местами, тут очень мало деревень и немного живет людей.

15 августа мы быстро подвигались вперед по реке, которая здесь, вследствие узости своей, течет быстро, и за деревню Ключищи, в 26 верстах от Казани, пришли к мели, через которую с трудом тащились на якорь. Когда мы перебрались, маленький якорь опять застрял на дне, так что мы за все послеобеденное время, несмотря на разные попытки, не могли освободить его; поэтому мы всю ночь оставались там. На следующий день до полудня работы продолжались, причем был выброшен и большой якорь. Однако канаты у обоих якорей порвались, и мы с громадным трудом разыскали и вновь подняли наверх большой из них. Что же касается малого, то он застрял так плотно, что его нельзя было достать. Поэтому мы его оставили на месте и поехали дальше.

Вскоре за тем мы проехали мимо кабака Теньковского, *пр.*, верстах в 30-ти от Казани. За ним опять оказалась мель, а другая встретилась в полумиле отсюда у кабака Кешовского, *пр.*; через эти мели нам пришлось опять тащиться на якорь.

17-го с. м. мы застряли на весьма большой очень известной главной мели, получившей название Теньковской от вчерашнего старого кабака. На перетаскивание корабля ушло несколько часов. Здесь река довольно широка и везде одинаково мелка. Вскоре затем мы увидели с правой стороны высокий подмытый берег, большая часть которого с месяц назад обвалилась и убила людей, занимавших целую лодку; они хотели проехать под этим берегом к вишням, которых много растет в этой местности. Наш новый лоцман, ехавший из-Астрахани, и нами перехваченный под Казанью и нанятый вновь для обратного пути, сказал нам, что много трупов этих мужчин и женщин повстречались ему плывущими по воде.

Вокруг этой местности, а дольше уже нигде, мы видели очень много вязов; они росли очень высоко и красиво спускались до самого берега. В этот день мы на берегу, по правую сторону, нашли много льду, которым могли освежить наши напитки.

К вечеру мы подошли к большой реке Каме, ее устье находится в 60 верстах от Казани. Она течет с С.В. как говорят, беря начало в области Пермь, и впадает с левой стороны в Волгу. Это широкая река, почти такая же, как Везер в Германии, и вода в ней бурая. Находясь близ нее, Пауль Флеминг написал следующий сонет, который можно найти в его «Книге сонетов»:

Царицы дикия пустынных пермских вод,
Плывите, нимфы, к нам, не замедляясь боле..
У волжских берегов ваш взор, на дикой воле,
Голштиньи первенца и гордость обретет:
Корабль наш здесь стоит. По всей Руси идет
Лишь разговор о нем и нашей славной доле
Голштинцам удалось безвестное дотоле,
Что в вечности скрижаль их имя занесет.

Пусть бурых вод своих нам Кам-отец нальет
Ковшами полными, чтоб сосен наших ход
Замедлить не могли ни суши здесь, ни мели,
А Волга впереди пусть нам готовит путь,
Чтоб от опасностей могли мы отдохнуть
И смерть и грабежи нам угрожать не смели.

В устье, или конце, реки находились два возвышения; наибольшее из них называлось Соколом. Напротив, на суше, была красивая деревня Паганщина, и в трех верстах за нею другая — Каратаи. Затем в 10 верстах от Камы следовала Киреевская, у которой мы устроили привал на ночь.

18-го с. м. шли мы на парусах весьма свежо вперед и к полудню с левой стороны снова встретили реку — Чертыг. Она начинается в немногих сушею верстах от Камы, в качестве особого рукава, и здесь в 30 верстах за Камою впадает в Волгу. Около полудня мы встретили город Тетюши, лежащий в 120 верстах от Казани, *пр.*, высоко на горе и по склону ее; он состоит из разбросанных домов и церквей, весь построен из дерева и вместо стены окружен частоколом. Начиная от этого места вплоть до конца Волги уже не видно ни одной деревни. После обеда мы подошли к острову Пролей-Каша, *пр.*, получившему свое имя потому, что здесь несколько слуг, как говорят, убили своего господина и засыпали его труп крупой. За ним нам встретился воевода теркский, с 8 лодками.

После трехлетнего управления областью он, по обычаю, был отозван в Москву; при нем находился сильный конвой. Лодка со стрельцами, шедшая впереди, подошла к нам для осмотра нашего корабля. Так как неизвестно было, что это за народ и можно ли им доверять, то им крикнули, чтобы они не подходили слишком близко, иначе в них будут стрелять. Стрельцы рассказали, что около 3000 казаков, распределившись по разным местам, подстерегают нас; иные из них — на Волге, другие — на Каспийском море. Кроме того, по их словам, недалеко отсюда на берегу показались 70 человек конных людей, без сомнения разведчиков, задумавших напасть на нас; говорили еще иное тому подобное. Мы для салюта выстрелили из большого орудия и поехав дальше, прибыли к реке Утке, *л.*, в 25 верстах от Тетюш, текущей от города, Булгара. В этот день мы прошли 77 верст. Ночью послы сделали проверку, как будет ввести себя народ, если окажется необходимость и дело дойдет до сражения. Под утро устроена была ложная тревога. Часовой сначала, после обычного окрика, выстрелил и закричал: «Казаки!» После этого забили в барабаны, поднят был шум, стреляли из мушкетов и пушек. Большинство людей наших отнеслись вполне серьезно к делу, заняли назначенные места и приготовились отразить нападение. Подобного рода ложная тревога устроена была и в Персии на обратном пути.

19-го с. м. я у острова Старицы, который длиною в 15 верст, определил высоту полюса в 54°31'. За этим островом направо берег суши весь был покрыт круглыми камнями, вроде лимонов и апельсинов с виду; они были тверды и тяжелы и точно железо на ощупь. Когда их разбили, то внутри оказалась как бы фигура звезды цветов серебряного, золотого, коричневого и желтого: они содержали в себе серу и селитру. Мы много этих камней взяли с собою, надеясь применить их в своих орудиях для каменных ядер.

После этого мы пришли к зеленому веселому месту, где в давние времена стоял татарский город по имени Унеровская Гора [Ундоры]. Здесь, говорят, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле еще часто отправляются помолиться живущие вокруг татары. До этого места от Тетюш считается 65 верст. Когда мы прибыли к этому месту, то на высоком берегу среди деревьев заметили двух всадников. Мы поэтому поместили в марсе на мачте часового, чтобы обозреть высокий берег, но уже более не видели ни этих людей, ни других каких-либо.

20 августа утром рано несколько рыбаков из Тетюш, ловивших рыбу в этих местах, пришли на судно и доставили 55 штук больших и жирных лещей на продажу за 50 копеек, или 1 рейхсталер. Один из этих рыбаков был столь добросовестен, что не захотел брать переданные ему по ошибке лишние 5 копеек, пока его несколько раз не попросили об этом. Способ рыбной ловли [у этих рыбаков] такого рода: они опускают в воду, на дно, длинную веревку с большим камнем и привязывают верхний конец ее к нескольким связанным вместе толстым деревяшкам, лежащим на воде; к деревяшкам прикрепляют удочки, нацепив на них довольно большие рыбы. Так ловятся большие белуги длиной в 4, 5 и 6 локтей; мясо их очень белое, сладкое и вкусное. Подобного рода рыбу на обратном нашем пути, в другом месте, доставили на лодку посла Крузиуса на продажу за рубль, или 2 талера. Этой рыбою мы не только сразу накормили всех, кто был на корабле, но остатками ее еще засолили целую бочку.

Русские, путешествующие ради дел своих по Волге от города к городу, обыкновенно тащат за собою на тонком канате удочку, к которой прикреплена железная, покрытая толстым слоем олова пластинка в форме рыбы, длиной с ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по воде, то, ввиду ширины своей, пластинка по временам поворачивается и бывает похожа на играющую рыбу; на такую удочку удается им за время поездки наловить больше, чем они могут съесть, так как Волга очень богата всякого рода рыбами. Таким образом русские, если только у них имеется при себе хлеб, находят по пути достаточно провизии для путешествия. Ввиду многих своих постных дней, упомянутых выше, они привыкли питаться скорее рыбою, чем мясом, и пить воду.

Здесь мы оттолкнули от себя кашу баржу для провизии, взятую нами из Нижнего и теперь опорожненную; чтобы она не послужила казакам, мы зажгли ее и пустили плыть. К полудню прибыли мы к острову Ботемскому, *л.*, длиной в 3 версты; он лежит против мыса суши, называемого Поливным [Врагом]. Когда ветер сильно стал дуть вам навстречу, мы стали на якорь за мысом, у реки Ботьмы, *л.*, будто бы также являющейся рукавом великой реки Камы, и всю ночь оставались здесь.

21-го с.м. мы оставили по правую сторону от нас два веселых места, на которых будто бы раньше находились города; наиболее дальний из них называется Симбирская гора. Говорят, их разрушил Тамерлан. 22-го мы прошли через 3 сухих места, или мели, из которых одна лежит впереди, а две другие позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила свое название от города, находившегося здесь. Здесь с реки, между двумя холмами, виден на суше большой камень, длиной с 10 локтей, но несколько более низкий. [...]

Вокруг этой местности страна с правой стороны не очень высока и безлесна, но имеет хорошую, тучную почву. Она повсюду поросла толстою, длинною травою, но трава эта ни на что не идет, и область здесь не заселена. Там и сям видны были

знаки стоявших здесь некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерлана.

23-го с. м. мы у реки Атробы, л., опять встретили сильный противный ветер и должны были бросить якорь. Здесь высота полюса составляла 53°48'. Пополудни, когда ветер поулегся, мы попробовали лавировать, но в течение пяти часов еле сделали полмили.

24-го с. м. противный ветер дважды пригонял нас к берегу, вследствие чего мы в этот день прошли немного.

В течение этих дней, как и во все время путешествия, мели и ветер сильно мешали нашему путешествию. Хотя иногда мы и имели попутный ветер, но зато усаживались на мели; а когда попадали на глубокий и удобный фарватер, то ветер дул нам сильно навстречу, в какие бы мы извилины ни входили и из каких бы ни выходили. Ближайшие 4 дня ветер всегда поднимался рано, около 9 часов, и вновь ложился после полудня, около 5 часов, так что мы лучшую часть дня или оставались на месте, или же должны были проводить в трудах и хлопотах. Вследствие этого вновь мы упали духом, и стали сильно досадовать, особенно когда мы принимали в расчет предстоящий нам впереди долгий путь и остающееся короткое летнее время. Люди свиты были измучены и обозлены постоянной работою. Те же, кто ночью стояли вместе с солдатами на страже (стражу постоянно составляли 20 человек), должны были днем вместе с русскими братья за весла и за шпиль, причем пищу их составляли, большею частью, черствый хлеб, вяленая рыба и вода; кроме того, много неприятностей и тягот испытывали они еще со стороны посла Бригмана [Брюгемана], о чем, впрочем, много говорить не стоит. Таким образом, заботы, работа и досада были ежедневным нашим угощением за завтраком и ужином.

25-го мы пришли к Соляной горе, яр., где у русских устроены солеварни для соли, добываемой из соседних копей; здесь же сушится и та соль, которая уже выпарена солнцем, и много ластов соли отсюда увозится вверх по Волге к Москве.

Здесь же лежит остров Костоватый, у которого Волга, ввиду низких с обеих сторон берегов, весьма широко разливается. Вскоре за тем справа имеется гора, а под нею река, или вернее, изливающийся из Волги рукав, который затем, в 60 верстах за Самарою, вновь вливается в Волгу; название этого протока — Уса. Ради густого темного леса, красиво покрывающего берега с обеих сторон, местность здесь приятна на вид, но в то же время она очень опасна для путешественников, ввиду удобств, какие она представляет для разбоя, особенно[440] ввиду высоких стоящих здесь гор, откуда приближающихся людей можно видеть издали и приготовиться к грабежу. Говорят, что обыкновенно казаки находятся около этой реки. Они и в прошлом году захватили здесь принадлежавшую богатейшему купцу в Нижнем лодку с товарами. Перед протоком глубина составляла 60 футов. Вскоре за тем следовала Девичья гора, у которой речка, при той же почти глубине, проходит очень узкое место. Гора лежит по правую руку, она очень высока, крута у берега и очень приятна на вид. Она представляет ряд ступеней, вроде как бы скамеек, одну над другою, из красного, желтого и синего песчаника; они похожи точно на старые стены.

Приложения

Приложение № 1

1) № 308. Государев указ и боярский приговор о службе арзамасцам, а также мурзам и татарам на Алатыре.

«156 года, февраля в 10 д. указал государь и бояре приговорили: арзамасцом обеих половин, и нижегородцом и иных городов дворяном и детем боярским, и князем, и мурзам и татаром быт на государеве службе с окольниковым и воеводою, с Богданом Матвеевичем Хитрово; а собираться ему, окольниковому и воеводе, на Алатарь, а отпуск ему с Москвы вскоре, для того что ему на степи города поставить и всякая крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны. А быть нынешнее лето арзамасцом обеих половин, а в новое лето вперед во 157 году арзамасцов пожаловал государь, на своей государеве службе быт им не велел, а велел им обеим половинам быт по домом, ддятого что они на его государевых, службах были без перемены обе половины".

2) № 830. Отписка Арзамасскаго воеводы о повещении дворян и детей боярских арзамасцев быт готовыми на службу на Алатыр.

Арзамасский воевода Левон Травин в отписке, полученной в Розряде 1648 г. мая в 4 д. доносил. „в нынешнем во 156-м году, апреля в 18 д., писал ко мне из Мурома и прислал с твоею государевою грамотою воевода Иван Зиновьев муромскаго стрельца Бориска Сарычова; а в твоей государеве грамоте написано: которые дворяне и дети боярские арзамасцы в прошлом в 155-м году были на твоей государеве службе в Курске, и которые были на твоей государеве службе в понизовых городех, и тем нынешняго лета велено быт на твоей государеве службе с твоим с государевым с окольниковым, с Богданом Матвеевичем с Хитрово, да с дьяком с Григорьем с Кунаковым в понизовых городех для обереганья от приходу ногайских людей, и для строенья новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги. А по твоему государеву указу велено собираться окольниковому и воеводе Богдану Матвеевичу Хитрово и дьяку Григорью Кунакову служилыми людьми на Алатыре, а мне велено сказат арзамасцом, дворяном и детем боярским,

всем по списку, что по твоему государеву указу нынешняго лета велено им быт на твоей государеве службе с твоим государевым с окольниковым и с воеводою, с Богданом с Матвеевичем с Хитрово да с дьяком с Григорьем с Кунаковым в понизовых городех для обереганья от прихода ногайских людей, и для строенья новых городов и засечных крепостей, и они б, дворяне и дети боярские на твою государеву службу были готовы; а как окольниковый и воевода Богдан Матвеевич Хитрово и дьяк Григорий Кунаков на Алатыр приедут, и мне, велено арзамасцов дворян и детей боярских выслат на Алатыр со всею службою и с запасами; а та твоя государева грамота писана ко мне из Розряда, за приписью дьяка Григорья Ларионова, в нынешнем во 156-м году февраля в 18 д., а он, Иван Зиновьев, прислал из Мурома тое твою государеву грамоту ко мне апреля в 18 день, задержав, неведомо почему, чтоб мне от тебя государя в опале не быть".

3) № 335. Отписка Арзамасскаго воеводы об ослушании дворян и детей боярских идти на службу на новую Симбирскую засеку.

Арзамасский воевода Лев Травин в отписке, полученной в Розряде 1648 г. мая в 19 д., доносил: „в нынешнем во 156-м году апреля в 22 д., прислана в Арзамас твоя государева... грамота ко мне из Розряду, а по той твоей государеве грамоте велено мне арзамасцев дворян и детей боярских обеих половин выслать тотчас, безо всякаго мотчанья, со всею службою и с запасы на твою государеву службу, на новую Симбирскую засеку к окольникову и к воеводе, к Богдану Матвеевичу Хитрово да к дьяку Григорью Лукьянову. А которые арзамасцы дворяне и дети боярские на твою государеву службу вскоре не поедут, и мне велено выслат их с наказаньем тотчас. И по твоей государеве грамоте в арзамасской уезд посылал я многих розсылычиков арзамасских пушкарей и затинщиков и стрельцов многажды, для высылки на твою государеву службу арзамасцев дворян и детей боярских; а которые дворяне и дети боярские вскоре на твою государеву службу не поедут, и я велел тех ослушников приводить в Арзамас, и по твоему государеву указу отсылал на твою государеву службу с приставами. И арзамасцы дворяне и дети боярские твоему государеву указу не слушают, чинятся сильны, вскоре на твою государеву службу не едут, пушкарей, и затинщиков, и стрельцов бьют, а иные отбыват твоей государевы службы избегают, дома не сказываются, а люди их и крестьяне пушкарями, и затинщикам и стрельцам отказывают, будто пошли на твою государеву службу; и о том мне как ты, государь, укажешь, чтобы мне в том их ослушаньи от тебя, государя, в опале не быть". (Акты Московскаго Государства, изданные Императорскою Академиею Наук, под редакцию Н. А. Попова, т. II).

Приложение № 2

1) Список с владыкиной правой грамоты 7203 года, Октября 15 дня, данной Синбирской соборной церкви Троицкому протопопу Захарию Дементьянову и ключарю Косьме Фотиеву с братиею, на владение чувичинским островом.

От Великих Государей Царей и Великих Князей иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия, и малыя, и белыя России Самодержцев в Синбирск думному нашему дворянину и воеводе Ивану Семеновичу Ларионову, да дьяку нашему Григорию Молчанову. В нынешнем 203 (1695) году сентября в 28 день, били челом нам, Великим Государям, Синбирской соборной церкви Живоначальной Троицы протопоп Захарий Дементьянов с братиею: в прошлом в 191 году был у них в Синбирске суд, Синбирскаго уезда, Арбугинских поль всех слобод, кроме Ключищинской слободы, со крестьяны, перед боярином и воеводами, перед князем Григорием Афонасеевичем Козловским с товарищи о покошенной траве сосновые гривы, что ныне слывет борковский остров. И по тому сенному делу и по сыску и по чертежу, те крестьяне обвинены и тою сосною гривою, что ныне слывет борковский остров, санными и рыбными ловлями велено владеет им, протопопу с братиею; из суда выпись дана за дьячьёю прописью, а правой на них крестьян грамоты не дано, а они крестьяне тое то снное дело быст челом нам, Великим Государям, ложно и свозя многия грамоты и тем их, протопопа с братею, убычат напрасно и нам, Великим Государям, пожаловали-б его, протопопа с братиею, велели-б с той выписи дать нашу, Великих Государей, правую грамоту, чтоб им от их, крестьян, впредь обид не было. А в приказе Казанскаго дворца в Синбирских строельных книгах стольника и воеводы Ивана Камынина 157 и 158 годов написано:

Симбирской соборной церкви Живоначальной Троицы попам Сергею да Василию, да дьякону Фалалею, да дьячку и пономарю и просвирне отмерено на пашню земли: попам — по двадцати четвертей, дьякону — двенадцат четей, дьячку — восемь четей, понамарю и просвирне — по пяти четей в поле, а в дву потому-ж; межа той их пашенной земли в тех строельных книгах писана по урочищам. Да им же дано на собор санных покосов половина Чувичинскаго острова, со всеми угодыями. И тем санным покосам межа: вдоль чувичинскаго острова, на низ по Волге реке и по чувичу, в верхней изголови чувичинскаго острова стоят на меже две осокори на одном корени, на них по развилине, на одной осокори две грани: грань через верхнее устье чувичинское, а другая, вдоль лугов, на пят дубов, стоят на гриве, на одном дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на две осокори, стоят на одном корени на гриве, на одной осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань, вдоль лугов, на дуб, стоит близко ржавца; на дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на четыре осокоря на одном корени, на осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань, вдоль лугов, на осокорь, стоит выше Шумаровскаго стана; на осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на дуб, стоит дуб на сосновой гриве, на дубу две развилины, на нем две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань на нижнее устье чувичинское, на ветлу, а ветла виловата, стоит на нижнем устье чувичинском, на ветле грань к верхнему устью чувичинскому, на праве от верхней изголови чувичинскаго острова, на низ — санные покосы соборных попов и всего собору, а на леве санные покосы лежат впороже; а угодий на той половине острова неводных и приволочных одинадцат озер, а санных покосов тысяча пятьсот десятин. А в приказе Казанскаго дворца, города Синбирска Троицкаго собора ключарь Косьма Фотиев подал с суднаго вершего дела, что у них было в Синбирске, Арбужинских слобод со крестьян выпись, за дьячьёю приписью, и с той выписи выписано, а с дела взят список, за его, Косьмы ключара, рукою, а в выписи написано: в прошлом в 193 году, мая в 7 день, били челом нам, Великим Государям, в Синбирске, Синбирской соборной церкви протопоп Захарий с братиею, по нашему де, Великих Государей, указу, да по их челобитью, для спору Кременской слободы крестьян послан из Синбирска отказчик на их жалованные санные покосы, на половину чувичинскаго острова и на сосновую гриву, что ныне слывет борковский остров, и отказчик межи и грани подновил, а где граней нет, вновь грани учинил и в Синбирске де, в Приказной избе отказныя книги поданы, а с тех отказных книг владенной выписи не дано, и нам, Великим Государям, пожаловат бы их, велет с тех отказных книг дать им владенную выпись. И стольник наш и воевода Матвей Головин, да дьяк Исай Ляпин, велели с отказных книг им, протопопу с братиею, дать на санные их покосы владенную выпись; а в отказных книгах, каковы в Синбирске, в Приказной избе, за рукою отказчиков Григория Танскаго да подьячего Прокофья Васильева и за руками сторонних людей, прошлаго 193 года, октября в 17 день написано: по нашему, Великих Государей, указу и по наказной памяти боярина и воеводы князя Григория Афонасьевича Козловскаго с товарищи, велено ему, Григорью и подьячему ехать на половину чувичинскаго острова, на сосновую гриву, что слывет борковский остров, на санные покосы Синбирскаго Троицкаго протопопа Захария Дементьянова с братиею, для того в прошлом в 192 году, ноября в 22-й день, били челом нам, Великим Государям, они, протопоп с братиею, а в

Синбирске, в Приказной избе перед боярином и воеводами, перед князем Григорием Афонасьевичем Козловским с товарищи, вместо их искал судом духовных дел подъячий Якушка Семенов, Кременовской слободы на всех крестьянах покошенной травы с сенных покосов тысячи пяти сот восьмидесяти копен, что на чувичинском острове, на сосновой гриве, что ныне слывет борковский остров. Кременовской слободы крестьянин Васька Филатов за всех крестьян отвечал, а в ответе сказал: на их де сенных покосах, на сосновой гриве, травы не кашивали, а косили они траву на своих сенных покосах, на борковском острове и истец Якушка подал на те сенные покосы выпись со строельных книг стольника и воеводы Ивана Камынина 157 и 158 годов, а в той выписи написано: дано Симбирской соборной церкви попам Сергею да Василью, да дьякону и дьячку и понамарю и просвирне сенных покосов половина чувичинского острова, со всеми угодыями, а межа тем сенным покосам, вдоль чувичинского острова, на низ Волги реки и по чувичу, в верхней изголови чувичинского острова, стоят на меже две осокори на одном корени; на них, по развилине, на одной осокори две грани: грань через верхнее устье чувичинское, а другая, вдоль лугов, на пят дубов, стоят на гриве, на одном дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на две осокори, стоят на одном корени, на гриве, на одной осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на дуб, стоит близко ржавца: на дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на кудреватый вяз, на нем две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на осокорь, стоит выше Шумаровского стана, на осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на дуб; дуб стоит на сосновой гриве, на дубу две развилины; на нем грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань на нижнее устье чувичинское, на ветлу; на ветле грань к верхнему устью чувичинскому, на праве от верхней изголови чувичинского острова, на низ сенные покосы соборных попов и всего собора, а на леве сенные покосы лежат порожнее, а угодий на той половине острова: неводных и приволочных одинадцат озер, а сенных покосов полторы тысячи десятин. И ответчик, выслушав крепости, сказал: как де им, протопопу с братиею, сенные покосы даны и грани в той выписи написаны, того он не ведаеть, потому что переведены они из разных городов на арбугинския поля во крестьяне в неволю, а которые земля и сенные покосы им даны, и на ту землю дана им отводная выпись, и в той де он на ту выпись шлется; и подал ответчик с отводных книг Синбирской Приказной избы подъячего Федора Черникова выпись 177 года, а в выписи написано: отведено арбугинским крестьянам всех слобод, кроме Ключищинской слободы крестьян, сенных покосов на пят слобод за Волгою рекою, от Кайбулины воложки на низ до граней, до устья Камаюра речки, что вышла из гор с луговой стороны, на исток к Волге реке, на истоке Шучьего озера, на осокори нарублена грань против Камаюра речки, на луговую сторону, а другая грань на нагорную сторону, прямо на надолобы, что построены за Шиловскою слободою, к Белому Яру; за теми гранями сенные покосы и на выпуск Костоманский остров, для приходу воинских людей, белоярским конными и пешим стрельцам и всяких чинов людям; а верхняя межа тем же сенным покосам на нагорной стороне, по гранями Синбирских служилых людей, а по отмете, тех отводных лугова за Волгою рекою, на луговой стороне, „восемь сот шестьдесят десятин, кроме большого камыша, на нагорной стороне, от арбугинского затона по грани служных людей, и что за

Криушинскою волжкою четыреста пятьдесят десятин, обоего тысяча триста десять десятин, кроме камыша. Да в тех сенных покосах им же крестьянам отведено рыбных ловель в тех-же лугах, от Синбирских мирских вод, от караульной башни, что вышка на чувичинскую прорву, а от прорвы, через Волгу, на верхний приверх застенной воложки, кроме затонов и арбугинскаго и подзастеннаго и запесочья и лопатина озера и с Кайбулиным озером, по обе стороны Волги реки, по бельския воды до костомасской верхней изголови по те-же нагорныя надолобы и чувичинским зауморам и с полями и со всякою мелкою ловлею, а с тех рыбных ловель велено с тех крестьян имет оброка, а санными покосами велено им владеть безоброчно. Истец, выслушав крепост, сказал, что у них написаны в выписи урочища их земли и владеют они, арбугинские крестьяне и до тех санных покосов им, протопопу с братиею, дела нет, а бьют челом во владенье на них по своими крепостям и по выписи, каковая им дана и по грамоте. И бил челом он, истец, чтоб ответчика допросить на борковскому острову, где они сено косили, озерам и рыбным ловлями противу их выписи владели-л. И ответчик, выслушав, сказал: на борковскому острову им даны санные покосы с рыбными ловлями, по выписи владеют своими, а не истцовыми, и с тех рыбных ловель они в Синбирск оброк платят. А в сыске Григория Танскаго да подъячего Алексея Феоктистова написано: старожил Синбирской приказной избы, бывший подъячий Федор Черников, сказал: которыя урочища написаны в крепостях соборной церкви протопопа с причетники, сосновая грива и арбугинских поль крестьяне борковский остров, и та сосновая грива и борковский остров в одних урочищах, и в прошлых де годах та сосновая грива, что ныне слывет борковский остров, был один чувичинский остров, а борковский остров стал слыть по озеру и в прошлых де годах, по наказной памяти, посылан он был для отвода арбугинских поль крестьянами санных покосов и рыбных ловель и написал в отводной, на нагорной стороне, четыреста пятьдесят десятин; а что в межах у них написано с вышки на прорву, а с прорвы за Волгу на верхней приверх застенной воложки и в ту их ободную сосновую гриву, что ныне слывет борковский остров, он, Федорь, им на той сосновой гриве санных покосов и рыбных ловель не писал и не отваживал, для того, что та сосновая грива, что ныне слыветь борковский остров, издавна и с санными покосами и рыбными ловлями отдана Синбирской соборной церкви протопопу с причетники. Да сторожилы, площадной подъячий, да бело дворец сказали: которыя де урочища написаны в крепостях соборной церкви у протопопа с причетники, сосновая грива и арбугинских поль крестьян борковский остров и та сосновая грива и борковский остров в одних урочищах и в прошлых годах был один чувичинский остров, а борковский остров слыветь по озеру; а санные покосы, которые даны протопопу с причетники и арбугинских поль крестьянами в одних ли урочищах — того они не ведают; а того половина чувичинскаго острова, что ныне слыветь борковский остров — в даче протопопа с причетники, а другая половина на том борковском острову, к Волге реке, к луговой стороне, дана Синбирским градскими людям на выпуска конного табуна, для прихода воинских людей. Старожилов же трое человек, стрельцов один человек, сторожей трое человек, посадских людей два человека, рыбных продельщиков один человек, городской воротник, всего десять человек, сказали: которыя де урочища написаны в крепостях соборной церкви протопопу с братиею, сосновая грива и арбугинских поль крестьян борковский острова в одних урочищах, и в прошлых де годах был один чувичинский остров; а санные покосы,

которые даны протопопу с причетники и арбугинских поль крестьянами в одних ли урочищах — того они не ведают, а борковский остров стал слыть по озеру; а по досмотру и по чертежу Григория Танскаго и подъячего Алексея Феокистова, сосновая грива и борковский остров в одних урочищах. Да в прошлом 191 году, декабря в первый день, в грамоте брата нашего, Великих Государей, блаженныя память Великаго Государя Царя и великаго князя Феодора Алексеевича, всея великия, и малыя, и белыя России самодержца и с приказы Казанскаго дворца в Синбирск, к стольнику нашему и воеводе ко князю Якову Долгорукову и к дьяку Филиппу Климентову, по челобитью протопопу Ивана Алексеева с братиею написано в приказе Казанскаго Дворца, в Синбирских строельных книгах стольника и воеводы Ивана Камынина 157 и 158 годов написано: Синбирской соборной церкви Живоначальныя Троицы попами Сергею да Василью, дьякону и дьячку и пономарю и просвирни дано на собора сенных покосов половина чувичинскаго острова со всеми угодьями, а угодий на той половине острова неводных и приволочных одиннадцат озер, а сенных покосов полторы тысячи десятин. И по той грамоте велено тем озерам и сенным покосам, по строельным книгами, быт за протопопом с братиею, и Григорью Танскому да подъячему Прокофию Васильеву велено по наказной памяти, приехав на те сенные покосы, взят с собою старожилов и сторонних людей, сколько человек пригоже, да при тех старожилах и сторонних людях, те сенные покосы, половину чувичинскаго острова, с верхней изголови, вдоль чувичинскаго острова, на низ по Волги реке и по чувичу до нижняго чувичинскаго устья, отказат Синбирскому Троицкому протопопу с братиею, а арбужинским крестьянами Ваське Филатову с товарищи от тех сенных покосов отказат. А велено им владеть своими сенными покосами по выписи, каковая им дана выпись в прошлом 177 году, и на протопоповых сенных покосах старья грани поновить и вновь по прежним межам грани нарубить, чтоб впред в тех сенных покосах спору и челобитья ни от кого не было и те грани написат ему, Григорию, и подъячему велено в отказныя книги. И по тому нашему, Великих Государей, указу, он, Григорий, и подъячий, взяв с собою старожилов и сторонних людей, на чувичинский остров ездили и при тех старожилах и сторонних людях сенные покосы, половину чувичинскаго острова, с верхней изголови, вдоль чувичинскаго острова, на низ по Волги реке и по чувичу до нижняго чувичинскаго устья, отказали Синбирскому Троицкому протопопу с братиею, а арбужинским крестьянам Ваське Филатову с товарищи от тех сенных покосов отказали, а велели им владет своими сенными покосами по выписи, каковая им выпись дана в прошлом в 177 году, и на протопоповых сенных покосах старья грани подновили и вновь по прежним межам грани нарубили; а межа тем сенным покосам: вдоль чувичинскаго острова на низ Волги реки и по чувичу с верхней изголови чувичинскаго острова, на устье, на осокори нарублены вновь две утинья грани: грань указывает на устье реки Волги и чувича, а другая грань указывает на пят дубов, а та осокорь стоять с гранями в яме, подле ея два пня осокоревых; от той грани, через яму, на пят дубов, и ныне тех пяти дубов не сыскано, а сыскано три дуба, на одном дубу старая грань, указывает вперед; а подле того дуба, на дубу же была старая грань; а по сказке старожилов, Синбирских стрельцов Нефедьки Абросимова, да Гришки Беляева, да посадскаго человека Федьки вятерщика, те дубы срублены и вместо той грани нарублена на старом граненном дубу вновь грань, указывает на первую утиную грань, на осокорь; а другая грань, старая, указывает на старья грани, на две осокори и те осокори с

гранями по сказке тех старожилков, срублены и не дошед до тех двух пней, нарублены вновь на осокори две грани, грань по граням, а та осокорь стоит подле болота, а от той осокори до тех первых старых пней и через те пни немного вповорот налево, на вершину садового озера, на старый граненый дуб, который стоит подле ржавца, и тот дуб с гранями, по сказке тех же старожилков, срублен и вместо того пня поставлен столб дубовый, вверху точек на нем грани: грань указывает назад, по вершине садового озера, на грань на осокорь, которая стоит подле болота, а другая грань указывает, вдоль лугов, на четыре осокори и те четыре осокори, по сказке тех же старожилков, волжскою водою смыло, и вместо тех четырех осокорей нарублены вновь грани на ветле, на ней бортная дель, а около той ветлы пять дерев ветляных, на одной ветле скопино гнездо, а те ветлы стоят на берегу таловаго истоку, на одной дельной ветле две грани: грань указывает назад по граням, через таловый исток, до вершины того истока, на граненный столб, который стоит у ржавца, а другая грань указывает подле того таловаго истока вниз до Волги реки и подле Волги реки на кудреватый вяз, а с того вяза, вдоль лугов, на осокорь, что стоит выше Шумаровскаго стана, на осокори было две грани; и того кудреватаго вязу с гранями, и осокори с гранями не сыскано; а по сказке тех же старожилков, Нефедьки Абросимова с товарищи, тот вяз и осокорь с гранями волжскою водою снесло и ныне в том месте течет река чувич, что слывет прорва; и вместо того вяза и осокори с гранями нарублены вновь грани на осокори, а та осокорь стоит на приверхе борковскаго острова, близко берега Волги реки, на той осокори вновь две грани: грань указывает назад по гранями, через чувичинскую прорву на шест ветел, а другая грань указывает к Волге реке, до яру и внизу Волги реки на дуб, а тот дуб стоит на сосновой гриве, на дубу две развилины, на нем была грань — и того дуба не сыскано, а по сказке тех же старожилков, что тот дуб с гранями волжскою водою смыло и вместо того стараго дуба, близко того ж места, нарублено вновь на дубу две грани: грань указывает назад по гранями, вверх Волги реки, а другая грань указывает вниз Волги реки по яру, на нижнее устье чувичинское, на ветлу, а ветла виловата, стоит на нижнем устье чувичинском; а по сказке тех же старожилков, грань старая в целости, и та грань заросла и ту грань подновили, и от той ветлы одна грань указывает к Волге реке, а Волгою рекою, яром, до граненного дуба, который дуб ее гранями стоит на сосновой гриве и на берегу Волги реки, а от той ветлы к верхнему устью чувичинскому, на право от верхней изголови чувичинскаго острова, на низ,— сенные покосы и рыбныя ловли и всякия угодья соборных попов и всего собора, а на лево — сенные покосы порожние. И по нашему, Великих Государей, указу и по той вышеписанной выписи Синбирскому Троицкому протопопу Захарию Дементьянову с братиею теми санными покосами и рыбными ловлями и всякими угодьями владеть. И та подлинная вышеписанная выпись за прописью дьяка Исаея Ляпина и с приказу Казанскаго Дворца отдана Синбирской Соборной церкви Живоначальной Троицы ключарю Козьме Фотиеву с роспискою, по прежнему. И мы, Великие Государи, указали тою землею и санными покосами и рыбными ловлями, по строельным книгам стольника и воеводы Ивана Камынина на сто пятьдесят седьмой год и сто пятьдесят осьмой год, и по выписи, какову выпись положил Козьма ключарь, теми санными покосами и рыбными ловлями владеет, по прежнему, Синбирской соборной церкви протопопу Захарию с братиею и для того владенья дана им, протопопу, сия наша, Великих Государей, владенная правая грамота. И как к вам сия наша, Великих

Государей, грамота придеть и вы-б теми вышеписанными сенными покосами и рыбными ловлями, в тех межах и гранях и угодьях, кои писаны в сей нашей, Великих Государей, грамоте выше сего, велели владеть Синбирской Соборной церкви Троицкому протопопу Захарию и ключарю Козьме с братиею, по прежним нашим, Великих Государей, указам и по строельным книгам и по вершенным делам, и по сей нашей, Великих Государей, правой грамоте. И прочетя сию нашу, Великих Государей, грамоту и списав с нее список, велели оставить в Приказной избе, ты, дьяк, за своею прописью, а подлинную сию нашу Великих Государей грамоту отдали ему, Троицкому протопопу, с роспискою, впред для иных наших, Великих Государей, воевод и приказных людей и для владенья тех вышеписанных сенных покосов и рыбных ловель.— Писана на Москве, лета семь тысяч двести третьяго года, октября в пятый на десять день. А подлинная грамота, за прописью дьяка Григория Богданова, за справою подъячего Василия Ардабьева.

В нынешнем 1702 году, мая в 20 день, сия Великих Государей правая грамота в переписныя книги списана.

2) Список с владенной памяти, данной причту Синбирской соборной церкви 20 июля 1692 года, на владение рыбными озерами на чувичинском острове.

В 7200 году, июля в 20 день, по указу Великих Государей, Царей и великих князей иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержцев, а в Синбирске, на дворцовом рыбном дворе, Ивану Петровичу Тихонову, Синбирской Соборной Троицкой церкви протопоп Захарий Дементьев с братиею подали челобитную, а в челобитной их написано: бьют челом богомольцы Великих Государей города Синбирска Троицкой Соборной церкви протопоп Захарий Дементьянов, в прошлых в 157 и в 158 годах, по указу отца Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержца, пожалованы им и даны на собор Троицкой церкви в Синбирске, на чувичинском острове, одинадцать озер неводных и приволочных, и по указу брата Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и великаго князя Федора Алексеевича, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержца, впред для владения и очистки, с строельных книг дана им выпись на те озера и на всякое угодье, к приказу, Казанскаго дворца, и по именному Великих Государей; указу рыбныя озера взят и с приказу Казанскаго дворца в приказ Большого дворца, и в Симбирске, на рыбном дворе, у рыбнаго промысла стали быт, и с приказа. Большого дворца дворовые люди и рыбныя ловли велено им отдават из оброка охочим людям им на выдачи. Да они же пожалованы, за служебное жалованье, за деньги, рыбными ловлями на реке Свяге, на сем лет, и на те воды дано им Великих Государей жалованная грамота; а в тех их жалованных водах и озерах, всяких чинов люди утайкою и насильством своим облавливают, их ловцам чинят утеснение и спорят, что у них с рыбнаго двора от дворовых людей на те воды и озера владенной памяти не дано, и Великие Государи пожаловали-б им, против Великих Государей жалованной грамоты и владенной выписи, дать с рыбнаго двора им, протопопу Захарию с братиею, впредь для спору и очистки, на те воды и озера владенную память, чтоб им и ловцам их в тех водах и озерах утеснения и убытков не было. И против Великих Государей жалованной грамоты и владенной выписи дана им, протопопу Захарю с братиею, с рыбнаго двора, на те воды и озера владенная память, впредь для спору и очистки. — У подлинной владенной памяти, на обороте и в лице, закрепя: Иван Тихонов.

(Приведенные два списка владенных грамоты и памяти хранятся в настоящее время в архиве Симбирскаго Троицкаго собора).

3) Выпись со строельной книги на владение причтом Синбирской соборной Троицкой церкви пашенною землею и санными покосами.

Лета 7189, Июня в 6 день, били челом великому государю, Царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея великая и малыя и белыя России самодержцу, города Синбирска соборныя церкви Живоначальныя Троицы протопоп Иван Алексеев с братиею: в прошлых де годах по указу блаженныя памяти великаго государя, Царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белыя России самодержца, дано Синбирской соборной церкви попам Сергею да Василию с причетники на пашню земли, да санных покосов половина чувичинскаго острова со всеми угоды, а угодий на той половине одинадцать озер неводных и приволочных, и той земле межи и грани в Синбирских строельных книгах написаны, и великий государь пожаловал-бы их, велел бы на ту их пашенную землю и на санны покосы с угодыями, с строельных книг дать выпись. И по Государеву, цареву и великаго князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу и по помете на выпись дьяка Тимофея Литвинова, велено протопопу Ивану с братиею с Синбирских строельных книг дать выпись. А в Синбирских строельных книгах стольника и воеводы Ивана Камынина 157 и 158 годов написано: Синбирския соборныя церкви Живоначальныя Троицы попам Сергею да Василию, да дьяку Фалалею, да дьячку и пономарю и просвирнице отмерено на пашню земли: попам — по двадцати чети, дьякону — по двенадцати чети, дьячку — по осьми чети, пономарю и просвирнице — по пяти чети в поле, а в дву потому-ж. А межа той их земли: (На этой земле и по настоящее время существует деревня „Протопоповка“, в 10 верстах от гор. Симбирска, по Казанскому почтовому тракту, на берегу реки Свяга. (Прим. авт.) от Свяги реки, с устья Каменки речки, вверх по Каменке до граненой ольхи, на ней две грани: грань по речке Каменке до устья, а другая направо, на дубовый столб, на нем две грани; а тот столб стоять за дорогою, что ездят из Лебяжьей слободы на Казанскую дорогу; а от того столба на большой дуб, на нем две грани; от большого дуба на развиловатый дуб со струями, на нем две грани; от развиловатаго дуба на суховерхой дельный дуб, на нем две грани; от дельнаго дуба на березу, стоять подле дороги, которою ездят в Мостовую и в Сельдинскую слободу, на берез две грани; от той березы, через дорогу, на дуб, на нем три грани; а от того дуба грань указывает налево, по меже Мостовой слободы до Синбирских пеших стрельцов; а другая направо, на бортный дуб, на нем две грани; от того дуба на дубовый столб, на нем две грани; от того столба на два дуба, выросли из одного кореня, на одном дубу две грани; от тех двух дубов к Свяге, на ивовый куст; в том кусте вязок, на нем грань: налево — земля Мостовой слободы, села Федоровскаго переведенцев, а направо — земля соборных попов всего собора; а с того куста вниз по Свяге реке, до речки Каменки. Да им же дано, на соборь, санных покосов половина чувичинскаго острова, со всеми угоды; и тем санным покосам межа: вдоль чувичинскаго острова на низ, по Волги реке и по чувиче, с верхней изголови чувичинскаго острова устья, стоят на межи две осокори на одном корени; на них, по развилине, на одной осокори две грани: грань через верхнее устье чувичинское, а другая, вдоль лугов, на пят дубов, стоят на гриве; на одном дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов,

на двеосокори, стоят на одном корени, на гриве; на одной осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань, вдоль лугов, на дуб, стоять близко ржавца; на дубу две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на четыре осокори, а стоят осокори на одном корени; на осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на кудреватый вяз, на нем. две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань, вдоль лугов, на осокорь, стоять, выше Шумаровскаго стана; на осокори две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая, вдоль лугов, на дуб, стоять дуб на сосновой гриве, на дубу две развилины, на нем две грани: грань к верхнему устью чувичинскому, а другая грань на нижнее устье чувичинское, на ветлу; а ветла. виловата, стоять на нижнем устьи чувичинском, направо от верхней изгороди чувичинскаго острова; на низ- сенные покосы соборных попов и всего собора, а налево - сенные покосы лежат в порозже. А угодий на той половине острова: неводных и приволочных одиннадцать озер, а сенных покосов полторы тысячи десятин.

(Москов. Арх. Мин. Юстиции. Грамоты Коллегии Экономии, Симбирскаго уезда, № 3/11527).

Приложение № 3

Симбирские воеводы, коменданты и наместники.

(Составлено по списку, помещенному в Симбирском сборнике за 1868 год и дополнено сведениями, извлеченными из «Актос Московскаго Государства», изд. Акад. Наук, т., из «Указателя к боярским книгам», изд. 1853 г., из «Общаго Гербовника дворянских родов Всероссійския Имперіи», изд. 1797 г. и из «Полнаго собрания Законов», т.1) Воеводы города Симбирска и его уезда (1649 — 1708 г.г.).

Камынин, Иван Богданович, (1649 и 1650 г.г.) стольник. Первый Симбирский воевода; строил город Симбирск и подгородныя слободы; затем (в 1659 — 1662 годах) был Верхотурским воеводой, а в 1666 году присутствовал в приказе каменных дел; потом (1676 г.) был думным дворянином и казначеем. Состоя в сей последней должности, он участвовал, 18 июня 1676 года, в церемониях венчания на царство Царя Феодора Алексеевича: украшал сукнами Царское чертожное место в Успенском соборе и во время Царскаго выхода в собор, нес державу. Впоследствии упоминается Царским послом и наместником, без указания где именно.

Болховской, князь Семен Никитич. (1651 г.) При Царе Михаиле Феодоровиче был патриаршим стольником (1627-1629 г.), а во время основания гор. Симбирска (в 1648 г.) был воеводой в г. Хотмышке, откуда переведен в Симбирск.

Измайлов, Петр Андреевич (1652 — 1657 г.). При нем окончилася постройка гор. Симбирска и Симбирской черты. Симбирским воеводой он упоминается в строельной книге 161 и 162 годов и в позднейших документах. В 1659 году он, в чине стольника, был при взятии г. Стараго Быхова, за что ему «в придачу дано Царскаго жалованья: поместнаго 200 четей, денег 25 рублей, в приказ 25 рублей, 4 пары соболей, по 5 рублей пара.» (Акты Москов. Госуд. т. II, № 1160). Дед его, Артемий Иванович Измайлов, при Царе Михаиле Феодоровиче окольничий, был послан „великим послом в Польшу и в Литву, для мирнаго постановления" и за то

посольство Царь пожаловал и благословил его, «на память в роды», святым крестом с мощами и с надписью на кресте о его службе и усердии к отечеству.

Кольцов-Мосальский, князь Михаил Андреевич, (1661 г.), стольник с 1627 года; в 1647 был воеводою в г. Одоеве.

Долгоруков, князь Федор Алексеевич, (1663 г.) стольник с 1640 года.

Дашков, князь Иван Иванович, (с 5 марта 1665 г. по 7 февраля 1670 г., стольник. Основал в 1666 году Сенгилеевскую казачью слободу на месте нынешнего города Сенгилея. Из Симбирских воевод назначен присутствующим в Разбойном Приказе, в 1683 году пожалован из дворян в окольныхчи; умер в 1687 году.

Милославский, Иван Богданович, (1670 г.) окольныхчий (осадный воевода). Выдержал осаду гор. Симбирска мятежными полчищами Стеньки Разина и одержал над ним победу 4 октября 1670 года. Еще ранее, в 1655 году, он считался хорошим полководцем, одержал победу над „Литовскими людьми, при селе Вежицах" и в том же году был в походе, с ратными людьми, под городом Лукомлем. (Акты Москов. Госуд. т. II, № 679), за что пожалован в стольники, а в 1656 году, за взятие приступом города Диноборска, Государь „велел ему своего жалованья дать — два сорока соболей, сорок по 60 рублей (там-же № 937). В 1668 году он упоминается в чине окольныхчаго, а в 1671 году, за окончательное уничтожение мятежа и взятие Астрахани, пожалован в бояре.

Плещеев, Михаил Львович, (1670 г.) (потомок св. Алексея, митрополита Московскаго, происходившаго из рода Плещеевых), был Симбирским воеводою-распорядителем, одновременно с Милославским, во время осады гор. Симбирска Стенькой Разиным. Раньше (в 1658 г.) упоминается стольником, а затем, пожалован в бояре, 25 Июня 1682 года, в день венчания на царство Государей, Царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

Шереметьев, Петр Васильевич, (1671 г.) боярин. При нем подступал к гор. Симбирску бунтовщик Федка Шелудяк, с остатками шайки Стеньки Разина, но был отбит. В 1686 году был оружейничим. Его сын, Борис Петрович Шереметьев, генерал-фельдмаршал и знаменитый сподвижник Петра Великаго, был возведен в 1706 году в графское достоинство.

Хованский, князь Петр Иванович, (1672 г.) стольник, а в 1677 году пожалован в бояре.

Головин, Алексей Петрович, (1673 и 1675 г.г) стольник. В 1677 году упоминается в чине окольныхчаго.

Долгоруков, князь Федор Богданович, (1676 г.) стольник с 1658 и до 1692 года.

Долгоруков, князь Яков Федорович, (1681 и 1682 г.г.) стольник с 1676 года; затем, в 1686 году, упоминается как комнатный стольник царя Петра Алексеевича. В 1689 году, за службу в Крымском походе, ему пожаловано: „кафтан золотной на соболях, кубок золоченный с кровлею, придачи денежнаго оклада 100 рублей, да на вотчины 3500 ефимков.» (Полн. Собр. Зак., т. III, ст. 1343). Указом Царя Петра Алексеевича, от 18 февраля 1700 года, были уничтожены Иноземский и Рейтарский приказы, а подведомственные им дела переданы в ведение боярина князя Я. Ф. Долгорукова, с присвоением ему звания „генерал-коммисара". (Полн. Собр. Зак. т. IV, ст. 176б). Впоследствии князь Я. Ф. Долгоруков был сенатором при Императоре Петре Великом.

Козловский, князь Михаил Григорьевич, (1683 г.) стольник с 1677 года; раньше упоминается Московским дворянином (1627 — 1640 г.) и затем стряпчим (1676 г.).

Козловский, князь Григорий Афонасьевич, (1683 г.) боярин. Строил гор. Сызран и Кашпир. В 1627 году был патриаршим стольником; в 1647 году — Рязанским воеводою; в 1658 году был, с ратными людьми, под Смоленском; в 1668 году пожалован окольным, а в 1682 году — в бояре, но в 1683 году он был лишен боярства из за местничества: 15 апреля 1683 года он был приглашен на патриарший обед; при этом он узнал, что на обеде его посадят не первым, а вторым, ниже боярина Льва Кирилловича Нарышкина, а потому сказался больным и не поехал. Болезни его не поверили в Разряде, неоднократно посылали за ним и даже с именным Государевым повелением о немедленной явке к обеду. Как он ни уверял о своей болезни, все таки, в конце концов, его насильно привезли, на простой телеге, к красному крыльцу и когда он сам добровольно не хотел идти на верх и сест за стол, то его на руках внесли, посадили за стол и во все время обеда подъячие держали его. Такое ослушание Государевой воли навлекло на него Царскую опалу и велено было «отнять у него чест, боярство, и написать с городом по Серпейску, чтоб на то смотря, иным так делат было не повадно». (Это любопытное дело о местничестве напечатано в «описании Государственного Разряднаго Архива» П. Иванова ст, 352 — 358), Должно быт князь Г. А. Козловский недолго находился в Царской опале, так как в Указе Царей Иоанна и Петра Алексеевичей, от апреля 1684 года, о пожаловании Царских наград „за сохранение спокойствия в Малороссии и за успешныя действия против Турков и Крымцов", он именуется боярином и воеводою и ему пожаловано: „кафтан атлас золотной на соболях, кубок золочен с кровлею и денежныя придачи 80 рублей". (Полн. Собр. Зак. т. II ст. 1075).

Головин, Матвей Алексеевич, (1685 г.) стольник; раньше (в 1676 г.) упоминается стряпчим. Он был родным братом фельдмаршала и адмирала Федора Алексеевича Головина, ведавшего, при Царе Петре, Государственный Посольский Приказ.

Жирово-Засекин, князь Василий Федорович, (1688 и 1689 г.г.) окольный с 1684 года; первоначально (в 1663 г.) был стряпчим и потом (в 1676 г.) стольником.

Щербатов, князь Иван Осипович, (1690 — 1693 г.г.) стольник; раньше (в 1671 г.) упоминается стряпчим.

Ларионов, Иван Семенович, (1693 — 1696 г.г.) думный дворянин с 1688 года; раньше (в 1676 г.) был стряпчим и затем (с 1689 г.) стольником.

Измайлов, Андрей Петрович, (1696 и 1697 г.г.) комнатный стольник Царя Иоанна Алексеевича.

Сабакин, Степан Афонасьевич, (1697 — 1699 г.г.) стольник с 1676 года.

Кровков, Алексей Матвеевич, (1700 г.) стольник с 1678 года; раньше (в 1676 г.) упоминается стряпчим. Во время его воеводства в городе Симбирске, Царем Петром издан был, 24 мая 1700 года, указ о том, чтобы в Симбирске и во всех городах, посадах и уездах „с тяглых людей подвод под воевод ни по каким указам, ни где отнюдьне давать». Чем было вызвано такое распоряжение и почему в указе, из всех городов, был выделен один только Симбирск, того из содержания указа не видно. (Полн. Собр. Зак. т. IV, ст. 1784).

Крюков, Алексей Семенович, (1701 года) стольник с 1696 года.

Бестужев-Рюмин, Петр Михайлович, (1702 — 1705 г.г.) стольник с 1686 года. В 1742 году был возведен в графское достоинство.

Есипов, Федор Михайлович, (1706 — 1708 г.г.) стольник с 1686 года. Он удержал население гор. Симбирска и его уезда в покорности, во время стрелецкого бунта в

Астрахани; при нем же, по указу Петра Великого, в 1708 году был учрежден Симбирский конный полк, первым полковником которого был он, Есипов.

2. Воеводы и коменданты Симбирской провинции (1708 — 1780 г.г.).

Бахметьев, Иван Ефремович, (1711 и 1712 г.г.) Симбирский обер-комендант; в 1676 году был стряпчим, а с 1680 года — стольником.

Кикин, Иван Васильевич, (1719 г.) воевода; с 1676 по 1686 год был стольником Царицы Наталии Кирилловны.

Нестеров, Александр Алексеевич, (1719 г.) подполковник, комендант; раньше (в 1693 г.) упоминается комнатным стольником.

Хрущев, Федор Федофович, (1723 г.) воевода. Отец его, Федор Григорьевич Хрущев, в 1670 — 1675 г.г., был Верхотурски воеводой, а сам он был стольником, сначала (в 1676 г.) Царицы Марфы Матвеевны, а потом (в 1686 г.) Царицы Евдокии Феодоровны.

Толстов, Борис Семенович, (1729 г.) воевода; раньше (в 1676 г.) упоминается Московским дворянином.

Бекетов, Афонасий Алексеевич, (1729 — 1731 г.г.) полковник, воевода. Подробная родословная Бекетовых напечатана в Симбирском сборнике за 1868 г. стр. 177.)

Новиков, Иван Васильевич, (1731 и 1732 г.г.) статский советник, воевода; отец известного сочинителя издателя Николая Ивановича Новикова.

Немков, Иван Иванович, (1733 — 1738 г.г.) полковник, воевода. Симбирский помещик; скончался в Симбирске в 1742 году и погребен в Спасском женском монастыре.

Соковнин, Петр Алексеевич, (1742 — 1746 г.г.) действительный статский советник, воевода. Отец его, Алексей Прокофьевич, был окольным при Царях Иоанне и Петре Алексеевичах.

Чернышев, (1773 г.) полковник, комендант; убит во время похода против Пугачева, под Оренбургом, в ноябре 1773 года.

Рычков, Николай Петрович, (1774 г.) полковник, комендант; сын известного по сочинениям об Оренбургском крае академика Петра Ивановича Рычкова, участвовавшего в экспедиции Паласса и сам писавший о своих путешествиях; убит во время Пугачевского бунта, близ Карсуна.

3. Симбирские Наместники и Генерал-Губернаторы (1781 — 1797 г.г.).

Якоби, Иван Варфоломеевич, (1782 г.) Генерал-Поручик, Симбирский и Уфимский наместник.

Апухтин, Аким Иванович, (1784 г.) Симбирский и Уфимский Генерал-Губернатор.

Баратаев, князь Петр Михайлович, (1786 г.) Генерал-Маиор, Симбирский наместник.

Игельстром, барон Осип Андреевич, (1787 г.) Симбирский и Уфимский Генерал-Губернатор.

Карпов, Александр Дмитриевич, (1794 г.) Генерал-Маиор, правитель Симбирского Наместничества.

Кромин, (1796 г.) Симбирский наместник.

ПРИМЕЧАНИЕ. Так как многие из Симбирских воевод носили чины и звания, указывающие, что они были из лиц, приближенных к Царю, то мы считаем не лишним сообщить некоторые сведения о значении этих чинов и званий.

Так например: **стряпчие.** Этот придворный чин не имеет ничего общего с теми стряпчими, которые заведывали делопроизводством в приказах. Надо заметить, что в старину, все служившие при особе Государя, отправлявшие комнатную службу, были из дворян, даже до истопника включительно. Они назывались стряпчими потому, что около Государя „стряпали“, т. е. действовали. Их обязанность заключалась в том, чтобы Государя одевать, обувать, омыwać, чесать, смотреть за платьем и бельем, за Государем ходить и ездить, носить носовой платок, (у наших предков карманов не было), держать шапку и трость, подавать если что спросит и т. п. Самый старший из стряпчих назывался стряпчий с ключем, он был выше стольников, но ниже думных дворян. Жалованья стряпчим полагалось от 15 до 65 рублей в год, да поместья от 400 и до 1000 четвертей.

Стольники. Эта должность была весьма разнообразна, но получила название от Государева стола, при котором стольники служили, принимая кушанья в передней у нижних служителей, коим вход в Государевы комнаты воспрещался. Стольники ставили кушанья на стол, стояли около стола, пока продолжался обед или ужин и затем относили кушанья обратно в переднюю. Когда были торжественные обеды, то стольником бывал особый наряд от Разряда, кому за каким столом стоять и из за этого стольники иногда между собою местничались. Первый стол, за которым сидел Государь, назывался „большим“, а другой — „кривым“. Из стольников Государь выбирали себе комнатных стольников, которые служили за Царским столом постоянно, а не только в торжественных случаях и это царское внимание давало избраннику первенство между стольниками. Кучерами у Государевой „колымаги“ были всегда стольники, которые наряжались на эту обязанность попеременно: одни — на лето, другие — на зиму. Великолепие Царского Двора не позволяло, чтобы „люди подлой породы“ занимали такие близкие к особе Государя должности. В малолетстве Петра Великого, когда Государственное управление было в руках Царевны Софьи Алексеевны, всех стольников было: комнатных — 480 и обыкновенных — 2724 человека; из них комнатные стольники были при каждом из четырех дворов: а) Царь Иоанн Алексеевич, с сестрами-царевнами, имел свой особый придворный штат, б) Царь Петр Алексеевич, с матерью — тоже имел особый двор, и сверх того, две царицы: в) вдовствовавшая по Царе Федоре Алексеевiche — Марфа Матвеевна и г) супруга Царя Петра, Евдокия Федоровна — имели своих стольников. В виду значительного количества стольников, их обыкновенно назначали воеводами в небольшие города. Стольникам полагалось жалованья по 50 рублей в год деньгами, да поместный оклад в 700 четвертей; иногда, за особые заслуги, это жалованье увеличивалось.

Окольничие. Название этого придворного чина объясняют различно. Татищев, в примечаниях к судебнику Царя Ивана Васильевича полагает, что „окольничий“ происходит от „околичности“ так как эти чины были воеводами в пограничных городах и чинили суд пограничный, что видно из наказа губным старостам, где написано, что « им в пограничные суды не вступат, а отсылат к окольничим », которые имели право вести переписку с заграничными властями. Миллер (См. Миллер „Известия о дворянах Российских“, изд. 1790 г., стр. 74.) находит, что нельзя согласиться с мнением тех, которые думают, что окольничие прозваны от

того, что находились около Государя; это мнение ошибочно потому, что не одни только окольные были Царскими приближенными вернее это название произвести от окольности дорог и пути, так как главная обязанность окольных состояла в том, чтобы во время дальних походов Государя ехать впереди его, наблюдать пути, чтоб везде по дороге и около дороги, было чисто, смирно и безопасно, чтобы мосты были исправны, дворянзаны и подводы заготовлены. Другая обязанность окольных заключалась в том, чтобы представлять Государю иностранных послов, при торжественных аудиенциях. Денежного жалования окольным полагалось, при Царе Алексее Михайловиче, до 300 рублей в год, но большинство из них этим жалованием не пользовалось.)

Бояре упоминаются еще летописцем Нестором, как ближайшие советники русских Великих Князей; главная обязанность их заключалась в присутствии в „Тайной Государственной Думе“ они посылались иногда воеводами в главнейшие города, но не надолго, редко более чем на три года; иногда они же ездили послами в иностранные государства, а также при приезде иностранных послов, обсуждали с ними государственные дела, что называлось „быть в ответе“. Когда Государь уезжал куда либо из Москвы, то в Государевых палатах оставался жить и ночевать поверенный от Государя боярин, с двумя или тремя товарищами и это называлось „ведать Москву“. Бояре ездили по городу с азиатским великолепием, летом — верхами, а зимой — в санях; кареты до Царя Алексея Михайловича не были известны, а „колымаги“ употреблялись исключительно для членов Царской семьи. Сколько за боярином следовало верховых служителей, столько же, а иногда и больше, предшествовало ему пешком; небольшой ручной бубен повешал народу, что боярин едет и потому следует посторониться, чтоб дать ему дорогу. Жалование боярам обыкновенно не превышало 700 рублей в год, но бывали бояре, которые получали и более 1000 рублей. Последним боярином был фельдмаршал князь Иван Юрьевич Трубецкой; Он скончался в 1750 году, а с ним прекратилось и боярство.

Дворецкий. Это был первенствующий чин из придворных, равнозначущий нынешнему Министру Императорского Двора. У него в заведывании были все доходы с государевых дворцовых волостей, все придворные служители, весь двор; он был начальником в Приказе Большого Дворца. За особые заслуги дворецкому жаловалась грамота „на дворецество с путем“, как это было, например, при назначении дворецким основателя нашего города, боярина Богдана Матвеевича Хитрово. Выражение „с путем“ означало, что вместе с жалуемою должностью, давались еще и вотчины во владение и разные другие доходы. Эта должность существовала два столетия: первый дворецкий был Михаил Федорович Сабуров, умерший в 1465 году, а последним — Богдан Матвеевич Хитрово.

Оружейничий, (или Оружничий) как показывает самое название, заведывал „Оружейною Палатою“, в которой хранились не только разные оружия, но и другие редкие и драгоценные вещи. Обыкновенно на эту должность назначался кто либо из бояр. Первым оружейничим был, при Великом Князе Василий Иванович, с 1511 года, Андрей Михайлович Салтыков; во время основания гор. Симбирска оружейничим был боярин Григорий Гаврилович Пушкин, а после него, с 1658 года — боярин Богдан Матвеевич Хитрово. Оружейничему подчинялись так называвшееся **Рынды**, обязанность которых заключалась в том, чтобы, при торжественных аудиенциях, стоять по обеим сторонам Царского престола, по два в ряд. Они одевались в длинные белые атласные кафтаны, на головах имели высокие

шапки, опушенные или соболями или черными лисицами; на правом плече они держали небольшие топорики с длинными серебряными рукоятками; они должны были стоять как неподвижные статуи. В рынды поступали из стольников молодые, красивые юноши лучших фамилий.

Думные дворяне были младшими членами тайной Государевой Думы и назывались так потому, что обыкновенно назначались из дворян и преимущественно из знатных фамилий. Жалованья полагалось Думному дворянину 250 рублей. Чин Думнаго дворянина имел между прочим тот интерес, что давал право писать отчество на „вич", (не Петрова или Васильева сын, а „Петрович" или „Васильевич"), а этому преимуществу в древности придавали большое значение, так как оно считалось особенным знаком отличия. Впоследствии это отличие потеряло значение, но вновь было восстановлено при Императрице Екатерине II, которая, указом от 10 января 1774 года, повелела писать и именовать отчество на „вичь" тем особам, коим Высочайше пожалованы деревни; первые из этих особ были ближайши к Императрице советники: граф Никита Иванов Панин, граф Захар Григорьев Чернышов, князь Григорий Григорьев Орлов и граф Алексей Григорьев Орлов.

Казначей заведывал не государственной, а собственной Государевой казной. Государственная казна находилась в ведении особого „Приказа Большой Казны", а казначей ведал „Казенный Двор", т. е. личную Царскую казну, его драгоценности, а также все то, что употреблялось при коронации — Царския регалия, которая уже впоследствии были переданы в ведение Оружейной Палаты. (Приведенныя сведения извлечены из указанного выше соч. Миллера „Известия о дворянах Российских", изд. 1790 г., а также из „Систематическаго обозрениа поместных прав и обязанностей, в России существовавших" П. Иванова, изд. 1836 г.).

Приложение № 4

Жалованная грамота на дворечество с путем, из Посольскаго Приказа данная Боярину и Оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрову, 1676 года.

По Государеву Цареву и Великаго Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца указу, память дьякам: думному Лариону Иванову, Василию Бобнину, Емельяну Украинцову, Любиму Домнину: в нынешнем в 1676 году, июля в 20 числе, Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, пожаловал Боярина и Оружейничяго Богдана Матвеевича Хитрово, за прежние его многие службы, и за раны, и за работу к деду его, Государеву, блаженные памяти к Великому Государю, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу, всея России Самодержцу, и ко отцу его, Государеву, блаженные-ж памяти к Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу, и к себе, Великому Государю, чстью дворечеством с путем. А для той чести пожаловал он, Великий Государь, его, Боярина и Дворецкаго и Оружейничяго Богдана Матвеевича, в путь во владение, в Ярославле на посади и в Ярославском уезде, дворцовые Ловецкие слободы со крестьяны и денежными доходы и со всякими угоды, чем по указу деда Его, Государева, блаженные памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича, всея России Самодержца, пожалован был и владел Боярин и Дворецкий Князь Алексей

Михайлович Львов, а после того чем по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, пожалован был и владел Боярин же и Дворецкий Василий Васильевич Бутурлин; а каковы на те слободы деда и отца Его, Государева, жалованные грамоты Боярам и Дворецким, Князю Алексею Михайловичу и Василию Васильевичу, из Посольского Приказа даны, и с тех Государевых грамот указал Великий Государь из Посольского Приказа прислать в Разряд списки за дьячьёю приписью. И по Государеву Цареву и Великого Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца указу, дьяку думному Лариону Иванову и Василию, Емельяну и Любиму, учинить о том по указу Великого Государя.

Сия память за подписью дьяка Петра Ковелина. (Миллер „Известие о дворянах Российских". Изд. 1790 г. стр. 154).

В Ярославских Губернских Ведомостях, за 1750 год № 31, напечатана „Память, старостам и всем крестьянам Государевой Рыбной слободы, Ярославского уезда, 30 Июня 1676 года, об отказе Норской, Рыбной и Борисоглебской слободы боярину Богдану Матвеевичу Хитрово (см. Вестник Императорского Русского Геогр. Общества, за 1860 г., кн. 6, отдел критики и библиографии, стр. 5).

Приложение № 5

Наказ в июне 7179 года Стольнику Федору Львовичу Волконокому ехать в Синбирской, к боярину и воеводе Петру Васильевичу Шереметьеву, спросить о здоровье. Ты писал 23 Июня 179 года, что воровских людей побили, а прочие бежали вниз по Волги, и за это тебя, воеводу с товарищи, Царь жалует, похваляет; также стольника, стряпчих, дворян Московских, полковников, голов и полуголов, Московских стрельцов и городовых дворян и детей боярских и рейтарского и драгунского строя начальных людей, и рейтар и драгунов, спросить о здоровье и службу их похвалить. Также Синбирских и Синбирской черты стрельцов, казаков и солдат и всяких служилых людей и мурз и татар, которые Великому Государю служили и в Синбирске в осаде были и осадную нужду терпели и в посылках были и с ворами бились, спросить о здоровье и службу их похвалить. Боярину-ж и воеводам скажут: ведомо Великому Государю учинилось, что они, боярин и воеводы, и ратные люди обещались в осадное время построить в Синбирске церковь Знамени Пресвятыя Богородицы и Великого Святителя Николая Чудотворца и Преподобнаго Отца Сергия Радонежского Чудотворца и на то церковное строение собрали деньги и они-б, боярин и воеводы, ту церковь до указу Великого Государя строить не велели, и Великого Государя указ о том церковном строении будет вскоре, как ту церковь строить.

(Напечатано в Симб. Губ. Вед. за 1874 г. № 10).

Приложение № 6

Указ Императрицы Екатерины II, от 15 сентября 1780 года. Об учреждении Симбирского Наместничества.

Всемилоостивейше повелеваем Нашему Генерал-Поручику, правящему должность Генерал-Губернатора Симбирскаго и Казанскаго, Князю Мещерскому, исполнить в декабре сего года, по изданным от Нас учреждениям для управления губерний, равномерно и в Симбирском Наместничестве, составя оное из 13 уездов, а именно: Симбирскаго, Сенгилеевскаго, Ставропольскаго, Самарскаго, Сызранскаго, Канадейскаго, Тагайскаго, Карсунскаго, Котьяковскаго, Алатырскаго, Ардатовскаго на Алатыре, Курмышскаго и Буинскаго. В следствие чего те селения, кои назначиваются быть городами, для приписания к ним уездов, учредить на основании новых городов Новгородской губернии: к составлению сея губернии назначиваем из уездов: Симбирскаго до 148,200 душ, из Сызранскаго до 10,500 душ, из Ставропольскаго до 12,050 душ, из Самарскаго до 560 душ, из Казанскаго до 19,000 душ, из Свияжскаго до 5000 душ, из Чебоксарскаго до 500 душ, из Цивильскаго до 20 душ, из Алатырскаго до 77,050 душ, из Курмышскаго до 1500 душ, из Пензенскаго до 600 душ, из Саранскаго до 13,000 душ, из Краснослободскаго до 1700 душ, из Ядринскаго или и других уездов Казанской губернии, прикосновенных ново назначиваемому Курмышскому округу до 3000 душ, да Нижегородскаго Наместничества, от Васильсурскаго и Княгининскаго округов, ближайших к городу Курмышу и его округу до 1400 душ; вместо-же того отчислить, по способности, Нижегородской Губернии, к Васильсурскому уезду, из Курмышскаго, в другом месте, до 1450 душ, к Пензенскому Наместничеству от уездов Симбирскаго до 300 душ, от Алатырскаго до 2100 душ. А впрочем назначения границ сея губернии с прикосновенными ей, предоставляем на соглашение наших Генерал-Губернаторов и правящих ту должност, о котором, так как и о числе душ, сколько куда припасено, или к другим отчислено будет, имеют они донести Нашему Сенату.

(Полн. Собр. Зак., т. XX. ст. 15060).

Приложение № 7

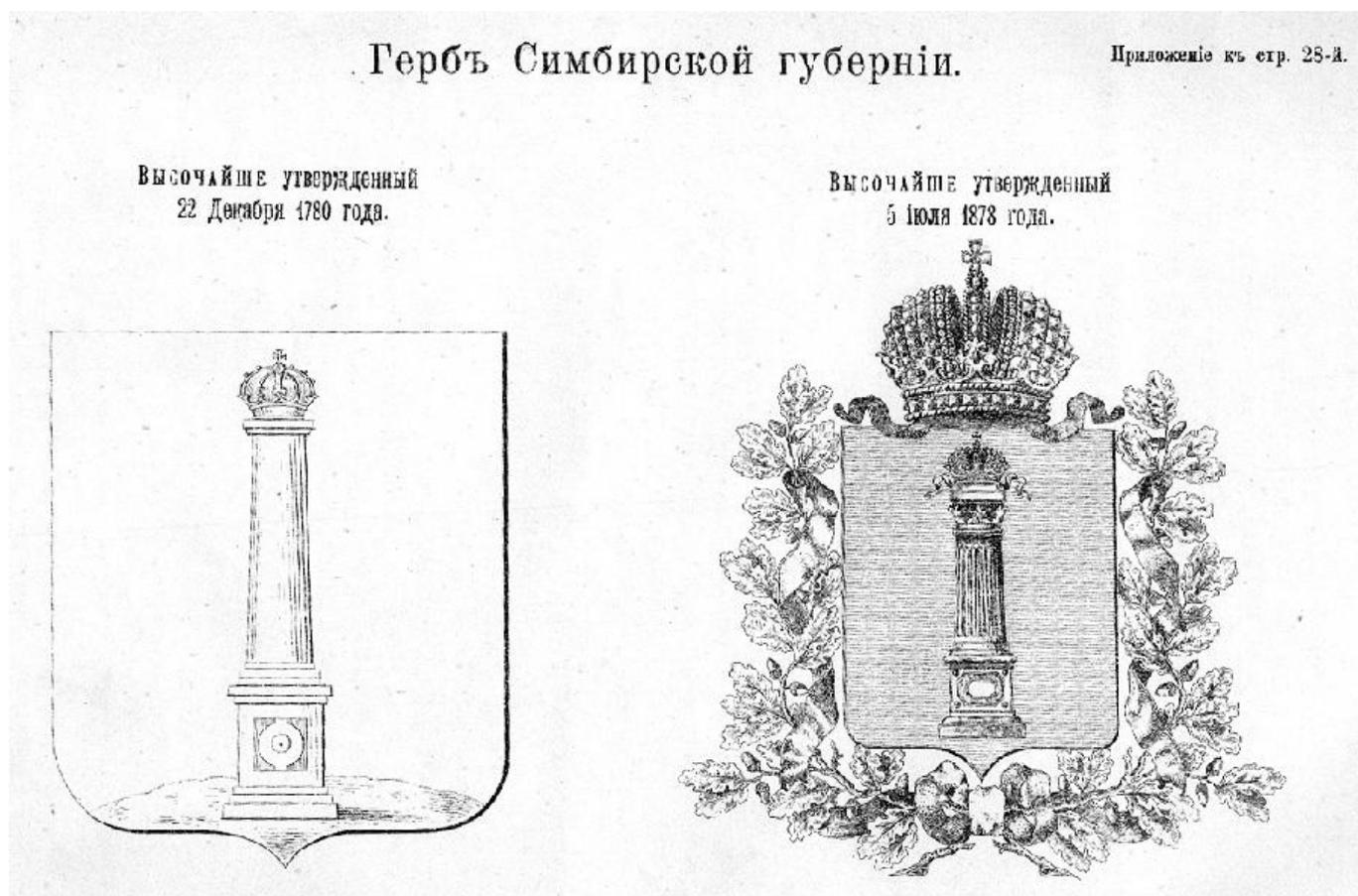
Высочайше утвержденный 22 Декабря 1780 года доклад Сената о гербах городов Симбирскаго наместничества.

Доклад.

По Именному Вашего Императорского Величества указу Симбирская Провинциальная канцелярия учреждена Наместничеством и к оному приписаны города; но как из них некоторые, по новому их учреждению, гербов не имели, то в следствие сего, по приказанию Сената, правящим должност герольдмейстера, действительным статским советником Волковым, городам, сие Наместничество составляющим, гербы, кои уже прежде были, те собраны, а учрежденным ныне городам сочинены вновь и представлены с описанием их Сенату. При сочинении-ж оных за правило постановлено, чтобы во всяком гербе Симбирскаго Наместничества в щите была част из герба Наместническаго города, по примеру прежде уже апробованных Вашим Императорским Величеством гербов, как то красками в оных и означено. Сенат, рассмотрев, осмеливается всеподданнейше представить оныя на

Высочайшую Вашего Императорского Величества конфирмацию и просить Высочайшего указа. Резолюция: Быт по сему.

Описание гербов городам Симбирскаго Наместничества.



I. Симбирску. Город Симбирск имеет старый герб: в синем поле на белом столбе золотая корона. сие внесено и во все вновь сочиненные гербы, в верхней части щита, в означение того, что те города принадлежат Симбирскому Наместничеству.

II. Сенгилею. Две большія тыквы с ветвями в серебрянном поле, означая изобилие сего рода плода.

III. Ставрополю. Треугольная крепост, в середине которой водружен черный крест в золотом поле, означающий имя сего города, ибо имя „ставрополь" ест греческое слово, в переводе которое значит „город святаго креста".

IV. Самаре. Город Самара имеет старый герб: дикая коза белая, стоящая на траве, в голубом поле.

V. Сызрани. Черный бык в золотом поле, означающий изобилие сего рода скота.

VI. Канадею. Три золотыя стрелы в красном поле, в знак того, что прежде обыватели сего места с великим проворством сие орудие употребляют умели.

VII. Тагаю. Река в зеленом поле, по которой плыветь рыба, именуемая сельдь, ибо протекающая в сем городе река иметь сие имя.

VIII. Карсуни. Два положенные, крестообразно чекана, в красном поле; оружие, употребляемое прежними того места поселянами.

I L. Котякову. Три зеленыя горы в голубом поле, которыя в натуре, в самом деле, при сем городе находятся.

Л. Алатырю. Три золотые колчана, наполненные стрелами, в красном поле, в знак того, что сих мест жители сие орудие с похвалою употреблять умели.

ХI. Ардатову на Алатыре. Две копны сена в серебряном поле, в знак великаго изобилия сеном.

ХII. Курмышу. Два золотые лука, положенные крестом, в зеленом поле, в знак того, что прежде обыватели тех мест употребляли сие орудие с отменным проворством.

ХIII. *Буинску*. Серебрянная овца в зеленом поле, означающая изобилие сего рода скота.

(Полн. Собр. Зак. т.ХХ, ст. 15101).

Приложение № 8

а) Речь на прибытие Императора Александра I-го, говоренная пред Его Величеством, в Симбирском Троицком соборе, Амвросием, Архиепископом Казанским и Симбирским.

Благочестивейший Государь Император! Благоденствуя со всеми верноподданными Твоими, яко дети единого семейства, счастливаго окрест трапезы отеческая, окрест престола Твоего и покояс безпечально под сенью порфиры Твоей, яко же древней Израиль под виноградником своим и под смоковницами своими во дни Соломона, исполнясь мира и тишины, обилия и довольства, чего еще могли мы просить от Господа на земле живых, единого, да возвеселимся радостью с лицом Твоим, да изольются перед Тобою сердца наши в исповедании щедрот Твоих. И наконец внял Государь прошению нашего сердца и на нас далече от престола Твоего сущих знаменя свет лица Твоего. Государь милосердый! воззри на град сей! Это ест от меньших градов Твоих, но великий любовью к Тебе. Просвети лице Твое на сей народ, царелюбивый, торжествующий пришествие Твое во гласе, во кликовении радостных. Это дети, исходят во сретенке отца, да возвеселятся о нем и единого просят от Господа, да и Ты возвеселишися. И Ты реки мир на люди сия, обращающая к Тебе и очи и сердца свои и радост наша о пришествии Твоему будет исполнена в себе. Господи сил, им-же цари царствуют и царства утверждаются, прибавь сию радост нашу в роды и роды, прилагая дни на дни Царевы и исполняя во благих вся прошения его сердца ко славе Твоей святой, ко спасению Царя, к утверждению Царства.

б) Его-же речь, на отбытие Александра Благословеннаго из Симбирска.

Благочестивейший Государь Император! И так в мале узреши мы Тебя и паки в мале и не узрим Тебя. Как вожделенно, но как кратко было для нас веселие с лицом Твоим. Но, что я говорю! с Тобою и тысяча лет был-бы для нас день един; и тогда бы очи наши не насытились царственных, доброт Твоих; и тогда- бы сердце наше готово было рещи: Еще обляги с нами; но ах! мы знаем, что великие виды царствия Твоего творят Тя далечайше идти; и рече мы шествию сему: теки убо яко исполин в пути Твоем от края царства Твоего до края его. Да и другие грады и веси от полноты Твоей примут благодать. Теки, но мы не оставим Тебя. Спаситель мира рек, что где сокровище наше, тамо будеть и сердце наше. Ты единое сокровище наше; - с Тобою повсюду будут и сердца наши, умоляющая Господа, да заповест Он Апостолам Своим сохранить Тебя во всех путех Твоих!

(Список этих речей хранится в библиотеке Симбирской Ученой Архивной Комиссии).

Приложение № 9

Реч, произнесенная Высокопреосвященнейшим Анатолием, архиепископом Симбирским и Сызранским в день прибытия Императора Николая Павловича в гор. Симбирске, 22 Августа 1836 года.

Промысл Всевышняго назначил нам смиренную участ жить в отдаленности от твоего престола! Но сия отдаленность не отделяет нас от твоего сердца. Мы всегда под влиянием мудрости и любви твоей ограждены твоим могуществом, возвеличены твоею славой и упокоены твоими попечениями. К полноте наших радостей не доставало только того, чтобы видеть Августейшаго виновника нашего счастья и изливаться пред ним в благодарных наших чувствованиях; но мы не смели и просить у Господа столь великой милости, а только воздыхали о ней в неизъяснимых наших желаниях. Благодетельнейший и Всемиловитейший Государь. Мы веруем и благодарне исповедуем, что Господь Вседержитель вложил в сердце Твое благодатную мысл о посещении отдаленных стран Твоего царствования; конечно Ему благоугодно довершить наше счастье и возвеличить наши радости и увенчат наше смирение. Мы взираем на тебя, как на росеносный облак в земле жаждущей: все оживляется Твоим присутствием, все растет и зреет под Твоими влияниями. И приближаясь к тебе, исполняется Духа все земное и уничижительное, как прах прилипший нам отрясающего. Святая церковь в благоговейном умилении дивится Твоему снисхождению, Твоей неумоимости и высоким доблестям Твоего сердца. Верноподданные исповедуют от нетерпимаго желанния насладиться Твоим присутствием. Гряди вожделеннейший Гость! от воскликновения нашей радости и стены храма сего возопиют Тебе: Благословен грядый во имя Господне! (Неизвестно, была-ли напечатана где либо эта речь; она представляет интерес как образчик красноречия первого Симбирскаго архипастыря Анатолия).

Приложение № 10

Владенная выпись, данная Синбирским посадским людям Ивашке да Гришке Мингалевым на отведенныя им дворовыя и огородныя места.

Года 7207 (1699) Марта в 2 день, били челом Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу, всея великия и малыя и белыя России Самодержцу, Синбирские посадские люди Ивашка да Гришка Мингалевы, а в Синбирске, в Приказной Палате, стольнику и воеводе Степану Афонасьевичу Сабакину, да дьяку Ермиле Никитину, подали челобитную, а в челобитной их написано: в прошлом де в 206 году, по их челобитью и по сыску сторонних людей, отведены им дворовыя и огородныя порожня места; и по отводу, и по отдачи, теми местами они владеют тому другой год, а владенной выписи им на те их отводныя места не дано, чтобы Великий Государь пожаловал их, велел им на те отводныя места дать владенную выпись. И по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА, всея великия и малыя и белыя России Самодержца,

стольник и воевода Степан Афонасьевич Сабакин, да дьяк Ермил Никитин, велели им, Ивашке да Гришке, на те их отводныя места дать владенную Выпись; а в Синбирске, в Приказной Палате, в записных книгах отводным дворовым местам, прошлаго 206 года, написано; Апреля в 19 день, почелобитью Синбирских посадских людей Ивашки да Гришки Мингалевых и по сыску сторонних людей и по помете на том сыске стольника и воеводы Степана Афонасьевича Сабакина, отмерено им, Ивашке да Гришке, под дворы и под огороды, противу их братьи, порожняя места, в Синбирске, под горою, за тузовыми садом, и за озером, по гриве, от межи отводнаго места Синбирскаго посадскаго человека Васьки Колесникова, от поперешика его, Васькина, к животинному выпуску, что противу большого выезда, поперешику по двадцати по пяти сажень человеку, длиннику к Чувиче, противу его, Васькина, места Колесникова, сорока-же сажень, в осудареву трех-аршинную сажень. И по указу Великаго Государя и по сей владенной выписи, Синбирским посадскими людьми Ивашке да Гришке Мингалевым теми дворовыми и огородными в выписи писанными отводными местами владеть и с тех мест тягло и всякия подати в Земскую избу платить с своею братиею. К сей владенной выписи стольник и воевода Степан Афонасьевич Сабакин печать свою приложил. (М. П.). На обороте внизу надпись: „смотрел Петрушка Мантуров". (Выпись эта написана на свитке, шириною 3 1/2 вершка, длиною 24 вершка).

Приложение № 11

УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ Г. СИМБИРСКА

Улицы	Длина в саж.
Буинская	236
Верхне – Набережная (Новый Венец)	70 685
Верхне – Набережная (Старый венец)	447 364
Всесвятская	197
Дворцовая	300
Застенная	552
Казанская малая	600
Казанская новая	210
Казанская старая	261
Кирпичная	333
Комиссариатская	290
Конная большая	60
Конная малая	523
Кривая	645
Лисиная	236
Лосевая	570
Лесная	300
Мартынова	833
Миллионная	175
Московская	120
Нижне - Петропавловская	225
Никольская	435

Новая линия	896
Панская*	250
Покровская	515
Полевая верхняя	210
Полевая нижняя (Инвалидная)	398
Провиантская	1026
Садовая	426
Саратовская больш.**	193
Сборная	290
Сиротская	446
Спасская	430
Стрелецкая	224
Сенная	263
Татарская	107
Театральная (Баранья слободка)	217
Тихвинская	170
Хлебная	280
Чебоксарская верхняя	166
Чебоксарская нижняя	210
Шатальная****	353
Ярмарочная	293
Переулки	253
Анненковский	91
Богоявленский	200
Беляевский	50
Введенский	140
Всесвятский	104
Германский	120
Дворянский	160
Жарковский	126
Зотовский	150
Канатный (Заводской)	66
Кирпичный	124
Конновский верхний	40
Конновский нижний	112
Курмышок первый	72
Курмышок второй	32
Курмышок третий	156
Молочный	97
Монастырский (Полицейский)	82
Овражный	300
Прогонный	120
Собачий	100
Солдатский	326
Сызранский	258
Троицкий	50

*) Летом 1663 года присланы были из Москвы в Симбирск „польские люди, шляхта из взятых" в плен под Смоленском (Зерцалов „Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы", стр. 183). Их поселили особою слободою на том месте, где тепер Панская улица, получившая от этого свое название. В 1685 году перевели в Симбирск вторую партию пленных поляков, из села Никольскаго, Спасскаго уезда, Казанской губернии, после разорения этого села башкирами. Тогда первоначальные пленные выселены были из Симбирска в Арбугинскую

волост „на государеву порожнюю землю", где и образовали, на берегу р. Волги, слободу „Панскую", существующую и по настоящее время в Симбирском уезде.

**) Част Саратовской улицы, от Старой Казанской до Верхне-Набережной улицы, на протяжении 225 сажен, обыкновенно называется „Завьяловская площадь".

***) В последнее время возбуждеь вопрос о переименовании Солдатской улицы в „Минаевскую,,.

****) Народное предание таким образом объясняет название нынешних Мартыновой и Шатальной улиц: в старину, на их месте, был глухой лес и в нем большое озеро, вокруг которого стаями летали „мартышки" (чайки), а на берегу озера стояла изба с постоянным двором, притоном всякаго „шатающегося" люда.

Приложение № 12

Симбирские губернаторы

Года, когда упоминаются в документах, или в течении которых занимали должность Губернатора.	ЧИН, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ
1798*	Тайн. совет. Александр Васильевич Толстой
1801 – 1803	Действ. ст. совет. Василий Михайлович Сушков
1804	Действ. ст. совет. князь Сергей Николаевич Хованский
1809	Иван Иванович Нечаев
1812 - 1814	Князь Алексей Алексеевич Долгорукий.
1814 -1815	Действ. ст. совет. Николай Порфирьевич Дубенский.
1817 -1819	Действ. ст. совет. Михаил Леонтьевич Магницкий.
1819 – 1822	Действ. ст. совет. барон Андрей Петрович Уманец (правильнее Умянцев).
1823 - 1826	Ст. совет. Андрей Федорович Лукьянович
1826 – 1831	Ст. совет. Александр Яковлевич Жмакин
1831 – 1835	Ст. совет. Алексей Михайлович Загряжский
1835 – 1836	Действ. ст. совет. Иван Степанович Жиркевич
1836 – 1838	Действ. ст. совет. Иван Петрович Хомутов
1838 – 1840	Действ. ст. совет. Николай Иванович Комаров
1840 – 1844	Действ. ст. совет. Авксентий Павлович Гевлич
1844 – 1849	Действ. ст. совет. Николай Михайлович Булдаков
1849 – 1852	Действ. ст. совет. князь Петр Дмитриевич Черкасский.
1852 – 1857	Действ. ст. совет. Николай Петрович Бибииков.
1858 – 1861	Действ. ст. совет. Егор Николаевич Извеков
1861 – 1864	Действ. ст. совет. Михаил Иванович Анисимов
1865 – 1866	Действ. ст. совет. и камергер, барон Иван Осипович Велио
1866 – 1868	Генерал-майор граф Владимир Владимирович Орлов-Давыдов
1869	Тайн. совет. барон Александр Федорович Гойнинген-Гюне
1869 – 1873	Действ. ст. совет. Дмитрий Павлович Еремеев
1873 -1886	Действ. ст. совет. Николай Павлович Долгово-Сабуров
1887 – 1893	Тайн. совет. и камергер Михаил Николаевич Теренин
С 1893	Тайн. совет. Владимир Николаевич Акинфов

*) В списках Симбирских Губернаторов, помещенных в Симбирском сборнике 1868 года (стр. 136) и в Симбирском календаре на 1878 год (стр. 44) ошибочно обозначен первым Симбирским Губернатором генерал - майор Александр

Дмитриевич Карпов. Карпов упоминается Правителем Симбирскаго Наместничества в 1794 году (Полн. собр. зак., т. XXIII, ст. 17179), ранее Кромина, бывшего последним Симбирским Наместником в 1796 году; а Толстой упоминается Симбирским Гражданским Губернатором в 1798 году (Полн. Собр. Зак. т. XXV ст. 18482)

Приложение № 13

СИМБИРСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА.

Года в течении которых занимал должность	ЧИН, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ
1781 - 1783	Капитан i-го ранга Иван Иванович Нагаткин
1784 - 1786	Кол. ассес. Афонасий Степанович Мещеринов
1787 - 1789	Ст. совет. Иван Андреевич Порошин
1790 - 1792	Секунд-майор Василий Николаевич Самарин
1793 - 1795	Гвардии прапорщик Нил Федорович Ермолов.
1796 - 1798	Полковник Василий Борисович Бестужев
1799 - 1801	Маиор Иван Александрович Бахметев
1802 - 1819	Ст. совет. Александр Федорович Ермолов
1820 - 1834	Ст. совет князь Михаил Петрович Баратаев
1835 - 1840	Генерал-майор Григорий Васильевич Бестужев
1841 - 1845	Гвардии штабс-капитан Петр Иванович Юрлов
1845 - 1849	Гвардии полковник Михаил Михайлович Наумов
1850 - 1858	Ст. совет. Николай Тимофеевич Аксаков
1859 - 1870	Действ. ст. совет. Александр Иванович Ермолов
1871 - 1887	Ст. совет. Михаил Николаевич Теренин
1889 - 1897	Лейтенант князь Иван Михайлович Оболенский
с 1898 г.	Ст. совет. Владимир Николаевич Поливанов

СИМБИРСКИЕ УЕЗДНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА

1806 и 1887	Тит. совет. Александр Алексеевич Карпов
1815	Обер-провиантмейстер Павел Иванович Миницкий
1819	Шт. ротм. князь Михаил Петрович Баратаев
1838 - 1840	Кол. секр. Александр Николаевич Анненков
1853 - 1855	Гвардии шт. ротм. Николай Федорович Топорнин
1855 и 1856	Поручик Иосиф Алексеевич Мякишев.
1856 - 1862	Надв. совет. князь Михаил Михайлович Баратаев
1862 - 1873	Артиллерии поручик Василий Петрович Языков
1874	Кол. ассес. Федор Александрович Анненков
1874 - 1876	Губ. секр. Иван Афонасьевич Беляков
1877	Дворянин Сергей Николаевич Нейков
1877 - 1879	Артил. поручик Василий Петрович Языков
1879 - 1881	Губ. секр. Алексей Петрович Мещеринов
1883	Кап. лейт. князь Николай Николаевич Ухтомский.
1884 - 1888	Лейтенант князь Иван Михайлович Оболенский

1889 - 1893 1893 и 1894 с 1895 г.	Артил. поручик Михаил Федорович Беляков Дворянин Александр Петрович Грибовский. Кол. секр. Михаил Николаевич Зимнинский
---	---

(О Предводителях дворянства других уездов Симбирской губернии сведений не имеется).

Приложение № 14-15

СИМБИРСКИЕ ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ

Г О Д А	ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ
1828 - 1832 -	Купец 3 гильдии Лев Петрович Руковишников*
1835 - 1837	Купец Василий Семенович Вандышев
1838 - 1852	Купец 3 гильдии Илья Андреевич Репьев
1853 - 1855	Купец 2 гильдии Иван Федорович Сапожников
1856 - 1858	Купец 1 гильдии Иван Осипович Макаров
1859 - 1861	Купец 3 гильдии Андрей Макарович Ражев
1862 - 1864	Купец 1 гильдии Матвей Михайлович Загряцков
1865 - 1867 1867 - 1869	Купец 1 гильдии Алексей Петрович Кирпичников
1870 - 1872 1872 - 1874	Купец 2 гильдии Александр Иванович Зотов
1875 - 1885	Купец 2 гильдии Матвей Михайлович Загряцков.
1885 - 1890 1891 - 1893	Пот. поч. гражд. Петр Андреевич Егоров
1893 - 1896	Купец 1 гильдии Василий Александрович Чебоксаров
с 1897 г.	Купец 2 гильдии Николай Дмитриевич Маляхинский
	Ст. сов. Александр Ильич Карташев
	Купец 1 гильдии Николай Александрович Чебоксаров
	Купец 1 гильдии Александр Дмитриевич Сачков
	Купец 1 гильдии Павел Степанович Балакирщиков

СИМБИРСКИЕ ПОЛИЦИЙМЕЙСТЕРЫ

Г О Д А	ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ
1806 и 1807	Городничий, над. сов. Ефим Федорович Андреев
1815	Полицеймейстер, над. сов. Алексей Акимович Лукин
1819	Маиор Николай Дмитриевич Кирьяков.
1825	Александр Иванович Филиппини.
1837	Орловский
1838	Михаил Иванович Денисьев.
1840	Полковник Канищев
1856	Полковник Полтавцев
1857 - 1865	Над. сов. Платон Иванович Беляев
1865 - 1872	Над. сов. Николай Николаевич Некрасов

1873 - 1881	Кол. асс. Виктор Александрович Арапов
1881 - 1888	Над. сов. Андрей Николаевич Минин
с 1888 г.	Кол. асс. Василий Асафович Пифиев

Приложение № 16

Воззвание Епископа Феодотия к Симбирскому дворянству.

Его Преосвященство Феодотий, Епископ Симбирскшй и Сызранский, 15 февраля 1844 года за № 105, сообщил Симбирскому Губернскому Предводителю Дворянства, что воздвигнутый дворянством Симбирской губернии, в гор. Симбирске, соборный храм во имя Живоначальной Троицы, в память возвращения из за границы в Бозе почивающаго Императора Александра Благословеннаго, по величественности здания требует и великих средств к сохранению и поддержанию онаго в том благолепии какое прилично Дому Божию и какое соответствует высокой цели и высокому имени воздвигателей, и потому обращаясь к Губернскому Предводителю, а в лице его, ко всему Симбирскому дворянству, следующим воззванием просил о поддержании сего храма: Господь Бог был посреди Вас тогда, когда благородное сословие Ваше, по справедливости считающееся опорой Престола и Отечества, при получении радостнаго известия о вожделенном возвращении из за границы в любезное отечество ныне почивающаго уже в Бозе Императора Александра Благословеннаго, умирителя Европы, в полном собрании членов, от избытков жертвоприношений единодушно постановило: воздвигнут в Богоспасаемом городе Симбирске храм Триединому Богу, в изъявление Ему жертвы благотворения за спасение Царя, Церкви и отечества, за ниспослание Помазаннику своему той силы и той мудрости превыше человеческой, коими в бурную годину потрясения целой Европы ограждена благоденствующая Россия от гибельнаго всеразрушения и утверждено блаженство всей Европы, заключением всеобщаго мира. Постановление священное, достойное верных сынов Церкви и Отечества!! И возможно ли было столь благородные и истинно от возвышеннаго начала проистекшие избытки жертву употребить для цели более возвышенной? Этот храм, в основание коего

Благословенный Александр собственноручно соизволил положить первый камень, это величественное произведение зодчества, вмещающее в себе и знаки доблестей благороднейших собратий Ваших, в годину искушения мужественно подвизавшихся за веру, Царя и отечество, есть достовернейший свидетель Вашей любви к подателю всех благ — Богу, Вашей преданности к Престолу и Отечеству во дни его бед и искушений, есть лучший величественнейший памятник собственнаго Вашего величия, ест лучшая, неумолкающая похвала Вашей собственной славы. Не пройдет может и столетия, когда сей храм, воздвигнутый в память великих дел Благословеннаго, соделается предметом благоговейнаго изследования отдаленнейших соотечественников наших. И тогда здешний гражданина приветливою рукою доведет жителя отдаленной страны к своему святилищу и указывая на храма сей, скажет: вот памятник любви к Богу и Отечеству, он создан благородными сословием от преизбытка жертвоприношений в тяжкую годину, в которую оно, для защиты родной земли, не жалело ни жизни, ни имущества своего. Но это святилище благочестия, этот храм, воздвигнутый Вашим усердием к Богу и

Отечеству, не изъять из общих законов разрушения; по величественности здания, потребны и великая средства к сохранению и поддержанию онаго в том благолепии, какое прилично Дому Божию и какое соответствует высокой цели и высокому имени созидателей. Где же искать сих средства, как не в том же Вашему усердию к Церкви Христовой и в Вашей нежной преданности к Престолу и Отечеству, с коими Вы воздвигли этот достопамятный храм. Благоговей, с своей стороны, к сему священному памятнику Вашего благочестия, Вашей любви к Богу и отечеству, я обращаю к Вам, Милостивый Государь, а в лице Вашем, ко всему Симбирскому благородному дворянству и прошу Вас:— не благоугодно-ли будет существование сего памятника упрочить на твердом основании, так чтобы достопамятный храм сей имел верный и приличный капитал, процентами коего ежегодно могли-бы быть исправляемы все ветхости и через то предупреждались дальнейшия последствия оных. При сем молю Триипостаснаго Бога и с верою уповаю, что Господь, который родил в Вас первую мысль сооружения храма сего, который укреплял Ваши силы во время совершения его, наконец сей Господь благоугождаемый избытком Вашей любви к Нему и любви к Престолу и Отечеству, подвигнет сердца Ваши оградить сей храм надежными средствами к поддержанию онаго.» *(Приведенное сообщение Архиерея к Предводителю дворянства напечатано в Симбирских Губернских Ведомостях 1845 г., № 33).*